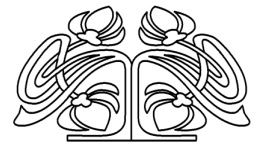

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Тарабрин С. Ю.** Митрополит Пётр и Переяславский Собор 291
- Тотфалушин В. П.** М. Б. Барклай де Толли в русской литературе первой половины XIX века 296
- Мелентьев Ф. И.** Старшие сыновья Александра II и М. Н. Муравьев 301
- Карташова М. В.** Статистика кустарных промыслов Российской империи в последней трети XIX – начале XX века 308
- Годлевский Н. П. (иеромонах Алексей)** Приходы восточно-украинских епархий в системе церковно-государственных отношений в 1958–1965 годах (по материалам отчетов уполномоченных по делам РПЦ) 315
- Мякшев А. П.** Национальные элиты в позднем СССР (1985–1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к развалу единого государства 321

Всеобщая история и международные отношения

- Ахиев С. Н.** Октавиан и Луций Антоний: борьба за Италию в 41–40 годы до нашей эры 329
- Поляков С. А.** Шотландия в рамках северной державы Кнута Великого 335
- Мелихова П. В.** Судебно-правовая система Англии в восприятии антиквариев XVI века 340
- Многолетняя Е. Н.** Медицина в репертуаре раннего чешского книгопечатания (1468–1620-е годы) 345
- Киясов С. Е.** Объединенная Великая ложа Англии: история создания 348
- Цыплин В. Г.** Советские поставки вооружения в азиатские страны в 1920-х годах 353
- Стасюкевич С. М.** Японские фирмы на хлебном рынке Северной Маньчжурии в 1920-х годах 358
- Бонцевич Н. Н.** Институционализация публичной дипломатии в США в правление администрации Г. Трумэна 364
- Шенин С. Ю.** Группы интересов и американская внешняя помощь в период администрации Г. Трумэна 370
- Савенко Е. И.** Проблема терроризма в современной Швеции 375

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Торопец в период междоусобицы (1610–1612) 380
- Бутрин Е. С.** Сотная организация в Шуе в XVII – начале XVIII века 389
- Малышев А. Б.** Этносы, культуры и религии северных районов Нижнего Поволжья в золотоордынский период (по материалам Саратовской области) 396
- Малов Н. М.** Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) 403
- Герман А. А.** Из истории крестьянского сопротивления коллективизации в Саратовском Поволжье 407

Критика и библиография

Представляем книгу

- Фирсов Е. Ф.** Корреспонденция Яна Квачалы с Йозефом Крумпхолцем 417
- Кабытов П. С.** Рецензия на книгу: Лёвин С. В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье 419

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Багаева Ольга Львовна

Корректор

Крылова Елена Борисовна

Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.08.17.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 17,06 (17,5).

Тираж 500 экз. Заказ 89-Т.

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Tarabrin S. Yu.** Metropolitan Peter and the Council of Pereyaslavl-Zalesky 291
Totfalushin V. P. M. B. Barclay de Tolly in the Russian Literature of the First Half of the 19th Century 296
Melentev F. I. The Elder Sons of Alexander II and M. N. Muravyov 301
Kartashova M. V. Statistics of the Russian Empire Craftsman Industry in the Last Third of the XIX – the Early of the XX Century 308
Godlevskiy N. P. (hieromonk Alexey) Parishes of the East-Ukrainian Dioceses in the System of Church-State Relations in 1958–1965 (based on the Materials of the Reports Made by Comissioners for Affairs of the Russian Orthodox Church) 315
Myakhev A. P. The National Elites in the Late Soviet Union (1985–1991): from the Crisis of Inter-ethnic Trust to the Collapse of a Unified State 321

World History and International Relations

- Akhiev S. N.** Octavian and Lucius Anthonius: the Struggle for Italy in 41–40 B.C. 329
Poliakov S. A. Scotland as a Part of Canute the Great's Northern Empire 335
Melikhova P. V. The Judicial and Legal System of England: the Antiquarian Perception of the XVI Century 340
Mnogoletnyaya E. N. Medicine in the Repertoire of the Early Book Printing in Bohemia (1468–1620) 345
Kiyasov S. E. The United Grand Lodge of England: the History of Creation 348
Tsyplin V. G. Soviet Arms Delivery to Asian Countries in the 1920s 353
Stasyukevich S. M. Japanese Firms on the Northern Manchuria Grain Market in the 1920s 358
Bontsevich N. N. The Institutionalization of the United States' Public Diplomacy during President Truman's Administration 364
Shenin S. Yu. Interest Groups and American Foreign Aid during H. Truman Administration 370
Savenko E. I. The Problem of Terrorism in Modern Sweden 375

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Toropets during the Interregnum (1610–1612) 380
Butrin E. S. Hundred Organization in Shuya in the XVII – the Beginning of the XVIII Century 389
Malishev A. B. Ethnic Groups, Cultures and Religions of the Northern Regions of the Lower Volga Region in the Golden Horde Period (based on the Materials of the Saratov Region) 396
Malov N. M. Archaeology at the Saratov State University and the Lower Volga Institute for Local Studies at the Turn of Epochs (1920s–1930s) 403
German A. A. On the History of Peasant Resistance to Collectivization in the Saratov Volga Region 407

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Firsov E. F.** The Correspondence of Jan Kvačala and Josef Krumpholtz 417
Kabytov P. S. Book Review: Lyovin S. V. The Formation and Development of Territorial Statistics in the Volga Region 419

Information about the Authors

423

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Aleksey N. Chumachenko (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksei A. Koronovskii (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Victoria A. Khalova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Olga S. Balash (Saratov, Russia)

Irina Yu. Buchko (Saratov, Russia)

Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Leonid Yu. Kossovich (Saratov, Russia)

Vladimir Z. Makarov (Saratov, Russia)

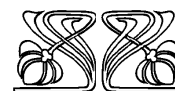
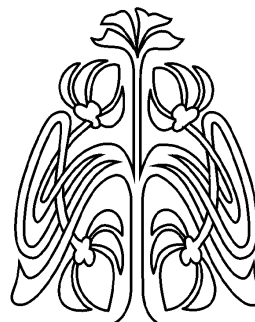
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Usanov (Saratov, Russia)

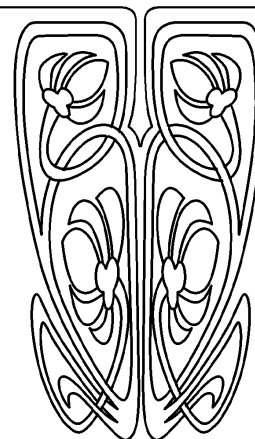
Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

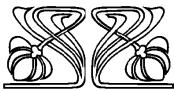
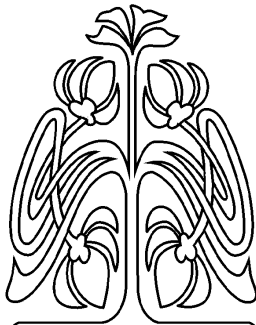
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

Gennadiy V. Shliakhtin (Saratov, Russia)

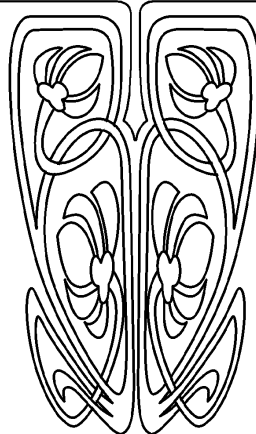

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Alex Battler (New York, USA)

Arkady A. German (Saratov, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Denningkhaz (Luneburg, Germany)

Petr S. Kabytov (Samara, Russia)

Natalia S. Krelenko (Saratov, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Donald Raleigh (Chapel Hill, USA)

Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

Sergey Y. Shenin (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).033+271.2–726.1(470)|13|+929Петр

МИТРОПОЛИТ ПЁТР И ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ СОБОР

С. Ю. Тарабрин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: tarabrin.serzh@yandex.ru

В данной статье рассматривается противостояние митрополита Петра и великого князя Михаила Тверского, пытавшегося подчинить своему влиянию митрополичью кафедру в начале XIV в. Основное внимание уделено Переяславскому Собору, на котором Михаил пытался добиться отстранения Петра от митрополичьей должности.

Ключевые слова: Переяславский Собор, Михаил Ярославич Тверской, митрополит Пётр.

Metropolitan Peter and the Council of Pereyaslavl-Zalesky

S. Yu. Tarabrin

The article is devoted to the confrontation of Metropolitan Peter and the Grand prince Mikhail of Tver, who tried to subdue the metropolitan cathedra in the early XIV century. The emphasis is made on the Pereyaslavl-Zalesky Council, when Mikhail tried to remove Peter from the metropolitanate.

Key words: Council of Pereslavl-Zalesky, Mikhail Yaroslavich of Tver, Metropolitan Peter.

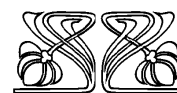
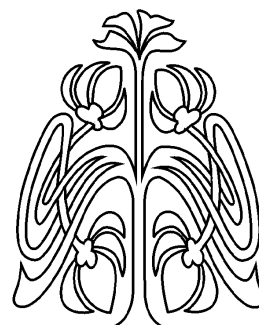
DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-291-295

В начале XIV в. Тверское княжество вышло на ведущие позиции в Северо-Восточной Руси. В период между 1265¹ и 1285 гг.² в Тверь переселился Полоцкий епископ Симеон, что ознаменовало открытие самостоятельной Тверской епархии. В 1285 г. был освящён первый каменный храм после Батыева нашествия – Спасо-Преображенский собор³, а в 1294 г., во время нашествия Дюденевой раги, монгольские войска не решились идти на Тверь⁴. В 1304 г. тверской князь Михаил Ярославич вступил в борьбу за великокняжеский ярлык, который и был им получен от хана Тохты⁵.

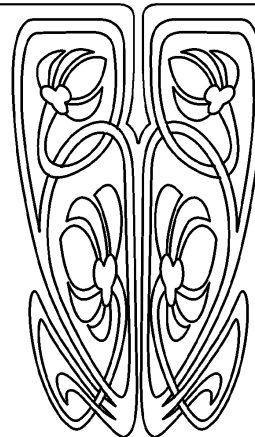
Усиление Тверского княжества и активная церковная политика тверских князей предопределили попытку Михаила Ярославича поставить во главе митрополии своего приближённого. Им оказался игумен Геронтий. Хотя в источниках и не говорится, чьим ставленником он был, общепризнанным является предположение, что Геронтий был выдвиженцем Михаила Ярославича Тверского, который на тот момент являлся великим князем Владимирским⁶.

Л. Н. Гумилёв видел в выдвижении Михаилом Геронтия желание следовать греческой модели союза «трона и алтаря»⁷. Видимо, историк подразумевал господствовавшую в Византии идею «симфонии властей», когда церковная и светская власть были разведены между собой, но сообща «гармонично обустроивали жизнь человеческую»⁸. Однако на практике оказывалось, что император «вел образ жизни первосвященника»⁹, активно вмешиваясь в жизнь церкви, назначая и смещая патриархов, созывая церковные соборы.

Стоит отметить, что на начало XIV в. ещё не установилась практика назначения Константинопольскими патриархами на должность Киевских митрополитов ставленников русских князей¹⁰. Традиция поставления во главу Русской митрополии греков к XIV в. стала постепенно уходить в прошлое. Изменения начались после монгольского нашествия, когда Русская митрополия лишилась своей главы – митрополита Иосифа, грека, судьба которого после падения Киева в 1240 г.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

неизвестна¹¹. Собор русских епископов в 1243 г.¹² выбрал в митрополиты Кирилла, печатника князя Даниила Галицкого, который был утверждён патриархом в 1250 г.¹³. Подобный прецедент мог пробудить в русских князьях стремление к постановке на место главы Русской митрополии своих сторонников, что привело бы к дальнейшему усилению их власти. Естественно, что и Михаил Тверской стремился заполучить столь важного союзника. Однако попытка Михаила потерпела неудачу. Константинопольский патриарх Афанасий I (ок. 1235 – ок. 1315) посвятил в сан митрополита ставленника галицкого князя Юрия Львовича игумена Ратского монастыря Петра (ум. 1326).

В «Сказании о смерти митрополита Петра» дается красочное описание избрания нового митрополита, происходившего в Константинополе: «И вниде <...> въ сборъ ко преподобному патриарху Афанасію, исполнися храмъ благоуханіа, и разум <...> Афонасей, яко Богомъ посланъ есть пути святительскому, освяти его и бысть митрополитъ»¹⁴. У Геронтия же, прибывшего ко двору патриарха после Петра, Афанасий забрал святительские одежды, икону и передал их новоизбранному митрополиту.

Причинами, по которым патриарх отдал предпочтение Петру, согласно «Сказанию», стали святость самого Ратского игумена и прибытие того в Константинополь раньше конкурента Геронтия. Однако, как отмечает И. Мейендорф: «Прошло три года, прежде чем решен был этот церковный спор. Столь долгое промедление нельзя объяснить лишь длительностью путешествия в Константинополь: совершенно очевидно, что нажим заинтересованных сторон и обсуждение условий заставляли патриархат долго колебаться»¹⁵. Как отметил Б. В. Кричевский, поставление митрополитов на Русь «осуществлялось не только на основе канонических предписаний, оно отражало состояние русско-византийских отношений, учитывало мнение великих князей, внутримишленную борьбу на Руси, а также личность самого митрополита»¹⁶. Вероятно, что первоочередным при избрании Петра был политический мотив: Афанасий нуждался в верном стороннике и проводнике своих идей на Руси.

Всё время нахождения Афанасия в чине Константинопольского патриарха прошло в борьбе с епископатом, который смог даже на время свести его с кафедры. Опорой в противостоянии с епископами для Афанасия были прежде всего поставленные им архиереи¹⁷. Как сторонник строгой морали и борец за улучшение нравственного облика духовенства он, по-видимому, стремился назначать на посты людей, отвечающих его взглядам на развитие церкви. Игумен Пётр вполне мог отвечать этим требованиям, так как уже был известен как основатель монастыря и иконописец: согласно «Сказанию», обитель Ратского игумена посетил митрополит Максим, которому Пётр подарил икону Богородицы своего письма¹⁸. В пользу строгости отбора кандидатов патриархом Афанасием свидетельствуют

данные «Сказания», где упоминается, что Пётр и Геронтий проходили испытания¹⁹.

Свою роль для патриарха могло сыграть и желание снова объединить Галицкую и Русскую митрополии, разделившихся в начале XIV в.²⁰, при этом не вызвав недовольства галицкого князя Юрия Львовича²¹. Возможно, против Геронтия сыграло опасение, что он как претендент Михаила Тверского подпал бы под сильное влияние от великого князя, так как уже при митрополите Максиме митрополичья кафедра была перенесена во Владимир²², чего Афанасий как сторонник независимости церкви не мог допустить. В пользу этого предположения говорит и Житие Петра, написанное митрополитом Киприаном: «Не достойно мирянам избрания святительского творить»²³. Однако к свидетельству Жития стоит относиться с осторожностью: оно во многом носило публицистический характер²⁴, и данная цитата вполне могла быть отсылкой к действиям Дмитрия Донского, который сам активно вмешивался в религиозные дела.

Интересно предположение П. П. Соколова, что причиной поражения Геронтия стала «наивность» Михаила Тверского, который не заручился поддержкой императора, т. е. не прислал ему даров²⁵. Однако подобный промах со стороны Михаила Ярославича, довольно опытного политического деятеля, выглядит маловероятным. К тому же патриарх Афанасий отличался независимым характером и вполне мог не рассматривать ручательство светских правителей как весомый довод.

По приезду на Русь митрополит Пётр развернул активную деятельность. В 1308 г. он посетил Киев, в 1309 г. – Владимир, где поставил Новгородским архиепископом Давида²⁶, на следующий год отправился в Брянск, где пытался прекратить разразившуюся там междоусобицу²⁷.

Примерно в это же время состоялся Переяславский Собор, на котором судили митрополита Петра. Сведения о Соборе скупы и противоречивы. Основные сведения о нём содержатся в «Сказании о смерти митрополита Петра»²⁸ и в «Истории Российской» В. Н. Татищева²⁹, во многом противоречащей «Сказанию». «Сказание о смерти митрополита Петра», как было доказано В. А. Кучкиным, принадлежит перу неизвестного москвича, современника произошедших событий, а не Ростовскому епископу Прохору, участнику Собора, как считалось раньше³⁰.

Также необходимо сказать о редакции «Жития Петра», составленной митрополитом Киприаном³¹. В этом памятнике содержится более подробное описание Переяславского Собора, чем в «Сказании»³², но, «сознавая себя достойным преемником Петра, Киприан придал в Житии кульминационное значение сходным у него и у Петра эпизодам борьбы за митрополичий престол. Дополняя текст Жития, он сначала завуалированно, а потом и прямо говорит от своего лица»³³.

Помимо этих источников данные, имеющие отношение к Собору, можно обнаружить в двух

посланиях: «Послание Нифонта, патриарха Константинопольского, к великому князю Михаилу всея Руси»³⁴ и «Написание Акиндина, мниха лавры Святой Богородицы, к великому князю Михаилу о поставляющих мзды ради»³⁵.

Точная дата Переяславского Собора неизвестна. В. Н. Татищев относит данный Собор к 1313 г.³⁶, однако Э. Клюг отнес его к 1309 г., основываясь на том, что патриарх Афанасий, чей посланец присутствовал на Соборе, был во главе Константинопольского патриархата до 1309 г.³⁷ В пользу того, что Собор проходил во время патриаршества Афанасия, говорит и найденная в июле 2014 г. в Спасо-Преображенском соборе Переяславля-Залесского печать патриарха Афанасия³⁸.

По свидетельству «Сказания», причиной созыва Собора стали происки Тверского епископа Андрея, пытавшегося сместить Петра, «послав хулу на святого Петра митрополита Афанасию патриарху»³⁹. Из послания патриарха Нифонта, преемника Афанасия, можно также сделать предположение, что в осуждении Петра был заинтересован Михаил Ярославич. Тверской князь вел переписку с патриархом и отправлял ему посольство с жалобами на действия митрополита⁴⁰. Поэтому маловероятной выглядит версия Н. С. Борисова, что Михаил не пытался сместить митрополита, а Переяславский Собор носил сугубо внутрицерковный характер⁴¹. У В. Н. Татищева инициатором Собора выступал митрополит Пётр, который этим способом пытался добиться осуждения ереси, распространившейся из Новгорода, и под влияние которой подпал епископ Андрей⁴². Другие источники не подтверждают наличия ересей в тот период, за исключением сведений о еретике Сеите, существование которого ставится под сомнение⁴³. П. П. Соколов выдвинул версию, что инициатором смещения Петра выступил не Михаил Тверской, а епископ Андрей, недовольный вмешательством митрополита в дела Тверской епархии, в то время как князь лишь поддерживал епископа⁴⁴.

Однако слабое освещение в источниках роли Михаила вполне может быть связано с политической обстановкой, в которой эти источники создавались. Так, «Сказание» было написано во время великого княжения Александра, сына Михаила⁴⁵, а митрополит Киприан, составитель Жития Петра, был в тесных отношениях с тверским княжеским домом, так в 1382 г. во время нашествия Тохтамыша он бежал из Москвы в Тверь⁴⁶.

Исходя из послания Нифонта, Михаил Ярославич обвинял Петра в симонии и освящении браков между родственниками в четвертом и пятом коленах⁴⁷. Содержит обвинения о симонии в отношении Петра и послание тверского монаха Акиндина⁴⁸, который был отправлен в Константинополь к патриарху Нифонту епископом Андреем⁴⁹.

Браки до шестого колена родства были запрещены на Руси⁵⁰. Однако, по мнению П. П. Соколова, допущение близкородственных браков Петром было связано с греческой практикой, зачастую не

обращавшей внимание на подобные связи, и что деятельность митрополита в этом вопросе была «мудрой мерой пастырского снисхождения»⁵¹.

Вопрос о симонии поднимался в Русской митрополии и ранее. Так, в 1274 г. во Владимире состоялся Собор, который осудил продажу церковных должностей, но при этом было установлено, что «да возьмут клирошане 7 гривен от попьевства и от дьяконства от обоего»⁵². Подобное допущение, по мнению Е. Е. Голубинского, привело к тому, что и эта сумма могла расцениваться мздой за поставление. Именно так и посчитал епископ Андрей, когда митрополит Пётр стал взимать плату⁵³. Н. С. Борисов предположил, что причиной обвинений могло стать повышение взимаемой платы, произведённое Петром⁵⁴.

Церковный Собор состоялся в Переяславле-Залеском, который с 1302 г. относился к владениям московских князей⁵⁵. Выбор этого города был на руку митрополиту: так как Юрий Данилович Московский был главным конкурентом Михаила Ярославича в борьбе за Владимирский стол, то он готов был оказать поддержку Петру. Причиной же, по которой Собор не проходил в стольном Владимире или великокняжеской Твери, по всей видимости, было отсутствие Михаила, находившегося в Орде⁵⁶ и не имевшего возможности повлиять на место и ход Собора. Н. С. Борисов предположил, что тверской князь находился в Орде по причине разразившейся на Руси засухи и неурожая, выпрашивая у хана отсрочки платежей⁵⁷.

Подробное описание состава Собора содержит «Сказание о смерти митрополита Петра»: «и ту бывшую преподобному Семеону, епископу Ростовскому, и преподобному игумену Прохору суци; приехавши же клирику от Костянтина града и призвану суци Андрею епископу, а князю великому Михаилу въ орде бывши, но приехавши сыну его, князю великому Дмитрею, и брату его Олександру, и ины князи мнози, вельможи и воеводы и множество игумень и ерей»⁵⁸. Особо следует обратить внимание на наличие большого числа светских людей. Согласно В. Н. Татищеву, именно заступничество московского князя Ивана Калиты (ок. 1288–1340) помогло митрополиту одержать победу на Соборе⁵⁹. Однако свидетельства В. Н. Татищева противоречат «Сказанию»: по В. Н. Татищеву епископ Симеон отсутствовал на Соборе, т. к. в 1311 г. он был замещен «архимандритом Спасским» Прохором на Ростовской кафедре⁶⁰.

Сведения о поездке Михаила Ярославича в Орду также разнятся: у В. Н. Татищева он отправляется вместе с Петром, который после вернулся на Русь на Собор⁶¹, а тверской князь ещё продолжал оставаться в Улусе Джучи; в «Сказании» говорится лишь об отсутствии Михаила во время Собора, бывшего в Орде⁶². Хотя Переяславский Собор в летописях не отмечен, но имеется свидетельство о совместной поездке в 1313 г. Михаила и Петра в Орду для получения ярлыков от нового хана Узбека⁶³ (1281–1341). Несогласие в датиров-

ке Собора и, как следствие, его соотношение с поездкой 1313 г. митрополита и князя к хану Узбеку позволило сделать предположение В. С. Борзаковского, что «Михаил Ярославич Тверской и <...> Юрий Московский <...> оставались в своих городах затем, чтобы оберегать их от внезапного нападения друг на друга»⁶⁴.

Нельзя утверждать, что Переяславский Собор был полноценным судом над Петром. Решение вопроса о виновности митрополита было в юрисдикции Константинопольского патриарха, а никак не местного собора, на котором к тому же присутствовало лишь два епископа, из которых один был обвинителем. По всей видимости, в Переяславле произошло «дознание по делу Петра, с тем, чтобы дать патриаршему суду материал для окончательного решения по делу»⁶⁵. Так как о дальнейшем продвижении судебного разбирательства источники умалчивают, то, вероятно, патриарший апокрисиарий не нашёл вины в действиях Петра.

Хотя и после Переяславского Собора Михаил Ярославич пытался добиться у нового Константинопольского патриарха Нифонта устранения митрополита Петра, ведя переписку с ним и направив в Константинополь Акиндина, но о каких-либо результатах этой деятельности источники ничего не сообщают.

Главным итогом Переяславского Собора стало формирование тесного сотрудничества митрополита Петра и московских князей Даниловичей. Епископы, выступавшие с обвинениями в адрес Петра, позднее были смещены со своих постов, тем самым Михаил лишился поддержки в церковных кругах. Следует отметить, что при Петре были смещены многие иерархи. Как указывают летописи, в 1308 г. ушел по состоянию здоровья с Новгородской кафедры архиепископ Феоктист⁶⁶; в 1311 г. епископ Симеон «остави епископью свою»⁶⁷ и на его место был поставлен Прохор, архимандрит Спасский; в 1312 г. был снят сан с Сарайского епископа Измаила, возможно, также придерживавшегося стороны Михаила или бывшего в оппозиции к митрополиту, хотя единственное политическое событие, связанное с именем Измаила, произошло в 1296 г., когда он вместе с Симеоном замирил великого князя Владимирского Андрея Александровича с Иваном Переяславским, Даниилом Московским и Михаилом Тверским⁶⁸; епископ Тверской Андрей покинул свою кафедру в 1315 г.⁶⁹, но при этом предполагается, что попытки сместить его Петром предпринимались и сразу после Переяславского Собора⁷⁰.

Таким образом, за 7 лет покинули свои кафедры четыре видных церковных иерарха. В произошедшем можно увидеть снятие нежелательных иерархов с высоких постов с заменой их на близких себе людей митрополитом Петром⁷¹ или же просто их отказ от должности ввиду возраста или болезни, ведь если Измаил мог быть смещен без каких-либо трудностей для Петра, то епископ Андрей находился под защитой тверского князя,

который до 1317 г. сохранял титул великого князя Владимирского.

Таким образом, пребывание митрополита Петра во главе митрополии привело к ухудшению отношений с тверскими князьями. Переяславский Собор испортил отношения между Петром и Михаилом Ярославичем, а также продемонстрировал тверскому князю, что церковь является самостоятельной силой, способной оказать противодействие власти великого князя. Главным же итогом руководства Русской митрополией митрополитом Петром стало формирование союза церкви и Москвы, оформившегося в фактическом переносе резиденции митрополитов в Москву и захоронении там же Петра, в скором времени провозглашенного святым.

Примечания

- 1 См.: Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 108.
- 2 См.: Голубинский Е. Е. История Русской церкви : в 2 т. М., 1911. Т. 2, ч. 2. С. 28.
- 3 См.: Лаврентьевская летопись. Вып. 2 : Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) : в 43 т. Л., 1927. Т. 1. Стб. 483.
- 4 Там же.
- 5 См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись : реконструкция текста. М. ; Л., 1950.
- 6 См.: Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 98.
- 7 Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2015. С. 503.
- 8 Максимович К. А. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе : Из опыта работы над проектом // Вестн. Православ. Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 1 : Богословие. Философия. Религиоведение. 2007. № 17. С. 31.
- 9 Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 69.
- 10 См.: Барсов Т. В. Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. СПб., 1878. С. 460, 461.
- 11 См.: Макарий (Веретенников). Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М., 2016. С. 229–234.
- 12 См.: Летопись Ипатьевская // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 794.
- 13 Там же. Стб. 809.
- 14 Жития св. Петра – митрополита и самый текст одного из них, написанный епископом Прохором // Макарий (М. П. Булгаков). История русской церкви : в 12 т. СПб., 1866. Т. IV. С. 309.
- 15 Мейендорф И. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990. С. 117.
- 16 Кричевский Б. В. Митрополичья власть в средневековой Руси (XIV в.). СПб., 2003. С. 44.
- 17 См.: Барабанов Н. Д. Борьба внутри византийской церк-

- ви на рубеже XIII–XIV вв. // Античный и средневековый город. Свердловск, 1981. С. 153.
- 18 См.: Жития св. Петра... С. 309.
- 19 Там же.
- 20 См.: Назаренко А. В., Флоря Б. Н., Турилов А. А. Галицкая епархия // Православная энциклопедия : в 44 т. М., 2005. Т. 10. С. 325.
- 21 См.: Барабанов Н. Д. Византия и Русь в начале XIV в. (Некоторые аспекты отношений патриархата и митрополии) // Византийские очерки. Труды советских ученых к XVIII Международному конгрессу византистов. М., 1991. С. 205, 206.
- 22 См.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М., 2000. Т. 10. С. 173.
- 23 Киприан. Житие Петра // Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским Митрополитом Макарием. Декабрь. Вып. 12. Дни 18–23. СПб., 2009. Стб. 1629.
- 24 См.: Прохоров Г. М. Житие митрополита Петра // Словарь книжников и книжностей Древней Руси : в III вып. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 164.
- 25 Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 224.
- 26 См.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 10. С. 177.
- 27 Там же.
- 28 См.: Жития св. Петра... С. 308–312.
- 29 См.: Татищев В. Н. История Российская : в 8 т. М., 1996. Т. 5. С. 72.
- 30 См.: Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ) : в 64 т. 1962. Т. 18. С. 59–79.
- 31 См.: Киприан. Житие Петра... Стб. 1620–1646.
- 32 Там же. Стб. 1631–1634.
- 33 Седова Р. А. Рукописная традиция «Жития Петра» в редакции митрополита Киприана // ТОДРЛ. 1983. Т. 37. С. 260.
- 34 См.: Послание Нифонта, патриарха Константинопольского, к великому князю Михаилу всея Руси // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 147–150.
- 35 См.: Написание Акиндина, мниха лавры Святой Богородицы, к великому князю Михаилу о поставляющих мзды ради // РИБ. Т. 6. Стб. 150–158.
- 36 См.: Татищев В. Н. Указ. соч. С. 72.
- 37 См.: Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 135.
- 38 См.: Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Седов Вл. В., Бейлекчи В. В. Печать константинопольского патриарха Афанасия из переяславского Спасо-Преображенского собора. URL: http://www.archaeolog.ru/index.php?id=2&id_nws=274&zid=9 (дата обращения: 25.11.2016).
- 39 Жития св. Петра... С. 310.
- 40 См.: Послание Нифонта... Стб. 148.
- 41 См.: Борисов Н. С. Михаил Тверской. М., 2017. С. 226.
- 42 См.: Татищев В. Н. Указ. соч. С. 72.
- 43 См.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 78.
- 44 См.: Соколов П. П. Указ. соч. С. 228, 229.
- 45 См.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 79.
- 46 См.: Рогожский летописец // ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 147.
- 47 См.: Послание Нифонта... Стб. 148, 149.
- 48 См.: Белякова Е. В. Акиндин // Православная энциклопедия : в 44 т. Т. 1. С. 394.
- 49 См.: Написание Акиндина... Стб. 150–158.
- 50 См.: Росписание степеней родства и свойства, препятствующих браку // РИБ. Т. 6. Стб. 143, 144.
- 51 Соколов П. П. Указ. соч. С. 240.
- 52 Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. Т. 6. Стб. 92.
- 53 См.: Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 109–110.
- 54 См.: Борисов Н. С. Михаил Тверской. С. 220.
- 55 См.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 174.
- 56 См.: Жития св. Петра... С. 310.
- 57 См.: Борисов Н. С. Возвышение Москвы. М., 2011. С. 249.
- 58 Жития св. Петра... С. 310.
- 59 См.: Татищев В. Н. Указ. соч. С. 72.
- 60 Там же.
- 61 Там же.
- 62 См.: Жития св. Петра... С. 310.
- 63 См.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 178.
- 64 Борзаковский В. С. История Тверского княжества. М., 2006. С. 109.
- 65 Соколов П. П. Указ. соч. С. 230.
- 66 См.: Новгородская I летопись. Старшего и младшего изводов. М. ; Л., 1950. С. 332.
- 67 Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 178.
- 68 См.: Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 181.
- 69 Там же. С. 187.
- 70 См.: Соколов П. П. Указ. соч. С. 235.
- 71 См.: Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 94.

Образец для цитирования:

Тарабрин С. Ю. Митрополит Пётр и Переяславский Собор // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 291–295. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-291-295.

Cite this article as:

Tarabrin S. Yu. Metropolitan Peter and the Council of Pereyaslavl-Zalessky. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 291–295 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-291-295.

УДК94(47).072.5+821.161.1.09|18|+929 Барклай де Толли

М. Б. БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В. П. Тотфалушин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

В статье предпринята попытка обозреть русскую литературу первой половины XIX века и выявить, как в ней была оценена роль полководца М. Б. Барклая де Толли в эпоху Двенадцатого года.

Ключевые слова: М. Б. Барклай де Толли, русская литература первой половины XIX века, Отечественная война 1812 года.

M. B. Barclay de Tolly in the Russian Literature of the First Half of the 19th Century

V. P. Totfalushin

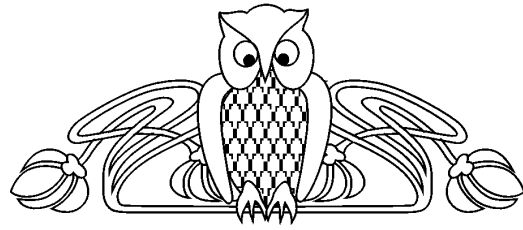
In this article an attempt to analyze the Russian literature of the first half of the XIX century and to reveal how it reflected and estimated the role of the commander M. B. Barclay de Tolly during the era of 1812 is made.

Key words: M. B. Barclay de Tolly, Russian literature of the first half of the 19th century, Patriotic war of 1812.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-296-300

Опала, постигшая М. Б. Барклая де Толли в 1812 г., бросила тень на всю его оставшуюся жизнь и наложила тяжелую печать на посмертное восприятие облика полководца. Вероятно, ни один другой крупный русский военачальник нового времени не был окружен таким количеством пристрастных слухов и документально не подтвержденных суждений, иногда чисто легендарного свойства, не изжитых в общественном сознании и по сию пору. Судьбе и боевому пути Барклая посвящено не одно историческое исследование¹. В некоторых из них рассматривается и отношение к полководцу А. С. Пушкина, однако попыток обозреть русскую литературу первой половины XIX в. в целом и выявить, как в ней отразилась и была оценена роль М. Б. Барклая де Толли, ещё не предпринималось.

Небывалый подъем национального самосознания в эпоху Отечественной войны и в первые послевоенные годы привел к созданию большого пласта художественных текстов. Только число поэтических откликов на события 1812–1814 гг. в то время достигло примерно шестисот². Однако первоначально имя Барклая де Толли в них не упоминалось. Например, в написанном накануне Тарутинского сражения патристическом стихотворении В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (сентябрь – октябрь 1812 г.) при пере-

числении полководцев и военачальников Российской армии поэт сознательно обошёл молчанием фигуру Барклая³.

Это было следствием непонимания в армии и обществе отступательной тактики полководца, которая вызвала слухи о подкупе главнокомандующего Наполеоном. В конце июля 1812 г. И. А. Крылов написал басни «Кот и повар» и «Раздел»⁴, в которых в аллегорической форме осуждал бездействие русского командования там, где «нужно власть употребить», а также споры начальства «о выгоде своей», грозящие обернуться общей гибелью. А в образе Повара, который «не находил конца нравоченью», укоряя обжуркота, который «слушает, да ест», современники и потомки традиционно видели Барклая де Толли⁵.

Лишь возвращение Барклая к армии в 1813 г. и успехи русского оружия под Торном и при Кёнигсварте вызвали первый стихотворный отклик на эти победы – С. Н. Глинки, датированный 27 мая:

«Ты крепость покоря, летишь к рядам врагов,
И с малой силою толпы их отражаешь;
Ты грудью верною врагов везде встречаешь;
И будешь жить в сердцах Отечества сынов!»⁶

22 апреля 1814 г., в день, когда в Петербурге по случаю заключения мира с Францией был дан крупнейший в истории города салют (324 залпа), С. Н. Глинка вновь вернулся к вкладу Барклая в разгром Наполеона, во многом предвосхитив Пушкина⁷. Он вспомнил заслуги полководца в деле сохранения армии в первый период войны:

«Ты землю Русскую любя,
Сносил превратное сужденье:
Неколебим средь бедствий был;
Героев вел – и сохранил!»

Отметил поэт героизм Барклая на поле Бородинна:

«На Бородинском⁸ пораженье
Полетом орлим Ты летал,
Опасности и смерть встречал:
Но Бог принял Тебя в храненье!»

Не забыл Глинка отметить и смиренность полководца после смены главнокомандующего:

«Сложивши главно управление,
Ты во вторых великим был;
Ты свету целому явил,
Что войск душа – повиненья».

Не обошлось в стихотворении без похвал «монарху справедливую», который, по мнению поэта, «наградил» Барклая, а завершалось оно надеждой на то, что:

«Он (Барклай. – В. Т.) будет жить – в своих делах;
В потомстве дальнем и в сердцах!»

В кампании 1814 г. Барклай де Толли успешно командовал войсками в сражении при Фер-Шампенуазе и при взятии Парижа, за что получил чин генерал-фельдмаршала. Писатель-сентименталист князь П. И. Шаликов откликнулся на это событие четверостишем:

«Твой жезл⁹ прославленным Мойсеевым
жезлом¹⁰

Для дерзостных врагов России был и будет!
Пред ним они всегда падут во прах челом! ...
И Галл сего жезла вовеки не забудет!»¹¹

Поэт и драматург, член Российской академии Н. П. Николев, подводя итог победоносных для России кампаний, в «Оде победам российского воинства» включил имя Барклая в перечень русских полководцев, которые упомянуты после Александра – «владыки строев», Кутузова – «вождя вождей» и Витгенштейна – «явленья нова»:

«Как смертны изрекали доли
Багратион, Барклай де Толли,
Раевской, Беннигсен, Толстой
И сокол гур[ь]б Донских удалый¹²,
И войск предтеча безусталый –
Граф Милорадович, герой»¹³.

Во время возвращения домой графу М. Б. Барклаю де Толли 22 декабря 1814 г. устроили в Варшаве «Русский праздник», о котором подробно рассказал в своей публикации Н. Смирнов. На торжество генералы и их супруги надели русскую купеческую одежду, представляя различные регионы России. На лентах новоявленных купчих были напечатаны стихи, сочиненные неизвестным автором в псевдорусском стиле:

«Исполать тебе, чудо-витязь наш,
Граф *Барклай де Толли*¹⁴ вождь.
Мать Москва с Санкпитером,
Новоград со Владимиром,
Ярослав и Кострома,
И вся Русская страна
Тебе, витязей главе,
Щит алмазной царска трона,
Ниспровергша власть дракона,
Шлет почтение свое»¹⁵.

Рассказывая о «питии за здоровье Его сиятельства», поэт, присоединяясь к здравиям, восклицал:

«России предан ты душою;<...>
Живи, и счастьем усладяйся,
И славой новой украшайся!»¹⁶

Еще один стихотворный отклик, принадлежащий перу русского писателя, драматурга, литературного и театрального критика, журналиста, историка и переводчика Н. А. Полевого, был навеян посещением Барклаем в июне 1817 г. города Курска. В нем полководец назван «России славным сыном», «мудрым вождем» и «героем», который «нас заслонил <...> своим щитом»¹⁷.

Называя далее Барклая «российским Сципионом»¹⁸, от конкретной оценки его вклада в дело победы над Наполеоном Полевой предпочел уклониться, ограничившись достаточно общими словами:

«Надежным воинство всегда ведет путем,
Прешел средь ужасов нетрепетной стопюю, –
На время уклонясь от храбрых ты полков,
Опять на брань спешил с ужасною грозюю»¹⁹.

В это же время широкое хождение получил гравированный портрет Барклая (так называемого «Типа 1812 г.»), снабженный стихотворной подписью анонимного автора:

«Отечеству, Царю, законам чести верный
От Неменя (sik) к Днепру –
российский Ксенофон²⁰;

От Вислы ж к Рейну днес[ь]²¹ гоня врагов
обратно,

С жезлом начальства он подъял труды безмерны.
Покорствуя судьбе, зрел счастье превратно:
По доблестям своим приял награду он»²².

На рубеже 1810–1820-х гг. внимание широких общественных кругов оказалось поглощенным событиями современной политической жизни, а впечатления Отечественной войны, напротив, постепенно отходили в прошлое. В итоге к 1820-м гг. общественное звучание темы 1812 г. заметно приглушается, исторические и художественные сочинения становятся редкими. На фоне этого спада выделяется последующее десятилетие. Угроза новой войны с Европой, поднимавшейся на волне революций, польское восстание 1830–1831 гг. порождают в обществе широкие аналогии с Отечественной войной. Обострение проблемы 1812 г. в общественном сознании усугублялось и тем, что 1830-е гг. – время оформления теории официальной народности, в формировании которой не последнее место играло и обращение ее творца к опыту 1812 года. Определенную роль в бурном оживлении интереса сыграла и подготовка к 25-летию юбилею войны. В полной мере это оживление отразилось и на оценках Барклая.

Одним из первых, кто в это время заговорил об истинной роли Барклая де Толли в разгроме Наполеона, стал А. С. Пушкин. Судя по всему, его мнение сформировалось к концу 1820-х гг. Любопытно, что в десятой главе «Евгения Онегина» (1830), говоря о тех событиях, поэт называет Барклая, но не упоминает Кутузова:

«Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?»²³

Затем одну из первых попыток в русской прозе дать объективное изображение стратегии Барклая де Толли предпринял Ф. В. Булгарин в романе «Пётр Иванович Выжигин» (1831)²⁴.

Сам полководец на страницах книги не выведен, но дважды в ней завязывается диалог между русскими офицерами, обсуждающими ход войны, и дважды в уста главного героя –

Петра Ивановича Выжигина – автор вкладывает слова оправдания спасительной тактики Баркляя: «Уж, верно, так надо, если армия наша отступает. <...> С каждым шагом неприятель ослабевает, а наши укрепляются, приближаясь к коренной России».

И далее: «Полно, братец! Кто нам изменяет? Послушал бы ты, что говорят сами французы о главнокомандующем Барклае де Толли! Солдаты, разумеется, толкуют всякий вздор, но умные офицеры, генералы судят иначе. Они предвидят, что им готовится беда этим отступлением»²⁵.

Затем появляется знаменитое стихотворение Пушкина «Полководец»²⁶, посвященное портрету Баркляя де Толли кисти Д. Доу, увиденному поэтом в Военной галерее Зимнего дворца. Известно несколько вариантов стихотворения: первая редакция относится к апрелю 1835 г., первое появление в печати – к сентябрю 1836 г., а последний новонайденный автограф из альбома великой княгини Елены Павловны датируется концом 1836 – началом 1837 г.

Мнение о стихотворении разделило общество. С одной стороны, звучали приветственные рецензии и отзывы как единомышленников Пушкина (Н. В. Гоголя, А. И. Тургенева), так и его противников (Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча), с другой стороны – критические высказывания²⁷. А в конце 1836 г. вышла из печати полемическая «Критическая заметка» Л. И. Голенищева-Кутузова. Практически с первых строк в ней звучали обвинения в адрес поэта: «В Полководце <...> некоторые мысли и стихи до знаменитого полководца относящиеся, совершенно противны известной истине, противны его собственным словам, его отличительным свойствам; состоят из вымыслов, преувеличений, ни мало не нужных, когда дело идет о человеке, которого деяния принадлежат истории»²⁸. Затем следовал подробный разбор «вымыслов и преувеличений».

Пушкин был вынужден оправдываться, опубликовав в «Современнике» специальную статью, в которой писал: «Это стихотворение включает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща, и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные урны, предоставляя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили. <...> Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Баркляя де Толли, потому что Кутузов велик? Ужели после двадцатипятилетнего безмолвия поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? <...> Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым; не только роптал народ

ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом»²⁹.

И хотя поэт сомневался, «можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства», гражданский подвиг Баркляя оставался для него «вечно достоин удивления и поклонения». «Стоическое лицо Баркляя, – заключает Пушкин, – есть одно из замечательнейших в нашей истории»³⁰.

В качестве доказательства того, что поэт не хотел умалить заслуг М. И. Кутузова, обычно приводят его высказывание: «Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую он так чудно оправдал»³¹. А в известном стихотворении «Художнику» (1836) Пушкин определил место каждого из полководцев в борьбе против наполеоновской армии так:

«Здесь зачинатель Барклай,
а здесь совершитель Кутузов»³².

Считается, что в этих строках, написанных уже после «Полководца», Пушкин как бы подводит итог спору, возникшему в октябре 1836 г., подчеркивая, что победа в войне достигнута их общими усилиями. Однако так ли это? Ведь до сих пор остается нерешенным вопрос о причинах, побудивших Пушкина исключить из текста стихотворения четыре стиха, сопоставлявших воинские судьбы Баркляя и Кутузова (они следовали за восклицанием «Вотще!»):

«Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. – А ты, непризнанный, забытый
Винovníк торжества, почил – и в смертный час
С презреньем, может быть, воспоинал о нас!»³³

Возможно, этой полемикой было вызвано и появление стихотворения М. Ю. Лермонтова «Великий муж! Здесь нет награды» (1836?)³⁴. Текст его дошел не полностью. Несмотря на отсутствие начальной строфы (верхняя часть рукописи оборвана), социальный пафос стихотворения совершенно ясен: это возмущение по поводу того, что выдающийся гражданский подвиг не встретил понимания у тех, в чьих интересах он был совершен. Однако что это за подвиг и кто его совершил – остается загадкой. За отсутствием имен и реалий изучение стихотворения пошло по пути разного рода предположений: кого и что мог иметь в виду Лермонтов.

Наиболее аргументированно предположение, выдвинутое почти одновременно И. Л. Андрониковым, В. А. Мануйловым и Л. Б. Модзалевским, что «великий муж» – это М. Б. Барклай де Толли. Не лишена основания также более ранняя версия Б. М. Эйхенбаума, согласно которой «великий муж» – это П. Я. Чаадаев, под-

вергшийся преследованиям за «Философическое письмо». Высказаны были также догадки, касающиеся имен А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского и др., но ни одна из них не получила достаточного подтверждения³⁵.

Очевидно, под влиянием развернувшейся полемики исправил свою «забычивость» по отношению к Барклаю В. А. Жуковский в стихотворении «Бородинская годовщина» (1839). Вспоминая об ужасах Бородинского сражения, поэт повествует о павших вождах, в том числе о Барклае де Толли:

«Где герой, пример смиренья,
Введший рать в Париж, Барклай?»³⁶

В 1841 г. увидел свет нравоучительный роман писателя и поэта И. Т. Калашникова о злоключении бедного добродетельного чиновника. Невысокое по художественному уровню сочинение отразило сложившуюся к тому времени историческую концепцию роли Барклая в войне. Она передана через дискуссию в лагере при Цареве-Займище сторонника полководца (с характерным именем Густав Иванович) и его оппонента – Матвея Петровича. Для Густава Ивановича ничего не значат «пустые толки солдат»: «Барклай уже показал свой ум в превосходном отступлении», «здесь исполнился план, начертанный с глубочайшим соображением», «искусное отступление есть уже половина победы».

Матвей Петрович, не оспаривая «достоинства Барклая», возражает: «Главная пружина побед есть нравственная сила войска, ... отступить – ещё не значит побеждать: война ещё не начиналась и участь её еще не решена».

Окружившие спорщиков офицеры присоединяются к Матвею Петровичу: «Барклай, человек необыкновенный, но сильное предубеждение войска и упадок духа не дают никакой надежды на успех» и связывают свои надежды с именем Кутузова³⁷.

В 1840 – начале 1850-х гг. история Наполеоновских войн опять теряет свою актуальность, и лишь начало Крымской войны явилось мощным возбудителем общественного интереса к эпохе 1812 г., что привело к его новому подъему, охватившему вторую половину 1850 – первую половину 1860-х гг.

Таким образом, внимание русских литераторов было привлечено к фигуре М. Б. Барклая де Толли в первой половине XIX в. дважды. Сначала полководца возносили на волне успехов русской армии в заграничных походах, признавая за ним в 1812 г. только сохранение армии. Второй раз его личность стала объектом внимания писателей и поэтов в 1830-е гг. в условиях обострившейся внешнеполитической обстановки. Основная попытка оценить вклад Барклая в дело победы над Наполеоном была тогда предпринята А. С. Пушкиным, который попытался перенести акцент на события 1812 г. Однако она не нашла общей поддержки.

Примечания

- 1 См.: *Тотфалушин В. П.* М. Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года : (советская историография темы) // *Историограф. сб. Саратов, 1984. № 11 ; Он же.* М. Б. Барклай де Толли в дворянской историографии Отечественной войны 1812 года // *Историограф. сб. Саратов, 1989. № 14 ; Он же.* М. Б. Барклай де Толли в отечественной историографии 1861–1917 годов // *Историограф. сб. Саратов, 1998. № 17 ; Он же.* М. Б. Барклай де Толли в современной российской историографии // *Бородино в истории и культуре : материалы междунар. науч. конф. (7–10 сент. 2009 г.). Можайск, 2010.*
- 2 См.: *Беляев Ю.* «За Отчизну раны святы» // *И славили Отчизну меч и слово : 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза. М., 1987. С. 6.*
- 3 См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. М., 1999. Т. 1 : Стихотворения 1797–1814 гг. С. 225–244.
- 4 *Крылов И. А.* Полн. собр. соч. : в 3 т. М., 1946. Т. III : Басни ; Стихотворения ; Письма. С. 39–40, 65–66.
- 5 См.: *Дурылин С.* Крылов и Отечественная война 1812 года // *И. А. Крылов. Исследования и материалы. М., 1947. С. 153, 156–159.*
- 6 *Издатель Русского вестника [Глинка С. Н.].* Стихи генералу Барклаю де Толли, при известии о взятии крепости Торна и при известии о победе 7-го мая // *Русский вестник. 1813. № 7. С. 87.*
- 7 *С. Г. [Глинка С. Н.].* Стихи фельдмаршалу Барклаю де Толли // *Русский вестник. 1814. № 10. С. 63–65.*
- 8 Здесь и далее курсив С. Н. Глинки.
- 9 Фельдмаршальский (примеч. П. И. Шаликова).
- 10 Имеется в виду библейский жезл Моисея, врученный тому самим Богом : с его помощью можно было превращать воду в кровь и вызывать град.
- 11 *Шаликов [П. И.], кн.* Стихи на получение фельдмаршальского чина графом Барклаем де Толли // *Вестник Европы. 1815. Ч. 79, № 1. С. 34.*
- 12 Имеется в виду М. И. Платов.
- 13 *Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году : в 2 ч. М., 1814. Ч. 2. С. 176.*
- 14 Курсив Н. Смирнова.
- 15 *Смирнов Н.* Два праздника в Варшаве, в честь Его сиятельства графа Михаила Богдановича Барклая де Толли // *Русский вестник. 1815. Кн. 6. С. 40.*
- 16 Там же. С. 44.
- 17 *Полевой Н.* Чувства курских жителей по случаю прибытия в Курск графа Барклая де Толли – 1817 в июне // *Русский вестник. 1817. № 15/16. С. 91.*
- 18 Публий Корнелий Сципион Африканский, римский полководец, победитель Ганнибала.
- 19 *Полевой Н.* Указ. соч. С. 92.
- 20 Ксенофонт, древнегреческий писатель, прославившийся трудом «Анабасис», посвященным отступлению на родину армии греческих наемников.
- 21 Теперь, сегодня (устар. поэт.).
- 22 *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравируемых портретов : в 4 т. СПб., 1886. Т. I : А–Д. С. 370.

- ²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1937. Т. 6 : Евгений Онегин. С. 522.
- ²⁴ Булгарин Ф. Иван Выжигин ; Пётр Иванович Выжигин. М., 2002.
- ²⁵ Там же. С. 426, 439.
- ²⁶ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1948. Т. 3 : Стихотворения 1826–1836 ; Сказки. С. 378–380.
- ²⁷ См.: Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Л., 1939. Т. 4–5. С. 125–164. В этой работе впервые были обобщены и проанализированы все отклики на стихотворение.
- ²⁸ Там же. С. 156.
- ²⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1949. Т. 12 : Критика. Автобиография. С. 133–134.
- ³⁰ А. С. Пушкин – Н. И. Гречу, 13 октября 1836 г. // Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1949. Т. 16 : Переписка 1835–1837. С. 164.
- ³¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1949. Т. 12 : Критика. Автобиография. С. 133.
- ³² Там же. М., 1948. Т. 3 : Стихотворения 1826–1836 ; Сказки. С. 416.
- ³³ Там же. С. 379.
- ³⁴ Лермонтов М. Ю. Соч. : в 6 т. М. ; Л., 1954. Т. 2 : Стихотворения 1832–1841. С. 79.
- ³⁵ См.: Аринштейн Л. М. «Великий муж! Здесь нет награды» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 81.
- ³⁶ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 2 : Стихотворения 1815–1852 годов. М., 2000. С. 317–322.
- ³⁷ Калашиников И. Т. Автомат // И славили Отчизну меч и слово... С. 347–348.

Образец для цитирования:

Totfalushin V. P. М. Б. Барклай де Толли в русской литературе первой половины XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 296–300. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-296-300.

Cite this article as:

Totfalushin V. P. M. B. Barclay de Tolly in the Russian Literature of the First Half of the 19th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 296–300 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-296-300.

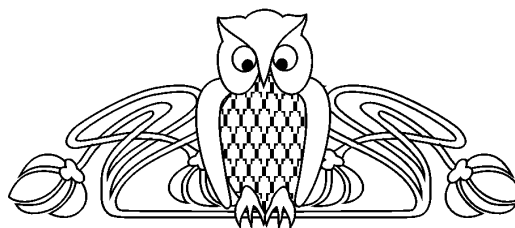

УДК 930.85=02(05)(47–15)–052

СТАРШИЕ СЫНОВЬЯ АЛЕКСАНДРА II И М. Н. МУРАВЬЕВ

Ф. И. Мелентьев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: fim91@mail.ru

Статья посвящена восприятию великими князьями Николаем Александровичем и Александром Александровичем личности и деятельности М. Н. Муравьева. На примере формирования отношения великих князей к виленскому генерал-губернатору показывается решающее влияние публицистики и общественного мнения на процесс складывания представлений наследников престола о России в эпоху Великих реформ.

Ключевые слова: М. Н. Муравьев, наследник престола, цесаревич, польский вопрос.

The Elder Sons of Alexander II and M. N. Muravyov

F. I. Melentev

The article is devoted to the perception of M. N. Muravyov's personality and activity by the Grand Dukes Nicholas and Alexander. On the example of the formation of the Grand Dukes' attitude towards the Vilensky Governor-General the crucial importance of journalism and public opinion on the process of the formation of the crown princes' views on Russia during the era of Great Reforms is shown.

Key words: Michael Muravyov, crown prince, tsesarevich, Polish question.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-301-307

Современники, потомки и историки много писали о Михаиле Николаевиче Муравьеве и при этом нередко обращали внимание на его взаимоотношения с членами императорской фамилии. Прежде всего исследователей интересовали сложные отношения Муравьева с Александром II и конфликт с царским братом – наместником в Царстве Польском вел. кн. Константином Николаевичем¹. Однако историки практически не затрагивали вопрос о восприятии личности и деятельности Муравьева старшими сыновьями Александра II: наследником цесаревичем Николаем Александровичем и вел. кн. Александром Александровичем, который стал наследником престола после смерти старшего брата в 1865 г.²

Между тем изучение отношения царских сыновей к Муравьеву позволит понять, как наследники престола смотрели на польский вопрос, и определить, какое влияние на них оказывало ближайшим окружением и общественным мнением. Излишне упоминать, что в условиях самодержавной монархии формирование взглядов молодых великих князей было предметом особой важности.

В 1860-е гг. внимание вел. кн. Николая Александровича и Александра Александровича было в определенной мере обращено на события, про-

исходившие на западных окраинах Российской империи. В январе 1863 г. в Царстве Польском вспыхнуло восстание, перекинувшееся и на Северо-Западный край. Сложившаяся обстановка еще более обострилась после дипломатического демарша Англии, Франции и Австрии, который фактически означал угрозу новой европейской войны. В разгар этих событий и состоялось назначение М. Н. Муравьева виленским, гродненским, ковенским и минским генерал-губернатором и главным начальником Витебской и Могилевской губерний. Впоследствии он вспоминал, что его сторонниками в Петербурге стали русские патриоты, а противниками – космополитично настроенные бюрократы. Так или иначе, но старшим сыновьям Александра II следовало определиться с отношением к Муравьеву.

Вел. кн. Николай Александрович и Александр Александрович жили в особом мире, отделенном от России плотными рамами дворцовых окон. При этом наследник и его брат понимали, что до них доходят далеко не все сведения о происходящем в стране. Стремясь ближе познакомиться с Россией, великие князья старались использовать для этого каждую возможность и, в частности, путешествия по стране. Одно из таких путешествий состоялось в 1863 г., когда Российская империя переживала общественный подъем, вызванный польским восстанием. Свидетелем этому стал цесаревич Николай Александрович, чьи встречи с народом окрашивались в патриотические тона.

В то же время М. Н. Катков, редактор ежедневной политической газеты «Московские ведомости», способствовал формированию общественного мнения, которое поддерживало бескомпромиссное подавление польского восстания. В. А. Твардовская, изучившая влияние изданий Каткова на пореформенную идеологию, не исключает, что попечитель наследника гр. С. Г. Строганов, а также преподаватели цесаревича И. К. Бабст и К. П. Победоносцев, которые были близки к Каткову и его газете, могли инспирировать первые отклики дворян на публикации «Московских ведомостей», посетив вместе с воспитанником Симбирск и Саратов³.

Это предположение подкрепляется исследовательницей ссылкой на «Письма о путешествии государя наследника цесаревича» (написанные Бабстом и Победоносцевым и появившиеся на страницах «Московских ведомостей», а впослед-

ствии выпущенные отдельным изданием), в которых рассказывалось о том, что 12 июля 1863 г. по приезде в Симбирск цесаревич и члены его свиты оказались в дворянском клубе, где были зачитаны телеграммы Каткова и Муравьева. «Это были две ответные депеши, – говорилось в “Письмах о путешествии”, – одна от генерала Муравьева на приветствие и выражение сочувствия его действиям со стороны симбирского дворянства; другая от редактора “Московских ведомостей” в ответ на депешу симбирского дворянства, в которой оно заявляло ему благодарность за выражение в газете тех чувств, которыми в настоящее время преисполнено все русское дворянство»⁴.

Этот текст действительно свидетельствует о симпатиях спутников цесаревича по отношению к национально-патриотическому подъему, однако хотя путешествие наследника престола и будоражило общественную жизнь провинции, едва ли именно Строганов, Бабст и Победоносцев «подказали» симбирскому дворянству направить телеграммы Каткову и Муравьеву. Так, еще 8 июля от московского Английского клуба в Вильну была послана телеграмма с выражением одобрения действий Муравьева⁵. Кроме того, Победоносцев писал своей будущей жене Е. А. Энгельгардт, что ему и его спутникам довелось быть «свидетелями самых горячих и трогательных заявлений», а в письме к матери сожалел, что не поехал в симбирское дворянское собрание, ибо не предполагал, что будет «очень интересно», а «все это проспал» – странное поведение для одного из «инициаторов» дворянской активности⁶.

Как бы то ни было, цесаревич Николай Александрович тоже симпатизировал общественному подъему. «Здесьнее дворянство, – писал он отцу из Симбирска 14 июля, – забыв прежние неудовольствия, искренно и единодушно стало во главе нынешнего патриотического движения»⁷. Одобряя это «патриотическое движение», цесаревич радовался тому, что дворянство перешло от фрондирования в отношении самодержавия, отменившего крепостное право, к поддержке политики Александра II, причем это казалось наследнику проявлением истинного патриотизма.

Однако если в Симбирской губернии дворянство, по наблюдению цесаревича и его спутников, было ведущей общественной силой и являло свое единодушие по отношению к польским событиям, то в Саратове поведение дворян на торжественном обеде оказалось более сложным. С одной стороны, как писал состоявший при наследнике полковник О. Б. Рихтер Александру II, «тосты за здоровье вашего величества, государыни императрицы и наследника цесаревича были приняты с восторгом»⁸. С другой стороны, И. К. Бабст писал в дневнике, что «после отъезда наследника» «одна часть пьет за здоровье Муравьева, другая шикает. То же за здоровье министра внутр [енних] дел Горчакова». С чем было связано шиканье по адресу Муравьева и министра иностранных дел кн. А. М. Горчакова,

который летом 1863 г. отражал дипломатический натиск европейских держав, Бабст не пояснил, однако при виде таких разногласий ему и его спутникам «пришлось скорее убраться»⁹.

Судя по всему, цесаревич Николай Александрович не только не слышал этого шиканья, но даже не узнал о нем. В условиях внешнеполитического кризиса, грозившего новой европейской войной, наследник в письмах к императрице Марии Александровне размышлял «о настроении общественного мнения в России и особенно о том чувстве, которое пробудилось в нашем народе при известии об опасностях, грозящих нам со всех сторон». Это чувство проявлялось в горячих встречах, которые оказывались путешествовавшему по стране цесаревичу, что убеждало его в искренней народной поддержке самодержавия. «Отрадно слышать и видеть, – писал цесаревич матери из Саратова 21 июля, – как наша последняя политика соответствует настоящим потребностям и желаниям страны. В этом отношении ряд последних статей “Моск [овских] ведомостей” составляет верный отголосок здравого общественного мнения. Мы читаем их с большим любопытством»¹⁰. Тем самым наследник тонко показывал, что солидаризируется с сомнениями, которые испытывал Александр II по поводу политического курса в Царстве Польском. Между тем статьи Каткова (соседствовавшие с публикациями о путешествии самого наследника), как видно, не только формировали представления цесаревича Николая Александровича о потребностях России, но и во многом подтверждали собственные наблюдения великого князя, в частности, о характере патриотического движения в стране.

Общественная поддержка убеждала власть в том, что ей нечего бояться войны, а в то же время, по свидетельству кн. В. П. Мещерского, входившего в ближайшее окружение старших сыновей Александра II, действия Муравьева в определенной мере способствовали уменьшению напряженности в международных отношениях. «Шансы войны, – писал Мещерский Николаю Александровичу, – значительно ослаблены, по уверению дипломатов, Муравьев успокоил вполне свой край». В качестве подтверждения своих слов Мещерский передавал подробности встречи Муравьева со всеми сословиями Северо-Западного края. «Вот оратор энергический – коего красноречие – сила и энергия», – резюмировал князь свои впечатления от выступления Муравьева¹¹.

Императрица Мария Александровна тоже одобряла действия виленского генерал-губернатора. «Муравьев, – писала императрица старшему сыну 28 июля, – вчера телеграфировал, что он получил адрес дворянства с 250 подписями», в котором говорилось об «их верности и желании навсегда оставаться едиными с Россией». Символично, что этот адрес был подан 27 июля – в день рождения Марии Александровны. Трудно сказать, доверяла ли императрица искренности заявлений

польского дворянства, но она явно восхищалась порядком, который Муравьев быстро установил во вверенном ему крае. По словам Марии Александровны, 22 июля (в день ее именин) «в Вильне блестящим образом отмечался праздник, начиная с парада Преображенских и заканчивая блестящей иллюминацией»¹². Проведение праздника, посвященного супруге русского императора, должно было свидетельствовать перед лицом России и всей Европы об умиротворении Северо-Западного края.

Неудивительно, что такой подарок на именины растрогал императрицу, ведь еще в мае она говорила отъезжающему в Вильну Муравьеву: «Если бы мы могли удержать за собою Литву». Сам Муравьев вспоминал, что при его назначении «о Царстве Польском не было уже и речи, – вот в каком расположении были тогда сами царственные лица»¹³. Поэтому «удержание» Северо-Западного края и скорое водворение в нем порядка должно было внушать Марии Александровне оптимизм. Кроме того, вполне возможно, что Муравьев видел в императрице свою покровительницу в «верхах». Не остался в долгу у Муравьева и Александр II, уже на свои именины 30 августа пожаловавший ему орден Андрея Первозванного – высшую награду Российской империи. Однако Муравьев, узнавший, что этим орденом был награжден и генерал-губернатор Юго-Западного края Н. Н. Анненков, увидел в этом желание ослабить значение данной ему награды.

Вместе с тем император в письмах к старшему сыну неоднократно подчеркивал роль Муравьева, противопоставляя мятежную Варшаву и умиротворяющуюся Вильну. «Вести из Царства Польского никакой существенной перемены к лучшему в себе не заключают, – писал Александр II, например, 3 июля. – В Литве, напротив, благодаря энергическим мерам Муравьева порядок начинает мало-помалу водворяться»¹⁴. Тем не менее впоследствии император категорически отказался назначить Муравьева генерал-адъютантом¹⁵.

Следует отметить, что энергичные действия Муравьева должны были приветствоваться цесаревичем Николаем Александровичем еще и потому, что в марте 1863 г. в частной переписке с послом в Бельгии кн. Н. А. Орловым наследник выдвигал «программу» обрусения западных окраин Российской империи, в которой на первом месте стояли действия в Северо-Западном крае. В ответном письме к цесаревичу 26 марта Орлов кратко резюмировал эту программу: «Вводить и распространять русский элемент в Литве, усилить его в Украине, держать твердою рукою Царство Польское и благодействовать поляков истинно полезными реформами»¹⁶. При этом требование «твердой руки» в отношении Польши означало, что уже весной 1863 г. цесаревич не поддерживал мягкую «примирительную политику», которую по поручению Александра II проводил польский наместник вел. кн. Константин Николаевич¹⁷. Эта

политика нещадно критиковалась в «Московских ведомостях», что бросало тень на наместника. В этих условиях вставал вопрос о том, на чьей стороне окажутся политические симпатии наследника престола, который воспринимался как будущий самодержец.

В целом в начале 1860-х гг. отношения цесаревича Николая Александровича с его дядей были вполне доброжелательными¹⁸. Получив известие о покушении на Константина Николаевича, только приехавшего в Варшаву с женой вел. кн. Александрой Иосифовной в 1862 г., наследник написал дяде трогательное письмо. «Мысль, что Вы одни, без родных, без друзей во враждебной стране, где нашелся человек, поднявший на Тебя руку, так тяжела, что я дорого бы дал, чтобы быть с Вами теперь», – признавался Николай Александрович. Царство Польское, к которому наследник и так не питал особых симпатий, после покушения на родного ему человека представлялось Николаю Александровичу уже не провинцией Российской империи, а «враждебной страной». При этом наследник надеялся, что их взаимные отношения с дядей «не только не ослабнут от разлуки, но еще более окрепнут. По крайней мере, – заявлял Николай Александрович, – за себя я отвечаю. Во мне вы всегда найдете верного друга не на одних словах, а на деле»¹⁹. В 1862 г. трудно было представить, что это обещание окажется нелегко сдержан.

Между тем к августу 1863 г. стала очевидной невозможность не только продолжения «примирительной политики» в Польше, но и пребывания там вел. кн. Константина Николаевича. Он был вызван в столицу на совещание с императором, причем когда наместник проезжал Вильну, Муравьев его не встретил, что привело великого князя в бешенство. В Петербурге же одним из тех, кто встречал Константина Николаевича, был Александр Александрович. 14 августа он бесстрастно фиксировал в памятной книжке: «Поехали навстречу к Д [яде] Косте, который приехал из Варшавы»²⁰. Однако слухи и толки по поводу возвращения дяди были далеко не успокоительными, и Александр Александрович решил поделиться ими со старшим братом.

«Третьего дня, – писал он 16 августа Николаю Александровичу из Царского Села, – приехал Д[ядя] Костя из Варшавы, он не в очень приятном положении. Здесь все говорят, что ему надо вернуться из Варшавы, и что он не может больше оставаться на этом месте». У Александра Александровича еще не сложилось собственное мнение по этому поводу, но, вероятно, при дворе не только судачили о желательности смены наместника, но и сравнивали Константина Николаевича с его антагонистом Муравьевым. Это сравнение было явно невыгодным, потому что, как писал далее Александр Александрович, «несколько дней тому назад к Муравьеву пришла депутация из 20 человек от 2000 крестьян Царства Польского просить его покровительства, потому что их начальство

их не защищает». Такие просьбы означали беспомощность варшавского наместника и высокий авторитет виленского генерал-губернатора. Однако Александр Александрович не делал никаких выводов, а лишь пересказывал услышанные им толки, еще раз повторяя фразу о затруднительности положения Константина Николаевича: «Не знаем, чем кончатся эти истории. Дяди Кости положение очень неприятное»²¹.

В итоге Константин Николаевич покинул Петербург и через некоторое время отправился в Крым, куда держал путь цесаревич Николай Александрович и собирался приехать Александр II. При этом ближайший сотрудник Константина Николаевича А. В. Головин в письмах к своему патрону призывал его сблизиться с наследником, чтобы восстановить влияние на императора²². Однако у Константина Николаевича, по-видимому, не было ни сил, ни особого желания пытаться воспользоваться влиянием на племянника – ведь, помимо всего прочего, бывший варшавский наместник был уверен, что Николай Александрович на его стороне. Но так ли это было на самом деле?

С одной стороны, цесаревич испытывал родственные чувства к Константину Николаевичу, но, с другой – общественные настроения не располагали наследника к его поддержке. Так, присоединившийся 22 июня к свите наследника вместе с К. П. Победоносцевым И. К. Бабст писал в дневнике, что за чаем велся разговор, «конечно, о Польше», причем зашла речь «о подчинении Муравьеву Августовской губ [ернии]»²³. Эта губерния принадлежала Царству Польскому, а по воспоминаниям Муравьева, со стороны варшавского наместника «безначалие и поблажка польскому восстанию доходили до того, что несколько властей (в подлиннике «волостей». – Ф. М.) Августовской губернии прислали мне 6 августа, с депутациею, за подписью нескольких тысяч лиц, просьбу принять их в мое управление и оградить от неистовства мятежников»²⁴. Об этой депутации упоминал в своем письме к старшему брату Александр Александрович, хотя и не сообщал о ее последствиях, заключавшихся в действительно состоявшейся передаче Муравьеву управления Августовской губернией. Очевидно, слухи о возможности этой передачи появились еще до «Муравьевской депутации», поэтому И. К. Бабст предположил в беседе с цесаревичем вероятное расширение власти Муравьева и на другие губернии. «Я сказал, – писал Бабст, – что затем, возможно, пришлось бы скоро передать ему (Муравьеву. – Ф. М.) Плоцкую губ [ернию]». В ответ на это наследник сказал: «Тогда велик [ому] княз [ю Константину Николаевичу] лучше всего бы уж отправиться в Галицию»²⁵.

Как следует из этих слов, по мнению Николая Александровича, его дяде в пору было уезжать за границу и становиться наместником польских земель в сопредельном государстве, поскольку Галиция в это время являлась австрийской про-

винцией и фактически стала базой для польских повстанческих отрядов²⁶. Таким образом, хотя наследник и не доверил бумаге свои размышления о Константине Николаевиче (возможно, потому, что его письма к брату были предназначены для чтения не только Александром Александровичем), однако в разговорах с ближайшим окружением цесаревич проявлял понимание ненормальности положения польского наместника²⁷.

Уже в сентябре наследник престола, находясь в Ливадии (по соседству с которой, в Ореанде, жил Константин Николаевич), поделился с И. К. Бабстом некоторыми подробностями своих взаимоотношений с дядей. С одной стороны, Николай Александрович должен был наносить родственные визиты, с другой – он не был сторонником Константина Николаевича. «Мне так как-то неловко, – признавался цесаревич Бабсту, – но я положил там не говорить о делах, потому что не разделяю мнений его (Константина Николаевича. – Ф. М.). Мы уговорились об этом не говорить, а я езжу туда как к родственнику»²⁸. Тактичному наследнику все же удалось сохранить свои родственные чувства к дяде, но доверие к нему как к государственному деятелю у цесаревича пошатнулось.

Между тем Муравьев, пользовавшийся уважением наследника престола, при случае ссылаясь на его мнение. Так, генерал-губернатор Северо-Западного края напоминал о рескрипте цесаревича Николая Александровича на имя попечителя Виленского музея древностей. Этот музей, как писал Муравьев попечителю Виленского учебного округа И. П. Корнилову 27 февраля 1865 г., должен был «содействовать к вящему скреплению уз, соединяющих Литовские губернии с Россиею», «согласно выражению высочайшего рескрипта государя наследника цесаревича на имя попечителя музея»²⁹. Таким образом, в официальных документах цесаревич Николай Александрович поддерживал идею о том, что Северо-Западный край был исконно русской землей; появление же рескрипта наследника по поводу Виленского музея, по-видимому, было связано с предложением ему самому стать попечителем этого музея в 1856 г.³⁰ Ссылаясь на рескрипт Николая Александровича, данный еще до восстания, Муравьев поручал уделять как можно больше внимания экспонатам, подтверждающим мысль о принадлежности истории Литовских губерний к истории России.

Сохранились свидетельства и о личной встрече цесаревича с Муравьевым. В июне 1864 г. Николай Александрович отправился в заграничное путешествие, чтобы посетить европейские страны, побывать на лечебных курортах и выбрать себе невесту. Путь наследника пролегал через Северо-Западный край. «Везде нас встречали военные начальники, – писал цесаревич брату Александру Александровичу, – на станциях выходили караулы, по обоим сторонам чугунки посылали разъезды.

В Вильне встретил Муравьев»³¹. Кажущаяся скупость упоминания о виленском генерал-губернаторе не должна вводить в заблуждение. Во-первых, лапидарность этого упоминания вполне вписывается в тот «телеграфный» стиль ведения дневников и переписки членами царской семьи, который проявился в памятной книжке Александра Александровича и в строках его письма о трудном положении «дяди Кости» в 1863 г., а во-вторых, Николай Александрович вполне мог ощущать некоторое удовлетворение от того, что, в отличие от Константина Николаевича, Муравьев, как и положено, встретил его на перроне.

Встреча с наследником заставила Муравьева, который принимал крутые меры по отношению к польскому населению Северо-Западного края, опасаться, как бы Александр II не смягчил их в связи с предполагаемой женитьбой цесаревича Николая Александровича. 7 июля 1864 г. император посетил Вильну, и Муравьев представил ему личный доклад, во время которого особо отметил недопустимость «помилований и снисхождений, о которых, как было слышно, – вспоминал Муравьев, – делались некоторые предположения по случаю приближавшейся свадьбы наследника с датскою принцессой Дагмарой»³². Впрочем, предполагавшаяся по этому поводу амнистия не состоялась, а 12 апреля 1865 г. цесаревич Николай Александрович скончался от цереброспинального менингита.

Спустя пять дней после кончины старшего сына Александр II подписал рескрипт об увольнении Муравьева и о возведении его в графское достоинство³³. Хотя его увольнение на фоне общественной утраты прошло почти незаметно, однако смерть наследника престола связывалась в народе и обществе с «польским вопросом» – ходили слухи, что цесаревича отравил вел. кн. Константин Николаевич; предполагалось, что смерть наследника заставит императора смягчить свое отношение к полякам. Однако Александр II призвал польских депутатов, прибывших в Петербург на похороны цесаревича, чтобы они сказали своим соплеменникам оставить мечтания о самостоятельности Польши³⁴.

Отставка Муравьева не сопровождалась сменной курса в Царстве Польском и Северо-Западном крае. Новый генерал-губернатор К. П. Кауфман продолжил и развил меры своего предшественника. Однако с 1866 г. нарастание «консервативно-охранительных» тенденций привело к изменению политики в Северо-Западном крае, которую стали проводить сначала гр. Э. Т. Баранов, а с 1868 г. – А. Л. Потапов. Об этой политике информировал нового наследника престола вел. кн. Александра Александровича кн. В. П. Мещерский. В своих многочисленных и обширных письмах к цесаревичу князь выступал сторонником русификации Северо-Западного края и поначалу питал надежды в отношении А. Л. Потапова. «Все назначения Потапова великолепны, в особенности Батюшкова

и Шестакова, – писал Мещерский о попечителе Виленского учебного округа и виленском губернаторе 1 апреля 1868 г., – все это предвещает светлую эру на нашем бедном родном Западе! Дай Бог, чтобы враги России, в России живущие и мнимо ей преданные, под знаменем “Вести” не сломали бы шею Потапову, как сломали ее Муравьеву и Кауфману»³⁵.

Упомянутую в письме газету «Весть» и ее общественно-политическую позицию Мещерский считал «космополитичной» и не отвечавшей «национальным» интересам. Тем не менее вскоре Мещерский сообщал цесаревичу, что «Потапов клонится к партии “Вести”». «Он, – прогнозировал Мещерский поведение Потапова, – станет влиять между польскими и русскими патриотами, и роковой период бесхарактерности и бессистемности водворится во всей своей силе; а так как при такой системе интриги поляков всегда сильнее попыток русских к водворению себя в крае, Вы увидите, что не пройдет 2 лет, и понадобится новый Муравьев»³⁶.

Таким образом, хотя в письмах Мещерского к наследнику не содержалось цельного портрета Муравьева, однако в посвященных ему фрагментах бывший генерал-губернатор Северо-Западного края предстал как истинный патриот, побеждавший крамолу, но проигрывавший в борьбе со столичной бюрократией. Характерно, что, узнав о состоявшемся в 1869 г. увольнении И. А. Шестакова и П. Н. Батюшкова, Александр Александрович восклицал в дневнике: «Вот и служи после этого верой и правдой русскому делу и государю, когда тебя всякий мерзавец может очернить и выгнать как собаку!»³⁷.

Современники отмечали, что наследнику импонировала бескомпромиссность действий Муравьева. «Определенный характер администрации М. Н. Муравьева был ему ясен, – вспоминал о цесаревиче Александре Александровиче его адъютант гр. С. Д. Шереметев, – и он признавал вполне его великую, незабвенную заслугу перед Россией». По словам Шереметева (внучатого племянника Муравьева), Александр Александрович сочувствовал бывшему виленскому генерал-губернатору и высоко ценил его мнение, несмотря на то что «сочувствовать Муравьеву при Александре II было не всегда удобно»³⁸.

Назначение Муравьева председателем Верховной комиссии по делу о покушении на императора в 1866 г. имело большое значение для его восприятия наследником. По этому поводу Шереметев вспоминал, что «на закате дней своих, уже в старости и по окончании своего политического поприща в Литве, суждено было М. Н. Муравьеву стать лицом к лицу к цесаревичу Александру Александровичу». При этом Шереметев отмечал, что цесаревич благоволил Муравьеву, «не раз беседовал с ним и, следуя гостеприимному своему русскому обычаю, угощал его обедом; он не забывал при этом и привычек Муравьева, всегда

и неизменно курившего трубку. Цесаревич не преминул угостить его после обеда трубкою и к тому же с любимым им Жуковым табаком»³⁹.

На формирование отношения цесаревича Александра Александровича к Муравьеву повлияло и знакомство с его воспоминаниями через десять лет после его смерти. 3 февраля 1876 г. наследник «остался дома читать очень интересные записки М. Н. Муравьева за время его управления в Северо-Западном крае в время польского мятежа. Замечательный умный и энергичный человек, – делал Александр Александрович в дневнике вывод из прочитанного, – и как он сразу повел дело, просто чудо!»⁴⁰. Судя по всему, цесаревич познакомился с мемуарами Муравьева по одной из рукописных копий, поскольку его записки были опубликованы только в 1880-е гг. в журнале «Русская старина», причем со значительными купюрами.

Неудивительно, что уже став императором, Александр III говорил, «что был только один человек, который умел держать в руках поляков, – М. Н. Муравьев»⁴¹. Мнение императора не было отвлеченным воспоминанием о прошлом, а являлось своеобразным руководством к действию – ведь эти слова были сказаны при назначении И. В. Гурко варшавским генерал-губернатором. При этом, как отмечает С. В. Ананьев, «“муравьевская” модель русификации национальных окраин была взята за основу в годы правления Александра III, а Северо-Западный край еще долго ощущал последствия политики М. Н. Муравьева»⁴².

Во второй половине XIX в. Михаил Николаевич Муравьев стал своеобразным символом, в котором одни видели пример жертвенной любви к России и готовность отстаивать ее целостность, а другие усматривали образчик властного произвола на имперских окраинах. Жесткая «система» Муравьева, введенная им в Северо-Западном крае, противопоставлялась гибкой «примирительной политике», которую проводил в Польше вел. кн. Константин Николаевич. В этих условиях старшие сыновья Александра II должны были определить свое отношение к Муравьеву. Нельзя сказать, что его образ сильно занимал молодых великих князей, однако пресса, общественное мнение и суждения ближайшего окружения во многом способствовали формированию положительного отношения старших сыновей императора к Муравьеву. Великие князья были убеждены, что Муравьева поддерживает вся Россия, и поэтому были уверены в его правоте.

Примечательно, что если сыновья Николая I смотрели на мир глазами отца, то уже великие князья Николай Александрович и Александр Александрович воспринимали происходящие в стране события в основном через призму газет и писем конфиденентов. А поскольку великим князьям не хватало близкого знакомства с положением дел, это делало их «заложниками» газет и общественного мнения, которое формировалось теми же газетами.

Таким образом, формирование отношения старших сыновей Александра II к М. Н. Муравьеву стало одним из этапов их сближения с точкой зрения московских публицистов и дистанцирования от «космополитичной» бюрократии. Последствия этого процесса ярко скажутся в период восточного кризиса в конце 1870-х гг. и в начале правления Александра III, когда «патриотизм» тех или иных деятелей и «сочувствие» им России станут важными факторами, влияющими на восприятие происходящего в стране и на принятие решений государственной важности.

Примечания

- 1 См. библиографию исследований и исторических источников о М. Н. Муравьеве : Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей (XIX – начало XX в.) : указатель трудов, литературы о жизни и деятельности / сост. Т. К. Мищенко, В. А. Писарева, В. И. Мордвинова и др. ; науч. ред. А. А. Либерман : в 2 ч. М., 2013. Ч. 2, кн. 2. С. 374–403.
- 2 Одним из редких исключений в этом отношении является статья В. Г. Чернухи, писавшей, что для цесаревича Александра Александровича Муравьев «был лучшим авторитетом». См.: *Чернуха В. Г.* Александр III // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 51.
- 3 См.: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 58–59. Подробнее о посещении наследником Саратова см.: *Жукова И.* Цесаревич Николай Александрович в Саратове // Степные просторы. 1993. № 1. С. 42–43.
- 4 Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. С. 246–247.
- 5 См.: *Турцевич А.* Краткий очерк жизни и деятельности графа М. Н. Муравьева // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском / сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедева ; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 134.
- 6 См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 53. Л. 36 ; Из переписки К. П. Победоносцева. Письма к матери // Русская мысль. 1916. Кн. 4. С. 99 (2-я пагинация).
- 7 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 60 об.
- 8 ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 50. О донесениях Рихтера императору подробнее см.: *Мелентьев Ф. И.* О. Б. Рихтер – летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу : сб. статей / отв. ред. М. В. Лескинен, О. В. Хаванова. М. ; СПб., 2016. С. 192–203.
- 9 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 об. Хотя в этом дневнике описывается путешествие Бабста в свите цесаревича Николая Александровича в 1863 г., он надписан как дневник о путешествии Бабста с цесаревичем Александром Александровичем в 1866 г.

- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 74 об.–75.
- ¹¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 1. Л. 5–6.
- ¹² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 79. В подлиннике по-французски.
- ¹³ «Готов собою жертвовать...» Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. / сост., вступ. стат., коммент. К. В. Петрова. М., 2008. С. 84.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13. Л. 37.
- ¹⁵ См.: *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря / предисл. Л. Г. Захаровой : в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 482.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 29. Л. 13. При этом сам Орлов выступал за отделение Польши от Российской империи (Там же. Л. 13–20 об.). О его письмах к цесаревичу Николаю Александровичу подробнее см.: *Нифонтов А. С.* Письма Н. А. Орлова о России в 1859–1865 годах // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 136–148.
- ¹⁷ Об этой политике подробнее см.: *Воронин В. Е.* Польское восстание 1863 года : опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008.
- ¹⁸ См.: *Воронин В.* Несостоявшийся тандем : цесаревич и великий князь Константин Николаевич // Родина. 2015. № 2. С. 18.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 805. Л. 2 об.–3 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 259. С. 230.
- ²¹ Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 21. Л. 21–21 об. «В Москве, – писал В. П. Мещерский Александру Александровичу 13 августа 1863 г., – весть о Муравьевской депутатии волнует умы, только об этом и говорят». По-видимому, Мещерский имел в виду именно депутатии из Царства Польского, явившуюся к Муравьеву 6 августа и просившую его о покровительстве, а не начавшуюся 27 июля подачу адресов о лояльности империи литовским дворянством польского происхождения, как указывается в комментариях к блестяще подготовленному изданию писем Мещерского (*Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М., 2011. С. 54, 632). Об этих письмах см. также : *Кочукова О. В.* «Россия под пером замечательного человека» : письма В. П. Мещерского великому князю Александру Александровичу из служебных командировок по России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 20–27.
- ²² См.: *Шевырев А.* «Переселение в Польшу... было ложным, ошибочным шагом». Либеральная бюрократия и польское восстание 1863–1864 годов // Родина. 2014. № 4. С. 59.
- ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.
- ²⁴ «Готов собою жертвовать...». С. 108. Ср.: ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 65. Л. 24 об.
- ²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.
- ²⁶ См.: *Айрапетов О. Р.* Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник : исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2013. Т. 15. С. 73.
- ²⁷ О переписке вел. кн. Николая и Александра Александровичей подробнее см.: *Мелентьев Ф.* Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 8–10.
- ²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 54.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.
- ³⁰ См.: *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 24.
- ³¹ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 70–70 об.
- ³² «Готов собою жертвовать...». С. 178.
- ³³ Проект рескрипта с собственноручными пометами Александра II сохранился в личном фонде Муравьева (ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 139).
- ³⁴ Подробнее см.: *Захарова Л. Г.* Александр II и польский вопрос // Problemy historii Polski i Rosji XIX i XX wieku. Łódź, 1996. S. 50.
- ³⁵ *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу. С. 446. Александр Александрович не без влияния Мещерского поддерживал «русское дело» в Северо-Западном крае и, в частности, П. Н. Батюшкова, в архиве которого сохранилась записка цесаревича с назначением аудиенции в 1865 г. (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172. Л. 11).
- ³⁶ *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу. С. 470.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. Л. 79.
- ³⁸ Мемуары графа С. Д. Шереметева / сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Шохина : в 3 т. М., 2004. Т. 1. С. 460, 464.
- ³⁹ Из бумаг графа М. Н. Муравьева // Старина и новизна. 1898. Кн. 2. С. 265–266.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 62–63. См. также: *Астанков В. А.* Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 87.
- ⁴¹ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 369.
- ⁴² *Ананьев С. В.* Деятельность М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае, 1863–1865 гг. // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 94.

Образец для цитирования:

Мелентьев Ф. И. Старшие сыновья Александра II и М. Н. Муравьев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 301–307. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-301-307.

Cite this article as:

Melentev F. I. The elder sons of Alexander II and M.N. Muravyov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 301–307 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-301-307.

УДК:94(47)

СТАТИСТИКА КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. В. Карташова

Балахнинский музейный историко-художественный комплекс
E-mail: kmiw@mail.ru

В статье анализируются опубликованные и неопубликованные статистические источники, освещающие развитие кустарных промыслов в Российской империи, проводится группировка разных видов источников, рассматривается возможность использования материалов для проведения статистического анализа, в том числе с использованием компьютерных технологий. Впервые в историографии обоснован факт проведения земледельческим ведомством (ГУЗиЗ) в 1911–1913 гг. первой всероссийской кустарной переписи, которой было охвачено большинство губерний и областей империи. Несмотря на погрешности и несовершенство переписи, она являлась первой попыткой учета кустарей.

Ключевые слова: Российская империя, статистика, кустарные промыслы, земледельческое ведомство, Главное управление землеустройства и земледелия, Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г.

**Statistics of the Russian Empire Craftsman Industry
in the Last Third of the XIX – the Early of the XX Century**

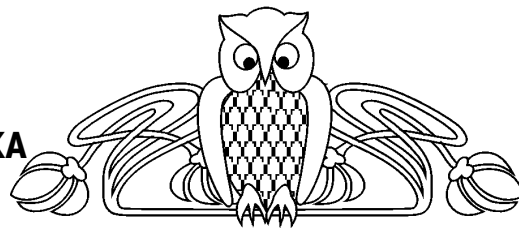
М. V. Kartashova

The article analyzes the published and unpublished statistical sources covering the development of craftsman industry in the Russian Empire, distinguishes different types of sources, and considers the possibility of the use of materials for statistical analysis, including the use of computer technologies. For the first time in historiography, the fact of the all-Russian craftsman industry census covering most of the provinces and regions of the empire, conducted by the agricultural department (GUZiZ) in 1911–1913, is justified. Despite the errors and shortcomings of the census, it was the first attempt to account craftsmen.

Key words: Russian Empire, statistics, craftsman industry, agricultural department, main land management and agriculture administration, All-Russian agricultural census of 1917.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-308-314

Статистика кустарных промыслов Российской империи находится на стыке промышленной и сельскохозяйственной статистики. В промышленной статистике учитывались мелкие промышленные заведения (мастерские), которые многие исследователи причисляли к кустарным промыслам. В сельскохозяйственной статистике, в частности в подворных переписях сельского населения, практически всегда была графа, касающаяся промыслов: внеземледельческих, отхожих, либо графы были объединены. И. Д. Ковальченко отмечал: «В общем крестьянское хозяйство (двор)

является разномасштабным объектом измерения. Еще в большей мере это относится к таким объектам измерения, как земельные владения или хозяйства, промышленные предприятия, учреждения и многие другие»¹. Несомненно, это относится и к промыслам. Существовали и специальные статистические обследования, направленные на фиксацию занятости сельского населения в кустарных промыслах. В настоящее время специальные работы, посвященные статистике кустарных промыслов в масштабах Российской империи, отсутствуют. Однако проблемы кустарно-промышленной статистики рассматриваются в ряде работ отечественных историков и экономистов. Теория и методы статистики были заложены в трудах российских экономистов-статистиков, таких как С. Н. Велецкий², А. А. Кауфман³, Н. А. Каблуков⁴, А. А. Рыбников⁵, Г. П. Петров⁶, Ф. А. Щербина⁷ и других, безусловно, с учетом зарубежного опыта. Продолжали традицию А. В. Чаянов⁸, Е. З. Волков⁹, П. А. Вихляев¹⁰, Н. Я. Воробьев¹¹.

XX век был отмечен фундаментальными работами историков А. И. Гозулова¹², Ю. Я. Рыбакова¹³, И. Д. Ковальченко¹⁴, Б. Н. Миронова¹⁵ и других. В настоящее время появляются интересные работы, в которых используются компьютерные методы исследования материалов с применением программ для работы с электронными таблицами Microsoft Excel, IBM SPSS Statistics. Эти статистические системы предоставляют возможность проведения экономико-статистических расчетов с использованием любых объемов информации, что позволяет исследовать не только количественные показатели при изучении кустарных промыслов, но и проводить факторный анализ и создавать любые базы данных. Статистический анализ и неординарные выводы присутствуют в диссертационных исследованиях и статьях Я. С. Чжо¹⁶, М. А. Гилько¹⁷. Наиболее фундаментальными по истории статистики рассматриваемого периода являются работы В. А. Скопы¹⁸, С. В. Лёвина¹⁹. Заслуживают внимания и региональные работы по земской статистике, которые освещают Южный Урал (Н. Л. Власова²⁰), Курскую губернию (Г. А. Бондарева²¹), Амурскую область²² и другие.

При изучении различных экономических процессов важное место уделяется статистическим источникам. Основное отличие статистики от учетной документации заключается в том, что статистические данные собираются с целью выработки управленческих решений вплоть до разработки политических программных меропр-

ятий. Учетная же документация обеспечивает реализацию уже принятых решений. Следовательно, статистические данные собираются с целью выявления состояния той или иной промышленной сферы не только в единовременном состоянии, но и в своем развитии, что и позволяет выявить эффективность проводимых решений и мероприятий. Именно кустарно-промышленная статистика для земледельческого ведомства, бывшего проводником государственной политики по развитию кустарных промыслов, и земств служила отправной точкой и показателем эффективности их деятельности, направленной на поддержку кустарей. Цель данного исследования – анализ статистических работ, проведенных в Российской империи, отражающих состояние кустарных промыслов. В рамках этой работы предпринята попытка проведения группировки разных видов источников, периодизации исследований и рассмотрение возможности использования этих статистических материалов для дальнейшего анализа.

По способу организации сбора и обработки статистической информации кустарно-промышленную статистику можно разделить на четыре группы: статистика Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел; земская статистика; статистика, собираемая ведомством, в чье ведение входили кустарные промыслы (земледельческое ведомство); статистика, собираемая научными учреждениями. Единая государственная система в промышленной статистике в Российской империи, по мнению большинства исследователей, отсутствовала, а существовала ведомственная статистика в соответствии с руководством промышленной деятельностью. В ведение какого министерства входила отрасль экономической деятельности, то министерство руководило постановкой учета и вело отчетность.

Рассмотрим первую группу источников. Главный статистический орган империи, Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, по положению 1863 г. собирал, обрабатывал и издавал сведения, которые получал от губернских статистических комитетов и предоставлял полученные данные другим ведомствам. Эти материалы были необходимы прежде всего для распределения земской повинности. Губернские статистические комитеты составляли статистические таблицы и приложения к ежегодным губернаторским отчетам. Статистические комитеты, кроме прочих, собирали данные о ремесленниках в городах и о мелких промышленных заведениях в уездах.

Данные собирались по трем показателям: мастера, рабочие, ученики. Термины «кустарная промышленность», «кустарь», «кустарные промыслы» в этих материалах вплоть до 1917 г. не значились, хотя исследователи, такие как Н. Я. Воробьев²³, К. Н. Тарновский²⁴, Л. М. Архипова²⁵, при изучении кустарных промыслов зачастую пользуются сведениями статистических

комитетов, подразумевая под ремесленниками и владельцами мелких промышленных заведений кустарей. Однако следует учитывать, что кустарные промыслы – это обрабатывающая промышленность, и из числа ремесленников необходимо делать выборку только тех производств, которые занимались обработкой материалов и ни в коем случае ремесленники, задействованные в сфере услуг, в подсчет кустарей входить не могли. Другие таблицы статистических комитетов включали в себя данные о мелких промышленных заведениях в уездах. В сельскохозяйственной статистике Центрального статистического комитета МВД кустарные промыслы не фиксировались²⁶.

Следовательно, первая группа статистических источников, представленная работами Центрального статистического комитета, может служить лишь вспомогательным материалом для кустарно-промышленной статистики.

Вторая группа источников – земская статистика. С необходимостью сбора информации о состоянии крестьянских хозяйств земства столкнулись вскоре после своего основания. При губернских земствах с 1870-х гг. открываются статистические отделы (бюро), которые начинают проводить подворные переписи крестьянских хозяйств²⁷. Во многих губерниях в бланках была графа «промыслы» или графа разделялась на внеземледельческие (кустарные или местные) и отхожие промыслы. Самые первые статистические сведения о кустарных промыслах содержатся в земских подворных переписях Санкт-Петербургской, Курской, Черниговской губерний 1881–1883 гг.²⁸. Кроме подворных переписей земства начинают проводить специальные обследования кустарных промыслов. Новатором в этом деле выступило Московское земство. В 1880 и 1882 гг. издаются отдельными книгами сборники статистических сведений по Московской губернии, посвященные кустарным промыслам²⁹.

Целью земских обследований кустарных промыслов, как отмечали сами статистики, являлся сбор «подсобного материала» при выработке губернским земством программы содействия местным кустарям³⁰. В период с 1880 по 1911 г. включительно были изданы отдельными книгами работы по Полтавской³¹, Вятской³², Нижегородской³³, Тамбовской³⁴, Вологодской³⁵, Санкт-Петербургской³⁶, Ярославской³⁷, Курской³⁸, Олонецкой³⁹, Костромской⁴⁰, Казанской губерниям⁴¹. В некоторых губерниях обследованиям были подвергнуты кустарные хозяйства отдельных уездов⁴². Таким образом, к 1911 г. как минимум по 11 губерниям имеются достаточно полные статистические сведения о состоянии кустарных промыслов.

Выделим еще одну подгруппу земских источников, на сей раз неопубликованных. Это различные списки кустарей по отдельным видам промыслов, анкеты, которые могут служить дополнительным материалом при выявлении численности

кустарей, собиравшиеся специализированными кустарными отделами (отделениями, бюро), функционировавшими в период конца XIX – начала XX в. при губернских управах. Примерами таких данных могут служить: списки по Нижегородской губернии за 1899 г.⁴³; анкеты с вопросами и ответами по Кустарному бюро Олонеккой губернской земской управы за 1899 г.⁴⁴; «Списки селений и лиц, занимающихся кустарными промыслами разных уездов Казанской губернии», 10 апреля – 23 декабря 1908 г.⁴⁵ и т. д.

Кроме того, все промыслы сельского населения, и кустарные в частности, попадают в бюджетные обследования, которые являлись самостоятельным видом статистики. Первое такое исследование было проведено в 1896 г. в нескольких уездах Калужской губернии. Создателем же «русского типа» монографического бюджета был Ф. А. Щербина. В его исследованиях по Воронежской губернии учитывались доходы крестьянских хозяйств отдельно: от личных промыслов и от промышленных заведений; по Енисейской губернии (выборочные данные по 20 хозяйствам) – 3 графы: от личных промыслов, от извоза, от промышленных предприятий; киргизы Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей (55 хозяйств) – 2 графы: от личных промыслов, от извоза и сдельных работ⁴⁶. Эти материалы дают возможность проследить удельный вес промыслов в хозяйстве. Наиболее полными и передовыми для своего времени являются исследования, произведенные в 1910 г. по Старобельскому уезду Харьковской губернии⁴⁷. Следовательно, бюджетные обследования, хотя и проведенные только в некоторых уездах и губерниях, представляют собой ценный источник по статистике кустарных промыслов.

Обзор статистических материалов, введенных в научный оборот земскими деятелями, так называемая земская статистика, во всех своих видах: подворные переписи, специальные исследования кустарных (внеземледельческих) промыслов и бюджетные обследования, позволяют судить о масштабах распространения промыслов по губерниям России и проводить количественный анализ по ряду показателей из развития. Недостатками являются их территориальная ограниченность и отсутствие общепринятых, утвержденных правительством инструкций переписей.

Третья группа кустарно-промышленных статистических источников представлена ведомственными материалами Министерства финансов. Это небольшая, но самая ранняя по времени группа источников. Кустарная промышленность в официальных документах не значилась до тех пор, пока в 1872 г. ни была при Министерстве финансов создана специальная комиссия для исследования состояния этой отрасли народного хозяйства в империи. Комиссия разработала «Инструкцию для исследования кустарной промышленности в России», в соответствии с которой и проводилась

работа. Отчеты, подготовленные по 23 губерниям под руководством Комиссии, были опубликованы. Они, безусловно, носят описательный характер, и статистика там присутствует только фрагментарно.

Четвертая группа источников – документы и издания земледельческого ведомства (последовательно Министерство государственных имуществ (МГИ) – Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ) – Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) – Министерство земледелия). В 1894 г. при Отделе сельской экономии и сельскохозяйственной статистики был организован Кустарный комитет, который наряду со всеми вопросами, связанными с развитием и поддержанием кустарных промыслов в империи, пытается организовать текущую статистику кустарных промыслов с целью выявления наиболее существенных причин, задерживающих развитие и улучшение кустарного производства, и принятия конкретных мер для развития промыслов. На первом этапе своей кустарно-промышленной деятельности МЗиГИ пыталось организовать текущую статистику промыслов⁴⁸. Однако земледельческое ведомство проводило исследование промыслов по территориально-видовому принципу. В 1900 г. были обследованы: корзиночный промысел в Курской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Пензенской, Саратовской, Самарской и Нижегородской губерниях⁴⁹. При этом основной акцент ставился на технике производства и сбыте кустарных изделий.

Коренной перелом в проблеме обследования кустарных промыслов происходит в 1910 г. 15 марта на 72-м заседании Государственной думы при рассмотрении сметы Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики докладчик от бюджетной комиссии А. Ф. Бабянский выступил с развернутой программой государственной поддержки промыслов и первым ее пунктом обозначил необходимость широкого и точного обследования кустарных промыслов⁵⁰. Отделу выделяются крупные финансовые средства на обследования. По сметам ГУЗиЗ в 1911 г. на обследование кустарных промыслов было израсходовано 15 тыс. руб.⁵¹, в 1916 г., в годы войны – лишь 0,4 тыс. руб.⁵²

В сентябре 1911 г. при Отделе сельской экономии и сельскохозяйственной статистике ГУЗиЗ было создано совещание, которое должно было разработать программу обследования кустарных промыслов. Его деятельность отражена в «Журналах совещаний по вопросу обследования промыслов в России, с приложением пояснительных записок, образцов, бланков и сведений»⁵³. Было решено начать обследование с шести губерний: Новгородской, Нижегородской, Костромской, Рязанской, Пермской, Харьковской и семи уездов Кавказа. Задача обследования заключалась в выяснении количества кустарей, промыслов,

процентном соотношении кустарей к сельскому населению, а также перед статистиками ставилась задача – определить современное положение кустарной промышленности и ее нужды в экономическом и техническом отношении. Обследование преследовало главную цель: установить место кустарной промышленности в ряду других видов народного труда и степень внимания к ней со стороны правительства для выработки программы по ее развитию. Совещание попыталось уточнить сам предмет обследования. Под кустарями надлежало понимать только тех лиц, которые соответствовали трем главным условиям. Во-первых, они должны изготавливать изделия не на определенного заказчика-потребителя, а на рынок, на скупщика, на интендантство, на крупный торговый дом и т. п. Во-вторых, требовалось личное участие в процессе изготовления изделий. В-третьих, кустарь принадлежит к сельским жителям, хотя на суд губернских земских управ оставлялось право причислять и городских жителей, если, по их мнению, они отвечали «характерным признакам кустарей». Если же управы сомневались, то, по решению Совещания, они могли обращаться за советами в отдел экономики. К кустарям должны были относиться и наемные рабочие в семье кустаря. Здесь мы видим уже начало строгой фиксации кустарей. Они должны были «регистрироваться», то есть государство пыталось поставить их на учет, скорее всего и с целью дальнейшего налогообложения их производственной деятельности.

В Российском государственном историческом архиве сохранились заполненные вопросные бланки кустарной переписи по губерниям и областям (95 единиц хранения)⁵⁴. Наиболее развитые в кустарно-промышленном отношении губернии занимают по несколько дел. Так, бланки Вятской губернии собраны в три дела, общим объемом 525 листов. Области и губернии с небольшим кустарным производством, такие как Амурская, Карская, Варшавская, занимают по одному небольшому делу. Заполненные бланки переписи далеки от совершенства и вряд ли могут служить эталоном для статистики. Их неполнота и даже неграмотность была отмечена еще К. Н. Тарновским⁵⁵ и с ним следует согласиться. Опросные листы кустарной переписи 1912 г., правда, в неполном объеме отложились и в региональных архивах. Так, в Нижегородском архиве сохранилось лишь 2 дела в Кустарном отделении фонда Нижегородской губернской земской управы⁵⁶. Итоги переписи только по металлообрабатывающим промыслам были опубликованы лишь в 1916 г.⁵⁷

Кроме Нижегородской губернии материалы первой кустарной переписи были опубликованы земствами и в ряде других губерний: Рязанской⁵⁸, Псковской⁵⁹ и других. ГУЗиЗ продолжил проведение первой кустарной переписи и после 1912 г. В неземских губерниях земледельческое ведомство действовало по-другому, используя в своей работе общественные организации. С мая 1913 по сен-

тябрь 1914 г. было проведено исследование и изданы материалы по Енисейской губернии. Общее руководство работой при финансировании Отдела сельской экономики, который выделил 1500 руб., взяло на себя правление Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли в Енисейской губернии. При обществе был создан временный Отдел кустарной статистики, который возглавил А. Г. Шлихтер⁶⁰. В Томской губернии обследование кустарных промыслов было поручено в 1914 г. статистическому отделу Переселенческого управления и вновь созданному Томскому кустарному комитету, который субсидировался Отделом сельской экономики ГУЗиЗ⁶¹. Иркутская губерния была обследована И. И. Серебренниковым по поручению Иркутского Биржевого комитета на средства и по плану Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики⁶².

Земские статистики и сотрудники Кустарного комитета ГУЗиЗ не были довольны проведенной переписью. В июле 1913 г. при Отделе сельской экономики под председательством управляющего делами по кустарной промышленности А. М. Терне вновь собирается совещание по вопросу обследования кустарных промыслов. В присутствии председателей 11 губернских управ специалисты ГУЗиЗ приходят к заключению о проведении не порайонной, а подворной, сплошной переписи кустарных хозяйств, которую планировалось провести за четыре года, начиная с 1914 г., но начавшаяся война помешала этому.

В заключение следует обратиться к последней переписи, содержащей сведения о промыслах, проведенной земледельческим ведомством Российской империи до октябрьского переворота 1917 г. Это всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г., которая являлась преемницей переписи 1916 г., но имела ряд отличий. С одной стороны, она была более полной (194 показателя), а с другой – смена государственной власти, повлекшая за собой бурные события в стране, не позволила охватить переписью все крестьянские хозяйства обширного государства. Приход к власти большевиков, а перепись была завершена как раз к октябрю 1917 г., не позволил вовремя собрать и обработать большие массивы переписных бланков. Сложная схема и программа переписи требовали тщательной работы, которая сама по себе не могла быть выполнена быстро. Сводные материалы переписи были опубликованы в изданиях ЦСУ: в 1921 г. по 52 губерниям⁶³, в 1923 г. – по 57 губерниям и областям⁶⁴. Бланки, поступившие в Центральное статистическое управление, как полагают А. М. Анфимов и И. Д. Ковальченко⁶⁵, были утрачены. Вторые экземпляры карточек сохранились в региональных архивах Тамбовском, Пензенском, Владимирском, Костромском, Нижегородском, Якутском (республика Саха) и других. Исследования промысловых занятий крестьян с использованием первичных

материалов переписи 1917 г. проведены по Алтаю, Сибири.

Из шести формуляров переписи наибольший интерес представляет подворная карточка. Ее формуляр имеет табличную форму на двухстраничном развороте. На первом листе имеется раздел «Промыслы за последний год». В заполненных бланках в графе 7 «Название (род промысла)» встречаются самые различные профессии: чертежник, служащий, торговец, плотник, резчик, крановщик⁶⁶, кочегар и другие. Следовательно, кустарные промыслы можно определить лишь в том случае, если делать выборку непосредственно из первичных материалов переписи, так как в сводных работах количество лиц, занятых промыслами, подсчитано по всем промысловым занятиям и поуездные и погубернские итоги всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., опубликованные Центральным статистическим управлением в начале 1920-х гг. дают искаженную картину о промысловых занятиях.

Анализ статистических материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. показал, что обращение к первичным материалам открывает перед исследователями широкие перспективы для исследования развития кустарных промыслов в последний год существования Российской империи. Для этого необходимо разработать единый подход к обработке и анализу первичных данных с целью сведения их в одну стройную систему.

Рассмотрев деятельность ГУЗиЗ, можно утверждать, что в 1911–1913 гг. земледельческим ведомством была организована и проведена, при поддержке земств и других общественных организаций, первая всероссийская кустарная перепись, которой официально было охвачено 9 губерний: Пермская, Костромская, Нижегородская, Пензенская, Псковская, Могилевская, Люблинская, Киевская и Харьковская⁶⁷, но в реальности переписью была охвачена практически вся империя. Другое дело – качество переписи и ее статистическая точность. Здесь следует признать, что она не отвечала запросам статистики даже того времени. Статистики отмечали, что самым большим злом для развития статистики являлось отсутствие единого управляющего органа⁶⁸.

Характеризуя статистику кустарных промыслов имперского периода, можно утверждать, что статистические работы проводились совершенно не связанными в своей работе друг с другом учреждениями: Центральным статистическим комитетом МВД, Министерством финансов, Отделом сельскохозяйственной экономики и статистики земледельческого ведомства, статистическими отделами губернских и уездных земств, различными обществами. Всего выделено четыре группы статистических источников. Но фактически прослеживается тесная связь исследовательской статистической деятельности земледельческого ведомства и земств. Хотя статистика и называется

земской, но статистические работы проводились земствами, в большинстве случаев под руководством и при финансировании ГУЗиЗ. И все-таки стоит не согласиться с мнением исследователей о том, что «дореволюционная правительственная статистика не располагала сколько-нибудь достоверными отчетными данными о мелкой кустарно-ремесленной промышленности»⁶⁹.

Обширный материал, содержащийся в земских и ведомственных обследованиях, позволяет проводить статистический анализ на уровне уездов, губерний и в объемах всей империи.

Примечания

- 1 Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 354.
- 2 См.: Велецкий С. Н. Земская статистика : Справочная книга по земской статистике : в 2 ч. М., 1899–1900.
- 3 См.: Кауфман А. А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. Историко-критический очерк. М., 1922.
- 4 См.: Каблуков Н. А. О статистическом исследовании кустарных промыслов в России // Труды Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности в С.-Петербурге 1910 г. СПб., 1910. С. 75–86.
- 5 См.: Рыбников А. А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий : доклад Организационного бюро по созыву Земского съезда по вопросам о совместной деятельности земств по сбыту кустарных изделий. М., 1913 ; *Он же*. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922.
- 6 См.: Совет Всероссийских кооперативных съездов : Промысловая кооперация и кустарь / сост. Г. П. Петров, С. Е. Кремьянский : в 3 ч. М., 1917. Ч. 1.
- 7 См.: Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.
- 8 См.: А. В. Чаянов о бюджетных исследованиях. М., 2006.
- 9 См.: Волков Е. З. Аграрно-экономическая статистика России : в итогах ее научных и методологических достижений, земского опыта и практики последних пяти лет революционного перелома (1865–1922 гг.). М. ; Пг., 1923.
- 10 См.: Вихляев П. А. Очерки теоретической статистики. М., 1928.
- 11 См.: См.: Воробьев Н. Я. Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР (Методы наблюдения и разработки). М., 1961.
- 12 См.: Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972 ; *Он же*. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). М., 1936.
- 13 См.: Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в. Источниковедческое исследование. М., 1976.
- 14 См.: Количественные методы в советской и американской историографии / отв. ред. И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков. М., 1983.

- ¹⁵ См.: Миронов Б. Н. История в цифрах : математика в исторических исследованиях. Л., 1991.
- ¹⁶ См.: Чжо Я. С. Социальная структура российской деревни в конце XIX – начале XX вв. (1880–1905 гг.) : по материалам статистики Центрально-черноземных губерний – Воронежской и Тамбовской : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- ¹⁷ См.: Гилько М. А. Влияние Транссибирской магистрали на размещение кустарных промыслов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2013. Т. 2, № 4 (80). С. 51–55.
- ¹⁸ См.: Скопа В. А. Локальные статистические обследования по материалам «Семипалатинских областных ведомостей» (конец XIX – начало XX вв.) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 268–270.
- ¹⁹ См.: Лёвин С. В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье (1882–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2015.
- ²⁰ См.: Власова Н. Л. Развитие земской статистики на Южном Урале (1875–1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2010.
- ²¹ См.: Бондарева Г. А. Становление статистики в российской провинции : середина XIX столетия – 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012.
- ²² См.: Ли Е. Л., Демьяненко А. Н. Амурская экспедиция 1910 года : опыт организации статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйств Амурской области // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 125–133.
- ²³ См.: Воробьев Н. Я. Очерки по истории промышленной статистики. С. 49–50.
- ²⁴ См.: Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995.
- ²⁵ См.: Архипова Л. М. Мелкая крестьянская промышленность центрально-нечерноземного района России в начале XX века. М., 1995.
- ²⁶ См.: Статистический ежегодник России. 13 выпусков за 1904–1916 годы. СПб., 1905–1917.
- ²⁷ См.: Лёвин С. В. Проведение земскими статистиками подворных переписей крестьянских хозяйств // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 30–36.
- ²⁸ См.: Земские подворные переписи 1880–1913 гг. По-уездные итоги / сост. Н. А. Свавицкий, З. М. Свавицкая. М., 1926. С. 2, 6, 32, 36, 42, 44.
- ²⁹ См.: Сборник статистических сведений по Московской губернии : 10 т. Т. VII, вып. I. Промыслы Московской губернии. М., 1882.
- ³⁰ См.: Воробьев К. Я. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Симбирск, 1916. С. 3.
- ³¹ См.: Кустарные промыслы сельских сословий Полтавской губернии : в 2 вып. / сост. В. И. Василенко. Полтава, 1885–1887.
- ³² См.: Материалы по описанию промыслов Вятской губернии : в 5 вып. Вып. IV. Вятка, 1892.
- ³³ См.: Плотников М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1996.
- ³⁴ См.: Кустарные промыслы Тамбовской губернии. Тамбов, 1900.
- ³⁵ См.: Внеземледельческие промыслы Вологодской губернии. Вологда, 1902 ; Внеземледельческие промыслы Вологодской губернии. Вологда, 1903.
- ³⁶ См.: Кустарные промыслы С.-Петербургской губернии. СПб., 1902.
- ³⁷ См.: Кустарные промыслы. Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 14. Ярославль, 1904.
- ³⁸ См.: Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. 1. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904.
- ³⁹ См.: Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905.
- ⁴⁰ См.: Промысловые занятия крестьянского населения Костромской губернии. Кострома, 1909.
- ⁴¹ См.: Мелкая промышленность Казанской губернии. Казань, 1911.
- ⁴² См.: Исследование кустарных промыслов Саратовской губернии : в 5 вып. Вып. II. Хвалынский и Хвалынский уезд. Саратов, 1906.
- ⁴³ См.: Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 42. Оп. 240. Д. 26. Л. 163.
- ⁴⁴ См.: Национальный архив республики Карелия (НА РК). Ф. 10. Оп. 2. Св. 37. Д. 295.
- ⁴⁵ См.: Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф. 81. Оп. 14. Д. 11.
- ⁴⁶ См.: Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 353.
- ⁴⁷ См.: Чаянов А. В. Бюджеты крестьян Старобельского уезда. Харьков, 1915.
- ⁴⁸ См.: РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 492а ; Кустарные промыслы : текущая статистика за 1895/96 сельскохозяйственный год. СПб., 1897.
- ⁴⁹ См.: Обзор деятельности министерства земледелия и государственных имуществ за седьмой год его существования (30 марта 1900 – 30 марта 1901 года). СПб., 1901. С. 143.
- ⁵⁰ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв, сессия третья : в 4 ч. Ч. III. С. 752–753 ; Смета доходов и расходов отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики на 1911 г. СПб., 1910. С. 11–12.
- ⁵¹ См.: Смета доходов и расходов отдела сельской экономики и с/х статистики на 1912 г. СПб., 1911. С. 29.
- ⁵² См.: Смета доходов и расходов отдела сельской экономики и с/х статистики на 1916 г. Пг., 1915. С. 21.
- ⁵³ См.: РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2394з. Л. 1–54.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 2. Д. 3611–3706.
- ⁵⁵ См.: Тарновский К. Н. Указ. соч. С. 19.
- ⁵⁶ См.: ЦАНО. Ф. 42. Оп. 240. Т. 3. Д. 127, 131а.
- ⁵⁷ См.: Савельев М. Металлические промыслы Нижегородской губернии. Вып. I. Н. Новгород, 1916.
- ⁵⁸ См.: Краткий очерк кустарной промышленности Рязанской губернии. Рязань, 1913. С. I.
- ⁵⁹ См.: Кустарные промыслы Псковской губернии. По исследованию 1912 г. Псков, 1914. С. 5.
- ⁶⁰ См.: Шлихтер А. Г. Кустарные промыслы в Енисейской губернии. Красноярск, 1915. С. V–VII.

- ⁶¹ См.: Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности. Томск, 1915.
- ⁶² См.: Кустарная промышленность в Иркутской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России : в 11 т. Т. IX. Пг., 1915. С. 112–199.
- ⁶³ См.: Труды ЦСУ : в 35 т. Т. 5, вып. 1 : Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921.
- ⁶⁴ См.: Труды ЦСУ : в 35 т. Т. 5, вып. 2. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М., 1923.
- ⁶⁵ См.: Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 76.
- ⁶⁶ См.: ГКУ ЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 1069. Л. 18.
- ⁶⁷ См.: Кустарные промыслы в Харьковской губернии по данным исследования 1912 года. Харьков, 1913.
- ⁶⁸ См.: Волков Е. З. Указ. соч. С. 200–201.
- ⁶⁹ См.: Воробьев Н. Я. Указ. соч. С. 54.

Образец для цитирования:

Карташова М. В. Статистика кустарных промыслов Российской империи в последней трети XIX – начале XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 308–314. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-308-314.

Cite this article as:

Kartashova M. V. Statistics of the Russian Empire Craftsman Industry in the Last Third of the XIX – the Early XX Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 308–314 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-308-314.

УДК 259; 908

ПРИХОДЫ ВОСТОЧНО-УКРАИНСКИХ ЕПАРХИЙ В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1958–1965 ГОДАХ (по материалам отчетов уполномоченных по делам РПЦ)

Н. П. Годлевский (иеромонах Алексий)

Московская Сретенская духовная семинария
E-mail: Nik.godlevsky@yandex.ru

Статья представляет собой анализ государственной политики по отношению к приходам восточно-украинских епархий в 1958–1965 гг. Особое внимание уделено отчетно-информационным докладом и докладным запискам уполномоченных по делам Русской православной церкви в областях Восточной Украины. Делается вывод об определяющей роли субъективных факторов в диалоге Церкви и государства.

Ключевые слова: Русская православная церковь, история церкви, приходское духовенство, оттепель, Восточная Украина.

Parishes of the East-Ukrainian Dioceses in the System of Church-State Relations in 1958–1965 (Based on the Materials of the Reports Made by Commissioners for Affairs of the Russian Orthodox Church)

N. P. Godlevskiy (hieromonk Alexey)

The article is an analysis of state policy concerning the parishes of the East-Ukrainian dioceses in 1958–1965. Particular attention is paid to the returns, memoranda and reports of the Commissioners for affairs of the Russian Orthodox Church in the regions of Eastern Ukraine. The conclusion about the determinative role of subjective factors in the dialogue between the Church and the State is made.

Key words: Russian Orthodox Church, church history, parish clergy, The Thaw, Eastern Ukraine.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-315-320

К середине 1950-х гг. религиозная жизнь в СССР возрождалась. По некоторым данным, к 1958 г. количество православных приходов превышало 13 тыс., паства Русской православной церкви составляла около 60 млн прихожан¹. Шагом на пути развертывания антицерковной кампании стала записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 19 апреля 1958 г., в которой содержалась резкая критика в адрес Советов по делам Русской православной церкви и по делам религиозных культов. Воплощение в жизнь партийных указаний проводилось на местах с разной степенью последовательности. При всей важности изучения государственной политики в отношении православной церкви на уровне союзного центра нельзя упускать из вида региональный уровень. В этом отношении примечательна территория Восточной Украины, которая отличалась преобладанием русскоязычного на-

селения. Этноконфессиональная идентификация здесь была тесно связана с православием. К 1958 г. восточные области УССР состояли из следующих епархий: Ворошиловградско-Сталинской (переименованной в 1961 г. в Ворошиловградско-Донецкую), Харьковской и Днепропетровско-Запорожской.

Проблема хрущевской антицерковной кампании в УССР и восточной её части привлекает внимание всё большего числа авторов – как российских, так и украинских. Однако все эти работы отличаются высоким уровнем обобщения и политизированности дискуссий². Более того, исследователи ограниченно привлекали неопубликованные источники, столь важные для изучения истории церкви в СССР. Важной работой здесь представляется исследование А. Н. Шлихты, посвященное роли православных праздников в общественной жизни УССР в условиях антирелигиозной борьбы³.

Между тем Государственный архив РФ (далее – ГАРФ) содержит в своих фондах интересные материалы по изучаемой теме. Среди них – отчетно-информационные доклады и докладные записки уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) при Совете министров СССР. Эти источники позволяют выявить особенности государственной политики по отношению к церкви на местах – на уровне приходов. В отличие от доктринальных партийных документов, обозначенные источники освещают практику, а не воображаемую реальность.

Местные уполномоченные приняли к сведению критику в свой адрес, и информация о фактах нарушения законодательства стала оперативно поступать в вышестоящие органы. В Ворошиловградской епархии Я. Днепропетровским было обнаружено три случая самовольного строительства зданий для молитвенных целей: «В селе Ляшковке Царичанского района в 1958 году в поселке Краснополье нелегально на подставное лицо строили здание для молитвенных целей. Строил церковь староста Кишинский, якобы для своего сына на церковные деньги. На строительство было затрачено 57 тысяч церковных денег. В городе Кривом Роге в пос. Зеленый городок церковная община в 1952 году купила дом для молитвенных целей площадью 24 кв.м и на месте купленной постройки построила в том же году шлаколитое здание площадью 105 кв. м»⁴.

Происходили и поистине курьезные случаи, которые подтверждают, что население и пред-

ставители местной власти могли сочувствовать проблемам приходского духовенства: «В селе Мало-Михайловка Васильковского района во время ремонта крыши алтаря в качестве кровельного материала было использовано 19 оцинкованных корыт... еще осенью 1957 года, во время ремонта крыши, церковный староста зашел в местный магазин “Сельпо” и спросил, можно ли купить корыто для покрытия крыши молитвенного дома. Заведующий магазином, вместо того чтобы отказать в этом, потому что корыта предназначены для бытовых нужд населения, а не для кровли, охотно продал все имеющиеся в наличии – 19 корыт, и при этом сказал, что, если не хватит, можно еще взять сколько понадобится – на базе корыт много. Когда церковный староста подъехал забрать купленный товар, то находившийся в это время в магазине председатель сельского Совета, вместо того чтобы предотвратить это ненормальное явление, помог церковному старосте выносить закупленные корыта для кровли. Больше корыт не стали покупать, потому что для покрытия крыши алтаря молитвенного дома хватило закупленных 19-ти корыт. По этому случаю мною информированы обком и облисполком»⁵.

Главным церковно-юридическим документом, регламентировавшим внутреннюю жизнь Московской патриархии, было «Положение об управлении Русской православной церковью», принятое Поместным Собором 31 января 1945 г. Вопреки действующему законодательству, Положение передавало руководство приходской жизнью, в том числе финансово-хозяйственной, в руки священника-настоятеля, а не общины мирян, объединенных в религиозное общество. 13 января 1960 г. ЦК КПСС издал секретное постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством Советского законодательства о культах», которое требовало отмены «узурпации власти» духовенством на приходах и возвращения ее мирянам в соответствии с законом. Мирянам предписывалось «распоряжаться всем церковным имуществом и ведать наймом служителей культа».

Однако работа по отстранению духовенства от руководства приходами началась гораздо раньше. Так, харьковский уполномоченный сообщал руководству о том, что в епархии идет работа по отстранению священников от руководства общинами, причем эта работа вызывает большое количество конфликтов (39 заявлений против 9 за первое полугодие 1957 г.)⁶. В общине г. Купянска разгорелась настоящая борьба между сторонниками и противниками священника, а завершилось всё тем, что противники последнего повесили свой замок на дверь церкви и священник несколько дней не служил. Во главе противников священника находился некий пенсионер Дмитренко, бывший шахтер, выступивший за отстранение священнослужителя от финансовых дел общины. После того как Дмитренко вышел на пенсию и поселился в Купянске, он добился

избрания председателем исполнительного совета церкви и, как писал уполномоченный, «взялся за наведение порядка в общине». Правда, уполномоченный выражал понятное беспокойство тем, что если внутренняя борьба первоначально ослабляла общину, то затягивание конфликта было чревато затягиванием в дела церкви верующих, обычно пассивных людей, и могла «привести к укреплению общины»⁷.

После Архиерейского Собора 1961 г. во всех религиозных общинах были проведены выборы в «двадцатки» и исполнительные органы приходов. Местные органы власти вместе с уполномоченными Советов пересматривали их составы, используя свои права по отводу неугодных власти членов и подбору «лояльных» на должности старост и казначеев. В Донецкой области только за год это привело к перевыборам исполнительных органов в 25 приходах, «в результате чего, – докладывал уполномоченный, – были изгнаны любители к церковным деньгам и всякого рода жулики и религиозные фанатики. В отдельных приходах исполнительные органы отчислили ненавистных для них служителей культа, которые нарушили советское законодательство»⁸.

Отличительной чертой исполнительных органов, призванных к руководству общинами, был начальный и средний уровень профессионального образования и преклонный возраст их членов. В той же Донецкой области насчитывалось в составе церковных Советов и ревкомиссий 105 приходов области 600 человек, из них мужчин – 395 и женщин – 175, в том числе работающих – 200 человек, пенсионеров – 250 человек и домохозяйек – 130 человек. Иногда в исполнительные советы попадали достаточно авторитетные и заслуженные люди. Как докладывал уполномоченный, «общее число членов исполнительных органов, награжденных правительственными наградами (орденами и медалями), – 39 человек»⁹.

Общий итог этих перевыборов осветил специально отправленный на Украину инспектор Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР Исаев: «50% членов “двадцаток” и церковных исполнительных органов составляют пенсионеры, которые активно берутся за восстановление порядка в церкви. Уполномоченный Совета при перерегистрации членов религиозных общин и при предоставлении списков членов “двадцаток” выявлял пенсионеров, и списки препровождал в местные органы власти для проведения соответствующей с ними работы по отрыву от исполнительных органов. Руководство районов такие списки имело, но привести положительный отчет по отрыву пенсионеров не представлялось возможным. Считаю, что по этому вопросу еще недостаточно ведется работа на месте»¹⁰.

В 1963 г. такие «положительные факты» уже были собраны. Так, исполнительный орган религиозной общины Николо-Преображенской церкви г. Луганска характеризовался местным

уполномоченным в самых хвалебных выражениях. Исполнительный орган не только состоял всего из трех пенсионеров, самому младшему из которых было 64 года, но и все они имели только начальное образование. Исполнительный орган, возглавлявший самый крупный приход в области, «ликвидировал попрошайничество “нищих” в пределах церковной ограды, провел работу с верующими по прекращению посещаемости церкви детьми, подростками, не допускал случаев нарушения законодательства о культах»¹¹.

Наиболее активные священники, не желавшие мириться со своим наемническим положением, предпринимали попытки вернуть себе власть в приходах. Некоторые из них пытались воздействовать на верующих из числа своих сторонников с тем, чтобы они избирали новых старост; некоторые предлагали свою помощь в налаживании работы исполнительного органа или в упорядочивании бухгалтерского учета, тем более что нередко члены исполнительных органов не умели выполнять простые виды работ, необходимых для управления приходом.

Реакция уполномоченных на это была понятной: «хитрые хищники пробираются к руководству церковью путем сговора с одним из наиболее влиятельных членов исполнительного органа... священник прихода села Нижне-Теплое Станично-Луганского района, Е. К. Алимов, потребовал от председателя исполнительного органа Миронова согласовывать с ним все вопросы руководства делами церкви»¹².

В приходах вводился принцип добровольности отчислений в епархиальное управление. Каждой общине предоставлялось право самостоятельно решать, какую сумму она считает нужным перечислить на общецерковные нужды. Когда церковным советам стало известно о добровольном внесении средств, количество отчислений в епархии резко сократилось. В то же время едва ли не обязательным становится отчисление немалых денежных сумм в советский Фонд мира. Так, в Донецкой области в 1961 г. в епархию было внесено 385 489 руб., в 1963 г. – 341 406 руб., а в Фонд мира было перечислено 48 100 руб. «Церковные советы проявили активность в сокращение взносов на епархиальные нужды, одновременно часть сбережений с желанием перечислили в Фонд мира... Надо полагать, – надеялся уполномоченный, – что в 1963 году эти суммы резко увеличатся»¹³.

Еще одним результатом государственной политики стало массовое закрытие храмов в 1961–1964 гг. Уполномоченные, выполняя программу сокращения церковной структуры, широко применяли практику искусственного создания «затухающих приходов». Основной причиной снятия с регистрации приходов были неполные «двадцатки» либо отсутствие священника. Здесь уполномоченным было в чем отчитываться. Так, уполномоченный по Днепропетровской области писал: «Я принимаю меры к тому, чтобы число

свободных приходов не уменьшалось, а увеличивалось. Все свободные приходы обслуживаются временно прикрепленными из соседних приходов священниками», причем уполномоченные побуждали священников относиться к делу не слишком старательно, «чтобы они меньше проводили службы в прикрепленных приходах и чтобы, по возможности, удовлетворяли потребности верующих только требами»¹⁴.

Интересна история священника из поселка Чаплино Васильковского района А. М. Панского. Он временно обслуживал приход села Копани, который не имел священника с 1953 г. По просьбе прихожан службы в молитвенном доме он проводил один раз в месяц и только по воскресеньям, потому что прихожане просили не приезжать по дням из-за загруженности работой в колхозе. Сам священник, со слов уполномоченного, приход описывал следующим образом: «... приход очень бедный, большинство прихожан из окружающих хуторов, в самом селе Копани верующих очень мало. В зимнее и осеннее время, когда холодно и большая грязь, посещение молитвенного дома очень слабое, за время моего четырехлетнего обслуживания этого прихода, я с 20 января по 15 марта ни один раз не служил, потому что это время холода и грязи и никто в молитвенный дом не идет – служить некому»¹⁵.

В 1962 г. было решено «ударить по карману» священнослужителей путем их перевода на твердые оклады. Теперь вместо повсеместно утвердившейся практики материальной поддержки священников со стороны прихожан путем добровольных взносов в «церковную кружку» и посильной платы за совершение треб всё содержание священника должна была составлять фиксированная зарплата. Все требы должны были оплачиваться верующими по специальным квитанционным книжкам, выдававшимся священникам. Каждая треба совершалась священником только при наличии квитанции, выписанной счетоводом религиозного общества.

К началу 1963 г. на твердые денежные оклады были переведены все епархии Восточной Украины. Скрытой целью введения окладной системы было сокращение количества приходов в епархиях. Экономически слабые храмы были неспособны платить духовенству необходимую зарплату. Оставшись на долгое время без постоянного священника, такие церковные общины были вынуждены прекращать в церкви богослужения, что в конечном итоге приводило к снятию их с регистрации, а церковь – к закрытию. Это прекрасно понимало и приходское духовенство: «... Наряду с переводом священников на оклады была внедрена квитанционная система учета обрядов, где записываются фамилия, имя и отчество лица, совершающего обряд, его место жительства, справки из ЗАГСа при обрядах: крещение, венчание, похороны. Это мероприятие как духовенством, так и прихожанами было встречено настороженно и даже в отдельных случаях враждебно»¹⁶.

В условиях нового витка гонений на церковь и формы приспособления населения и духовенства к нему неизбежно возникла трансформация религиозной обрядности, на что обращает внимание А. Н. Шлихта. По мнению автора, одной из задач власти было превращение церкви в социально изолированный институт, достичь чего планировалось, в том числе и через внедрение новой советской обрядности вместо церковных праздников, что и началось на территории Украины в конце 1962 г. С точки зрения А. Н. Шлихты, религиозная обрядность в Советском государстве по определению являлась формой протеста, так как давала возможность спасти коллективную память и идентичность, с которыми боролся режим на протяжении всего периода своего существования.

Изменения организационного характера вносились в традиционные обрядовые практики. Священники старательно организовывали богослужения, стремясь привлечь в церковь как можно больше людей, и по материалам органов власти, как украинских, так и центральных, видно, что нововведения вносились в самые «популярные» обряды, такие как освящение куличей и крещенское освящение воды. Куличи освящали в больших количествах из-за нехватки действующих церквей и самого духовенства, причем особенно это прослеживалось в городах, куда из сельской местности, где церкви стояли закрытыми, стекалось большое количество верующих.

А. Н. Шлихта замечает, что кроме вышеописанных организационных изменений возникают так называемые «секретные» обряды. Украинские уполномоченные неоднократно указывали на проведение богослужений в закрытых церквях. Таких случаев было много. Так как церковные здания после закрытия не использовались долгие годы, начали проводиться тайные богослужения, в основном накануне больших праздников, таких как Пасха и Рождество. Если это не удавалось сделать, верующие собирались для совместной молитвы в жилых домах и на квартирах. По мнению А. Н. Шлихты, распространение таких обрядов свидетельствовало о том, что закрытие церквей и сокращение количества духовенства не дало того результата, на который рассчитывала власть – население от религии вовсе не отходило, наоборот, на фоне активизации религиозных чувств паствы власти начинали бояться широкого развития сектантства.

Одним из пунктов антирелигиозной хрущевской кампании был запрет любых крещений, кроме крещений младенцев. Однако в 1961 г. уполномоченные по УССР указывали, что именно крещения превращались в самые популярные обряды на Украине: после официального запрета с начала 1960-х гг. количество детей и взрослых, которые крестились, резко возросло. На протяжении следующего десятилетия около половины крещений, совершенных в центральных и восточ-

ных областях Украины, составляли именно такие крещения¹⁷. Крещения все чаще производились коллективно: причина этого крылась не только в нехватке духовенства, но и в желании населения скрыть приверженность к церкви. Причиной особенного беспокойства властей было то, что крещения приурочивались к главным революционным советским праздникам – 1 мая и 7 ноября. А. Н. Шлихта указывает, что священники в индустриальных регионах Восточной Украины и Киева, совершая большое количество крещений в дни советских праздников, выбивались из сил¹⁸. По приведенным автором источникам, обряд крещения в Харькове на праздник 1 мая совершался в таких количествах: в 1953 – 256, в 1954 – 318, в 1955 – 298¹⁹. Уполномоченный Пинчук информировал ЦК КПУ о совершении крещений на праздник 7 мая в церквях крупных городов Восточной Украины: в Харькове – 496, в Ворошиловграде – 226, в Сталине – 400²⁰.

Привязка религиозного обряда к светским праздникам помогала поддерживать символическую связь между церковью и советским обществом. Не меньшее возмущение уполномоченных вызывало то, что с помощью религиозных обрядов хоронят коммунистов. Чаще всего это происходило в Харьковской области. Причем сначала происходила религиозная процессия со священником и церковным хором, потом следовало шестие духового оркестра, что было обязательным элементом гражданской церемонии. Борьба с таким поведением клира и верующих было крайне затруднительно, так как оно происходило не в форме протестных действий и открытого сопротивления, а на уровне повседневности.

Антицерковная политика властей, направленная на развал и ликвидацию церкви как социального института, прежде всего выразилась в попытке лишить Московскую патриархию финансовой базы. Другой стороной этого мероприятия было резкое снижение материального благосостояния приходского духовенства. Бывали случаи, когда доведенные до отчаяния священнослужители психологически не выдерживали. Один из таких случаев описан луганским уполномоченным: «В настоящее время духовенство стало более замкнутым, менее общительным и более раздражительным. Его главное стремление направлено к тому, чтобы добиться от общины установления более высоких окладов. На этой почве священник прихода села Синовое, Новопокровского района, Нестелев В. А., в процессе совершения церковной службы подрался с председателем исполнительного органа, за что оба подверглись аресту на срок от 10 до 15 суток»²¹.

Однако уничтожить церковь и «показать последнего священника по телевизору» не удалось. Еще до отставки главного инициатора антицерковной кампании отчетные доклады союзных и областных уполномоченных были наполнены неутешительными статистическими данными по

поводу итогов проведенной в течение нескольких лет работы: «Высокий процент крещения ново-рожденных по области – 41,45% и, в частности, по городу Харькову – 55%, не может не вызывать тревогу»²². «Уменьшилось количество религиозных похорон... Однако в 19 областях произошло увеличение религиозного обряда погребения. Так, в Днепропетровской области похоронного церковного обряда возросло с 13,5% до 26,0%»²³. Денежный доход православных общин Украинской ССР в 1962 г., несмотря на сокращение количества религиозных обществ, увеличился. Если в 1961 г. доход церкви в республике составлял 13,7 млн руб., то в 1962 г. – 14,1 млн руб.²⁴ В «послехрущевский» период руководство СДРПЦ приходило к неутешительным выводам. Так, инспектировавшие Днепропетровскую область и деятельность местного уполномоченного сотрудники Совета указывали, что в области произошло резкое сокращение количества церквей: «в течение 1960–1965 гг. в области снято с регистрации 129 религиозных обществ и на 1 января 1966 г. осталось всего 26 действующих православных церквей и молитвенных домов». При этом количество религиозных обрядов осталось неизменным²⁵.

Наряду с религиозной обрядовостью ежегодно росли денежные доходы церквей: в 1960 г., когда в области было 155 православных храмов и молитвенных домов, церковные доходы составили 464 тыс. руб., а в 1965 г. – 705 тыс. руб. Только за 1965 г. церковные доходы выросли на 28 тыс. руб., при наличии оставшихся лишь 26 действующих церквей и молитвенных домов. Все это говорило о том, что, несмотря на сокращение церквей, «верующие не отходят от участия и активно поддерживают церковь также материально»²⁶.

Смена руководства страны, видимо, вселяла некоторые надежды в верующих на смягчение прежнего агрессивного курса: «За последнее время /1965 г./ увеличилось количество верующих, выступающих за возобновление богослужений в закрытых церквях. Среди жалобщиков – рабочие г. Кривой Рог, Днепропетровск, Новомосковск и другие»²⁷. Еще одним, скорее неожиданным, последствием борьбы с православием был рост протестантизма в восточных областях Украины: «В Днепропетровской области насчитывается около шести тысяч человек сектантских общин: баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня»²⁸. Последняя за 1965 г. инспекторская проверка самой «православной» епархии Восточной Украины показала общий результат антицерковной кампании – из 229 православных церквей, действовавших в 1945 г., осталось без регистрации 26²⁹.

Как решение проблемы видели сами уполномоченные? Ставленники В. А. Куроедова, нового главы СДРПЦ, сменили прежних уполномоченных и не считали правильным проводить жесткую политику в отношении церкви. Новые

уполномоченные видели перед собой карьерные перспективы, однако архивные документы иногда демонстрируют их некомпетентность. Например, Голошапов, новый уполномоченный по Ворошиловградской епархии, допускал бездействия: так, он не представил вышестоящему руководству никаких сведений, статистических данных и развернутых оценок о ситуации в жизни подведомственной ему области за 1960 г., и уже после отставки Н. С. Хрущева его деятельность была оценена невысоко – как «поверхностный контроль» за духовенством.

Регулярно встречавшиеся у уполномоченных в восточных областях Украины предложения сократить сеть епархиальных управлений свидетельствуют о том, что уполномоченные не справлялись со своими задачами. Большое количество епархиальных управлений снижало управляемость подведомственными уполномоченным территориями, т. к. приходилось взаимодействовать со многими епископами и епархиальными управлениями. В целом реальность взаимоотношений церкви и государства на местах оказалась куда сложнее «ценных указаний» партии, спускаемых сверху.

Таким образом, на территории Восточной Украины положение приходов во многом зависело не столько от официальных бумаг, публикуемых партией, сколько от субъективного отношения местных органов власти и партийных организаций к церкви. Особую роль играли личные взаимоотношения священников с представителями власти. В ряде случаев, несмотря на официальные запреты партии, богослужение на местах все же проводилось, храмы восстанавливались, а духовенство получало, если не поддержку, то определенное сочувствие. Хрущевская антицерковная реформа привела к тяжелым для церкви последствиям – сокращалось количество приходов, священникам затрудняли доступ к приходским должностям, снижался уровень их материального благополучия.

Помимо православных и католических общин на востоке Украины активны были представители протестантских течений. Немаловажен был субъективный момент – то, что можно обозначить как «сопротивление на уровне повседневности»: епархиальные управления всё делали для того, чтобы церковные структуры сохранились. Приходские священники, несмотря на все запреты, продолжали руководить паствой; верующие не упускали возможность поднять вопрос об открытии закрытых церквей или о ремонте действующих, о поставлении нового священника на пустующий приход. Религиозная обрядность неизменно сохранялась.

Примечания

¹ См.: Марченко А. Н. «Приходская реформа» 1961 г. как вызов единству церкви // XXI Ежегод. богослов. конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та : в 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 86.

- 2 См.: *Войналович В. А.* Партийно-государственная политика в отношении религии и религиозных институтов в Украине 1940–1960-х гг.: политологический дискурс. Киев, 2005; *Исиченко И., архиеп.* История Христовой церкви в Украине. М., 2003; История религии в Украине. М., 1999; *Катунин Ю. А.* Православная Церковь Крыма в 1958–1963 гг. // *Культура народов Причерноморья*. 2001. № 22. С. 89–95; *Пащенко В. А.* Православие в новейшей истории Украины. Полтава, 1997.
- 3 См.: *Шлихта А. Н.* «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950–60-е гг.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2012. № 3–4. С. 380–407.
- 4 Председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедову на № 131-с от 11.05.1960 // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1791. Л. 4.
- 5 Отчетно-информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Днепропетровской области за первое полугодие 1958 года // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 5–6.
- 6 Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Харьковской области за первое полугодие 1958 года // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1606. Л. 9.
- 7 Там же.
- 8 Отчетно-информационный доклад о положении и деятельности религиозных православных обществ на территории Донецкой области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2089. Л. 5.
- 9 Там же. Л. 6.
- 10 Докладная записка инспектора Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Исаева председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедову // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1798. Л. 6.
- 11 Отчетно-информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Луганской области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2097. Л. 4.
- 12 Там же.
- 13 Отчетно-информационный доклад о положении и деятельности религиозных православных обществ на территории Донецкой области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2089. Л. 5.
- 14 Отчетно-информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Днепропетровской области за второе полугодие 1958 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 17.
- 15 Там же.
- 16 Отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Харьковской области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2105. Л. 13.
- 17 См.: *Шлихта А. Н.* Указ. соч. С. 395.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 396.
- 20 Там же.
- 21 Отчетно-информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Луганской области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2097. Л. 16.
- 22 Отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Харьковской области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2105. Л. 16.
- 23 Отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по УССР за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2086. Л. 18.
- 24 Там же.
- 25 Справка по Днепропетровской области зам. Председателя Совета по делам религии при Совете Министров СССР В. Фугова // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 222. Л. 1.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 Уполномоченному Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Украинской ССР К. В. Литвину докладная записка по отдельным вопросам религиозной обстановки в Днепропетровской области ст. инспектора Уполномоченного Совета по УССР А. Кецко // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 222. Л. 4.

Образец для цитирования:

Годлевский Н. П. (иеромонах Алексий). Приходы восточно-украинских епархий в системе церковно-государственных отношений в 1958–1965 годах (по материалам отчетов уполномоченных по делам РПЦ) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 315–320. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-315-320.

Cite this article as:

Godlevskiy N. P. (hieromonk Alexey). Parishes of the East-Ukrainian Dioceses in the System of Church-State Relations in 1958–1965 (based on the Materials of the Reports Made by Commissioners for Affairs of the Russian Orthodox Church). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 315–320 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-315-320.

УДК [94+323.1](47+57) |1985/1991|

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ПОЗДНЕМ СССР (1985–1991 ГОДЫ): ОТ КРИЗИСА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ К РАЗВАЛУ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

А. П. Мьякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
E-mail: myakshev@mail.ru

В статье анализируется роль этноэлит в период нарастания дезинтеграционных процессов в СССР (1985–1991 гг.), приведших к его распаду. Рассматриваются политические практики, с помощью которых национальные элиты реализовали механизм слома единого государства и создали этнократические режимы на постсоветском пространстве. Делается вывод о мобилизующем значении этнонационализма как мощного оружия против Центра за контроль над республиканскими ресурсами.

Ключевые слова: национальные элиты, перестройка, союзные республики, народы, власть, государство.

The National Elites in the Late Soviet Union (1985–1991): from the Crisis of Inter-ethnic Trust to the Collapse of a Unified State

A. P. Myakshev

The role of the national elites in a period of disintegration processes in the USSR (1985–1991), which led to its collapse, is analyzed in the article. The political practices, with the help of which the national elites realized the mechanism of the unified state's demolition and created ethnocentric regimes on the post-Soviet space are examined. There is a conclusion about the mobilizing importance of ethnonationalism as a powerful weapon against the Centre used to control the republican resources.

Key words: national elites, perestroika, Soviet republics, peoples, authority, state.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-321-328

В предыдущих своих публикациях автор попытался на конкретно-исторических материалах, взятых из фондов центральных и местных архивов, аргументировать положение о том, что уже в рамках так называемого «развитого социализма» политическому руководству СССР пришлось смириться с существованием «нормативного этнонационализма» в союзных республиках¹.

Исследованию процесса последовательного, целенаправленного захвата политическим этнонационализмом ресурсов, собственности, власти на «своих этнических» территориях и созданием этнократических режимов в советских национальных республиках в послевоенный период посвящена выходящая в свет в ближайшее время монография автора «Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 гг.): от общей Победы к кризису межэтнического доверия». Целью настоящей статьи является анализ механизма реализации

национальными элитами своего проекта развала СССР в годы горбачевской перестройки.

Представляется, что перестройка не являлась свидетельством «банкротства» советского проекта², «упущенным шансом»³ спасти советскую модель или попыткой придать советской системе «новый импульс к развитию»⁴. Не имеет существенного значения и внутреннее деление периода «из шести лет» на два⁵ либо четыре⁶ этапа. На наш взгляд, истоки процесса уничтожения советского социалистического общественно-экономического устройства и распада многонационального государства следует искать в связи и параллельно с процессом глобальной трансформации мировой политической элиты, органичной частью которой выступило большинство советской союзной и республиканской партгосноменклатуры. Именно это обстоятельство оказалось для «прорабов» перестройки неожиданным, поэтому короткий шестилетний «финал» советской истории оказался «чистой импровизацией» и закончился «подлинной трагедией»⁷. Проблематично считать, что значение «перестройки» заключается в том, что «в ее ходе была отработана тупиковая модель модернизации социалистической системы советского образца и открыта возможность поиска иных способов модернизации»⁸, прежде всего потому, что подобный «эксперимент» привел к гибели не только идей и идеологий, государств и союзов, но и физическому уничтожению многих сотен тысяч людей.

Перестройка явилась среди прочего «набором технологий и практик», с помощью которого национальные элиты реализовали механизм слома единого государства и создания этнократических режимов на постсоветском пространстве. Бесспорным итогом и порождением перестройки в этой связи представляется порошковская Украина наших дней. Нет нужды доказывать, что «эпоха Хрущева и Брежнева» была временем становления могущества политической формы этничности в советских национальных республиках, неразрывно связанной с уже созданным и «расцветающим» историко-культурным нарративом. На эпоху «застоя» приходится расцвет политического этнонационализма в республиках, выражавшийся в протекционистской системе подбора кадров и обеспечения доступа к высшему образованию. Окончательное оформление национальных кланов в период «развитого» социализма при явном попустительстве центральной власти, отдающей в обмен на политическую лояльность все больше привилегий в национальные республики, создало

к периоду перестройки непреодолимый фундамент национал-сепаратизма. Стремление к национальной замкнутости и ограниченности объективно усиливалось параллельно возрастанию коррупции и других признаков морального разложения национальных руководящих элит, делало их независимыми от центра, создавая тем самым реальные предпосылки дезинтеграционных процессов в СССР.

Национальные элиты к середине 1980-х гг. были всецело готовы к тому, что не смогли сделать ни «сталинская модернизация», ни кампании борьбы с национализмом, антисемитизмом, антипатриотизмом, «феодално-байскими предрассудками и патриархальными отношениями», они «изготовились» для разрушения советских форм межэтнического доверия и солидарности. Советская национальная политика, предполагавшая помощь «отсталым» народам в достижении уровня развития европейской части страны, политическое и правовое равенство граждан страны «поверх» этнических границ и впервые в мировой практике позволившая на принципах доверия выстроить вертикальные и горизонтальные связи и интегрировать советское общество, одновременно создавала и предпосылки для разрушения этих связей.

Горбачев и большая часть советского руководства этих реалий не знала, поэтому учитывать их не могла. О теоретической несостоятельности и дилетантизме в сфере управления межнациональными отношениями нового советского лидера автор посвятил одну из своих статей⁹. Собственно, сам Горбачев этого не отрицал, признавшись в апреле 1990 г., что появление национального вопроса для руководства страны было неожиданным: «Раньше считали, что все вопросы решены, ими можно особо не заниматься. Ваш покорный слуга на первом этапе перестройки искренне полагал, что здесь больших проблем нет»¹⁰.

Судя по воспоминаниям В. И. Воротникова, национальный вопрос был поднят только 1 декабря 1986 г. на совещании у М. С. Горбачева, через год и 8 месяцев после того, как он стал лидером государства. Причем озабоченность состоянием дел в национальной сфере высказал председатель КГБ В. М. Чебриков¹¹. Партийная элита продолжала намеренно скрывать факты вырвавшихся из латентного состояния конфликтов с национальными оттенками. Так, 4 июля 1985 г. секретариат ЦК КПСС рассмотрел вопрос «о фактах серьезных беспорядков среди призывников воинского эшелона, следовавшего маршрутом Батайск – Мары»¹². Несмотря на то что драки призывников-мусульман (в основном из республик Северного Кавказа) с немусульманами продолжались в течение двух дней, секретариат счел отнести причины «беспорядков» к недостаткам нравственного и интернационального воспитания¹³. От общественности эти события были скрыты, призывники из республик Северного Кавказа «судили о случившемся понаслышке», и уже в ходе весеннего призыва 1986 г. в военкоматы Северного Кавказа «не явилось около 200 человек»¹⁴.

Позиция партийных чиновников не изменилась и после «якутских» событий конца марта – начала апреля 1986 г., когда в течение трех дней в Якутске происходили массовые драки между русскими и якутами и демонстрации якутской молодежи¹⁵. Местный обком партии в своем сообщении в ЦК КПСС 3 апреля, «когда уже была ясна националистическая окраска событий», «квалифицировал их по существу как простое хулиганство»¹⁶. Комиссия, прибывшая из ЦК, «по горячим следам» не рассмотрела «в конфликте межнационального оттенка» и «недооценила перерастания его в выступление националистического толка»¹⁷. На стихийном митинге в актовом зале университета присутствовавшие секретарь обкома по идеологии, первый секретарь горкома, первый секретарь райкома, другие партийные и комсомольские работники выступили «в роли пассивных наблюдателей»¹⁸. Между тем программа «якутских националистов» сводилась к лозунгу «Якутия для якутов, долей русских!»¹⁹ Иного пути национальные элиты уже не видели. Центр же переложил всю ответственность «на партийное руководство республики и лично первого секретаря обкома Ю. Н. Прокофьева» и всего лишь обратил внимание «на воспитание высокой культуры межнационального общения»²⁰.

Недооценив силу и мощь национальных элит, ко времени перестройки превратившихся в полноправных хозяев национальных республик и стремящихся стать «собственниками» «своих этнических территорий», М. С. Горбачев в декабре 1986 г. допустил роковую ошибку. Впрочем, осознанного намерения «дать укорот» «князьям гор и долин» у него не было. Скорее всего, побудительным мотивом к конфронтации с рядом авторитетных национальных партийных лидеров стало стремление «свести счеты» с теми, кто в свое время открыто не поддержал избрание Горбачева на должность генсека или не разделял взглядов лидера по текущим политическим вопросам. Именно на это обстоятельство («личная неприязнь и старые обиды») указывает хорошо информированный В. И. Болдин²¹. Помощник президента СССР А. С. Черняев подчеркивает, что Горбачев, как в свое время Хрущев и Брежнев, тяготел к аппаратным интригам и кадровым перетасовкам²². Первый украинский президент Л. М. Кравчук, полагая, что устранение первого секретаря ЦК КП Украинской ССР В. В. Щербицкого «состоялось» из-за его «неприятя» самой перестройки, вспоминал, что Щербицкий выпытывал у него, занимавшего пост секретаря по идеологии, «какой дурак придумал это слово “перестройка”?»²³.

11 декабря 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято решение об освобождении от должности первого секретаря казахстанского ЦК Д. А. Кунаева и замене его на русского Г. В. Колбина, имевшего опыт работы вторым секретарем в Грузии. Азербайджанский лидер Г. А. Алиев, единственный из членов Политбюро, выразил свои сомнения в связи с назначением малоизвестного номенклатурного работника на руководство одной из

крупнейших национальных союзных республик²⁴. Накануне, в ноябре, вспоминал М. С. Горбачев, он беседовал с Кунаевым о возможном преемнике. По словам Горбачева, Д. А. Кунаев дал нелестную оценку кандидату на первый пост в республике председателю Совмина КазССР казаху Н. А. Назарбаеву и заявил, что среди казахов преемника не видит, «на посту первого секретаря должен быть русский»²⁵. По воспоминаниям самого Д. А. Кунаева, М. С. Горбачев отказался ответить на его вопрос о преемнике и грубо заявил: «Позвольте это решить нам самим»²⁶.

Таким образом, конфликт вырос не из желания Горбачева «преподнести урок Казахстану, а заодно и другим»²⁷, а был следствием аппаратных интриг. Последствия декабрьских событий 1986 г. в Алма-Ате были самыми трагичными и переломными в отношениях между союзным Центром и республиканскими национальными элитами.

С вечера 16 декабря вплоть до 19 декабря в Алма-Ате прошли массовые волнения казахской молодежи с требованиями, сводящимися к лозунгу «Казахам – казахского лидера!». В ходе беспорядков погибли 2 сотрудника МВД и один демонстрант, более 1200 человек обратились за медицинской помощью, были уничтожены десятки служебных машин. Казахская партэлита, забыв внутренние распри (в феврале 1986 г. на XVI съезде Компартии Казахстана группа молодых казахских руководителей, среди которых выделялись Н. А. Назарбаев, Е. Н. Ауельбеков и З. К. Камалиденов, подвергли резкой критике методы руководства Д. А. Кунаева), мгновенно мобилизовалась и дала отпор Центру. Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцев, прибывший по заданию М. С. Горбачева в Алма-Ату, так охарактеризовал обстановку: «Колбин ничего не мог сделать, так как находился в полной изоляции. Аппарат его не принял. Назарбаев, недавно избранный Председателем Совета Министров Казахстана, устранился. Кунаев сказался больным и помогать отказался»²⁸.

На собрании республиканского актива М. С. Соломенцев дал оценку событиям и назвал их «проявлением национализма»²⁹. Тем не менее Н. А. Назарбаев, ознакомившись с запиской Соломенцева об алма-атинских событиях, не согласился «с тем, что главной причиной является национализм», и заявил, что «это в большей степени было хулиганство». Соломенцев был вынужден напомнить Назарбаеву мнение простых людей, «которые хором говорили, что весь этот бунт затеяло высокое начальство казахской национальности, обиженное тем, что первым секретарем избрали русского»³⁰. Бывший советник, пресс-секретарь президента А. С. Грачев также указывает на то, что за этими «отнюдь неспонтанными беспорядками угадывалась уверенная рука если и не самого отставного 73-летнего казахского руководителя, то тех, кто захотел показать Москве, что пакт лояльности республики по отношению к Центру может быть расторгнут»³¹.

Вряд ли казахскую партэлиту напугали обещания нового руководителя Казахстана сломать сложившуюся в республике систему преференций по этническому и родовому критериям в кадровой политике и отказаться от «устаревшей» практики выдвижения руководящих работников по национальному признаку³². К августу 1987 г. от занимаемых должностей освобождено 144 человека, ранее входивших в номенклатуру ЦК Компартии Казахстана, из них 12 были исключены из партии³³. Национальное представительство в высшем партаппарате было выровнено пропорционально национальной структуре населения республики: в конце 1987 г. из 32 членов Бюро ЦК Компартии Казахстана казахов было 13 человек (39%), из 156 членов ЦК Компартии Казахстана 65 человек (41%) по национальности были казахами, из 18 первых секретарей обкомов – 7 казахов (44%)³⁴. Под предлогом борьбы с клановой системой, коррупцией и протекционизмом в вузах «попугали» интеллектуальную элиту: потеряли свои должности министр образования и 12 ректоров, в алма-атинских вузах было уволено 319 преподавателей и исключено 182 студента³⁵. Впрочем, эти меры не успокоили русских казахстанцев. В 1987 г. из Джамбульской области выехало 46 тыс., Карагандинской – 24 тыс., Джезказганской – 26 тыс., Кызыл-Ординской – 22 тыс. «граждан только русской национальности»³⁶.

Опытный Г. В. Колбин быстро разобрался в ситуации: сохранить свою власть в республике можно было в одном случае – строить политику в интересах элиты титульного этноса. Летом 1987 г. такой подход был ярко продемонстрирован: русский руководитель Казахстана решительно пресекал претензии уйгуров на создание автономного образования³⁷. И все же для могущественной национальной элиты Колбин так и не стал «своим». В мае 1989 г. он покинул Казахстан, и казахская партэлита объединилась вокруг сильного национального лидера Н. А. Назарбаева. Тут же была проведена кадровая «санация», и вслед Колбину из высшего руководства республики было удалено 8 его ближайших сподвижников. Не заставил себя ждать первый этноконфликт: 17–29 июня 1989 г. в западноказахстанском Новом Узене прошли стычки между казахской и северокавказской молодежью. От широкомасштабной этнической чистки чеченцев и ингушей спасли введенные в регион части специального назначения.

Политический этнонационализм в Казахстане базировался на четко сформулированных и последовательно проводимых в жизнь этнократических принципах, концепции приоритета титульного этноса. В марте 1989 г. один из высокопоставленных казахстанских чиновников Т. С. Джилтиров обратился с письмом в Президиум Верховного Совета СССР, в котором протестовал против предложения предоставить национальным меньшинствам в республике права на образование своих автономий. Коренное население, писал Джилтиров, не поймет, «когда на лучших землях

Казахстана будут возникать немецкие, курдские, «туркские» автономные районы и области», тем более, что «все эти национальные меньшинства в основном обжили те исконно казахские регионы», где лучше климат, плодороднее почва, больше влаги»³⁸. «Впору больше защищать не нацменьшинства, а аборигенов, поставленных в очень сложные житейские условия», поднимать «их жизненный и культурный уровень до уровня «обиженных» немцев, татар, курдов»³⁹. Вопрос о «разделе земли, почв, влаги, солнца, дорог» приобретал для этноэлит первостепенное значение.

В сентябре 1990 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР принял постановление «О выводах и предложениях комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17–18 декабря 1986 г.». Националисты «предстали» первыми борцами за перестройку, новоявленными «декабристами», а те, кто пытался препятствовать беспорядкам, будут обвинены в жестокости при разгоне «демократических демонстраций». Так, комиссия по «окончательной оценке событий 17–18 декабря 1986 г.» обвинила народного депутата СССР, председателя Павлодарского областного Совета народных депутатов Ю. Мещерякова, в 1986 г. занимавшего пост первого секретаря Октябрьского райкома партии Алма-Аты, в вооружении дружинников и в «организации избивения ни в чем не повинных людей»⁴⁰. Сам Мещеряков прямо указывал, что, «пытаясь оправдать хулиганов и погромщиков, в самой комиссии находились лица, которые допустили выступления студенчества, за что некоторые из членов комиссии были впоследствии наказаны»⁴¹. Передовые отряды титульных этносов больше не скрывали своих намерений, союзный Центр к этому времени утратил все рычаги влияния на мобилизовавшиеся элиты. По мнению народных депутатов СССР С. Г. Васильева и В. С. Туренко, всего за несколько лет перестройки националистическое движение в Казахстане приняло «угрожающие размеры»: в Совете Национальностей отсутствовали «представители русской нации» от Казахстана, в руководстве республики преобладали представители коренной нации, из 45 высших руководителей Совмина республики – более 2/3 казахов⁴².

В годы перестройки определяющим фактором эволюции национальных элит стал поиск эффективного механизма и «пассионарного» потенциала для уничтожения последних, зачастую уже превратившихся в «условных», связей-зависимостей-обязательств от союзного Центра. Одной из наиболее активных движущих сил борьбы с федеральной властью стали национальные движения народов, депортированных в годы войны и не «заслуживших» реабилитации в 1950–1980-е гг. Первыми активизировались крымские татары, и уже в июле 1987 г. советское руководство вынуждено было создать Госкомиссию по крымским татарам во главе с председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко.

Тогда же возникла реальная возможность исправить не только несправедливость по отношению к крымским татарам, но и ошибку с передачей Крыма в состав Украины. Однако на заседании Политбюро ЦК КПСС 9 июля 1987 г. возможность восстановления крымской автономии путем возвращения области под юрисдикцию РСФСР была отвергнута, поскольку якобы несла в себе угрозу ухудшения отношений между Украиной и Россией. М. С. Горбачев считал недопустимым создание на этой почве «трещины в славянском ядре “социалистической империи”». А. И. Лукьянов и В. М. Чебриков высказали предложение создать для татар в Крыму специальный автономный округ, но и оно было отклонено⁴³. В конечном счете советское руководство образовало новую государственную комиссию и приняло решение вернуть в Крымскую область УССР более 300 тыс. крымских татар⁴⁴. Украинское руководство Крымской области в ноябре 1989 г. приняло решение о переселении в Крым «граждан крымско-татарской национальности», однако «в целях сохранения резервных территорий всесоюзных здравниц» не разрешило «расселения и строительства индивидуальных домов» в 3-километровой зоне побережья Черного и Азовского морей⁴⁵.

Под давлением союзного руководства 12 ноября 1990 г. внеочередная сессия Крымского облсовета с участием председателя Верховного Совета УССР и будущего президента Украины Л. М. Кравчука приняла Декларацию о государственном и правовом статусе Крыма, в которой провозглашалось право народов Крыма на воссоздание государственности в форме Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. Реализацию этого права предполагалось осуществить на основе народного референдума, намеченного на 20 января 1991 года. Однако за день до решения Крымского облсовета Президиум Верховного Совета Украины категорически заявил, что «Крым имеет право на автономию или особый статус» только «в составе УССР»⁴⁶. Сам Центр после того как весной 1991 г. законом УССР была восстановлена Крымская АССР и крымско-татарское движение приступило к образованию «параллельных структур власти в виде меджлиса»⁴⁷, предпочел самоустраниться от решения этого вопроса и всецело положиться на украинскую политэлиту.

Собственно в этом же ключе решалась и «турко-месхетинская проблема». После того как в октябре 1986 г. месхетинцы побывали на приеме у первого секретаря ЦК КП Грузии Д. Пагиашвили, выезжали в бывшие свои села и убедились, что «там в 84-х селах никто не живет и в Грузии можно было бы безболезненно поселить 70 тысяч человек»⁴⁸, грузинское руководство на словах согласилось с возвращением турок. Но вскоре выполнение этого постановления было сорвано, а сроки переселения грузинским ЦК были вскоре продлены до 2000 г.⁴⁹ Даже после изгнания турок-

месхетинцев летом 1989 г. из Узбекистана грузинская политэлита упорно воздвигала барьеры перед турками в их стремлении вернуться на родину. Месхи, вывезенные в Орловскую, Смоленскую, Белгородскую, Курскую, Воронежскую области, Краснодарский край, заявили, что «в Узбекистан не вернуться, в РСФСР «климат не подходит», и настаивали на переселении в Грузию»⁵⁰. Лидер турко-месхетинского движения Ю. Сарваров считал, что грузинские власти препятствовали возвращению турок на свою историческую родину, «при этом надеясь на то, что от безысходности месхи закрепятся в пустующих районах РСФСР»⁵¹.

Союзное руководство в июле 1991 г. направило официальное обращение президенту Грузии З. К. Гамсахурдиа с просьбой принять месхетинцев⁵². Тогда же представители Всесоюзного общества месхетинских турок «Ватан» встретились с Председателем Верховного Совета Грузии А. Т. Асатиани, который ответил, что руководство республики не собирается подписывать союзный договор и не считает Грузию составной частью Союза, поэтому не обязано выполнять какие-либо решения органов Союза ССР. К тому же, подчеркнул А. Т. Асатиани, нельзя считать Месхетию исторической родиной турок, «их родина – Турция», поэтому «это проблема не Грузии, а Советского Союза и Турции»⁵³. Грузинская элита делиться властью и территорией с кем-либо не собиралась.

Позиция азербайджанского руководства по отношению к курдам, покидавшим в это время Узбекистан, Армению, Казахстан, Киргизию⁵⁴, была мягче. На встрече в ЦК КП Азербайджана в ответ на просьбу курдской делегации во главе с М. С. Бабаевым создать комиссию для образования автономии в республике, курды получили следующий ответ: «Мы вас готовы принять, но автономию не дадим»⁵⁵.

Против создания немецкой автономии на Волге категорически выступила местная саратовская партэлита. Еще в марте 1989 г. председатель Совета Национальностей А. Э. Восс после беседы с немецкой делегацией сообщил, что ряд руководящих работников Саратовской и Волгоградской областей пытаются «поставить под сомнение целесообразность даже обсуждения вопроса о немецкой автономии» и препятствуют переезду немцев в районы их прежнего местожительства⁵⁶. После того как советское руководство поддержало идею немецкой автономии на Волге, а в центральной печати появились сообщения о том, что подготовлен проект о восстановлении автономии немцев в Поволжье, местные партийцы осенью 1989 г. организовали отпор. Члены комиссии Верховного Совета, побывавшие на территории бывшей АССР НП, были единодушны: «по Саратовской области, и в особенности по г. Марксу, имеется целый ряд фактов о том, что здесь при попустительстве и молчаливом одобрении руководства сформировалось организованное противодействие восстановлению АССР НП»⁵⁷. Людям через СМИ постоянно внушали

мысль о том, что «автономия приведет к новому Карабаху. Мы – против»⁵⁸. Противодействие самой идее немецкой автономии в 1990 г. усилилось, а деятельность антиавтономистских комитетов «Россия» приобретало «все более организованный и воинствующий характер»⁵⁹.

Не удалась попытка КГБ СССР «одернуть» местные элиты. Сотрудник КГБ А. Н. Кичихин открыто выступил с обвинениями в коррупции и возбуждении национальной розни в адрес саратовских руководителей (назывались имена секретарей райкомов В. Л. Зюзина и В. В. Рогалева, председателя облисполкома Н. С. Александрова, секретаря обкома Ю. Д. Баранова, члена бюро обкома И. П. Кузнецова)⁶⁰. Но это партаппарат не испугало. Более того, руководитель Совмина СССР, бывший саратовский первый секретарь обкома В. К. Гусев заявил, что в «настоящее время отсутствуют условия для восстановления автономии», а решение об образовании такой автономии чревато «опасностью образования» в Поволжье «еще одного очага национальных конфликтов»⁶¹. Тем не менее, в декабре 1990 г. в Верховном Совете СССР был обсужден проект постановления Верховного Совета СССР «О государственных гарантиях национального возрождения советских немцев», предусматривавший создание Национального Совета немцев СССР и наделение его полномочиями органа самоуправления и выразителя национального суверенитета немцев СССР⁶². Местная элита стояла на своем: отдавать немцам власть над большей частью области она ни в коем разе не собиралась. В октябре 1991 г. Саратовский областной совет заявил о невозможности воссоздания немецкой автономии в любой форме и пригрозил в противном случае организовать в области кампанию гражданского неповиновения⁶³. Все это и привело к исходу немецкого населения из СССР. Прав был помощник Президента СССР А. С. Грачев, когда с горечью констатировал, что «драмы репрессированных народов вторглись в политическую жизнь страны, перекраивая на свой лад повестку дня перестройки, ломая график, который хотел установить для нее Горбачев»⁶⁴.

Элиты народов, автономии которых были восстановлены в 1957 г., на прошедшем 23–24 ноября 1990 г. в Москве учредительном съезде репрессированных народов открыто обвинили центральные и российские власти в том, что они «ничего не делают» по реабилитации народов, а «партийные «бюрократии» Осетии, Саратова, Грузии осваивают в это время заброшенные исконные земли репрессированных народов»⁶⁵. Особо не церемонясь с «вконец ослабевшим» Центром, на съезде выдвигались предложения «организовать суд над КПСС», «провести второй съезд в Кремле и добиться извинений Горбачева за беды, причиненные КПСС»⁶⁶, провозглашались программы борьбы за «полный суверенитет государственных образований чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других народов в границах до репрессивных актов»⁶⁷. От провозглашения подобных

лозунгов элиты стремительно переходили к переводу латентной фазы этноконфликтов в горячую.

Этнические конфликты, которые стремительно покрыли национальную карту СССР, стали главным аргументом в борьбе этноэлит с «ненавистным» Центром. Любое проявление национальной нетерпимости трактовалось теперь как наследие «имперского прошлого», «пробуждение национального самосознания», «достижение исторической справедливости», облекалось в форму непримиримости к союзным структурам власти и направлялось в русло безусловного признания необходимости слома существующей модели межнационального взаимодействия в единой стране.

Не случайно на состоявшейся 4 ноября 1988 г. сессии Нагорно-Карабахского облсовета депутаты главной причиной разгорающегося армяно-азербайджанского конфликта посчитали «действующую Конституцию СССР», которая якобы «фактически» устанавливала «примат союзной республики над инациональной по отношению к ней автономией» и закрепляла «право и возможность одной нации распоряжаться и довлеть над другой нацией»⁶⁸. До сих пор в постсоветской историографии довольно устойчиво мнение о том, что конфликт перешел в «военную» стадию из-за стратегической ошибки М. С. Горбачева, 26 февраля 1988 г. обсуждавшего в Кремле положение армян Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) и Нахичевани с представителями армянской литературы З. Балабяном и С. Капутикян⁶⁹.

Очевидно было, что ослабление конфликта вокруг НКАО возможно было исключительно в рамках единого государства. Советское руководство не обратило внимание на мнение научных экспертов. К примеру, в мае 1988 г. Ж. Г. Голотвин предлагал высшему руководству страны освободить «скомпрометировавших себя первых секретарей ЦК КП Азербайджана и Армении, поскольку нагнетание напряженности – повод, используя который, можно отвлечь внимание трудящихся Армении и Азербайджана от коррупции»⁷⁰. Для разрешения конфликта ученый предлагал «передать НКАО во временное управление Российской Федерации» либо «преобразовать НКАО в автономную республику»⁷¹. На самом деле, главной ошибкой Горбачева была вера в то, что азербайджанская и армянская политэлиты «договорятся между собой». Р. Г. Пихоя, исследовавший рабочую запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 29 февраля 1988 г., полагает, что даже после Сумгаита у Горбачева сохранялась надежда на возможность мирной договоренности между азербайджанским и армянским руководством⁷². Союзное руководство, опираясь на горбачевские обещания принять «любую формулу», о которой договорятся между собой элиты двух республик, по сути, само исключало себя из механизма принятия решений по разгорающемуся этноконфликту.

Республиканские элиты, манипулируя «правдой» о «пылающих межнациональных конфлик-

тах», быстро внушили мысль о «демократической составляющей национальных движений» и «тоталитарной злонамеренности советского режима», «способного лишь на депортации и репрессии против свободолюбивых и некогда покоренных империей народов». Подобный дискурс присущ оценке практически всех этноконфликтов периода «перестройки». Трагедия, случившаяся 9 апреля 1989 г. в Тбилиси, когда власть все-таки санкционировала применение войск для восстановления мира и спокойствия в бурлящем Тбилиси (с 4 апреля здесь беспрерывно проходил несанкционированный митинг сторонников З. Гамсахурдиа под лозунгами «Независимость Грузии!», «Долой Российскую империю!», с требованиями ликвидации автономии Абхазии), была ловко использована элитами для создания образа «репрессивного центра», в конечном счете, для активизации борьбы за выход Грузии из СССР. Центр, испугавшись, «возложил ответственность» на ЦК Компартии Грузии и командование Закавказского военного округа⁷³, тем самым еще более усугубил свое положение и «поспособствовал» приходу к власти в Грузии «апрельских экстремистов». Логичным следствием событий 9 апреля стала не только эскалация конфликтов вокруг Южной Осетии и Абхазии, но и стремительный выход Грузии из-под юрисдикции союзных властей с вождельным лозунгом грузинской политэлиты «Грузия – для грузин»⁷⁴.

Еще одним методом слома всей системы межнационального взаимодействия в стране явилась откровенная русофобская кампания, развернувшаяся в стране. Уже алма-атинские события декабря 1986 г. в известной записке Г. Литвиновой характеризовались «не столько как всплеск национализма, сколько как всплеск русофобии»⁷⁵. В широком распространении антирусских настроений в Латвии, Литве и Эстонии сумели убедиться в ноябре 1988 г. члены Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведев, Н. Н. Слюньков, В. М. Чебриков, когда во время поездки в эти республики их встречали с плакатами «Русские, убирайтесь вон!» и «Немедленный выход из Союза» и т. п.⁷⁶ Лидер месхетинского национального движения Ю. Сарваров сообщил, что в феврале 1989 г. в Узбекистане к месхетинцам «приходили и сказали, что всех европейцев выставим, будем мощным государством, присоединяйтесь»⁷⁷.

Основной удар местные национальные элиты направили против русского языка – одного из главных объединительных факторов государства. Наиболее сильным и организованным движением против русского языка оказалось в Молдавии, где с 1988 г. начали предприниматься действия по ликвидации русских классов, организовывались митинги, где провозглашались лозунги «Молдаване объединяйтесь!», «Бей оккупантов!», «Нет русификации!»⁷⁸. Призыв «русских людей из Донбасса» «спасти Союз может только одно – срочное принятие статуса государственного языка на территории СССР – русского языка!»⁷⁹ властью не был услы-

шан. Антирусской истерии, охватившей национальные регионы, способствовала политика той части российской политэлиты, которая рассматривала «национальный взрыв» в СССР главным фактором достижения власти в суверенных республиках.

В октябре 1990 г. Россия заключила прямые двусторонние договоры с Украиной и Казахстаном, в которых предполагалось строить отношения на основе признания взаимного суверенитета⁸⁰. После январских событий в Литве в 1991 г. Россия демонстративно подписала «антисоюзные» договоры с Латвией, Литвой, Эстонией. Председатель палаты Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР Р. Г. Абдулатипов вынужден был заявить, что эти договоры «автоматически превращают миллионы русских, проживающих в этих республиках, в иностранцев». Если «идти на развал нынешнего Союза, то мы делаем, — полагал он, — иностранцами около 30 миллионов русского населения»⁸¹.

В 1989–1990 гг. местные элиты приступили к методичному захвату власти. Секретарь Львовского обкома КП Украины В. Секретарюк сообщал, что господствующей идеологией органов власти стала «идеология украинского национализма: произошла реабилитация “бандеровщины”; официально зарегистрированы партии, программными целями которых провозглашалась борьба за полный выход Украины из состава СССР; приняты решения райсоветов против КПСС и КПУ; Львовский совет принял решение о демонтаже памятников В. И. Ленину, об отмене советских праздников» и т. д.⁸² Тогда же на западе Украины возникли «сепаратистские» движения: поступали предложения «вернуть» «сегодняшнему Закарпатью» «незаконно отнятый Сталиным статус автономной республики и вернуть коренному населению название русин»⁸³, в Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях была выдвинута идея воссоздания «суверенной Галицийской республики» с включением в нее Закарпатье («иначе у Галиции не будет выхода в Западную Европу» и она окажется «внутри Украины»). «Галицкие эмиссары» попытались склонить русинов «поддержать их в этих планах», в противном случае угрожали кровопролитием. Русинов же хотели «жить вместе с русским, белорусским, украинским народами в СССР»⁸⁴.

Так, уже в начальный период перестройки, полагает Р. Г. Пихоя, национальный фактор превратился в «фетиш, в самостоятельную ценность, в фактор, обеспечивающий быструю и шумную карьеру представителям местных элит»⁸⁵. По мере ухудшения экономической ситуации местные элиты «были склонны переключать недовольство народа на переживавшее кризис центральное правительство» и «на другие народы, отыскивая в далекой истории поводы для споров, скрытые или исчезнувшие было разногласия»⁸⁶. А. С. Барсенков не сомневается, что «союзно-республиканские элиты по достоинству оценили мобилизуемое значение

этнонационализма как мощного оружия против Центра за контроль над республиканскими ресурсами в ходе провозглашенной экономической реформы»⁸⁷. Таким образом, «перестройка» стала временем стремительной внутренней консолидации национальных элит и их радикального политического обособления и разрыва с общесоюзным руководством.

Уже в ноябре 1991 г. один из руководителей Верховного Совета СССР А. Т. Алимжанов признавал: «Каждый из нас представляет свои суверенные государства, свои республики, защищает свои интересы»⁸⁸. Зато не сомневалась «новая демократическая» российская элита, как и ее один из наиболее ярких представителей А. А. Собчак, заявивший, что «Будущему сообществу потребуется представительный орган по типу Европарламента, и здесь Верховному Совету СССР следует обеспечить преемственность на переходный период до выборов в такой “Европарламент”»⁸⁹.

Примечания

- 1 См.: Мякшев А. П. Советская национальная политика : факторы успеха, уникальность опыта, причины краха // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 40–49 ; *Он же*. Заключительный этап насильственного перемещения населения в СССР : специфика и его влияние на изменение национальной структуры (1945–1956 гг.) // Там же. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 410–415 ; *Он же*. Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период : основные направления и тенденции // Там же. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 40–49.
- 2 См.: Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. Перестройка и крах СССР. СПб., 2010. С. 128–130.
- 3 См.: Польшов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. М., 2010.
- 4 См.: Шубин А. В. Парадоксы перестройки : Упущенный шанс СССР. М., 2005.
- 5 См.: Согрин В. В. Политическая история современной России : от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 6–7.
- 6 См.: Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. М., 2002. С. 55.
- 7 Вдовин А. И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011. С. 476.
- 8 Там же. С. 477.
- 9 Мякшев А. П. О роли М. С. Горбачева в распаде СССР // Историческое прошлое и образы истории : материалы междунар. науч. конф. в честь 95-летия гуманитар. образования в Саратов. гос. ун-те им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2013. С. 470–479.
- 10 Союз можно было сохранить. Белая книга : Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 104.
- 11 См.: Воронников В. И. А было это так : Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 114.
- 12 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 89. Пер. 11. Д. 138. Л. 1.

- ¹³ РГАНИ. Л. 1.
¹⁴ Там же. Д. 192. Л. 4.
¹⁵ Там же. Пер. 23. Д. 34. Л. 9, 10.
¹⁶ Там же. Л. 15.
¹⁷ Там же. Л. 9.
¹⁸ Там же. Л. 11.
¹⁹ Там же. Л. 10.
²⁰ Там же. Д. 15. Л. 1, 2.
²¹ См.: *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. М., 1995. С. 230–232.
²² См.: *Черняев А. С.* 1991 год : Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 19.
²³ См.: *Одноколенко О.* Прощай СССР. Интервью с Л. Кравчуком // *Итоги.* 2011. № 33. С. 30–31.
²⁴ См.: *Кунаев Д. А.* От Сталина до Горбачёва. Алматы, 1994. С. 272.
²⁵ *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 497–498.
²⁶ *Кунаев Д. А.* Указ. соч. С. 288.
²⁷ *Горбачев М. С.* Указ. соч. Кн. 1. С. 498.
²⁸ *Соломенцев М. С.* Верю в Россию. М., 2003. С. 572.
²⁹ Там же. С. 573.
³⁰ Там же. С. 574.
³¹ *Грачев А. С.* Горбачев. М., 2001. С. 261.
³² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668. Л. 20–26.
³³ Там же. Д. 1669. Л. 15.
³⁴ Там же. Д. 1666. Л. 1.
³⁵ Там же. Д. 1671. Л. 260.
³⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 2201. Л. 80.
³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1647. Л. 9.
³⁸ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 103. Л. 2.
³⁹ Там же. Л. 3, 4.
⁴⁰ Там же. Д. 111. Л. 126, 127.
⁴¹ Там же. Л. 128.
⁴² Там же. Л. 102.
⁴³ См.: *Союз можно было сохранить.* С. 15.
⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 116. Л. 15, 16.
⁴⁵ *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. М., 2002. С. 198, 199.
⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 320. Л. 5.
⁴⁷ Там же. Л. 131.
⁴⁸ Там же. Д. 123. Л. 52.
⁴⁹ Там же. Оп. 10. Д. 103. Л. 18, 19.
⁵⁰ Там же. Оп. 6. Д. 123. Л. 52.
⁵¹ ГАРФ. Д. 112. Л. 122.
⁵² Там же. Д. 322. Л. 26.
⁵³ Там же. Л. 32.
⁵⁴ Там же. Д. 114. Л. 30.
⁵⁵ Там же. Л. 25.
⁵⁶ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 30. Д. 8. Л. 2 об.
⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 116. Л. 8.
⁵⁸ Там же. Д. 110. Л. 42, 43.
⁵⁹ Там же. Д. 205. Л. 30.
⁶⁰ Там же. Л. 47, 49, 71.
⁶¹ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 8. Д. 60. Л. 4.
⁶² ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 205. Л. 116, 117.
⁶³ См. подр.: *Мякшев А. П.* Саратовский край в годы перестройки (1985–1991) // *Энциклопедия Саратовского края.* Саратов, 2002. С. 300.
⁶⁴ *Грачев А. С.* Указ. соч. С. 262.
⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 333. Л. 7.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Там же. Л. 8.
⁶⁸ Там же. Д. 112. Л. 4.
⁶⁹ См.: *Союз можно было сохранить.* С. 18–20.
⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 4178. Л. 10.
⁷¹ Там же. Л. 10, 12.
⁷² См.: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз : история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 469.
⁷³ См.: ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 2. Д. 19. Л. 55-а, 62–68, 74, 79, 84, 96 и др.
⁷⁴ Там же. Оп. 6. Д. 117. Л. 15.
⁷⁵ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 4178. Л. 46.
⁷⁶ *Черняев А. С.* 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 12.
⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 123. Л. 52, 60.
⁷⁸ Там же. Д. 2201. Л. 165, 166.
⁷⁹ Там же. Д. 112. Л. 59.
⁸⁰ См.: *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.* М., 1990. № 27. Ст. 353.
⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 109. Л. 170.
⁸² Там же. Оп. 6. Д. 218. Л. 21–30.
⁸³ Там же. Оп. 10. Д. 114. Л. 59.
⁸⁴ Там же. Л. 58.
⁸⁵ *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 472, 474.
⁸⁶ *Бюффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994. М., 1996. С. 220.
⁸⁷ *Барсенков А. С.* Указ. соч. С. 123.
⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 312. Л. 68.
⁸⁹ *Известия.* 1991. 14 дек. С. 1.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. Национальные элиты в позднем СССР (1985–1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к развалу единого государства // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 3. С. 321–328. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-321-328.

Cite this article as:

Myakshev A. P. The National Elites in the Late Soviet Union (1985–1991): from the Crisis of Inter-ethnic Trust to the Collapse of a Unified State. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations,* 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 321–328 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-321-328.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(37).05

ОКТАВИАН И ЛУЦИЙ АНТОНИЙ: БОРЬБА ЗА ИТАЛИЮ В 41–40 ГОДЫ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

С. Н. Ахиев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: responsum@list.ru

В статье рассматривается проблема взаимоотношений между триумвирами в период Перузинской войны (41–40 гг. до н.э.). Автор отмечает активное использование республиканских лозунгов, что позволяло политическим лидерам получить поддержку значительной части населения Римской державы. В то же время Перузинская война как нельзя более отчетливо продемонстрировала огромную роль армии в политической жизни Рима, что в конечном итоге обусловило победу Октавиана над Луцием Антонием.

Ключевые слова: политическая пропаганда, гражданская война, Римская республика, Октавиан, Луций Антоний, Фульвия, общественное мнение.

Octavian and Lucius Anthonius: the Struggle for Italy in 41–40 B.C.

S. N. Akhiev

The article deals with the problem of the relationship between the Triumvirs in the period of the Perusine war (41–40 BC). The author notes the active use of Republican slogans, which allowed the political leaders to obtain the support of a significant part of the Roman population. On the other hand, the Perusine war clearly demonstrated the army's role in the political life of Rome, which determined Octavian's victory over Lucius Antonius.

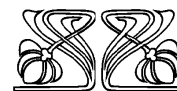
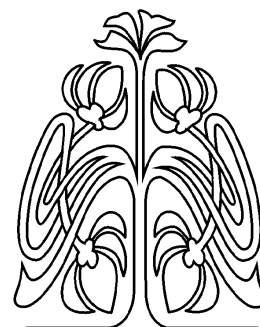
Key words: political propaganda, Civil War, Roman Republic, Octavian, Lucius Antonius, Fulvia, public opinion.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-329-334

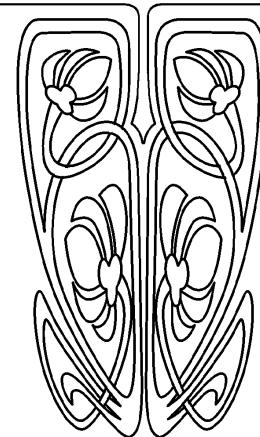
Политическую систему Рима к 41 г. до н. э. можно охарактеризовать как фактический дуумвират Антония и Октавиана при формальном сохранении статуса триумвира Лепидом (игравшего второстепенную роль) и стоявшей вне рамок ёданного учреждения Сицилийской державы Секста Помпея. Это сложившееся равновесие было нарушено Перузинской кампанией и последовавшим за ней острейшим политическим кризисом 40–39 гг. до н. э.

В 41 г. до н. э. Октавиану, оставшемуся по соглашению между триумвирами в Италии, пришлось заниматься наделением ветеранов землей (Dio Cass. XLVIII. 1. 3; App. B. C. V. 3.10–14; Suet. Aug. 13. 3). Задача очень сложная, так как выведение колоний, по сообщениям источников, вызвало недовольство, даже озлобление значительной части населения: как италиков, изгнанных со своих наделов, так и ветеранов, жаловавшихся на то, что они получили меньше, чем заслужили¹. Неудивительно, что гнев обрушился на организатора конфискаций, чем не замедлили воспользоваться политические противники Октавиана – Луций Антоний, консул 41 г. до н. э., родной брат триумвира Марка Антония, и жена последнего – Фульвия, возглавившие движение всех недовольных. Такова картина событий, представленная античными писателями.

Дальнейшее описание событий источниками и их оценка современными исследователями существенно отличаются друг от друга.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Большая часть античных авторов довольно однозначно трактуют действия Луция и Фульвии как мятеж, направленный против Октавиана². Между тем Аппиан в своем довольно подробном изложении трактует события как движение всех недозволенных, направленное вообще против политики триумвиров.

Это расхождение в источниках, вероятно, и легло в основу различных оценок событий, существующих в современной историографии. По мнению некоторых исследователей, суть вражды между Октавианом и Антонием заключалась в борьбе за монопольное право наделения ветеранов землей³. Как отметил М. Чарльсворт, по мере того как успешно проходило наделение ветеранов землей, друзья Антония осознали, что сделали ошибку, позволив Октавиану проводить разделы единолично⁴. Однако исследователи не могли игнорировать сообщения Аппиана о стремлении Луция отменить триумвират, что позволило некоторым историкам говорить о демократическом характере движения⁵. Дж. Роддас и Я. Ю. Межеричский даже утверждают, что Луций Антоний, по сути, выдвинул лозунг восстановления Республики и вполне серьезно планировал прекратить деятельность триумвиров⁶. К. Крист считает, что «защитники М. Антония дошли до того, что решили отстаивать интересы убийц Цезаря и экспроприированных лиц»⁷. Другими словами, республиканские лозунги Луция – это форма борьбы с Октавианом. Некоторые исследователи отметили, что действия Луция носили противоречивый характер, в общем-то несовместимый с республиканскими убеждениями, поскольку консул призывал к себе ветеранов Антония и открыто демонстрировал свое уважение к брату⁸.

Столь многообразные суждения о целях движения Луция, его лозунгов заставляют нас еще раз обратиться пристальное внимание на этот вопрос.

Боевые действия, развернувшиеся в Италии в 41–40 гг. до н.э., были весьма скоротечны, а их ход достаточно хорошо освещен в историографии⁹. Однако политическая пропаганда Луция и Октавиана в этот период чаще всего оказывалась вне поля зрения исследователей. Между тем она не лишена интереса. Особенно это относится к пропаганде Луция, широко использовавшего республиканские лозунги.

Прежде чем приступить к анализу направлений пропаганды Луция и Октавиана, следует сказать несколько слов о роли Фульвии. Вряд ли можно согласиться с категоричным суждением С. Пероуна, считавшего Фульвию главной виновницей конфликта¹⁰. Как справедливо подчеркнул К. Крист, облик Фульвии в источниках сильно «демонизирован»: она, по мнению историка, просто стала жертвой анекдотов и поношений¹¹. Примером одного из них может служить известная эпитафия Октавиана, приводимая Валерием Марциалом. Суть ее в том, что Фульвия якобы

стремилась к войне из-за отказа Октавиана удовлетворить ее похотливые желания (Val. Mart. Epig. XI. 20. 3–8). О желаниии Фульвии путем войны в Италии вырвать Антония из объятий Клеопатры говорит и Аппиан (App. В.С. V. 19.75). Однако если оставить в стороне домыслы о желанииях Фульвии и проанализировать ее действия, в них без труда можно разглядеть трезвый политический расчет: подрыв авторитета Октавиана и защиту интересов своего мужа. При этом нельзя оставить без внимания фактов расхождения между ней и Луцием в определении стратегии борьбы. Главным образом, это относится к республиканским лозунгам, выдвинутым Луцием. Кроме общих идеологических противоречий между Луцием и Фульвией следует упомянуть и личные разногласия, относящиеся к первым месяцам 41 г. до н. э. Так, Кассий Дион упоминает, что Фульвия противилась триумфу Луция, а позднее пыталась «управлять» им, стремилась подчинить его своему влиянию (Dio Cass. XLVIII. 4.2, 4.4).

Данные источников об этих лозунгах противоречивы. Кассий Дион практически ничего не говорит о призывах Луция покончить с тиранией триумвиров, лишь ограничившись констатацией того факта, что противники Октавиана резко изменили свои планы, решив опереться на многочисленных жертв конфискации вместо ветеранов (Dio Cass. XLVIII. 6.4). В то же время Аппиан утверждает, что после захвата Рима Луций выступил перед народом с речью, в которой призывал заменить противозаконную тиранию консульской властью (App. В.С. V. 30.118).

О подлинности этой речи в историографии были высказаны различные мнения. Так, Э. Габба считает ее настоящей¹². М. Сорди находит речь выдуманной на том основании, что она взята Аппианом из не дошедшего до нас сочинения Мессалы Корвина, симпатизировавшего республике¹³. Дж. Роддас признает доводы М. Сорди неубедительными и присоединяется к мнению Э. Габбы¹⁴. Автор утверждает, что данные Кассия Диона и Веллея Патеркула в значительной степени искажены позднейшей официальной пропагандой, в то время как Аппиан в рассказе о событиях Перузинской кампании явно опирался и на оппозиционную литературу.

Независимо от того, была произнесена эта речь в Риме (что более вероятно) или нет, не вызывает сомнения, что Луций использовал республиканскую фразеологию. Этот факт находит подтверждение в некоторых данных источников. Тот же Аппиан, рассказывая о событиях, предшествующих возникновению Перузинского конфликта и говоря об агитации Октавиана в колониях ветеранов, упоминает его слова, что Луций «противодействует власти триумвиров» (App. В.С. V. 19.78). Примечательно, что несколько позднее третейский суд в Теане, призванный разрешить конфликт между триумвирами, официально постановил, что триумвиры не должны препятство-

вать консулам управлять по «обычаям отцов»¹⁵. Кассий Дион умалчивает о подобных призывах Луция, но и он косвенно подтверждает их существование. Так, он рассказывает об изгнании жителей сабинского города Нурсии за то, что те посмели написать на надгробиях погибших в битве с Октавианом, что они «погибли за свободу»¹⁶.

Таким образом, информацию о республиканских лозунгах Луция Антония можно признать достоверной.

Интересна реакция Фульвии на стремление Луция получить поддержку бывших землевладельцев, лишившихся земли в результате конфискации 42–41 гг. до н. э. По словам Аппиана, она резко осудила инициативу Луция, поскольку его действия вызвали неудовольствие в войсках Марка Антония (так как пропаганда консула против триумвиров касалась и его брата) (App. B.C. V. 19.75). На основании этих данных античного писателя можно говорить о существовании некоторых разногласий между Фульвией и Луцием. Очевидно, Фульвия действовала только в интересах своего мужа, а потому стремилась обеспечить поддержку главным образом колонистов и ветеранов Марка Антония¹⁷. Этой же точки зрения придерживался Веллей Патеркул, который, как и Аппиан, отчасти разделил деятельность Фульвии и Луция, отметив, что она в дополнение к вооружению Луцием земледельцев, лишившихся земель, «подняла вооруженный мятеж» (Vell. Pat. II. 74.2).

Противоречивые сообщения источников не позволяют судить о том, насколько были серьезны намерения Луция восстановить Республику. Об этом можно строить только более или менее обоснованные предположения. Особый интерес вызывает тот факт, что после примирения с Октавианом Луций отказался поехать к брату и удалился в Испанию. Как предполагает Дж. Роддас, этот факт подтверждает расхождение между Луцием и Марком и свидетельствует об искреннем стремлении Луция восстановить республиканскую форму правления¹⁸. Независимо от подлинных целей Луция несомненно одно: его республиканские лозунги оказали существенное влияние на ход событий. Благодаря им на его сторону встало большое количество сторонников, в том числе всадников и сенаторов (Dio Cass. XLVIII. 6. 4–5; App. B.C. V. 19.74). Интересно, что в осажденной армии Луция было мало ветеранов-колонистов Марка Антония и подавляющее большинство составляли малоопытные воины. В лагере Луция находилось большое число всадников и сенаторов, с которыми, по словам Кассия Диона, Октавиан беспощадно расправился после захвата Перузии (Dio Cass. XLVIII. 14.3). Аппиан отмечает, что из сенаторов помилован был только Луций Эмилий (App. B.C. V. 48)¹⁹.

Республиканское направление агитации Луция не было единственным. Источники единодушно отмечают, что Луций не ограничивался

привлечением к себе противников триумвиров, но активно агитировал в колониях Антония. И в этом ему сильно помогала Фульвия²⁰. В среде колонистов и ветеранов Луций выдвигал другие лозунги. В начале Перузинской кампании пропаганда обоих соперников была сконцентрирована на вопросе о праве выведения колоний. При этом обе стороны выступали с позиций новых политических реалий, установившихся с образованием второго триумvirата: они опирались не на республиканскую конституцию, а исключительно на военную силу – легионы и ветеранов.

Главным обвинением против Октавиана был упрек в единоличном распределении колоний, чем якобы наносился удар по «славе» Марка Антония, то есть речь шла об измене делу триумвиров и нарушении условий Филиппийского договора 42 г. до н.э. (Dio Cass. XLVIII. 5. 2–3, 6. 2; App. B.C. V. 14. 54). Как отметил Аппиан, Октавиан пошел на уступки и согласился назначить часть устроителей колоний из числа легионеров Марка Антония²¹. Уступку со стороны Октавиана можно объяснить тем, что в течение 41 г. до н. э. его популярность начала падать не только в глазах легионеров Антония, но даже собственных солдат, что проявлялось в частом неповиновении солдат приказам Октавиана и даже убийстве его доверенных офицеров²². Особенное возмущение солдат вызвало решение Октавиана освободить от конфискации владения сенаторов²³. Вероятно, Октавиан понимал, что может лишиться всех достижений, если будет противодействовать солдатам. Выход из положения он увидел в том, чтобы прекратить свои колебания между желанием угодить обеим сторонам²⁴ и решительно встал на сторону ветеранов. Результатом этого решения было восстановление спокойствия в армии и массовое недовольство его действиями в Италии (App. B.C. V. 13–14; Dio Cass. XLVIII. 9.3–5).

Возможно, Кассий Дион прав, когда говорит о том, что решение опираться на италиков пришло Луцию не сразу, а уже в ходе борьбы против Октавиана (Dio Cass. XLVIII. 6.4). Вероятно, тот факт, что Луций в 41 г. до н. э. был консулом, то есть по республиканским законам лицом, обладавшим высшей исполнительной властью, наложило отпечаток на направление его политической агитации. Недовольство действиями Октавиана в среде римских граждан было настолько велико, что достаточно было появиться лозунгу, требовавшему покончить с тиранией триумвиров, чтобы политик, выдвинувший эту идею, получил поддержку многих тысяч людей.

По всей видимости, Луций это прекрасно понимал, так как, захватив Рим, он публично обвинил Октавиана и Лепида в узурпации власти²⁵. Эффект его речи был таким большим, что, по словам Аппиана, Луция тут же провозгласили императором для борьбы против Октавиана, «считая, что уже пришел конец власти триумвиров» (App. B.C. V. 31.119).

Данные, приводимые Аппианом, позволяют восстановить суть обвинений, предъявляемых Октавиану в пропаганде Луция Антония. Упреки в ограблении храмов, в расселении ветеранов своих легионов по всей Италии, а не только на территории специально выделенных 18 городов, в нерешительности действий по борьбе с голодом – все они служили завоеванию симпатий италиков и римлян (App. В. С. V. 22.87). Однако, проводя кампанию против триумvirата как тиранического учреждения, Луций явно не предполагал выступать против своего брата. Это обстоятельство доказывается речью самого консула, в которой он, требуя наказания для Октавиана и Лепида, одновременно объявил о желании Марка Антония добровольно сложить с себя власть триумvира (App. В. С. V. 30). Но с самим Марком это решение согласовано не было. По словам Аппиана, позднее Луций говорил, что он «надеялся убедить Марка по его возвращении добровольно согласиться на отмену власти триумvиров» (App. В.С. V. 43). Скорее всего, заявление Луция о готовности Марка сложить с себя триумvирские полномочия было только агитационным приемом, направленным на привлечение симпатий сторонников восстановления республики и всех противников Октавиана, а также удержание под контролем ветеранов Антония.

В современной историографии достаточно прочно укрепилось мнение, что Марк Антоний не был посвящен в планы брата и что тот действовал не по указке триумvира, но по собственному почину²⁶. Аппиан, по его собственным словам, предпринял специальные поиски в архивах писем Антония к Луцию и Фульвии за это время, но не достиг успеха (App. В.С. V. 21.83). Крайняя нерешительность действий военачальников Марка Антония в Западном Средиземноморье – Калена, Поллиона, Вентидия, Планка в 41 г. до н. э. также должна свидетельствовать в пользу такого предположения²⁷. Все же можно заметить, что среди солдат Антония его агитация строилась исключительно на цезарианских лозунгах, обличавших Октавиана в глазах армии в нарушении условий Филиппийского договора 42 г. до н. э.²⁸

В отличие от Луция, старавшегося найти опору не только в ветеранах Марка Антония, но и среди италиков, в пропаганде Октавиана отсутствует дуализм. Она ориентирована исключительно на военные круги. Анализ Теанского соглашения и предшествующих событий позволяет выделить основные лозунги агитации Октавиана. Из рассказа Аппиана и Кассия Диона следует, что Луций Антоний обвинялся в противодействии власти триумvиров, в стремлении посорить Марка и Октавиана, в развязывании братоубийственной гражданской войны. Кроме того, по словам Кассия Диона, Октавиан пропагандировал идею, что Луций и Фульвия действовали вопреки воли Антония, а также стремились к личному возвышению (Dio Cass. XLVIII. 5.5. Ср.: App. В.С.

V. 19.78). Очевидно, это направление агитации Октавиана имело успех. Аппиан рассказывает, что некий Барбатий, квестор Марка Антония, в подтверждение слов Октавиана публично заявлял, что Антоний «сердит на ведущих войну с Цезарем». Результатом речей был переход «некоторых от Луция к Октавиану» (App. В.С. V. 31.121).

Особенный упор Октавиан сделал на республиканских лозунгах Луция. Как следует из данных Аппиана, Октавиан в своей агитации напрямую связывал неизбежность власти триумvиров с гарантией сохранения ветеранами своих земельных участков: «Луций... противодействует власти триумvиров, благодаря которой воины имеют теперь постоянные владения в колониях» (App. В.С. V. 19.78). Не вызывает сомнения, что именно республиканская фразеология Луция позволила Октавиану завоевать симпатии цезарианской армии, что в конечном итоге, пожалуй, и послужило главной причиной его победы в Перузинской войне²⁹.

Республиканские лозунги оказывали влияние не только на настроение колонистов, но и на действующую армию, в том числе войска самого Луция, вызывая в них брожение. Не случайно Аппиан начинает описание собственно боевых действий с рассказа о восстании в Альбе двух легионов Луция (App. В.С. V. 30.115). Только денежными подарками и щедрыми обещаниями Луций Антоний сумел удержать эти легионы в своих руках.

Таким образом, анализ основных направлений пропаганды Луция Антония показывает ее дуализм. Выдвижение республиканских лозунгов показало их живучесть и актуальность для всех периодов гражданской войны, не завершившейся с гибелью Брута и Кассия. Их использование политическими лидерами позволило получить поддержку значительной «невоенной» части населения Римской державы. В то же время Перузинская война как нельзя более отчетливо продемонстрировала огромную роль армии в политической жизни Рима, послужила ярким примером связи полководцев со своими солдатами и колонистами.

Примечания

- ¹ Suet. Aug. 13. 3 ; App. В. С. V. 12–13.49–53. Косвенным подтверждением ослабления позиций Октавиана в армии служит эпизод, произошедший в театре в 41 г. до н. э., когда он, публично оскорбленный солдатами, был вынужден сам же приносить извинения (App. В.С. V. 15.62).
- ² См.: Dio Cass. XLVIII. 5.2–3 ; Suet. Aug. 14 ; Vell. Pat. II. 74.2 ; Plut. Ant. 30 ; Eutrop. VII. 3.4. Впрочем, следует отметить, что эти авторы, за исключением Кассия Диона, как правило, лишь констатируют факт войны, не углубляясь в подробности. Но даже у самого осведомленного из них – Кассия Диона – встречаются пробелы. Так, например, он ни разу не упоминает имени Манья,

- являвшегося доверенным лицом Антония в Италии и принимавшего активное участие в событиях.
- ³ См.: *Scuderi R.* Marco Antonio dell' opinione publica dei militari // *Aspetti dell' opinione publica nel mondo antico.* Milano, 1978. P. 117; *Charlesworth M. P.* The Avenging of Caesar // *The Cambridge Ancient History.* 1st ed. Cambridge, 1934. Vol. X. P. 28; *Buchan J.* Augustus. L., 1937. P. 70–71; *Нич К. В.* История Римской республики / пер. с нем.; под ред. Д. П. Кончаловского. М., 1908. С. 518; *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 92; *Утченко С. Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 186; *Туркина Л. Г.* Проскрипции второго триумvirата и их социальная роль // Некоторые вопросы всеобщей истории. Челябинск, 1968. Вып. 3. С. 16.
 - ⁴ См.: *Charlesworth M. P.* Op. cit. P. 27–28. Причины действий Л. Антония и Фульвии пытались объяснить еще Кассий Дион и Аппиан. По их мнению, единоличным наделением ветеранов землей Октавиан рассчитывал на будущее благоволение колонистов (Dio Cass. XLVIII. 6.2. Ср.: App. B.C. V. 14). По сути, речь шла о создании Октавианом социального фундамента своей власти и подрыве власти Антония. См.: *Утченко С. Л.* Указ. соч. С. 186.
 - ⁵ Одним из первых на это указал Р. Сайм (*Syme R.* Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 208). См. также: *Gabba E.* The Perusine War and Triumviral Italy // *Harvard Studies in Classical Philology.* 1971. Vol. 75. P. 145 ff.; *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992. S. 39; *Маушкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 224–231; *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 71.
 - ⁶ См.: *Roddaz J. M.* Lucius Antonius // *Historia.* 1988. Bd. 37. Hft. 3. P. 323 f.; *Межеричук Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 147.
 - ⁷ *Крифт К.* История времен римских императоров от Августа до Константина : в 2 т. / пер. с нем.; под ред. Н. И. Диденко. Ростов н/Д, 1997. Т. 1. С. 84.
 - ⁸ См.: *Bengtson H.* Marcus Antonius : Triumvir and Herrscher des Orient. München, 1977. S. 168 f.; *Huzar E. G.* Mark Antony. A Biography. Minneapolis, 1978. P. 132. В этой связи уместно выделить сообщение Кассия Диона, что Луций подчеркивал свою Pietas в отношении брата (Dio Cass. XLVIII. 5.4). Это, кстати, нашло отражение и в монетной чеканке. См.: *Crawford M.* Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974. Vol. I. P. 254; *Roddaz J.* Op. cit. P. 323.
 - ⁹ См.: *Tarn W. W., Charlesworth M. P.* The Triumvirs // *The Cambridge Ancient History.* 1st ed. Cambridge, 1934. Vol. X. P. 28–41; *Holmes T. R.* The Architect of the Roman Empire. Oxford, 1928. Vol. I. P. 92–95; *Syme R.* Op. cit. P. 207–215; *Roddaz J. M.* Op. cit. P. 327–340; *Gabba E.* Op. cit. P. 139–160.
 - ¹⁰ См.: *Perowne S.* Death of the Roman Republic. From 146 B.C. to the birth of the Roman Empire. N.Y., 1968. P. 252. С. И. Ковалев, утверждает, что Фульвия действовала «из ревности» (*Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1948. С. 475). См. также: *Кравчук А.* Закат Птолемея / пер. с польск. Д. С. Гальпериной. М., 1973. С. 168.
 - ¹¹ См.: *Крифт К.* Указ. соч. С. 89.
 - ¹² См.: *Gabba E.* Op. cit. P. 146.
 - ¹³ См.: *Sordi M.* La guerra di Perugia e la fonte del L. V dei Bella civilia di Appiano // *Latomus.* 1985. Vol. 44. P. 301–307. Кроме того, исследователь отметил большое количество фактических ошибок в этих речах, например, утверждение Аппиана, что ко времени Перузинской кампании прошло пять лет правления триумвиров (App. B.C. V. 15.61) и т. п.
 - ¹⁴ См.: *Roddaz J.* Op. cit. P. 324 f.
 - ¹⁵ App. B.C. V. 20.79. См. также оценку: *Маушкин Н. А.* Указ. соч. С. 226 сл.; *Sordi M.* Op. cit. P. 307 ff.; *Roddaz J.* Op. cit. P. 334 f.
 - ¹⁶ Dio Cass. XLVIII. 13.6. Светоний относит расправу с Нурсией ко времени Мутинской кампании (Suet. Aug. 12). Однако, как показал Дж. Роддас, более убедительна версия Кассия Диона (*Roddaz J.* P. 339). Об осаде Нурсии во время Перузинской войны см.: Dio Cass. XLVIII. 13.1.
 - ¹⁷ См. оценку Фульвии, данную К. Кристом. Она – аристократка, подвергавшая себя опасности ... отстаивая интересы своего мужа» (*Крифт К.* Указ. соч. С. 87).
 - ¹⁸ См.: *Roddaz J.* Op. cit. P. 343 f. Впрочем, нам ничего не известно о степени «добровольности» решения Луция. Вполне возможно, место его ссылки было определено по приказу Октавиана, воспользовавшегося тем обстоятельством, что в то время Марк Антоний никоим образом не мог повлиять на решение коллеги по триумvirату.
 - ¹⁹ О присоединении к Луцию многих противников Октавиана (в том числе – бывших республиканцев) говорит и то, что после поражения Луция началось массовое бегство из Италии к Антонию и Сексту Помпею. См.: App. B.C. V. 50–52; Dio Cass. XLVIII. 15; Vell. Pat. II. 75–75; Suet. Tib. 4.2.
 - ²⁰ Dio Cass. XLVIII. 5–6, 13.1. По словам Кассия Диона, Фульвия утверждала, что действует от имени Марка Антония. Об эмиссарах, рассылаемых в лагерь Антония см.: App. B.C. V. 14, 19, 31; Vell. Pat. II. 74.2. См. также оценку: *Scott K.* The political Propaganda of 44 – 30 B.C. // *Memoirs of the American Academy in Roma.* 1933. Vol. 11. P. 23–25.
 - ²¹ App. B.C. V. 14.58. Выведением колоний заведовали, например, Мунаций Планк в Беневенте (CIL. X. 6087) и Азиний Поллион в Цизальпинской Галлии (Serv. In Verg. Buc. II. 1; Suet. Vita Verg. 19). См.: *Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 60. Примеч. 21. В одном из пунктов Теанского соглашения ветеранам Антония гарантировалось участие в распределении имущества проскрибированных (App. B.C. V. 20.79).
 - ²² Так, например, был убит центурион Ноний из-за того, что попытался обуздать недовольных солдат (App. B.C. V. 16.66; Suet. Aug. 14. Ср.: Liv. ep. 125). Причину убийств офицеров Октавиана попытался объяснить В. Шмитхеннер. По мнению исследователя, Октавиан стремился освободиться от давления армии и потому пытался внести раскол в ее ряды, сделав ставку на центурионов. И это удалось ему, так как он сумел создать большую группу сторонников, поддерживавших его

- против рядовых легионеров (*Schmitthenner W. Politik und Armee in der späten Römischen Republik // Historische Zeitschrift. 1960. Bd. 190. S. 15*). Интересно, что в 36 г. до н. э. во время бунта в Сицилии Октавиан обещал центурионам дать звание членов городского совета на их родине (*Dio Cass. XLIX. 14.3. Ср.: App. B.C. V. 128.531*). Возможно, именно тогда появился известный эдикт Октавиана о ветеранах, в котором им предоставлялись многочисленные льготы, освобождение от налогов, повинностей и т. д. См.: *Documents illustrating the reign of Augustus and Tiberius / Coll. by V. Ehrenberg and A. H. M. Jones. 2nd ed. Oxford, 1976. № 302*. Примечательно, что ветеранам-негражданам предоставлялись гражданские права. Показательно, что те же льготы и права были предоставлены гражданину г. Рососа Селевку, служившему под командованием триумвиров (Надпись из Рососа. Письмо II). См. датировку документов: *Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений. (Эпоха ранней империи). Пермь, 1999. С. 32. Ср.: Колосовская Ю. К. К вопросу о социальной структуре римского общества 1–3 вв. н. э. (Collegia veteranorum) // ВДИ. 1969. № 4. С. 123*.
- ²³ *Dio Cass. XLVIII. 8.4*. По словам Кассия Диона, солдаты чувствовали себя обделенными (Ср.: *Suet. Aug. 13.3*). Объяснение причин этого освобождения сенаторов см.: *Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 59*.
- ²⁴ О желании Октавиана угодить солдатам и землевладельцам, лишаемым земли, говорит Кассий Дион (*Dio Cass. XLVIII. 8.2–4*).
- ²⁵ См.: *App. B. C. V. 30.118*. См.: *Hahn I. Die Legions Organisation des Zweiten Triumvirats // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1969. Bd. 17. fasc. 1–2. S. 214*.
- ²⁶ См.: *Reinhold M. Marcus Agrippa. A biography. Geneva; N. Y., 1933. P. 17; Tarn W. W., Charlesworth M. P. Op. cit. P. 41; Ферреро Г. Величие и падение Рима: в 5 т. / пер. с итал. М., 1924. Т. 3. С. 229; Lindsay J. Cleopatra. N.Y., 1971. P. 169; Buchheim H. Op. cit. S. 31; Firth J. B. Augustus Caesar and the organisation of the Empire of Rome. L.; N.Y., 1925. P. 105–106; Holmes T. R. The Architect of the Roman Empire. Oxford, 1928. Vol. 1. P. 100; Syme R. Op. cit. P. 214–216. Ср.: Levi M. A. L' impero Romano. Torino, 1971. P. 70*. В литературе было высказано обоснованное предположение, что только открытое нарушение Октавианом договора 42 г. до н. э. при Филиппах побудило Антония вернуться в Италию (см.: *Marsh F. B., Scullard H. H. A history of the Roman World from 146 to 30 B. C. L.; N.Y., 1963. P. 285; Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 66*).
- ²⁷ Иной взгляд на события у Дж. Роддаса. По мнению исследователя, военачальники Антония не решились вмешаться в события не только из-за его молчания, но из-за опасений, что солдаты, возмущенные республиканской пропагандой Луция, откажутся им повиноваться (*Roddaz J. Op. cit. P. 338*).
- ²⁸ См.: *App. B. C. V. 19.77, 29.111–113*. Упоминанием Марка Антония Луций, очевидно, давал понять, что не выступает против брата, так как это должно было повлиять на колонистов и солдат М. Антония.
- ²⁹ О значении республиканских лозунгов Луция в пропаганде Октавиана см.: *Kienast D. Op. cit. S. 39*. В связи с этим показательна речь Октавиана, которую он произнес в сенате накануне начала боевых действий. Октавиан больше не испытывал сомнений, на кого ему опираться в борьбе: «моя сила заключается в той части войска, которая вместе со мной терпит обиды...» (*App. B.C. V. 28.107*). Ср.: «Поселенцы и воины встали на сторону Октавиана» (*App. B.C. V. 27.106*).

Образец для цитирования:

Ахиев С. Н. Октавиан и Луций Антоний: борьба за Италию в 41–40 годы до нашей эры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 321–328. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-329-334.

Cite this article as:

Akhiev S. N. Octavian and Lucius Anthonius: the Struggle for Italy in 41–40 B.C. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 321–328 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-329-334.

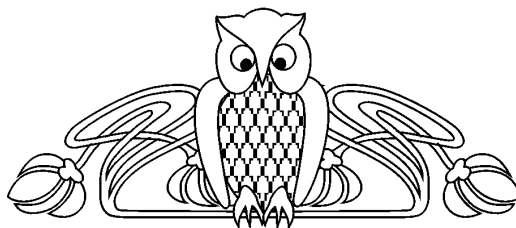

УДК 94(368)

ШОТЛАНДИЯ В РАМКАХ СЕВЕРНОЙ ДЕРЖАВЫ КНУТА ВЕЛИКОГО

С. А. Поляков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: serzh.polyakov.91@inbox.ru

В статье анализируются взаимоотношения между Шотландией и Северной империей Кнута Великого (1016–1035). В качестве источника используется англосаксонская хроника. Изучается внутренняя политика шотландских земель. Исследуются причины подчинения Кнутом данного региона.

Ключевые слова: Кнут Великий, Британия, Шотландия, Макбет, подчинение.

Scotland as a Part of Canute the Great's Northern Empire

S. A. Poliakov

The article analyzes the relationship between Scotland and the Northern Empire of Canute the Great (1016–1035). The Anglo-Saxon Chronicle is used as source. The internal policy of the Scottish lands is studied. The reasons for Canute's subjugation of the region are considered.

Key words: Canute the Great, Britain, Scotland, Macbeth, subjugation.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-335-339

Империя Кнута Великого (годы правления – 1016–1035 гг.) была огромным государством, точные границы которого не так просто установить. Отдельные территории входили в его состав не прямо, а представляли собой зависимые земли.

Примером такого может послужить Шотландия, северный сосед Англии, долгое время оставшаяся за пределами сферы внимания короля Кнута. Только в 30-е гг. XI в. он направил свои усилия на подчинение этой части Британии. К сожалению, источники очень мало говорят нам об этих событиях. Тем не менее их изучение позволяет сделать определённые выводы.

Необходимо понять, почему Кнут занялся шотландскими делами именно в это время, чем объясняется выбор правителей, с которыми он вступал во взаимодействие, как повлияло на Шотландию подчинение его власти.

К тому моменту, когда Кнут собирался предпринять меры для включения земель Шотландии в сферу своего влияния, единого государства там ещё не сложилось. Многочисленные кланы не составляли единого целого, на севере британского острова существовали разнообразные племенные объединения и королевства. Не было правителя, единолично управлявшего страной. В различных регионах Шотландии правили три короля: Малькольм II, Макбет и Иехмарк¹. Именно от этих

правителей Кнут Великий принимал присягу верности, устанавливая власть над Шотландией. Встреча названных королевских особ стала одним из важнейших событий эпохи правления датского правителя.

Об этой встрече кратко упоминается в скальдической поэзии, а именно в небольшом отрывке Сигвата Тордарсона, где подчинение шотландских королей противопоставляется образу действия Олафом Святым, который никогда не уступал противнику и всегда был победителем (в битве)². Англосаксонская хроника излагает факты более подробно: «1031 ... В том же году он пошел в Шотландию; шотландский король Малькольм ему подчинился, и два других короля, Мальбет и Иехмарк»³. Однако это всё, что может поведать нам источник.

В связи с этим сообщением возникает проблема идентификации шотландских правителей, встретившихся с Кнутом. В Иехмарке видят, и не без оснований, Эхмаркаха Рагнальдсона, короля Дублина (1036–1038, 1046–1052). Мальбета историки (особенно шотландские) идентифицируют со знаменитым Макбетом, тем самым который был увековечен в пьесе Шекспира. Правильнее имя этого правителя передавать как Мак Бетад мак Финдлайх. Он был королём Шотландии с 1040 по 1057 г. Существуют и другие предположения по поводу этого исторического персонажа: его принимают за некоего Мазлбетаха, бывшего главой церкви на небольшом островке в Северной Ирландии в середине X в. Иногда исследователи просто затрудняются найти того, с кем может соотноситься данный правитель в Шотландии или Ирландии.

В любом случае другие версии крайне маловероятны. Следует при этом отметить, что «против» короля Макбета есть серьёзный аргумент – в Англосаксонской хронике упоминается имя Мальбет⁴. Объяснение этому имеется: в одной рукописи хроники вместе эти имена никогда не встречаются, что может говорить о разном произношении и написании одного и того же кельтского имени, произносимого англосаксами.

К примеру, автор одного источника отказывается передавать кельтское имя, отмечая его как «дикийное». Другого шотландского предводителя, имя которого было Mael snechtai, записали как Maelslachten⁵. Различие в написании одного

и того же имени ясно прослеживается на примере грамот, свидетелем в которых являлся представитель знати по имени Макбет. Он жил во времена короля Давида I (1124–1153) и владел землями церковного прихода Либертон в окрестностях Эдинбурга. В древнейшей из них он назван как Малбед (Malbead) де Либертон. В следующей грамоте он – уже Макбет (Makbet), а в более поздней – Макбетбер (Macbetber) из Либертона. Встречаются и другие формы написания имени этого человека⁶.

Таким образом, отождествление Мальбета с Макбетом не представляет собой непреодолимую проблему. Как известно от скальда Сигвата, короли скоттов происходили из мест, расположенных за областью Файф. Это также соответствует известным сведениям о шотландской истории. Малькольм происходил из региона, находившегося на юге Грампинских гор. Макбет происходил из рода, жившего севернее, в области Морей, и вокруг этих земель. Его род (Кенел Лоаирн) владел также властью над северными землями, включая Сатерленд и Кейтнесс – на крайнем севере Шотландии. После того как Оркнейские острова стали норвежскими, эти области стали сферой столкновения интересов викингов и шотландцев, что приводило к постоянным военным конфликтам.

Помимо внешней угрозы, мир нарушали постоянные распри внутри кланов. Отца Макбета, Финдлеха, в 1020 г. убили его племянники, поэтому титул главы клана перешёл к Макбету. В источниках Финдлеха называют королём, поэтому неудивительно, что и его сын получил этот титул. Отсутствие единого государства объясняет наличие одновременно трёх королей.

После смерти Финдлеха его королевство было захвачено племянником, которого также звали Малькольм. Чтобы усилить свою власть, он заключил союз с влиятельным ярлом Оркнейских островов Сигурдом Могучим и даже отдал ему в жёны свою дочь (её имя неизвестно). Среди их сыновей был Торфинн, получивший впоследствии прозвище Могучий, так как он был самым сильным ярлом островов за всю их историю. В 1029 г. Малькольм умер, через три года умер и его брат Гиллекомган, которого не называют королём, а только мормером (наместник в области). Макбет стал после этого мормером Морей, а в 1040 г. – королём. О его правлении можно говорить уже с 1029 г.

Вернёмся к другому правителю, принёсшему клятву королю Кнуту, а именно к Иехмарку. Это имя фонетически близко к гэльскому имени Эхмарках, правда, встречается очень редко. В одном источнике имя вышеупомянутого короля Дублина передано как Эхмарк. Других вариантов идентификации быть не может – этот правитель является Эхмаркахом Рагнальдсоном. Рагнальд (или Рёгнвальд), его отец был королём города Уотерфорд. После его смерти в 1018 г. власть

там захватил брат Эхмаркаха, также Рагнвальд, долгое правление которого закончилось в 1035 г. На некоторое время власть перешла к ирландцам, но этот период длился всего два года⁷.

Точно не известно, была ли у Эхмаркаха какая-либо власть в Уотерфорде. По всей видимости, первоначально он был правителем Галлоуэя или королевства Островов (Гебридских. – С. П.), а затем захватил власть в Дублине. Но произошло это только через год после смерти Кнута. Интересно, что правивший в Дублине Сигтригг (Сигтрюгг) был связан с Северной державой. Во всяком случае, в одной из стихотворных строк скальда Оттара Чёрного есть такие слова: «Восхвалим же короля данов, ирландцев, англов и жителей Островов, хвала о нём идёт через все земли под небом»⁸. Следует отметить, что после смерти дублинского правителя его место сразу захватил Эхмарках. Можно предположить, что при жизни датского конунга сохранялся баланс сил между политическими образованиями на Британских островах. Личность Кнута Великого внушала уважение, и шотландские правители присягнули Кнуту в том числе и потому, что верховная власть в его лице выступала в качестве арбитра во взаимоотношениях между многочисленными мелкими правителями.

Происхождение Эхмаркаха не вызывает сомнений: он носил кельтское, гойдельское имя, в то время как его отец был норманном. Среди множества скандинавов, живших и активно участвовавших в событиях той эпохи, можно найти имя вероятного отца этого кельтского правителя. Им мог бы быть Рёгнвальд Гудрёдсон, король Гебридских островов, умерший в 1005 г. Точно неизвестно, каковы были реальные размеры Королевства Островов в начале XI в. (официально оно возникло только в 1146 г.). Однако можно утверждать с уверенностью, что к этому времени к нему уже был присоединен остров Мэн и часть Гэллоуэя.

Именно на этой земле правил Эхмарках в середине XI в., после того как был во второй раз изгнан из Дублина. Его власть укрепилась на острове Мэн, где он правил с 1052 по 1061 гг. Эхмаркаха знали как правителя юго-западных земель в Шотландии. Возможно, его влияние распространялось за пределы Мэна. Через три года он отправился вместе с королём Мунстера в паломничество в Рим, где они оба умерли.

Предполагаемая идентификация Мальбета и Иехмарка приводит к следующему вопросу: когда Кнут встречался с тремя королями? Если Мальбет – это Макбет, тогда встреча произошла после 1029 г., так как двоюродный брат Макбета до этого года уже был королём. Возможно, эта встреча состоялась во второй половине в 1027 г. либо, что более вероятно, несколько позже. Именно в этом году произошло важное событие времён правления Кнута – его паломничество в Рим, которое произошло на Пасху⁹. Датировка этого

события не вызывает сомнений: письмо Кнута к англам, отправленное им из Рима, относится к 1027 г. К тому же Кнут присутствовал на событии, отражённом в других источниках – на коронации императора Священной Римской империи Конрада II (1024–1039).

В Англию король приезжал несколько раз в последующие годы, но окончательное возвращение произошло в 1031 г. Тогда же состоялась встреча в Шотландии. Высказывались предположения, что Кнут совершил ещё одно путешествие в Рим, в том же 1031 г. Автор «Панегирика королеве Эмме» говорит, что Кнут недолго жил после паломничества. Однако Уильям Мальмсберийский, например, знаком только с одним путешествием Кнута 1027 г. Дату шотландского путешествия подтверждает скальд Сигват Тордарсон, в одной из строф упоминающий, что король Олаф Святой был мёртв (он погиб в 1030 г.) ко времени встречи с шотландцами (в 1031 г.)¹⁰.

Датировка путешествия Кнута в Шотландию по его поездке в Рим затрудняется расхождениями в свидетельствах хронистов. Вероятно, английские средневековые историки знали, что король совершил паломничество после важного события в Скандинавии. Этим событием считали смерть короля Олафа, хотя, скорее всего, этим событием была битва на Хельге 1026 г. Получается, что хронисты хорошо разбирались в событиях скандинавской истории, но были недостаточно осведомлены в английской.

Вернувшись в 1027 г. из Европы, Кнут направил всю свою энергию на завоевание Норвегии, на что потратил последующие четыре года. В Англию он возвращался, но на короткое время. В частности, в 1028 и 1029 гг. Кнут собирал в Англии войска и припасы для новых завоеваний и упрочения власти в Скандинавии. Вернувшись, наконец, в Британию, он вскоре отправился в Шотландию¹¹.

Почему Кнут именно в этот момент отправился в Шотландию? Естественно, что север Британии не мог остаться без его внимания, поэтому он решил активизировать здесь свои действия. В Шотландии было много сил, с которыми можно было наладить взаимодействие, и он сделал ставку на трёх самых могущественных правителей. Это было важно и для самих кельтских королей. Малькольм II не случайно присутствовал на встрече: он был не только самым могущественным шотландцем, но и был лучше всех осведомлён во взаимоотношениях с английскими правителями. Его отец, король Кеннет II (971 – 995), и дед, Малькольм Рыжий (943 – 954), заключали мирные соглашения с англосаксонскими королями, Эдгаром и Эдмундом. Таким образом, встреча продолжала установившуюся традицию англо-шотландских отношений¹².

Отметим, что при её подготовке присутствовала спешка. По поводу причины последней можно высказать одно предположение: королю

Малькольму II было важно обеспечить признание своего главного завоевания – Лотиана, области на юго-востоке Шотландии. Битва при Кархеме, состоявшаяся в 1018 г., была выиграна Малькольмом, после чего эта спорная территория перешла к нему. Власть Малькольма над Лотианом оспаривалась англами. Перейдя под власть Кнута, Малькольм становился вассалом английского короля¹³.

Оценивая степень вероятности этой версии, следует учесть тот факт, что между битвой и встречей с Кнутом прошло 13 лет, что даже по меркам средневековья является достаточно долгим сроком, и поэтому её следует признать не вполне убедительной. Почему шотландский король и сам Кнут затянули решение важного территориального вопроса? Поскольку и в шотландских источниках, составленных в Лотиане, ничего не говорится о Кнутае, связь встречи королей с шотландской областью маловероятна.

Можно предположить, что причина была более очевидна: Кнут опасался набегов со стороны Шотландии и Ирландии, а также островов Ирландского моря (не случайно, что на встрече присутствовал Эхмарках). Долгие годы он занимался другими делами и, наконец, решил укрепить северо-западную границу своей империи. Чтобы сделать это наверняка, он договаривается сразу со всеми наиболее влиятельными правителями Севера Великобритании. Хотя вопрос о границах между королевствами был весьма важным, Лотиан в данном случае не представлял интереса для всех договаривающихся сторон.

С IX в. скотты проникали на север Англии, где грабили и убивали местных жителей. Во второй половине X в. они отняли у Нортумбрии город Эдинбург. Важным фактором формирования шотландской (гэльской) этничности был процесс ассимиляции пиктов. Неизвестно, как точно это происходило, был ли это мирный процесс или насильственный. О начале угасания пиктов как народа можно говорить с середины IX в. К 878 г. пикты исчезают из источников, а в правление короля Константина II (900–943) страна получает название Альба и Скоттия¹⁴.

Во второй половине X в. набеги стали проникать глубоко на юг, вплоть до Дарема, как это делал Малькольм II. После победы под Кархемом шотландцами была завоёвана большая территория от реки Тайн до реки Туид. В условиях усиления могущества Малькольма было необходимо вступить с ним в переговоры о границе. Это, по нашему мнению, и было главной причиной встречи 1031 г.

Можно предположить, что встреча в Шотландии была связана не с событиями в Англии, а скорее с положением в Скандинавии. Макбет на севере Британии и Эхмарках на юго-востоке Шотландии приблизились к владениям скандинавов на островах. Скандинавы более 200 лет хозяйничали на этих землях. Свержение Олафа Святого в Норвегии серьёзно обострило сканди-

навскую проблему для Кнута. Оркнейцы открыто поддерживали норвежского короля, а на других островах он мог легко скрыться от датчан¹⁵. Даже после смерти норвежского правителя угроза со стороны островов для Норвегии оставалась серьёзной.

В 1033 г. в Норвегию из Ирландии прибыл претендующий на престол Трюгви сын Олафа Трюгвасона. Власть датчан устояла, и он был разбит, однако знатные норвежцы, выступавшие против Кнута и его сына Свена, поддержали Трюгви. Это свидетельствует о том, что с островов, окружающих Британию, исходила опасность для власти Кнута, а в Норвегии легко найти противников установившейся власти. Поэтому важно было держать пограничные земли под контролем, что и заставило Кнута отправиться в Шотландию. Данная точка зрения представляется мне наиболее убедительной.

Съезд королей оказал большое влияние на Шотландию. К концу жизни Малькольма II

в 1034 г. можно говорить о создании единого Шотландского государства, которое ещё не контролировало некоторые территории, но впоследствии завоевало всю северную часть Британии¹⁶. Эхмарках и Макбет добились большой власти на своих землях, а Макбет впоследствии даже стал королём (благодаря перу Шекспира едва ли какой-то другой герой шотландской истории так известен во всём мире, как Макбет).

Таким образом, шотландское направление приобрело видное место в политике Кнута Великого в связи с угрозой со стороны Олафа Святого. Правители, с которыми он установил вассальные отношения, были связаны с ключевыми регионами страны, к тому же они тесно контактировали с норманнами, расселившимися на островах, расположенных в непосредственной близости от Британии. Перейдя под власть Кнута, Шотландия смогла на время освободиться от внешней угрозы, что обеспечило благоприятные условия для становления единого государства.

Шотландия (через 200 лет после Кнута)

Примечания

- ¹ См.: *Bolton T.* The Empire of Cnut the Great. Leiden, 2009. P. 136.
- ² См.: *Hudson B.* Cnut and the Scottish Kings // *English Historical Review*. L., 1992. P. 350.
- ³ Англосаксонская хроника. Г. 1031 Е / пер. З. Ю. Метлицкой. СПб., 2010. (Далее – Хроника).
- ⁴ Там же. Г. 891.
- ⁵ См.: *Hudson B.* Op. cit. P. 352.
- ⁶ Ibid. P. 353.
- ⁷ Ibid. P. 355.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Хроника. Г. 1027.
- ¹⁰ См.: *Hudson B.* Op. cit. P. 357. У Сигвата перепутаны события, поэтому он помещает эти события примерно в 1026 г.
- ¹¹ См.: Хроника. Г. 1031.
- ¹² См.: *Hudson B.* Op. cit. P. 358.
- ¹³ См.: *Garmonsway G. N.* Canute and his Empire. L., 1964. P. 18.
- ¹⁴ См.: *Галушко К. Ю.* Кельтская Британия : племена, государства, династии с древности до конца XV века. Киев, 2005. С. 177–178.
- ¹⁵ См.: *Hudson B.* Op. cit. P. 359.
- ¹⁶ См.: *Галушко К. Ю.* Указ. соч. С. 185.

Образец для цитирования:

Поляков С. А. Шотландия в рамках северной державы Кнута Великого // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 335–339. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-335-339.

Cite this article as:

Poliakov S. A. Scotland as a Part of Canute the Great's Northern Empire. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 335–339 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-335-339.

УДК 94(410)»1485/1603»

СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА АНГЛИИ В ВОСПРИЯТИИ АНТИКВАРИЕВ XVI ВЕКА

П. В. Мелихова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Melihovapolya@gmail.com

В статье рассматривается проблема восприятия судебно-правовой системы Англии антиквариатами XVI века. На материале «Описания елизаветинской Англии» У. Гаррисона и «Британии» У. Кэмпдена автор показывает, что ранние антиквариаты обосновывали идею преемственности английской судебной системы от правовой культуры англосаксов и элементов континентального права, отмечали смешанный характер английской судебно-правовой системы, многообразие и многоуровневость ее институтов.

Ключевые слова: Англия, конец XVI в., судебно-правовая система, антиквариаты, У. Гаррисон, У. Кэмпден.

The Judicial and Legal System of England: the Antiquarian Perception of the XVI Century

P. V. Melikhova

The article considers the problem of the perception of the judicial and legal system of England by the XVI century antiquarians. Using "A Description of Elizabethan England" by W. Harrison and «Britain» by W. Camden, the author shows that the early Antiquaries justified the idea of continuity of the English judicial system from the Anglo-Saxon legal culture and elements of the continental civil law. The Antiquaries mentioned the mixed character of the English judicial and legal system, the diversity and multi-level system of its institutions.

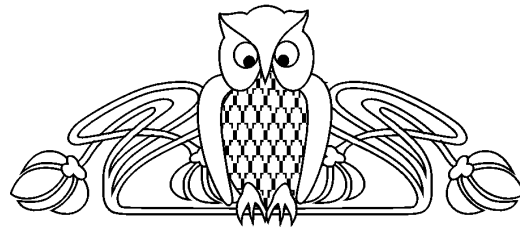
Key words: England, end of the XVI century, judicial and legal system, Antiquaries, W. Harrison, W. Camden.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-340-344

События, происходившие в Англии в XVI в., кардинально меняли облик страны, а ее географическая изолированность от континентальной Европы делала этот облик во многом уникальным. В правление Елизаветы I Тюдор (1558–1603) Англия совершенно преобразилась¹. Это было уже иное, не средневековое, общество, за короткое время впитавшее идеи гуманизма, сменившее религию, оценившее свое предназначение в мире, общество с зарождавшимся национальным самосознанием². Перемены затронули и судебно-правовую сферу, поскольку новым социумом невозможно управлять старыми методами.

Судебно-правовая система тюдоровской Англии имела богатую историю, пройдя через несколько этапов: «англосаксонский» (VI в. – 1066 г.), «нормандский» (1066–1154 гг.), «анжуйский» (1154–1485 гг.)³.

В «англосаксонский» период Англия не представляла собой единого государства, поэтому общей судебной и законодательной системы

не существовало. «Нормандский» период по длительности совсем небольшой (с середины XI до середины XII в.), но именно это время дало мощный импульс дальнейшему развитию судебно-правовой системы всей страны. В результате Нормандского завоевания (1066 г.) возникла довольно сильная монархия, что позволяет говорить об определенном единстве Англии, а следовательно, и о зарождении основы английской судебно-правовой системы⁴. Постепенно формировалось право, имевшее силу по всей стране и вытеснявшее все исключительно местные законы и обычаи. Характерно, что этот процесс происходил не столько путем издания новых законов (ордонансов, хартий, ассиз), сколько за счет практики королевских разъездных судей. Анжуйский период стал судьбоносным для судопроизводства и правовой сферы страны на все последующие века. К концу XIII столетия в общих чертах сложилось общегосударственное право, формировавшееся под влиянием канонического и римского права, получившее название «общего права»⁵, зародившееся еще в предшествующий период. Особенностью такого права был его прецедентный характер: однажды сформулированное судебное решение в последующем становилось обязательным для всех. К XIV в. высшими судами общего права стали Суд королевской скамьи⁶, Суд общих тяжб⁷ и Суд казначейства⁸.

Судебно-административные институты общего права не были единственными в стране. Несмотря на разветвленную систему права, количество неудовлетворенных решений суда королевских подданных возрастало. Все больше прошений поступало непосредственно на имя короля для установления справедливости. Дела стали передаваться на рассмотрение канцлеру. Так появился Суд канцлера, который защищал нарушенные права, минуя традиции общего права. С XIV в. высшим судом в Англии стал парламент в лице палаты лордов, члены которой разбирали жалобы на решения судов общего права и Суда канцлера, а также рассматривали некоторые уголовные дела в качестве суда первой инстанции⁹.

Появление университетов и юридических кафедр в них привело к росту интереса к истокам права – римскому и каноническому. В результате к концу XV столетия формируется уникальное явление в европейской судебно-правовой системе – гражданское право, которое действовало через

ряд центральных и региональных институтов на территории всего королевства. Цивильное право в Англии представляло очень сложный по своему генезису культурно-исторический феномен, формировавшийся на протяжении всего развитого Средневековья. В основе своей цивильное право имело корпус позднеантичных юридических текстов, прежде всего кодекс Юстиниана. Второй важной интеллектуальной его составляющей была средневековая традиция толкования античных правовых норм, включавшая труды средневековых юридических школ глоссаторов, постглоссаторов и комментаторов. Кроме того, цивильное право предполагало существование современного интеллектуального пласта, в рамках которого принципы римского права адаптировались к конкретно-историческим условиям развития английской (и шире – европейской) монархий¹⁰.

Таким образом, «тюдорский» (1485–1603 гг.) этап развития судебно-правовой системы уже в самом своем начале характеризовался правовым «полиформизмом»¹¹. В Англии можно было наблюдать одновременное сосуществование нескольких правовых традиций с элементами общего, цивильного, канонического права и «права справедливости». Каждая из этих систем обладала определенной территориальной и правовой юрисдикцией, действовавшей в рамках собственных судебных институтов¹². Наличие в стране запутанной судебно-правовой системы было выгодно короне, так как именно суды служили важнейшим орудием расширения королевской прерогативы.

Такая разветвленная, порой противоречивая правовая система вызывала неподдельный интерес современников-интеллектуалов (эрудитов, богословов, юристов, герольдистов, докторов права), стремившихся не только осмыслить и объяснить историю и реалии своеобразной судебно-правовой системы Англии, но и поделиться своими умозаключениями с другими.

Не остались в стороне от этого процесса и представители антикварного сообщества, которые творили в период «исторической революции»¹³, характеризовавшийся новым отношением к свидетельствам прошлого и историческим данным: им удалось сделать изучение истории и древности частью современного знания с опорой на исторические источники: материальные и лингвистические, публичные записи и другие документальные памятники¹⁴. Это были не просто «любители древностей», но настоящие профессионалы своего дела, которые посредством изучения публичных записей и других документальных и нетекстовых источников (памятники, гербы, монеты, надгробные плиты и т. д.) разработали новые методики их критики¹⁵.

Мы обратимся к двум ранним представителям интеллектуального сообщества антиквариев – У. Гаррисону (1534–1593), приходскому священнику, бакалавру богословия, и У. Кэмдену (1551–1623), «придворному» историографу Ели-

заветы I¹⁶, геральдисту, основателю лондонского Антикварного общества, по праву носившему звание «отца английской истории»¹⁷.

Созданные этими антиквариями тексты – «Описание елизаветинской Англии»¹⁸ У. Гаррисона и «Британия»¹⁹ У. Кэмдена – не только отражают стиль работы каждого из них, но и полны авторской индивидуальности в интерпретации судебно-правовой специфики Англии²⁰. Каждый из антиквариев по-своему видел данную проблему, подмечая также крушение старых судебно-правовых порядков и переход к новым, старался показать значимые изменения, что пришлось на их век.

Оба автора отводят проблеме права и судопроизводства отдельный раздел, что само по себе немаловажно и свидетельствует об особом интересе антиквариев к данному аспекту истории Англии и современной им действительности. При этом У. Гаррисон, писавший свою работу в свободной форме, сумел показать как сильные, так и слабые стороны английского судопроизводства. У. Кэмден, сочинение которого было не просто заказом королевского двора, но и пропагандой легитимности королевской власти, тщательно проанализировал историю становления английского парламента, происхождение высших правительственных должностей и их роль в королевстве, подробно охарактеризовал систему английских судов.

Английская судебно-правовая система времен Елизаветы представляется антиквариям достаточно развитой. В частности, У. Гаррисон отмечает, что «раньше законодательство отличалось несовершенством и абсолютной неразвитостью. Суды совершались в каждом поместье, вершил суд сам владелец земли: граф или король. К его усадьбе стекались жители со всеми просьбами и жалобами, которые решались на месте быстро, не было домов правосудия»²¹.

Стремясь связать прошлое с настоящим, У. Гаррисон пишет: «Английские законы имеют очень древнее происхождение, что связано с постоянным их переписыванием и дополнением при смене монархов. Старые законы тесно переплетены с современными, и сложно отличить уже где какие»²². У. Кэмден тоже отмечает, что система судов в Англии достаточно древняя, она постепенно формировала свои каноны, и это, по его мнению, делает ее отличной от всех судебных систем Европы того времени²³.

Оба автора отмечают постепенное становление судебно-правовой системы Англии, которая впитала в себя традиции и обычаи англосаксонских племен, с наслоением континентального права, привнесенным сначала римлянами, затем норманнами, что подтверждается изменением «языка» закона. Прежде все тяжбы рассматривались судом с использованием терминов из древнефранцузского наречия. Позже языком юристов стала латынь, а во времена Елизаветы I в практике

гражданских судов основным становится английский язык²⁴. У. Гаррисон пишет: «Большая часть из них (английских законов. – П. М.) писалась на местном диалекте, затем переводилась на латынь, потом обратно, но уже на другой диалект»²⁵.

Безусловно, У. Гаррисон и У. Кэмден «удревяняют» английский право. Хотя, надо отдать им должное, они тщательно определяют его уникальный характер, отличный от континентального права, впитавший в себя элементы римского, канонического права и местных традиций, на основе которых уже ко времени антиквариетов наблюдается судебно-правовой «полиморфизм».

Описывая судебную систему страны, антиквариет специально останавливаются на структуре судов и их компетенции. Они разделяют суды на две большие группы: светские суды, которые ставят на первое место, и церковные и дают подробную классификацию прежде всего светских судов, обращая внимание читателя на их разветвленную систему, большое разнообразие схожих полномочий, на почве которых интересы судов нередко сталкивались.

Судя по тексту У. Кэмдена, большая часть дел рассматривалась в королевских судах. Автор упоминает Суд королевской скамьи, который рассматривал все дела, затрагивающие интересы короны, а также прошения о милости монарха: «король, председатели суда и другие его участники имели обыкновение сидеть на скамьях, принимая прошение или просьбу наказать обидчика и просто решая все вопросы, поступающие на имя короля»²⁶. Суд казначейства рассматривал дела о финансовых спорах между подданными и короной, следил за сохранностью Большой Королевской печати и ценностей казны, «предусматривал получение доходов с церковных бенефициев и налог с первого урожая в качестве доходов в казну короля, а не в казну церкви»²⁷.

Фактически У. Кэмден характеризует Вестминстерские суды, основывавшиеся на общем праве. К ним относились Суд королевской скамьи, Суд общих тяжб и Суд казначейства. Основой таких судов служил судебный прецедент и суд присяжных. Суды общего права действовали на нескольких общих правилах: защита прав осуществлялась при наличии соответствующего процессуального иска; судебное разбирательство оформлялось письменно и отличалось строгим формализмом, характеризовалось медлительностью и дороговизной²⁸.

Из приведенных У. Кэмденом характеристик несложно заметить, что решение насущных вопросов, связанных с землей и безопасностью, было сосредоточено в руках короны. А возможность представителей любого сословия за определенную плату напрямую апеллировать к королю подтверждает наличие «обходных» путей в общем праве. Вместе с тем У. Гаррисон обращает внимание на то, что большое количество бедняков не имели возможности приехать в город и просить

милости у короля, а если все-таки им удавалось попасть в Лондон, то приходилось очень долго ожидать, чтобы подать прошение²⁹.

Антиквариет не могли не заметить, что значительная часть судебно-правового ландшафта Англии была представлена институтами, отличными от общего права, которые касались обширной сферы вопросов, связанных с важнейшими для королевской власти направлениями политики. Так, морская торговля (гражданские дела, связанные с мореплаванием, а также уголовные преступления, совершенные в открытом море) находилась под юрисдикцией суда Адмиралтейства, окончательно сформировавшегося в первой половине XVI века. У. Кэмден так и пишет: «суд Адмиралтейства рассматривал все вопросы, связанные с морем»³⁰. Выделяет У. Кэмден Суд канцлера, который занимался рассмотрением тяжб из-за долгов, земельных пожалований и других видов собственности³¹. Кроме того, подвластные английской короне регионы и пограничные районы относились к юрисдикции Совета Севера и Совета марки Уэльса; Палата прошений ведала гражданскими тяжбами, а Рыцарский суд рассматривал спорные вопросы по геральдике и интеграции знати. Суд справедливости, Суд канцлера, Суд делегатов и церковные суды состояли из членов Общины докторов-цивилистов, опиравшихся на позднеантичные юридические тексты и «средневековую традицию толкования античных правовых норм»³², и занимались гражданскими исками, которые не могли быть заявлены на основе прецедентного права, практиковавшегося Вестминстерскими судами³³.

Главенствующую роль в судебно-правовой системе Англии У. Кэмден отводит парламенту, отмечая, что этот «суд, совмещающий светский и церковный, является самым важным и самым благородным из всех»³⁴. Основанием для такой оценки служит участие парламента в судебных тяжбах, касающихся политических преступлений, измены и безопасности короля. У. Кэмден уточняет, что полномочия парламента не ограничиваются осуществлением судебной функции: он «соглашается с необходимостью налогов, утверждает предложенные короной законы и, если попросят, дает ей советы»³⁵.

Обращает внимание У. Кэмден и на то, что Генрих VII учредил «чрезвычайный трибунал, получивший название Звездной палаты, которому поручено было преследовать виновных в мятежах»³⁶, и подчеркивает, что «сегодня судьи этого суда являются лицами высоко почтенными, обладающими достойной репутацией, как тайные советники короля»³⁷. Звездная палата была судом исключительного характера: являясь отделением Тайного совета, она создавалась для борьбы с противниками королевской власти в условиях укрепления английской монархии раннего Нового времени.

Через появление дополнительных инстанций и должностей оба автора показывают особое от-

ношение правительства к вопросам королевской и государственной безопасности и измены. У Гаррисон описывает способ наказания в отношении к государственным преступникам: «самым тяжким преступлением считалось предательство своей королевы (как политическое, так и моральное, т. е. оскорбление достоинства Ее Величества), для которого было предусмотрено и самое страшное наказание. Такого “злодея” ожидало следующее: его направят сначала в тюрьму, затем везут к месту казни, на виселицу, в телеге или на санях. Вешают, затем, пока еще живой, его снимают с виселицы и потрошат, бросая кишки и гениталии в заранее приготовленный костер... после этого его разрубает на 4 части»³⁸. Важно заметить, что сама дорога до виселицы на телеге или санях выступает в качестве ритуального действия, унижающего обвиняемого, и является составной частью жестокого наказания.

У. Гаррисон отмечает существование в каждой сотне «судов», опиравшихся на «неписанный закон» (prescription) – на местные обычаи и традиции. К таким «судам» прибегали при возникновении повседневных споров между владельцами или жителями поместий, арендаторами, при затоплениях, нанесении материального ущерба (сломанный забор или мост). Констатируя наличие таких «судов», У. Гаррисон считает, что они не слишком популярны и изживают себя, уступая место более развитым формам судопроизводства³⁹. Такой вывод антиквариев в полной мере соответствовал взглядам мыслителей гуманистического направления, отстаивавших идеи централизации государственной власти, единого права и законодательства, равенства всех перед законом.

Таким образом, У. Гаррисон и У. Кэмден собрали свидетельства и составили описание того, что относится к особенностям английского судебно-правового порядка. Антикварии совершенно справедливо показывают смешанный характер английской судебной системы, ее многообразие и многоуровневость, что воспринималось как норма и устоявшийся порядок⁴⁰. У. Гаррисон и У. Кэмден использовали собранный и систематизированный ими материал для того, чтобы показать значимость перемен, связанных с переходом от средневековых форм организации власти к *État moderne* посредством более развитого, пусть и не всегда эффективного, судопроизводства.

Примечания

¹ Подробно об этом см.: Дмитриева О. В., Федосов Д. Г. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI веке // *Всемирная история* : в 6 т. Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 193–211 ; Юсим М. А. События и перемены в духовной жизни Европы : Возрождение, Реформация, Контрреформация // Там же. С. 67–81 ; Чернова Л. Н. Этические и социокультурные ценности лондонского купечества XVI в. // *Электронный*

научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Вып. 10 (33) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000866-1-1> (дата обращения: 16.01.2015) ; Она же. Томас Платтер и культурное пространство Лондона конца XVI века // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 37–43 ; Она же. Городское пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 30–36 ; Киясов С. Е. Массонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб., 2010. С. 104–125 ; Он же. От гильдий каменщиков – к философским ломам : масонские метаморфозы в Англии XVI–XVII вв. // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. М., 2009. Вып. 27. С. 353–361.

- ² См.: Дмитриева О. В. Самоидентификация английской нации в парламентских дебатах второй половины XVI – начала XVII в. // *Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время* / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 161–178.
- ³ См.: Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии : институты и идеи / отв. ред. С. Е. Федоров. СПб., 2015. С. 6.
- ⁴ См.: Штокмар В. В. История Англии в Средние века. СПб., 2005. С. 50.
- ⁵ См.: Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии : институты и идеи / отв. ред. С. Е. Федоров. С. 6.
- ⁶ Возник из Королевского суда и заседал до конца XIV в., стал высшей апелляционной и надзорной инстанцией для всех других судов, но со временем был специализирован на рассмотрении апелляций по уголовным делам.
- ⁷ Рассматривал частные гражданские иски, стал основным судом общего права, осуществлял надзор за местными и манориальными судами. По приказу из канцелярии жалобы могли быть перенесены в этот суд из любого другого низшего суда, мог исправлять судебные ошибки других судов.
- ⁸ Первым стал записывать свои слушания, рассматривал финансовые споры и прежде всего споры, касающиеся долгов казны и короны.
- ⁹ Палата лордов вела дела по обвинению своих членов в государственной измене и тяжких уголовных преступлениях, а также процессы против высших должностных лиц, обвиненных в злоупотреблениях. См.: Калмыкова Е. В. Властные институты и должности в средневековой Англии // *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время* / отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 237.
- ¹⁰ См.: Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии : институты и идеи : дис. ... д-ра ист. наук. СПб, 2016. С. 4.
- ¹¹ См.: Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии : институты и идеи. С. 6.
- ¹² Уже к началу XVII в. на территории Англии функционировало более 60 институтов с различной правовой системой. См.: Хачатурян Н. А. Проблема этносов и

- протоначий в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе // Этнос и «нации» в Западной Европе в средние века и раннее Новое время. СПб., 2015. С. 19–37.
- ¹³ Терентьева Е. А. Рассуждение о методе Уильяма Кэмдена // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2015. Вып. 51. С. 303.
- ¹⁴ Там же. С. 301, 303.
- ¹⁵ См.: Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления : Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 759.
- ¹⁶ См.: Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Антикварный дискурс в раннеюэртговской Англии / отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 6.
- ¹⁷ См.: Терентьева Е. А. Указ. соч. С. 300.
- ¹⁸ См.: Harrison W. A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // The Harvard Classics. N. Y. : P. F. Collier & Son Company, 1909–1914 ; N. Y. : Bartleby.com, 2001. URL: www.bartleby.com/35/3/ (дата обращения: 12.03.2015).
- ¹⁹ См.: Camden W. Bratannia / transl. by Philemon Holland. L., 1607. URL: http://www.visionofbritain.org.uk/text/contents_page.jsp?t_id=Camden (дата обращения: 17.11.2016) ; *Idem*. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdoms, England, Scotland, and Ireland (L. : George Bishop and John Norton, 1610) / Copyright by D. F. Sutton. Irvine : University of California, 2004. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/cambrit/> (дата обращения: 17.11.2016).
- ²⁰ См.: Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Историческая память и технологии антикварного дискурса : Англия раннего Нового времени // Диалоги со временем : память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 496.
- ²¹ Harrison W. A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // The Harvard Classics. Vol. 35. Part 17 : Of Sundry Kinds of Punishment Appointed for Offenders. URL: <http://www.bartleby.com/35/3/3.html> (дата обращения: 12.03.2015).
- ²² *Ibid.*
- ²³ См.: Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdoms, England, Scotland, and Ireland (L. : George Bishop and John Norton, 1610) : Law Courts of England / Copyright by D. F. Sutton. Irvine : University of California, 2004. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/cambrit/britdiveng.html#courts1> (дата обращения: 17.11.2016).
- ²⁴ См.: Picard L. Elizabeth's London : Everyday life in Elizabethan London. L., 2004. P. 284.
- ²⁵ Harrison W. A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // The Harvard Classics. Vol. 35. Part 17 : Of Sundry Kinds of Punishment Appointed for Offenders. URL: <http://www.bartleby.com/35/3/3.html> (дата обращения: 12.03.2015).
- ²⁶ Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdoms, England, Scotland, and Ireland (L. : George Bishop and John Norton, 1610) : Law Courts of England / Copyright by D. F. Sutton. Irvine : University of California, 2004. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/cambrit/britdiveng.html#courts1> (дата обращения: 17.11.2016).
- ²⁷ *Ibid.*
- ²⁸ См.: Паламарчук А. А. Цивильное право в раннеюэртговской Англии институты и идеи / отв. ред. С. Е. Федоров. С. 291.
- ²⁹ См.: Harrison W. A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // The Harvard Classics. Vol. 35. Part 17 : Of Sundry Kinds of Punishment Appointed for Offenders. URL: <http://www.bartleby.com/35/3/3.html> (дата обращения: 12.03.2015).
- ³⁰ *Ibid.* Part 9.
- ³¹ См.: Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdoms, England, Scotland, and Ireland (L. : George Bishop and John Norton, 1610) : Law Courts of England.
- ³² Паламарчук А. А. Цивильное право в раннеюэртговской Англии институты и идеи / отв. ред. С. Е. Федоров. С. 7.
- ³³ Там же. С. 291.
- ³⁴ Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdoms, England, Scotland, and Ireland (L. : George Bishop and John Norton, 1610) : Law Courts of England.
- ³⁵ *Ibid.*
- ³⁶ *Ibid.*
- ³⁷ *Ibid.*
- ³⁸ Harrison W. A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // The Harvard Classics. Vol. 35. Part 17 : Of Sundry Kinds of Punishment Appointed for Offenders. URL: <http://www.bartleby.com/35/3/3.html> (дата обращения: 12.03.2015).
- ³⁹ *Ibid.*
- ⁴⁰ См.: Паламарчук А. А. Цивильное право в раннеюэртговской Англии : институты и идеи : дис. ... д-ра ист. наук. С. 106.

Образец для цитирования:

Мелихова П. В. Судебно-правовая система Англии в восприятии антиквариев XVI века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 340–344. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-340-344.

Cite this article as:

Melikhova P. V. The Judicial and Legal System of England: the Antiquarian Perception of the XVI Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 340–344 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-340-344.

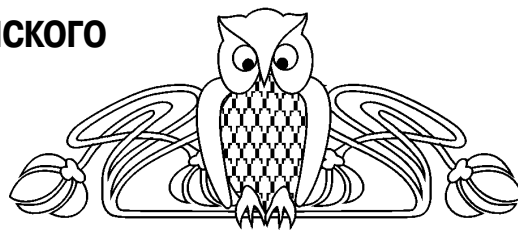

УДК 655.26(427.1)

МЕДИЦИНА В РЕПЕРТУАРЕ РАННЕГО ЧЕШСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ (1468–1620-е годы)

Е. Н. Многолетняя

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: elenamnogoletnijaja@rambler.ru

Автор в статье анализирует репертуар раннего чешского книгопечатания, главное внимание уделяет изданию медицинской или естественно-научной литературы, выявляется ее состав и основные произведения, имена типографов ее издававших, её место в развитии чешского языка и литературы.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, чешские типографы, издательская деятельность, репертуар книжной продукции.

Medicine in the Repertoire of the Early Book Printing in Bohemia (1468–1620)

E. N. Mnogoletnyaya

The author of the article analyzes the early repertoire of Bohemia book printing, focuses the attention on the edition of medical or scientific literature, its composition and major works, the names of publishers, its place in the development of the Czech language and literature.

Key words: book printing in Bohemia, publishers, publishing, repertoire of books.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-345-347

Репертуар книжной продукции раннего периода чешского книгопечатания с момента его возникновения в 1468 г. был очень разнообразным, значительное место в нем занимала медицинская литература или, как ее тогда называли, естественно-научная литература.

Первыми изданиями такого рода были «Минуци». Минуци представляли собой настенные однолистныe издания, но с 30-х гг. XVI в. минуци в практических целях стали издавать как отдельные выпуски, которые удобно было носить с собой. Эта форма прижилась и существовала до конца XVIII в.

В состав чешских инкунабул входили семь таких лекарственных календарей, называемых «минуци» (1476, 1489, 1491, 1492, 1493, 1496, 1497 гг.)¹. Составление календаря, определение времени «пускания крови» и само издание инструкций явилось привилегией магистров Пражского университета. Нам известно два имени – Вавржинеца из Рокицан и Матея из Вилемова. Первый составил лекарственные календари на 1485 и 1489 гг., второй на 1491, 1492 и 1493 гг.

Функции календаря и лечебных пособий выполняли также четыре брненских альманаха, а именно «Альманах» (на 1488, 1489 и 1492 гг.)² и «Альманах для г. Вены на 1495 г.»³, а также пражское издание «Практика на 1493 г.»⁴ и «Календарь с практикой на 1496 г.»⁵. Календарная продукция была постоянно востребована читателями и являлась составной частью чешской книжной культуры, потому что наступление каждого нового года вызывало к жизни новое издание календаря.

Особое место в продукции инкунабульного периода занимает сочинение Г. Фольца «О горячих ваннах» (1495 г.)⁶, представляющее собой бальнеологические рекомендации. Сочинение свидетельствовало о большой информированности инициатора издания о современной зарубежной литературе своего времени. Сочинение Г. Фольца, очевидно, явилось переизданием нюрнбергского издания, первого сочинения этого жанра, заслуживающего внимание, кроме того, и своей стихотворной формой. Бальнеологическая литература будет присутствовать в чешской литературе весь последующий период (ее изданию способствовали открытые к тому времени минеральные источники в Карловых Варах).

Так же, как и во времена инкунабульного периода, большой популярностью у читателей в первой половине XVI в. пользуются всевозможные календари, «минуци», и пророчества: их за указанный период было издано 12.

В типографии Микулаша Конача из Годишко-ва в начале XVI в. было издано сочинение немецкого астролога и прорицателя Иохана Лихтенбергера «Prorocství». С 1521 г. Павел Оливетский стал печатать в Литомышле свои издания «Minuci»⁷. Они вышли на следующие годы: 1521, 1524, 1525, 1526, 1531, 1533 гг.

В 1510 г. у Микулаша Бакалаража в Пльзне была напечатана «Минуци»⁸ магистра Георга Танстеттера – немецкого гуманиста XVI в.

Также были изданы прогнозы и предсказания: «Прогноз от 1524 до 1535» (1519 г.)⁹, «Прогноз на 1524 год»¹⁰, изданные в типографии Ондржея Кубеша в Праге.

И во второй половине XVI в. продолжали пользоваться у издателей популярностью «Minuci» («минуци») издававшиеся регулярно на каждый год, но теперь по большей части они становятся авторскими. Например, Ондржей Митишка, магистр свободных искусств, был автором «Минуци и прогноз на 1598 г.» (1597)¹¹ и еще одного – на 1601 г. (изданного в 1600 г.)¹².

В типографии И. Мелантриха были напечатаны 17 минуци¹³. По данным библиографии чешских и словацких книг – 14¹⁴. Авторами минуций были Тадеаш Гаек из Гайку (личный врач императора Рудольфа II), Ян Страненский (переводчик с латинского и издатель) и Петр Кодицилл из Тулехова (ректор Пражского университета, гуманист, поэт).

Из литературы непосредственно по медицине в это время продолжают издаваться сочинения ма-

гистра Криштана из Прахатиц «Врачебная книжка» (1554 г., Б.г. между 1544–1572 гг. два издания, конца XVI в. между 1580–1600 гг., 1609 г.). Издавали ее Ян Гюнтер в Оломоуце, Ян Кантор Хад в Праге, Ян Милихталер в Оломоуце. Всего было 6 изданий¹⁵.

Кроме того, знаменитое сочинение П. Маттиоли «Домашняя аптека» издается в типографии Даниэля Адама из Велеславина в 1595 г.¹⁶, а затем в 1602 г. переиздается его наследниками (экземпляр этого издания хранится в Москве в Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М. И. Рудомино, далее – ВГБИЛ).

Из изданий научного характера можно выделить сочинение итальянского врача и ботаника П. Маттиоли «Гербарий» (1562 г.), изданный Иржи Мелантрихом, и его переиздание 1596 г. (типография Даниэля Адама из Велеславина).

Остановимся на некоторых из упомянутых изданий более подробно.

В типографии Иржи Мелантриха, крупной типографии в Праге середины XVI в., печаталась и медицинская литература. К числу наиболее значительных изданий, вышедших из типографии Иржи Мелантриха, следует отнести чешское и латинское издания сочинения П. Маттиоли «Гербарий»¹⁷.

Итальянский врач и ботаник из Сиены П. Маттиоли жил в Праге с 1554 г. Первые деловые отношения с типографом Мелантрихом он налазил уже в 1558 г., когда предоставил ему сведения для сообщения о вьезде Фердинанда I в Чешское королевство. Знакомство с П. Маттиоли Иржи Мелантрих завязал в кругах чешского гуманиста Б. Ходейовского. Маттиоли ознакомился с качественными латинскими наборами шрифта типографии Мелантриха и предложил издать сборник своей латинской врачебной корреспонденции «Пять книг врачебной корреспонденции»¹⁸. Итогом этой работы стала замечательно оформленная публикация, включающая 5 иллюстраций (гравюр на дереве), на которых были изображены неизвестные прежде виды растений или животных, текст оформлен изящными резными инициалами. В книге была помещена гравюра – портрет П. Маттиоли в плаще с кожаным воротником с цепью на груди и в шляпе. Богато украшенная ренессансная рамка включала в себя уменьшенный сигнет типографа Иржи Мелантриха с перстнем. На последней странице книги в овальной рамке был помещен ветхозаветный символ – серебряная змея на кресте, внизу стояла надпись «Vincent». Это был сигнет молодого венецианского писателя Винсента Валгриса, который финансировал производство издания и обеспечивал распределения по Европе.

Произведение, вероятно, предполагалось продавать как в землях, находящихся под властью Габсбургов, так и во Франции. Об этом свидетельствует, с одной стороны, привилегия Фердинанда I Габсбурга, а с другой – привилегия французского короля Франциска II¹⁹. Произведение было отпечатано в двух вариантах, предназначенных для реализации в разных землях.

Сразу после издания этого сочинения Мелан-

трих обращается к другому произведению П. Маттиоли – «Гербарий». В тот период это было широко известное в Европе произведение. Оно было впервые издано в 1554 г. в Венеции на латыни и в 1544 г. на итальянском языке, вслед за ними было задумано чешское издание. Латинская версия издания не была самостоятельным произведением и являлась комментарием к Диоскуриаде. Маттиоли на этот раз решил издать отдельное издание «Гербария», оно было издано в 1562 г.²⁰ при материальной поддержке императора, других высших чиновников и землевладельцев Чешского королевства, а также чешского сейма. В латинском предисловии к изданию «Гербария» Маттиоли говорит о том, что считает издание своего сочинения на чешском языке «как высшее проявление признательности страны и королевского двора, в которой он долго жил... он также возносит похвалу чехам, которые предусмотрительно проявили интерес и заботу об этом издании и предоставили ему поддержку, потому что оно принесет помощь, прибыль и признание потомкам, а также это издание принесет пользу и другим народам, которые, как он слышал, понимают по-чешски, а сами ни одного труда о растениях не имеют: полякам, далматинцам, русским»²¹. По его словам, надо восхвалить двух мужей, которые помогли реализовать ему чешский гербарий, доктора Тадеаша Гаека, переводчика на чешский язык, и издателя Иржи Мелантриха²².

Издание «Гербария» П. Маттиоли насчитывало 436 страниц и 600 гравюр к тексту. На титульной странице присутствовал текст, выполненный в двухцветном типографском наборе. Издание было прекрасно оформлено и снабжено целым рядом рамок текстов и изображений: латинским посвятельным предисловием автора, адресованным императору Максимилиану, специальным предисловием переводчика Тадеуша Гаека и предисловием издателя Иржи Мелантриха, отпечатанным меньшим шрифтом, чем чешская привилегия императора²³ и латинской привилегией польского короля. В конце книги было помещено три указателя: чешский и латинский перечень растений и чешский список болезней и микстур (лекарств). Из иллюстративного материала присутствовали портреты: портрет самого автора, переводчика Тадеаша Гаека, 28 гербов заслуженных чешских панов и рыцарей, включая герб Гаека²⁴.

В 1563 г. совместно с венецианским предприятием Вальгриуса Иржи Мелантрих издал «Гербарий» П. Маттиоли на немецком языке²⁵. Это было 575-страничное издание. Перевод был сделан Георгом Гандшем из Лимуз, позднее ставшим врачом Фердинанда. Издание было дополнено предисловием переводчика и новым портретом П. Маттиоли. В авторском предисловии П. Маттиоли благодарит издателя за его труд, нашедший выражение в «специальном типографском материале и во всем остальном», называет его «великолепным типографом».

Изданием медицинской литературы занимался и другой выдающийся представитель чешского

книгопечатания второй половины XVI в. Даниэль Адам Велеславин. Из его типографии в 1595 г. вышло знаменитое сочинение П. Маттиоли «Домашняя аптека» (издание было ориентировано на малоимущие слои населения), а затем в 1602 г. оно переиздается его наследниками²⁶ (экземпляр этого издания хранится в Москве в ВГБИЛ²⁷).

Из изданий научного характера можно выделить сочинение итальянского врача и ботаника П. Маттиоли «Гербарий», который был издан ранее его тестем Иржи Мелантрихом. Даниэль Адам переиздал сочинение П. Маттиоли в 1696 г. (типография Даниэля Адама из Велеславина)²⁸. Издание «Гербария» в новом переводе на чешский язык было выполнено с немецкого издания, отредактированного немецким врачом Иоахимом Камерарием-младшим. Перевод на чешский язык выполнял сам Велеславин совместно с врачом Адамом Губером из Ризенпах. Адам Губер из Ризенпах (1546–1613) – практикующий врач и писатель. Совместно с ним Велеславин издал все три сочинения медицинской направленности: «Книга о сохранении здоровья» датского врача Индржиха из Рантзова, «Домашнюю аптеку» П. Маттиоли (1595 г.)²⁹ и его же «Гербарий» (1596 г.)³⁰.

Таким образом, сочинения медицинской направленности занимали важное место в репертуаре книгопечатания в Чехии в ранний период его истории. Это было связано с особенностью репертуара книгопечатания в Чехии в целом, поскольку он был ориентирован большей частью на издание сочинений, имеющих практическое значение, такие как справочники, учебная литература, многочисленные словари и т. д.

Примечания

- ¹ Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. Díl. I. Prvotisky. (do r. 1500). Praha, 1925 ; Díl. II. Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967. Č. 13–18 (ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания) ; Издание 1493 г. см : Urbánková E. Na okraj studia českých prvotisků // Ročenka Státní knihovny ČSSR v Praze. 1967. Praha, 1969. S. 99.
- ² Dokoupil V. Počátky brněnského knihtisku : prvotisky // Bibliografie města Brna, sv. 1. Brno : Moravská zemská knihovna v Brně a Archiv města Brna, 1974. S. 76, 81, 86.
- ³ Ibid. S. 89.
- ⁴ Urbánková E. Op. cit. S. 99.
- ⁵ Ibid. S. 95.

- ⁶ Urbánková E. Op. cit. S. 91.
- ⁷ Knihopis. Č. 5587–5592.
- ⁸ Ibid. Č. 16069.
- ⁹ Ibid. Č. 14282.
- ¹⁰ Ibid. Č. 14286.
- ¹¹ Ibid. Č. 5635.
- ¹² Ibid. Č. 5636.
- ¹³ Vyhledávat v celé databázi, dotaz : Název obsahuje slova «minucy» a Nakladatel/Tiskař začíná «Melantrich», počet záznamů : 16. URL: <http://db.knihopis.org/1.dll?h~=&DD=1&H1=&V1=z&P1=10&H2=&V2=z&P2=2&H3=Minucy&V3=o&P3=3&H4=Melantrich&V4=z&P4=16&H5=&V5=z&P5=61> (дата обращения: 12.03.16) ; Vyhledávat v celé databázi, dotaz : Název obsahuje slova «minuci» a Nakladatel/Tiskař začíná «Melantrich», počet záznamů : 1. URL: <http://db.knihopis.org/1.dll?h~=&DD=1&H1=&V1=z&P1=10&H2=&V2=z&P2=2&H3=minuci&V3=o&P3=3&H4=Melantrich&V4=z&P4=16&H5=&V5=z&P5=61> (дата обращения: 12.03.16).
- ¹⁴ Vyhledávat pouze v Knihopisu, dotaz : Název obsahuje slova «minucy» a Nakladatel/Tiskař začíná «Melantrich», počet záznamů : 14. URL: <http://db.knihopis.org/1.dll?h~=&DD=12&H1=&V1=z&P1=10&H2=&V2=z&P2=2&H3=Minucy&V3=o&P3=3&H4=Melantrich&V4=z&P4=16&H5=&V5=z&P5=61> (дата обращения 12.03.16).
- ¹⁵ Vyhledávat v celé databázi, dotaz : Autor rovno «Křičtan z Prachatic», počet záznamů : 6. URL: <http://db.knihopis.org/1.dll?h~A=K%F8i%9Atan%20z%20Prachatic> (дата обращения: 12.03.16).
- ¹⁶ Knihopis. Č. 5414.
- ¹⁷ См.: Dějiny české literatury. Díl. 1. Starší česká literatura. Praha, 1959. S. 342.
- ¹⁸ См.: Pešek J. Jiří. Melantrich z Aventýna. Příběh pražského arcitiskaře. Praha, 1991. S. 18.
- ¹⁹ Ibid. 19.
- ²⁰ См.: Knihopis. Č. 5416.
- ²¹ Отрывок из предисловия П. Маттиоли к Гербарию // Česká kniha v proměnách staletí / Bohatcová M. [а коллектив]. Praha, 1990. S. 219.
- ²² Ibid. C. 219.
- ²³ См. отрывок из привилегии // Ibid. S. 217.
- ²⁴ См.: Pešek J. Jiří. Op. cit. S. 18–20.
- ²⁵ См.: Česká kniha v proměnách staletí. S. 219–220.
- ²⁶ См.: Knihopis. Č. 5414, 5415.
- ²⁷ См.: ВГБИЛ им. М. И. Рудомино. Каталог издания XVI в. в фондах ВГБИЛ. Ч. 2. Книги на новых европейских языках (кроме немецкого) / сост. Е. В. Журавлева, И. Л. Захаренко, Н. Н. Зубков. М., 2001. С. 69.
- ²⁸ См.: Knihopis. Č. 5416, 5417.
- ²⁹ Ibid. Č. 5414.
- ³⁰ Ibid. Č. 5417.

Образец для цитирования:

Многолетняя Е. Н. Медицина в репертуаре раннего чешского книгопечатания (1468–1620 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 345–347. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-345-347.

Cite this article as:

Mnogoletnyaya E. N. Medicine in the Repertoire of the Early Book Printing in Bohemia (1468–1620). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 345–347 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-345-347.

УДК 9 (410.III) «13/15»

ОБЪЕДИНЕННАЯ ВЕЛИКАЯ ЛОЖА АНГЛИИ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

С. Е. Киясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам истории масонского движения в Англии XVIII века. Основное внимание сосредоточено на происхождении Великой ложи Англии.

Ключевые слова: масонство, английское масонство, спекулятивное масонство, Объединенная Великая ложа Англии.

The United Grand Lodge of England: the History of Creation

S. E. Kiyasov

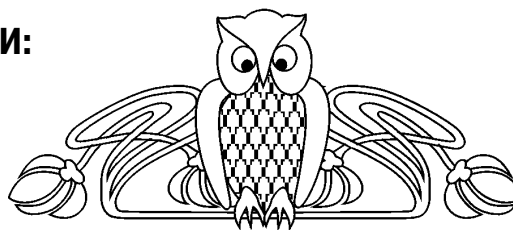
The article studies the topical question of the history of the masonry movement of the 18th century England. It particularly focuses on the origins of the Grand Lodge of England.

Key words: masonry, England's masonry, speculative masonry, United Grand Lodge of England.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-348-352

История регулярного (символического) масонского движения насчитывает более трёх столетий. Его родина – Великобритания эпохи Нового времени. Именно здесь, в Шотландии, Англии и Ирландии, интеллектуалы-просветители открыли работу первых спекулятивных (философских) лож, которые унаследовали эзотерические традиции средневековых ремесленно-строительных цехов¹. 24 июня 1717 г. в Лондоне была провозглашена «материнская» Великая ложа, быстро перешагнувшая в своей деятельности национальные границы².

Основатели вселенского масонского братства – Джон Теофил Дезагюлье (1683–1744), Джеймс Андерсон (1679–1739), Джордж Пейн (1685–1757) – были искренне убеждены в возможности мирного, нравственно-этического воспитания нового человека, достигаемого, по их мнению, усилиями клана «посвященных». Другой целью задуманного просветительского конспиративного проекта провозглашалось создание идеального общества, в котором предполагалось отсутствие религиозных, расовых, социальных и политических противоречий³. Впрочем, подобные, во многом утопические убеждения и надежды разделяли отнюдь не все участники быстронабиравшего силу интеллектуального движения. В самой Великобритании, оказавшейся в эпицентре его развития, на целое столетие утвердилось раздельное существование «старых» (мистических, якобитских⁴) и «новых» (просветительских)

масонских структур. Если первые опирались исключительно на внутренние, восходящие к Античности и Средневековью эзотерические традиции, и не помышляли об идейной экспансии, то масоны-философы, напротив, ставили перед собой задачи самой активной и максимально широкой внешней популяризации. Их действия были достаточно мотивированы: результаты начатых в Англии революционных преобразований нуждались в скорейшем распространении и максимальной поддержке. Тем самым «новые» масоны были призваны сыграть роль адептов не столько собственного культа, сколько завоеваний победившей в их стране пуританской революции, а также идеалов зарождающейся культуры Просвещения. В наши дни факт взаимовлияния и даже тесного соединения двух мощных течений либеральной европейской общественно-политической мысли XVIII в. – масонского и интеллектуально-просветительского – уже не вызывает сомнений. Убедительное тому подтверждение – биографии участников описываемых событий. Так, Дезагюлье, один из отцов-основателей Великой ложи Лондона, был активным членом научного Королевского общества. Адептами масонского Ордена были и многие другие представители этого учёного сообщества⁵.

Вскоре масоно-просветительский альянс распространил своё влияние на континентальную Европу. В 1730 г. в лондонской масонской ложе «Старый рог» состоялась инициация прославленного французского философа-просветителя Ш.-Л. Монтескье⁶. Известно также о встрече Монтескье и Дезагюлье в Париже, куда англичанин прибыл в июле 1735 г. с целью открытия масонских регулярных лож во Франции⁷.

Сходные тенденции наблюдались и в Новом Свете. К примеру, большие симпатии к идеям и деятельности «вольных каменщиков» проявил известный американский просветитель и ученый Б. Франклин. В самом начале своей яркой научной и политической карьеры он приехал в Англию, где работал в типографии, а также изучал литературу, классическую политэкономия, историю и философию. Здесь же состоялось его знакомство с обновленным масонством. После возвращения в родную Пенсильванию им было основано просветительское общество – «Клуб кожаного передника». С февраля 1731 г. Франклин – масон и активный популяризатор движения «вольных каменщиков». В 1734 г. будущий борец за неза-

висимость Североамериканских колоний Англии был избран на пост гроссмейстера Великой ложи Пенсильвании. В этом качестве он содействовал переизданию легендарной книги масонских «Конституций» Джеймса Андерсона. Позднее уже во Франции, где Б. Франклин находился в качестве представителя американского Конгресса, состоялась его принятие в парижскую просветительскую ложу «Девяти сестер». На одном из её заседаний американец стал участником инициации (посвящения в масоны) великого философа-просветителя Ф. Вольтера⁸.

К концу революционного XVIII столетия количество представителей западноевропейской просветительской элиты в масонском братстве достигло своего пика. В историю духовного Ордена были вписаны имена И. Гёте, В. Моцарта, И. Фихте, Г. Лессинга и многих других прославленных европейских интеллектуалов. Впрочем, отмечая столь важную составляющую пополнения рядов регулярного масонства, следует видеть не только количественную, но и содержательную компоненту отмеченного идейного сотрудничества. Безусловно, в данном случае речь следует вести о феномене зарождения и последующей универсализации принципов либерализма, которые начали своё формирование в век Просвещения при участии и поддержке масонских структур. Добавим к сказанному, что и последующие столетия отмечены доминированием этого направления общественно-политической и философской мысли.

Можно утверждать, что успех обновленного масонского движения в Великобритании и за её пределами основывался вовсе не на древних эзотерических традициях. Не имел он особого отношения и к тому духовному багажу, который был вынесен «вольными каменщиками» якобы из предыдущего, профессионального этапа их деятельности. Всплеск популярности спекулятивного масонства может быть объяснен, прежде всего, тем революционным умонастроением, которое преобладало среди просвещенных и образованных представителей тогдашнего европейского общества. Именно эти люди, ставшие «возмутителями спокойствия» в Англии, Франции, Германии и в новом, Североамериканском государстве, выступали одновременно и просветителями, и масонами, и политиками, главной целью которых было преобразование несовершенного человека и окружающей его действительности. Только подобная интерпретация событий масонского Ренессанса объясняет не только его успехи, но и затруднения. К их числу следует, в частности, отнести непрекращающиеся конфликты – организационные, идейные – внутри самого масонского Ордена. Впрочем, проблемы «роста» не повлияли на международные успехи движения. К середине XVIII столетия Великие ложи были образованы в Мадриде, Париже, Гамбурге, Лиссабоне, Лозанне и в Филадельфии.

В самой Великобритании наиболее остро встал вопрос об организационном единстве

регулярных масонских структур. Отсутствие необходимого согласия и возможность раскола наблюдались даже в рядах Великой ложи Лондона. Особенно остро противоречия проявились после избрания на пост Великого мастера герцога Филиппа Уортона, который, неожиданно для многих братьев, оказался креатурой оппозиционной, якобитской ветви движения «вольных каменщиков». Как свидетельствует исторический очерк книги «Конституций» Джона Интейка, 24 июня 1722 г. герцог был утвержден в должности Великого мастера⁹. После этого, 17 января 1723 г., с очевидным нарушением регламента он был провозглашен Великим мастером всех английских масонов («старых» и «новых»). Незадолго до этого, 27 декабря 1722 г., столичная ложа – и вновь стараниями Уортона – получила новых должностных лиц, Великих офицеров (Grand Officers). Они должны были заменить назначенных ранее Великих смотрителей (Grand Wardens)¹⁰. Однако переворот в масонском обновленческом руководстве, задуманный Филиппом Уортоном явно в целях возврата к архаичным, дореформенным традициям, осуществить до конца не удалось. Уже 25 апреля 1723 г. герцога-якобита сместили с занимаемого поста. Внеочередным Великим мастером столичной ложи стал сторонник масонов-реформаторов Фрэнсис Скотт, граф Дэлкейт¹¹.

В одержанной победе большую роль сыграла книга «Конституций» Джеймса Андерсона, активного сторонника и пропагандиста регулярного масонства. Важно отметить, что написанная им «масонская Библия» увидела свет в разгар конфликта, потрясшего Великую ложу. После возвращения на позиции status quo усилия руководства Великой ложи Лондона были направлены на вынужденную перерегистрацию действующих регулярных лож. По её итогам последовало заявление о непризнании тех масонских структур, которые не проводили обязательных (не реже одного раза в неделю) ежemesячных собраний. Сама «материнская» ложа объявила свои заседания постоянными уже с июня 1721 г., когда пост ее гроссмейстера занял герцог Джон Монтегю. В ноябре 1725 г. в целях упрочения своих позиций сохранившие своё место в официальном реестре регулярные ложи были наделены правом посвящения в высокие степени Подмастерья и Мастера¹².

Разногласия в среде «новых» масонов Англии были окончательно преодолены в 1728 г. Этому способствовало признание структурами обновленного масонства обязательных положений (идейных и регламентных) книги «Конституций»¹³. После этого, в 1729 г., Великая ложа Лондона была преобразована в Великую ложу Англии (Grand Lodge of England). В апреле 1736 г. в регулярных масонских ложах Великобритании был также установлен единый порядок делопроизводства, который, в частности, предусматривал протоколирование каждого рабочего заседания¹⁴. По итогам состоявшихся организационных меро-

приятый, их список стабилизировался и был взят под жёсткий контроль Великой ложи Англии. В 1729 г. она патронировала пятьдесят четыре ложи, сорок две из которых находились в Лондоне, одиннадцать в провинции и одна в Мадриде¹⁵.

Несмотря на успехи, достигнутые масонами-реформаторами, конкуренция со стороны альтернативных, «старых» структур «вольных каменщиков» не ослабевала. Вначале их интересы представляла Ложа Йорка (Lodge of York). В декабре 1725 г. она провозгласила себя Великой ложой всей Англии (Grand Lodge of all England)¹⁶. В 1752 г. открыл работу Верховный Орден св. Королевской Арки (Supreme Order of the Holy Royal Arch), претендовавший на исключительное право присваивать высокие степени. По мнению американского историка А. Уайта, данные системы объединяли «старых» масонов Англии, Ирландии и Шотландии, действовавших в соответствии с древними традициями братства «вольных каменщиков»¹⁷. Их лидером стал ирландец Лоуренс Дермотт (1720–1791). «Старые» масоны руководствовались собственными уставными документами, не признавая идейно-организационных принципов, содержащихся в книге «Конституций» Андерсона. 17 июня 1751 г. в Лондоне каменщики-оппозиционеры объединили усилия, провозгласив Великую ложу Древних масонов (Grand Lodge of Antients Masons)¹⁸. В процессе организационной консолидации «старых» масонов сторонники Великой ложи Англии были окончательно представлены в качестве «новых» масонов, которых не признавали и критиковали за искажение древних ритуалов, а также за нигилизм по отношению к христианству.

В 1756 г., углубляя раскол в масонстве, Л. Дермотт, признанный лидер и теоретик «старых» каменщиков, опубликовал собственную книгу «Конституций», получившую название «Ахиман Резон» («Ahiman Rezon»), которая отвергала текст «Конституций» Андерсона. Данное сочинение не содержало исторического очерка, а в области описания ритуалов опиралось на традиции религиозного мистицизма. Впрочем, как утверждает французский историк Поль Нодон, это не помешало автору наполнить свое сочинение «духом деизма»¹⁹.

Большое напряжение в отношении двух альтернативных масонских структур Великобритании вносил и социальный фактор. Важно отметить, что в среде масонов-обновленцев влияние достаточно быстро перешло из рук интеллектуальной элиты к представителям правящих, аристократических кругов, являвшихся приверженцами Ганноверской династии. Со своей стороны руководство «старых» масонских лож пыталось сохранить традиционный, демократический состав. Их политика наиболее активно проявила себя в Североамериканских колониях Англии. Этому способствовала ситуация, сложившаяся на периферии, вдали от консервативной имперской

столицы. Местные ложи, в которых поначалу объединились лоялисты (сторонники метрополии) и патриоты (сторонники независимости), оказались неустойчивы и недолговечны. В конечном итоге, после неизбежного – по причине политического размежевания – раскола, одни (первые) предпочли участие в аполитичных масонских структурах, которые признавали верховенство Великой ложи Англии. Другие же стали членами «шотландских», «йоркских» и прочих оппозиционно-демократических – по составу и руководству – лож, настроенных предельно радикально.

В свою очередь, противники и конкуренты «старых» масонов, которые пользовались возрастающей поддержкой в высших, аристократических слоях британского общества, стремились укрепить собственную организационную систему. К этому их побуждала необходимость выхода за пределы Лондона и превращения столичной Великой ложи в одно из звеньев транснационального масонского братства. В этих целях были предприняты усилия по созданию сети лояльных структур в провинции. Первая из «новых» Великих лож вне стен Лондона была провозглашена в 1725 г. в ирландском Дублине²⁰. Десятилетие спустя состоялось рождение Великой ложи Шотландии²¹. Её первым Великим мастером в 1736 г. стал потомок семейства Сен-Клеров (Синклеров), которое традиционно патронировало местных ремесленников-строителей. Обе структуры установили прочные рабочие контакты с Великой ложей, расположенной в Лондоне, что свидетельствовало о дальнейшем упрочении положения последней в масонской иерархии.

Разумеется, доминирующую роль Лондона в контексте выстраивания внутрибританской масонской системы не следует абсолютизировать. Известно, что политика Центра, традиционно нацеленная на территориальную, культурную и экономическую консолидацию Британии, во все времена вызывала негативное восприятие жителей окраин, а иногда и провоцировала их ожесточённое сопротивление²². Данная тенденция достаточно акцентировано проявила себя и в истории британского масонства. Например, военные ложи «вольных каменщиков», число которых к 1755 г. достигало трех десятков, как правило, не подчинялись столичной Великой ложе²³. Они получали свои патенты из Дублина, от имени Великой ложи Ирландии, которая всё-таки продолжала тяготеть к якобитской системе масонства и к «старой» Ложе Йорка. По этой причине деятельность масонов-военных, которые могли оказаться в самых отдаленных уголках Британской колониальной империи, следует рассматривать в качестве самостоятельного фактора истории британских «вольных каменщиков». Важно также отметить, что английские военные ложи оказали заметное влияние на становление и эволюцию структур «вольных каменщиков» в Североамериканских колониях, сыгравших заметную роль в последующих революционных событиях²⁴.

Сепаратизм «старых» масонов Англии был сглажен и преодолён лишь в начале следующего столетия. Решающую роль в этом процессе, несомненно, сыграло утвердившееся в английском масонстве преобладание просветительской, либеральной идеологии. Тяготение к мистицизму, возобладавшее в среде «старого» масонства, существенно сужало возможности его влияния в обществе, формируя малопривлекательный и опасный образ заговорщиков-отшельников. Раскол в английском масонстве смягчило также консолидирующее вмешательство правящей Ганноверской династии. Её представители – короли и наследственные принцы – предпочитали, не придавая значения слухам о революционных и заговорщических наклонностях «вольных каменщиков», рассматривать их в качестве лояльных подданных и опоры собственных имперских амбиций. По этой причине в Великобритании масонские ложи никогда не подвергались гонениям и преследованию. Именно британские монархи и «принцы крови» своим участием в работе структур «вольных каменщиков» положили начало увлечению масонством при дворах большинства просвещённых правителей заграничной, континентальной Европы. Первым представителем английского королевского семейства в рядах масонства – причём «нового» – стал Фредерик Людвиг, принц Уэльский, принятый в ложу в ноябре 1737 г. Вовлечение в масонство одного из претендентов на престол привело к повышенному интересу к разобщённым и ещё мало популярным ложам. В итоге в структуры, подконтрольные как Великой ложе Англии, так и Великой ложе Древних масонов Англии²⁵ стали активно вступать представители столичного высшего света: аристократы, военные, чиновники. Немаловажно отметить, что масоны пользовались покровительством не только правящей династии, но и протестантской Англиканской церкви, главой которой традиционно являлись британские монархи.

Ситуация наметившегося, а с 1809 г. явно активизировавшегося, примирения и сближения конкурирующих масонских организаций Великобритании ускорила их организационное слияние. 25 ноября 1813 г. в Лондоне был подписан «Акт Союза», который юридически оформил объединение «старых» и «новых» масонов Соединённого Королевства. Вслед за этим, 27 декабря 1813 г., в Freemasons Hall – главном масонском храме Лондона – состоялось провозглашение Объединённой Великой ложи Древних Франкмасонов Англии (United Grand Lodge of Ancient Freemasons of England). По предложению принца Эдуарда, герцога Кентского, представлявшего интересы «старых» масонов, младший сын короля Георга III, Август Фредерик, герцог Суссекский был избран первым Великим мастером новой Великой ложи. К ней, сохранив свою прежнюю автономию, примкнули Великие ложи Ирландии и Шотландии. Процесс консолидации масонского движения

Великобритании завершило утверждение единого обрядового культа – Йоркского ритуала. Помимо трёх классических степеней посвящения (Ученик, Подмастерье, Мастер), он предусматривал использование дополнительных, «высоких градусов», но лишь в элитарных, аристократических структурах Священной Королевской Арки и Совета Королевских избранных мастеров. В 1815 г. объединившиеся «вольные каменщики» Англии получили текст новой «Конституции», в первой статье которой, как и столетие назад, говорилось о необходимости веры в Бога²⁶.

Завершение длительного процесса унификации и централизации масонского движения на территории Великобритании придало ему дополнительную устойчивость и влияние. Провозглашение Объединённой Великой ложи Англии по сути превратило структуры «вольных каменщиков» Соединённого Королевства в государственный институт. Важно отметить, что с первых дней существования его деятельность была подконтрольна правящей династии и в первую очередь нацелена на неформальное обсуждение приоритетных национальных задач²⁷. Заметим, что британский опыт реформирования масонства, а также использование его интеллектуального потенциала в государственных интересах были не менее успешно повторены в Империи Наполеона Бонапарта²⁸.

Примечания

- 1 См., например: *Lomas R. The invisible college: the Royal Society, freemasonry and the birth of Modern science.* L.: Headline Book Publishing, 2002; *Piatigorsky A. Freemasonry. The Study of a Phenomenon.* L.: The Harvill Press, 1997; *Hamill J. The History of English Freemasonry.* Adlestone: Lewis Masonic Books, 1994; *Брэдли М. Секреты масонов / пер. с англ. М.: Никола-Пресс, 2008*; *Кинни Д. Подлинная история масонов / пер. с англ. М.: Книжный клуб, 2011*; *Гулд Р. Краткая история масонства / пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2011*; *Киясов С. Е. Очерки по истории масонства XVII–XX вв. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2016.*
- 2 См.: *Calvert A. F. The Grand Lodge of England.* L.: Herbert Jenkins Limited, 1917.
- 3 См.: *The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges.* L.: Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723.
- 4 Якобиты – сторонники королевской династии Стюартов, свергнутой в Англии в ходе «Славной революции» 1688 г.
- 5 Полное название данного научного учреждения, открытого по распоряжению Карла II Стюарта в 1662 г., – Королевское общество в Лондоне для дальнейшего распространения естественных знаний. На официальном сайте Объединённой Великой ложи Англии был размещён список членов Королевского общества

- (8.000 фамилий), вступивших в масонские ложи в период с 1660 по 2007 гг. *Alphabetical List of Fellows of the Royal Society who were Freemasons*. URL: <http://www.ugle.org.uk> (дата обращения: 05.04.2015).
- ⁶ См.: *Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie publié sous la direction de D. Ligou*. P. : Presses Universitaires de France (PUF), 1987. P. 814. Членом этой ложи был также Джеймс Андерсон – автор масонских «Конституций».
- ⁷ *Ibidem*.
- ⁸ В ходе церемонии прославленный философ опирался на руки масонов Б. Франклина и К. де Гебелина – см.: Хэнкок Г., Бьювэл Р. Власть Талисмана. Тайны посвященных : от египетских жрицов до виновников трагедии 11 сентября / пер. с англ. М. : Эксмо, 2006. С. 23.
- ⁹ *The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digisted By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges*. By James Anderson, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By John Entick. L. : Black Swan, 1756. P. 196.
- ¹⁰ *Ibid*. P. 194–195.
- ¹¹ *Ibid*. P. 196. Порядок в «масонском хозяйстве» Лондона был наведен с участием Д. Т. Дегаюлье, который в январе 1723 г. занял пост Представителя (Deputy) герцога Вартона. Его коллега, Джеймс Андерсон, один из авторов уже подготовленной к изданию книги «Конституций», сохранил за собой место Смотрителя Великой ложи.
- ¹² См.: Финдель И. Г. История франк-масонства от возникновения его до настоящего времени : в 2 т. / пер. со 2-го нем. изд. Т. 1. СПб. : Типография Н. Скарятина, 1872–1874. С. 123.
- ¹³ См.: Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств : их ритуалов, литературы и истории / пер. с англ. СПб. : Лань, 2003. С. 179.
- ¹⁴ Там же. С. 130.
- ¹⁵ Там же. С. 157.
- ¹⁶ Под изменённым в 1779 г. названием (Grand Lodge of England South of the River Trent) эта Великая ложа действовала до 1792 г.
- ¹⁷ См.: Уайт А. Э. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁸ См.: Naudon P. *Histoire général de la Franc-Maçonnerie*. P. : Office du Livre, 1987. P. 40.
- ¹⁹ *Ibidem*. По мнению французского историка, название книги составлено из трех древнееврейских слов : «ahim» (братья), «manah» (выбирать) и «raizon» (закон), что позволяет толковать его перевод как «Закон избранных братьев». Как сообщает А. Уайт, в США появилось как минимум два подобных дополнительных изданий. В 1807 г. «Ахиман Резон» собственного сочинения выпустил в свет известный масон-реформатор Ф. Дальхо из Чарльтона (Южная Каролина). В 1859 г., в соответствии с разрешением местной Великой ложи, книга с аналогичным названием была опубликована в штате Джорджия (США). Ее автором был местный гротмейстер У. С. Рокуэлл – см.: Уайт А. Э. Указ. соч. С. 82, 102.
- ²⁰ К концу столетия она насчитывала 227 лож – см.: Palou J. *La Franc-Maçonnerie*. P. : Éditions Payot, 1964. P. 345.
- ²¹ Рождение Великой ложи Шотландии и появление Шотландского Обряда не привели к новому системному конфликту. Масоны Эдинбурга, сохраняя автономию, признавали верховенство Великой ложи Англии и на своих обрядовых церемониях рядом с Алтарем и Библией размещали «все акты иоанновских лож» // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 14. Ед. хр. 94. Л. 3.
- ²² См.: Малкин С. Г. Лаборатория империи : мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 2016.
- ²³ См.: Бейджент М., Ли Р. Храм и ложа. От тамплиеров до масонов / пер. с англ. М. : Эксмо, 2003. С. 266–267.
- ²⁴ См.: Bullock S. C. *Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840*. Chapel Hill and L. : University of North Carolina Press, 1996.
- ²⁵ Её сторонники, после многочисленных расколов, образовали Древнюю Великую ложу Англии (Ancient Grand Lodge of England). Их последним гротмейстером стал принц Эдуард, герцог Кентский, одновременно – Великий Провинциальный Мастер Канады, сторонник и активный участник объединения «старых» и «новых» масонов Великобритании.
- ²⁶ См.: Mary R. L. *La Franc-Maçonnerie dans le monde*. P. : Editions de Vecchi, 1993. P. 37.
- ²⁷ В наши дни, наряду с Объединенной Великой ложей, в Великобритании действуют ассоциированные (Орден Красного Креста Константина, Орден Святого Павла, Орден Храма) и автономные (Орден тайного наставника, Королевский Орден Шотландии) структуры «вольных каменщиков». С 1968 г. Великим мастером главной ложи страны является Эдуард, герцог Кентский – правнук королевы Виктории, двоюродный брат правящей королевы Елизаветы II.
- ²⁸ См.: Naudon P. *Op. cit.* P. 95–98.

Образец для цитирования:

Киясов С. Е. Объединенная Великая ложа Англии: история создания // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 348–352. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-348-352.

Cite this article as:

Kiyasov S. E. The United Grand Lodge of England: the History of Creation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 348–352 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-348-352.

УДК 947.084.5

СОВЕТСКИЕ ПОСТАВКИ ВООРУЖЕНИЯ В АЗИАТСКИЕ СТРАНЫ В 1920-х годах

В. Г. Цыплин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье рассматриваются военно-технические контакты Советской России (СССР) со странами Азии в 1920-е годы. Проводится анализ устойчивого роста спроса на отдельные виды вооружений со стороны азиатских государств. Даются характеристики действиям советского руководства относительно политики в области экспорта вооружений.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, военные поставки, экспорт вооружения.

Soviet Arms Delivery to Asian Countries in the 1920s

V. G. Tsyplin

The article discusses the military and technical contacts of Soviet Russia (USSR) and Asia in the 1920s. The analysis of sustainable growth of demand for certain types of weapons in Asian countries is carried out. The characteristics of the actions of the Soviet leadership concerning the arms exports policy is given.

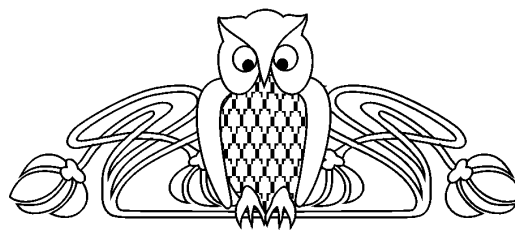
Key words: military and technical cooperation, military supplies, arms exports.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-353-357

В рассматриваемый период человечество столкнулось с феноменом активного соперничества великих держав в различных районах Азии. В этих условиях объяснимо стремление ряда правительств заполучить российское оружие. Большевицкое правительство щедро поставляло вооружение, давало деньги и золото азиатским странам, когда в Поволжье и других регионах России свирепствовал голод, повлекший за собой смерть многих миллионов людей в России. Эти процессы необходимо проанализировать отдельно в каждом конкретном случае.

Афганистану оказывали военную помощь как стране, которая первой признала Советское государство. Вопрос об оплачиваемом экспорте вооружений не стоял, речь пока шла о безвозмездных поставках авиатехники из СССР. Важную роль в период правления в Афганистане Амануллы-хана (1919–1929 гг.) играли военные связи двух стран.

В период англо-афганской войны в мае – июне 1919 г. Советская Россия активно субсидировала Афганистан, что было прекращено из-за сотрудничества афганского правительства с басмаческими формированиями в Средней Азии. Уничтожение большевиками повстанческих сил и процесс присоединения Бухарского эмирата исключил эти противоречия. В связи с этим в высшем руковод-

стве Советской России рассматривался вопрос о возобновлении субсидий Афганистану¹.

В 1921 г. авиатехника первой из советской военной продукции попала за рубеж. Для доставки использовались верблюды, лошади, слоны. Техника для перевозки предварительно разбиралась. Первые поставки были осуществлены в Афганистан в правление Амануллы-хана. Было доставлено более 20 самолетов, в основном это разведчики Р-1, представлявшие собой первый советский массовый самолет конструкции Н. Н. Поликарпова. Он был создан на основе британского лёгкого бомбардировщика «Де Хэвилленд» DH-9А образца 1916 г.²

В Кабуле при участии советских специалистов был построен завод по производству пороха³. Правда, в 1921 г. афганское руководство было полно решимости аннулировать уже ратифицированный российско-афганский договор, по которому уже было получено 500 тыс. рублей денежной субсидии. Оно хотело заменить его на новый договор с Великобританией, подразумевавший в том числе и военную помощь. Летом 1922 г. правительство Аманулла-хана опять хотело приостановить выполнение своих обязательств по российско-афганскому договору поставки оружия и техники из-за планов Афганистана относительно формально независимой до конца 1922 г. Бухарской Народной Социалистической Республики. В июне того же года афганскому посланнику в Москве был заявлен протест по поводу провокационных действий его страны в Бухаре. Ситуация выровнялась по результатам действий англичан в северо-западной пограничной провинции Индии, а также из-за разгрома войск Энвер-паши. Аманулла-хану пришлось внести коррективы в свою позицию в регионе⁴.

Афганистану во время интервенции досталось несколько трофейных британских прообразов Р-1, DH-9. Но афганцы предпочли советские аналоги «Де Хэвиллендов». Это можно смело считать первой, хотя и косвенной, победой отечественной авиатехники на международных рынках⁵.

В третьей англо-афганской войне был замечен и российский фактор. Англичане не знали, что российский военный специалист осуществлял радиоперехваты информации, которую они давали в эфир открытым текстом, что позволило обнаружить слабые места в их обороне. Впоследствии

это способствовало смелому провозглашению независимости Афганистана⁶. Советское правительство поставило оборудование для телеграфной линии Кушка – Герат – Кандагар – Кабул и направило специалистов для работы на ней.

Таким образом, в начале 1920-х гг. РСФСР и СССР поставили в Афганистан около 30 летательных аппаратов. В тот период основной персонал афганского гражданского и военного авиапарка составляли советские летчики, которые должны были создать первую в Афганистане лётную школу. Кроме того, в СССР также готовились афганские летчики гражданского и военного профиля. В Афганистане были опробованы первые шаги возрождавшегося советского ВПК, которые включали в себя механизмы снабжения запасными частями, способы их доставки, методики обучения местных экипажей. В 1923 г. было принято решение о создании складов вооружения и снаряжения⁷.

На заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 21 августа 1924 г. по предложению Г. Чичерина постановили передать Аманулле-хану 5 тыс. винтовок с соответствующим количеством патронов к ним, до 100 пулеметов, 3 радиостанции, а также осуществить переправку Афганистану аэропланов, базирующихся в Кушке, вместе с экипажами⁸. В итоге в 1924 г. Советская Россия оказала очередную военную поддержку правителю Афганистана. Ему были переданы: 5 боевых самолетов с экипажами, снаряды, авиабомбы и артиллерийское имущество на сумму около 607 тыс. рублей. Дополнительно выделили 250 тыс. рублей.

В 1925 г. поставки вооружений из СССР продолжались: что-то было продано по коммерческой стоимости, на что-то были даны большие скидки, что-то на безвозмездной основе. За счет этого удалось провести частичное перевооружение афганской армии. Поставки были и в 1926 г. на фоне подписания 31 августа того же года афганско-советского договора о ненападении. В 1927 г. СССР снова осуществил безвозмездные поставки вооружений в Афганистан на 3 млн рублей и продал ещё на 1 млн рублей⁹.

Таким образом, в 1925–1927 гг. СССР осуществил военные поставки в Афганистан в количестве 50 тыс. винтовок и 20 млн патронов к ним, разбитые на 2 партии по 5 и 15 млн штук. Кроме того, на советских заводах отремонтировали и поставили афганской армии 15 тыс. сломанных винтовок¹⁰.

В ноябре 1928 г. была осуществлена бомбардировка восставших племен шинвари с использованием 12 самолетов ВВС Афганистана, управляемых советскими пилотами¹¹. Поставки советского оружия в Афганистан продолжались во время антиправительственных выступлений в 1928–1929 гг., но они уже не возымели эффекта. Из-за отсутствия опытных специалистов оружие приходило в негодность, а предложения об их подготовке при помощи советских инструкторов чаще всего отвергались афганским правительством¹².

Аманулла-хан 29 ноября 1928 г. встречался с советским военным атташе И. Ринком, через которого просил советское правительство срочно поставить за плату 1200 осколочных, 1200 фугасных и 600 химических бомб. Этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 3 декабря 1928 г., где было принято положительное решение о продаже 2400 осколочных и фугасных бомб¹³, при этом химические авиабомбы поставлять отказались¹⁴.

В документах содержатся данные, что СССР направил в апреле 1929 г. в помощь отстраненному Аманулле-хану отряд красноармейцев, который при поддержке авиации начал готовиться для наступления на Кабул. В мае этого же года после бегства свергнутого с трона правителя в Индию советский отряд был выведен из Афганистана¹⁵. 19 октября 1929 г. СССР призвал новое правительство Мухаммед Надир-хана, после чего резко сократил поставки вооружения, которые осенью 1930 г. были полностью прекращены из-за бесперспективности¹⁶.

Поверив хитрым обещаниям турецкого правительства принять участие в мировой революции, РСФСР 16 марта 1921 г. подписала Договор о дружбе с Турцией. После этого были достигнуты договоренности о размерах финансовой помощи и о военных поставках, которые осуществлялись через Новороссийск, Батуми и Туапсе. Их размеры составили: 39 тыс. винтовок, 327 пулеметов, 54 тяжелых артиллерийских орудия, 147 тыс. снарядов, более 63 млн патронов. Кроме того, советской дипломатической миссией было передано Турции 200,6 кг золота в слитках и 10 млн рублей золотом. На золото было закуплено 20 самолетов, 200 тыс. винтовок и 1500 пулеметов. Самолеты, закупленные в Германии, совершили перелет через территорию РСФСР. Из Новороссийска их по Черному морю доставили в Анатолию. Турция таможенные пошлины России ни за какие поставки не оплачивала¹⁷.

Полезно вспомнить, что 16–18 августа 1920 г. Советская Россия отдала Турции еще два военных корабля «Живой» и «Жуткий». 7 сентября 1920 г. в Новороссийске от англичан укрыли турецкую канонерскую лодку «Айдин-Рейс», а 13 октября этого же года другую под названием «Превези». В конце октября лодки получили новые названия «Луч Востока» и «Восставший» и были включены в состав Морских сил Черного моря. В мае 1921 г. суда вернули Турции. Это противоречило Севрскому договору 1920 г., который не был признан правительством Турции. По нему Турции разрешалось иметь армию в 50 тыс. человек, состоящую из разных родов войск, но авиацию и флот она иметь не могла¹⁸. Турецкое правительство нуждалось в услугах большевиков, только с их помощью можно было сорвать ненавистный Севрский договор. В 1921–1922 гг. надводные корабли и подводные лодки, принадлежащие Советской России, оказывали военную поддержку Турции.

Например, в период с июля 1920 г. по 9 февраля 1923 г. три подводные лодки совершили 17 секретных походов в порты Инебола и Самсун¹⁹.

Кроме того, Турции отдали военное оборудование, которое было оставлено Русской армией в 1918 г. у восточных границ. Мнения об использовании этого вооружения и снаряжения разделились. Одни считают, что Турция применила его для развязывания агрессивной войны против Греции и Армении, проведения политики геноцида в отношении ассирийцев, греков, армян и курдов, другие – для подготовки к генеральному наступлению турецких войск против войск западных держав²⁰, согласно сведениям турецких источников деньги были потрачены на жалованье государственным служащим и офицерам²¹. Также советское правительство оказало помощь Турции в строительстве двух пороховых заводов, осуществило поставки оборудования и сырья для производства патронов. Трудно переоценить значение поставленных для Турции 100 грузовиков, 100 тыс. комплектов военного обмундирования и 600 т бензина, направляемых каждый месяц.

В конце 1920-х гг. СССР на льготных условиях обеспечивал турецкую армию военным имуществом. Так, в Москве 20 марта 1928 г. в ходе встречи К. Е. Ворошилова с турецким послом Тевфик-беем рассматривались вопросы о поставках СССР в Турцию оружия. В конце 1929 г. Турции продали три самолета Р-6 и один ТБ-1.

Таким образом, из России в Турцию для борьбы за независимость в рассматриваемый период были поставлены: каждая четвертая винтовка, более половины патронов, каждое четвертое орудие, каждое третье орудийное ядро. По данным, опубликованным в турецких источниках, суммарная помощь, оказанная Советской Россией Турции в начале 1920-х гг., по своим размерам может быть приравнена к совокупному бюджету министерства обороны правительства страны за два года. Кроме того, она намного больше годового бюджета Великого национального собрания Турции²².

В Персии советское правительство некоторое время пыталось поддерживать оружием местных сепаратистов в Иранском Азербайджане и на границах со Средней Азией. В исторических событиях начала 1920-х гг. хорошо просматриваются планы Москвы по советизации Ирана с использованием Азербайджанского плацдарма, которые носили антианглийскую направленность. Л. Троцкий применял в тех событиях дымовую дипломатическую завесу. В его директивах содержались слова о том, что «не должно быть никакого военного вмешательства под русским флагом, не должно быть заметно также и русских экспедиционных корпусов. В ходе Энзелийской операции от флота Красного Азербайджана, под который была замаскирована Волжско-Каспийская военная флотилия РККФ, белогвардейцы и англичане понесли значительные потери, спасаясь от полного разгрома в персидском порту Энзели. В

ходе операции были получены солидные трофеи. Предполагалось убрать русские войска и красный флот из Энзели, чтобы не возникало подозрений в подготовке к новым боевым действиям. Территории, контролируемые большевиками, передавались Кучек-хану, которого англичане загнали в горно-лесистую местность. Ему была оказана помощь оружием, инструкторами, добровольцами, деньгами. Для дальнейшей борьбы Кучек-хану оставили часть военных судов, но под флагом Азербайджанской республики²³. В конце июня 1920 г. для укрепления Иранской Красной Армии из Баку привезли броневик «Свободный Иран» и азербайджанские мусульманские части – 800 штыков, одну сотню кавалерии, 3 горных орудия²⁴.

Кроме того, под командование Кучек-хана были отправлены войска из Советской России. В Иран стали переправлять военное снаряжение и военные отряды, состоящие из туркестанских и закавказских иранцев. 6 июня 1920 г. приказом Реввоенсовета в состав Персидских Красных войск были зачислены: единый десантный отряд моряков численностью 750 человек, кавалерийский дивизион, эскадрон им. Кожанова, два воздухоплавательных отряда флотилии, оставшиеся бойцы 7-го Ширванского полка с артиллерией. Приказом Главнокомандующего вооруженными силами Персидской Советской Республики за № 1 от 19 июня отряд моряков был развернут в двухбатальонную 1-ю Отдельную стрелковую бригаду. Из аскеров-ширванцев были сформированы 3-й и 4-й батальоны, а «партизанские отряды тов. Мирзы Кучека» были формально сведены в 5-й и 6-й батальоны, составившие 2-ю Отдельную стрелковую бригаду²⁵. Советской Россией осуществлялось ежемесячное финансирование персидской революции в размере около 150 тыс. рублей золотом²⁶.

Таким образом, Советское руководство оказывало серьезную помощь личным составом и оружием как Кучек-хану, так и персидским коммунистам. При этом параллельно велись разноплановые переговоры с тегеранским правительством, что привело 26 февраля 1921 г. к процедуре официального подписания в Москве советско-персидского договора²⁷. Военные поставки вооружения Кучек-хану для ослабления Персии как потенциального союзника Великобритании с начала 1920-х гг. были постепенно переориентированы на сотрудничество с Тегераном.

С назначением в 1923 г. премьер-министром Ирана Реза-хана начались поставки вооружения уже для шахской армии. В мае 1924 г. два самолета Р-1 были поставлены в Персию для испытаний. Они прошли успешно, после чего СССР сразу поставил 6 самолетов этого класса, а в 1925–26 гг. была поставлена еще такая же партия. В 1925–27 гг. Тегеран закупил в СССР партию из 20 самолетов разного назначения, а в 1929–1930 гг. закупили 12 Р-1²⁸. 4 сентября 1930 г. советская авиатехника впервые приняла участие

в международных конкурсах, когда три самолета Р-5 совершили перелет по маршруту: Москва – Севастополь – Анкара – Тбилиси – Тегеран – Термез – Кабул – Ташкент – Оренбург – Москва. Военное руководство Персии было потенциальным покупателем советских самолетов, которые должны были опередить английские Одэкссы, французские Бреге и голландские Фоккеры²⁹.

Наиболее активно советское вооружение поставлялось в охваченный гражданской войной Китай, где внутренняя обстановка была сложной и политика СССР отличалась крайней непоследовательностью³⁰. В марте 1923 г. из Советского Союза в Китай для изучения вопроса об оказании военной помощи правительству Сунь Ятсена была направлена группа советников, также советским правительством было выделено 2 млн долларов. Расходы Советской России на поставку военных материалов и подготовку офицерских кадров для вооруженных сил Китая в 1924–1925 гг. исчислялись десятками миллионов рублей. На юге Китая на острове Вампу открылась школа по подготовке офицеров, в которую было поставлено: 8 тыс. винтовок, 9 млн патронов, артиллерийские орудия со снарядами. До 1927 г. только на нужды школы было израсходовано около 900 тыс. рублей. Для народно-революционной армии (НРА) Китая в мае – октябре 1926 г. СССР поставил: 145 орудий, 19 тыс. снарядов, 28,5 тыс. винтовок, 31 млн патронов, 100 тыс. гранат, 100 бомбометов. Национальным формированиям в 1925–1926 гг. было отправлено: 60 орудий, 230 пулеметов с патронами, 43 тыс. винтовок, 87 млн патронов, 10 тыс. гранат, 4 тыс. шашек, бомбометы³¹. В дальнейшем поставки боеприпасов и вооружения для НРА продолжались.

В 1925–1927 гг. для НРА Китая были поставлены 30 самолетов Р-1 и Р-2. На них советские летчики выполняли задачи в 1926–1927 гг. во время Северного похода. Пришедший к власти в апреле 1927 г. Чан Кайши разорвал отношения с Москвой. По его команде арестовывали и расстреливали советских военных специалистов, которых в 1924–1927 гг. в Китае было 135 человек. В результате такой политики в 4 эскадрильях у него осталось всего 24 самолета³². Советское оружие, поставлявшееся до этого в Китай, стало использоваться в ущерб советским интересам. В августе 1927 г. части НРА подняли восстание против контрреволюционного правительства. Из СССР было поставлено: 30 пулеметов, 15 тыс. винтовок, 10 млн патронов, 2 тыс. снарядов³³. В 1920-е гг. поставки осуществлялись и в другие азиатские страны. В Монголию в 1925 г. было направлено около 10 самолетов Р-1³⁴.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что советское правительство находило потенциальных союзников среди любых государств антизападной направленности, не обращая особого внимания на их внутривнутриполитический курс и существующую социальную базу в этих

государствах. На первом месте у него было усиление советских позиций в Центральной Азии, а источник прибыли – на втором. На этом фоне экспорт вооружений в 1920-е гг. рассматривался им как средство для распространения советского влияния на максимально возможные расстояния, хотя и финансовые вопросы большевики решали пунктуально.

Примечания

- 1 См.: *Редченко Д. В.* Г. В. Чичерин и советская внешняя политика в странах Востока // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 110.
- 2 См.: *Иванов В. П.* Самолеты Н. Н. Поликарпова. М., 2004. С. 63.
- 3 См.: О продаже российского оружия. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/cooperation/o-prodazhe-rossiyskogo-oguzhiya19-11-2010-11-16-00/> (дата обращения: 29.10.2016).
- 4 См.: *Бойко В. С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 327.
- 5 См.: *Котловский А. В.* Боевое применение Р-1 // *Авиация и время*. 2001. № 4. С. 17–18.
- 6 См.: *Бойко В. С.* Третья англо-афганская война 1919 г. и отношения Великобритании и Афганистана в последующий период // *Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)*: сб. науч. ст. Барнаул, 2011. С. 100.
- 7 См.: *Тихонов Ю. Г. В.* Чичерин и советский экспорт вооружения в Афганистан в 1921–1927 // *Россия и мир после Первой мировой войны. К 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений: материалы междунар. науч. конф. (11–12 ноября 2008 г.)*. Тамбов, 2009. С. 139–140.
- 8 См.: *Тихонов Ю.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. С. 87.
- 9 См.: *Топорков В. М.* Афганистан: советский фактор в истоках кризиса. Чебоксары, 2014. С. 30.
- 10 См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее –РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 31.
- 11 См.: *Панин С. Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М., 1998. С. 197.
- 12 См.: *Бойко В. С.* Социально-политический кризис конца 1920-х годов в Афганистане и падение режима Аманулла-хана // *Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер. История, филология*. 2011. Т. 10, № 4. С. 91.
- 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 715. Л. 68.
- 14 См.: *Воронов В.* Последний довод сатаны. Страницы неизвестной войны // *Собеседник*. 1995. № 17. С. 7.
- 15 См.: *Христофоров В. С.* О гражданской войне в Афганистане 1928–1929 гг. // *История страны в документах архивов ФСБ России: сб. статей и материалов*. М., 2013. С. 210–224.
- 16 См.: *Миц М. М., Стоун Д. Р.* Советский экспорт вооружений в 1920-е годы // *Социальные и гуманитарные*

- науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 2015. № 3. С. 98.
- ¹⁷ См.: *Озтюрк М.* Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 132.
- ¹⁸ См.: *Шталь А. В.* Малые войны 1920–1930-х годов. М. ; СПб., 2003. С. 32–33.
- ¹⁹ См.: *Широкопад А.* Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М., 2009. С. 37.
- ²⁰ См.: *Заргарян Р.* Турецкая угроза в 1923 году и сегодня. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2021214.html> (дата обращения: 21.11.2016).
- ²¹ См.: *Kansu M. M.* Erzurum'dan Olumune Kadar Ataturk'le Beraber // *Turk Tarih Kurumu Yayinlari.* Ankara, 1966. S. 591.
- ²² См.: *Озтюрк М.* Рассмотрение советской помощи Анкаре в 1920–1922 гг. На основе турецких исторических источников // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* 2010. № 5. С. 42.
- ²³ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 1179. Л. 62.
- ²⁴ См.: *Генис В.* Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. М., 2000. С. 126.
- ²⁵ См.: *Генис В.* Большевики в Гиляне : провозглашение персидской советской республики // *Вопросы истории.* 1999. № 1. С. 65–66.
- ²⁶ См.: *Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921).* М., 2009. С. 39.
- ²⁷ См.: *Алиев С. М.* История Ирана. XX век. М., 2004. С. 129.
- ²⁸ См.: *Котельников В. Р.* Семейство самолетов Р-5. М., 2005. С. 56.
- ²⁹ См.: *Николаев С.* Отечественный ВПК – дешево и сердито. URL: <http://rules/10-05-2010/1031112-news-0/> (дата обращения: 23.11.2016).
- ³⁰ См.: *Маслов М., Андерсон Л.* Старый служака Р-1 // *Авиация и время.* 2001. № 4. С. 10.
- ³¹ См.: *Широкопад А.* Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М., 2004. С. 243–244.
- ³² См.: *Степанов А.* Советский авиаэкспорт и военнотехническое сотрудничество СССР с государствами Азии в 1920-х – начале 1940-х годов // *Общество. Среда. Развитие.* 2009. Вып. 1. С. 48.
- ³³ См.: *Широкопад А.* Россия и Китай... С. 245.
- ³⁴ См.: *Маслов М., Андерсон Л.* Указ. соч. С. 10.

Образец для цитирования:

Цыплин В. Г. Советские поставки вооружения в азиатские страны в 1920-х годах // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 3. С. 353–357. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-353-357.

Cite this article as:

Tsyplin V. G. Soviet Arms Delivery to Asian Countries in the 1920s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 353–357 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-353-357.

УДК 94 (520)+(510)

ЯПОНСКИЕ ФИРМЫ НА ХЛЕБНОМ РЫНКЕ СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ В 1920-х ГОДАХ

С. М. Стасюкевич

Дальневосточный государственный аграрный университет,
Благовещенск
E-mail: svetasms@inbox.ru

Северная Маньчжурия в 1920-х гг. являлась узлом геополитических и экономических противоречий между Советским Союзом, Китаем и Японией. Экономическая ценность региона определялась стремительным аграрным развитием, наличием удобных для организации экспорта конкурирующих транспортных артерий – Китайской Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог. Деятельность японских фирм на местном хлебном рынке, способы конкуренции за экспорт зерна обеспечили достижение экономических интересов метрополии в регионе и способствовали внедрению передовых способов организации хлебной торговли.

Ключевые слова: Северная Маньчжурия, КВЖД, ЮМЖД, аграрный рынок, экспорт зерна, экономическая экспансия, советско-японские отношения.

Japanese Firms on the Northern Manchuria Grain Market in the 1920s

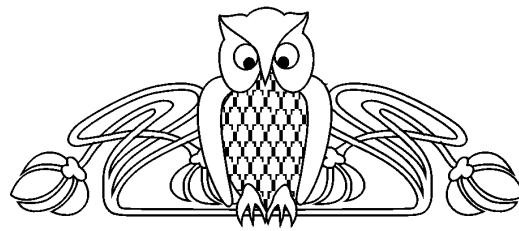
S. M. Stasyukevich

In the 1920s, Northern Manchuria was a knot of geopolitical and economic contradictions between the Soviet Union, China and Japan. The economic value of the region was determined by its rapid agricultural development, the availability of the competing traffic arteries suitable for export organization – the China Eastern Railway and the South Manchuria Railway. The activities of Japanese firms on the local grain market, their ways of competition for grain export guaranteed the achievement of the metropolis's economic interests in the region and contributed to the implementation of advanced methods of the organization of grain trade.

Key words: Northern Manchuria, Chinese Eastern Railway, South Manchuria Railway, agricultural market, grain export, economic expansion, Soviet-Japanese relations.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-358-363

История Северо-Восточного Китая в 1920-х гг. – достаточно распространенная тема в современной отечественной историографии, однако большинство авторов сосредоточивают свое внимание на проблемах внешней политики СССР, истории российской эмиграции в Северной Маньчжурии и советско-китайских отношениях¹. Между тем ситуация в Северо-Восточном Китае во многом определялась японо-советским соперничеством. В современной российской историографии формируется новый, отличный от советской традиции взгляд на историю советского и японского присутствия в Северной Маньчжурии, заслуживающий внимания². Авторы нового подхода высказывают порой сомнительные тезисы. Так, К. В. Черепанов утверждает: «У Японии... серьезных коммер-

ческих и экономических интересов в Северной Маньчжурии не было. «Особые» интересы Японии на континенте не воспринимались ни в Китае, ни другими державами как легальное оформление японского присутствия в Маньчжурии»³. С этим нельзя согласиться. Очевидно, что Северо-Восточный Китай в 1920-х гг. являлся одним из узлов международной напряженности, в основе которой всегда лежат не только геополитические, но и экономические интересы соперничающих сторон.

В связи с вышесказанным актуальным является анализ форм экономической активности заинтересованных стран в Северной Маньчжурии. В настоящей статье предпринимается попытка показать наличие экономических интересов Японии в Северной Маньчжурии на примере деятельности японских коммерческих организаций на местном хлебном рынке, раскрыть способы конкуренции Японии за экспорт североманьчжурского зерна.

Источниками для статьи послужили материалы российских региональных и центральных государственных архивов, публикации в дальневосточных и харбинских периодических изданиях, в том числе научной периодике. Среди архивных материалов необходимо выделить документы (доклады, справки, статистические сводки) о деятельности Дальгосторга в Северной Маньчжурии, хранящиеся в фонде 291 Российского государственного архива экономики (РГАЭ), в которых содержатся сведения об активности японских компаний, являвшихся конкурентом советских внешнеторговых организаций. Информационные отчеты и аналитические сводки Дальбюро ЦК ВКП(б) о ситуации в Северной Маньчжурии, оперативная информация о деятельности Китайской восточной железной дороги (КВЖД) и Уссурийской железной дороги, поступавшие в органы партийного и советского руководства Дальневосточного края (ДВК), позволяют детально восстановить ткань событий и те проблемы, с которыми сталкивалась советская сторона в связи с деятельностью японцев в районе КВЖД. О том, что советское руководство внимательно следило за японскими конкурентами, красноречиво свидетельствует документ, с которым мы ознакомились в Государственном архиве Хабаровского края (Ф. Р-730. Оп. 5. Д. 38). Это записка о деятельности японской фирмы Кокусай Унсо в Северной Маньчжурии и Монголии. В деле имеется оригинал записки на японском языке и

перевод на русский язык, содержащий многоплановую информацию о целях, миссии фирмы в регионе, направлениях и методах ее деятельности, настроениях служащих. В целом совокупность привлеченных источников позволяет воссоздать деятельность японских коммерческих организаций на хлебном рынке Северной Маньчжурии.

Экономическая ценность Северной Маньчжурии определялась стремительным аграрным развитием этого региона, производившего огромные объемы зерна. В 1920-х гг. на долю Северной Маньчжурии приходилось 55% мирового урожая соевых бобов. В 1926 г. здесь было собрано 188,7 млн пудов сои, при этом свыше 80% урожая предназначалось для экспорта⁴. Соя и продукты ее переработки составляли 82–88% хлебного экспорта региона, остальное приходилось на ячмень, гречиху, конопляное семя, просо, кукурузу, отруби, гаолян, чумизу. Экспорт хлебов из Северной Маньчжурии в 1925–1927 гг. увеличился со 104,4 до 164,1 млн пудов. Большая часть зерна направлялась в Англию, где была развита биржевая торговля: в 1925 г. для английского рынка предназначались 65 % североманьчжурского хлебного экспорта, в том числе 85 % бобов, 58 % конопляного семени. Второй по значимости была Япония, куда ушли 32,8 % хлебного экспорта⁵.

Маньчжурское зерно поступало на европейские и азиатские рынки двумя путями: через восточное направление – по КВЖД с выходом на порт Владивосток (Эгершельд), через южное – по Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД) с выходом на порт Дайрен. До российской революции 1917 г. несомненными преимуществами обладало восточное направление: путь от Харбина до Владивостока был короче пути до Дайрена на 156 верст, при этом не было необходимости переваливать все грузы с широкой русской на более узкую южно-маньчжурскую колею, в результате чего отправители теряли время и деньги. В 1914 г. в сторону Владивостока уходило 85% североманьчжурского экспорта (в данном случае речь идет обо всем экспорте, включавшем зерновой). Однако в дальнейшем удельный вес восточного направления стал неуклонно сокращаться: в 1917 г. в сторону Владивостока было перемещено 66% экспортного транзита, остальное ушло на Дайрен⁶.

Во время Гражданской войны произошел резкий спад объемов перевозок по КВЖД и переориентация грузопотоков на южное направление: в 1920 г. в сторону Владивостока из Северной Маньчжурии было отправлено всего 12% хлебных грузов. С 1921 г. объемы перевозок по КВЖД стали расти и абсолютно, и относительно. Движение транзитного зерна по Уссурийской железной дороге, принимавшей их с КВЖД, не прекращалось даже в условиях боевых действий завершающего этапа Гражданской войны на Дальнем Востоке. Так, в сентябре 1922 г. на участке между станциями Пограничная и Никольск-Уссурийский скопились большие силы Народно-Революционной

армии и все наличные силы Дитерихса. Несмотря на угрозу прерывания железнодорожного сообщения с Владивостоком, харбинские экспортеры полагали, что «предстоящее столкновение не нарушают правильного хода погрузки на Эгершельд»⁷. В 1922–1923 гг. через Приморье прошло 18–20% североманьчжурского хлебного экспорта⁸.

Советское экономическое присутствие в Северной Маньчжурии определялось соглашениями между СССР и Китайской республикой от 31 мая 1924 г., в которых КВЖД объявлялась сугубо коммерческим предприятием, находящимся в совместном советско-китайском управлении⁹. Результатом данных соглашений становится быстрое восстановление экспортного транзита из Северной Маньчжурии через Владивосток: уже в 1925 г. в этом направлении проследовало 41,4% хлебных грузов, в 1926–1927 гг. – 51%¹⁰.

Новая ситуация, сложившаяся в Северной Маньчжурии, вызвала бурную реакцию на международной арене, наиболее остро отреагировала на нее Япония¹¹. Японцы рассматривали всю Маньчжурию как сферу исключительно своего влияния. Так, премьер-министр страны Танака в интервью газете «Юнайтед Пресс» заявлял: «Мы стремимся только к поддержанию мира и спокойствия в Маньчжурии с тем, чтобы способствовать развитию торговли и промышленности в Китае на пользу самим же китайцам и иностранцам. Маньчжурия не может рассматриваться как неделимая часть Китая, так как Япония принесла слишком много жертв за нее в период русско-японской войны... Наши отряды лучше, чем кто-либо, защитят наших резидентов, китайцев и иностранцев. Всякий только благословляет нашу охрану»¹².

Оценивая ситуацию в Северной Маньчжурии в связи с переменами на КВЖД, китайская пресса писала: «... континентальная политика Японии начала развиваться усиленным темпом, и в первую очередь она стала применять средства экономического захвата. За последнее время Япония сделала орудием своей захватнической политики ЮМЖД, главной задачей поставив себе захват прав КВЖД в Северной Маньчжурии»¹³. Значительная активизация экономической деятельности японцев отмечалась и в закрытых письмах секретаря Харбинского ГК ВКП(б) в ЦК и Дальбюро ВКП(б) за июль – октябрь 1925 г.¹⁴

В целях урегулирования конфликтной ситуации вокруг экспортных перевозок 16 сентября 1925 г. в Харбине было подписано соглашение между Уссурийской и Южно-Маньчжурской железными дорогами, предусматривавшее направление с 1 октября 1925 г. 45% всех экспортных грузов – на восток (свободная гавань Эгершельд) и 55% – на юг (порт Дайрен). Однако Япония использовала все возможные способы для обхода соглашения, усиливая свое проникновение в Северную Маньчжурию¹⁵.

Основным методом экономической экспансии Японии становится масштабное строительство

сети железных дорог, проектировавшихся с учетом захвата новых аграрных рынков и направления потоков североманьчжурского зерна на внешний рынок по ЮМЖД через порт Дайрен. В 1925–1926 гг. был построен участок ЮМЖД Таонань – Цицикар и грузы хлебопроизводящего Цицикарского района переориентировались на юг¹⁶. В 1926–1928 гг. на средства японцев велось строительство еще нескольких локальных железнодорожных линий, проникавших в хлебопроизводящие районы, ранее тяготевшие к КВЖД. К 1928 г. в сеть японских линий были включены китайские железные дороги, тем самым в регионе создавалась единая транспортная система¹⁷. На хлебном рынке Северной Маньчжурии японцы проводили согласованную банковскую и промышленную политику, включавшую скрытое понижение железнодорожных тарифов, вложение капиталов в китайские хлеботорговые фирмы, землю¹⁸.

Ради привлечения хлебных грузов японцы организовали хлебную биржу в Дайрене и умело ею манипулировали, авансировали китайских производителей и хлеботорговцев через открытые в разных городах Северной Маньчжурии банки, организовывали гужевые перевозки, строили на юге Маньчжурии маслобойные заводы, устанавливали более дешевые фрахты на Лондон из Дайрена по сравнению с Владивостоком, предоставляли рефакции экспортерам. Все эти шаги были направлены на нивелирование главного преимущества восточного направления – более короткого расстояния до морского порта и относительно дешевых железнодорожных тарифов. В 1926 г. цель была достигнута: фактическая стоимость транзита складывалась в пользу Дайрена: разница достигала двух иен за тонну¹⁹.

Важную роль в обеспечении конкурентных преимуществ своей стране сыграли японские фирмы, работавшие в Северной Маньчжурии. В 1920-х гг. здесь действовали как независимые японские компании, так и крупные фирмы, работавшие по заданиям ЮМЖД.

Компании, работавшие самостоятельно (Хонен Ойль Миль К^о, Сузуку и К^о и др.), руководствовались интересами коммерческой целесообразности, стремились к поддержанию нормальных отношений с советскими контрагентами и организации своего транзита через более короткое владивостокское направление²⁰. Так, в 1922/1923 гг. советские внешнеторговые организации Центросоюз и Дальбанк обеспечили всего 0,54% хлебного транзита через Владивосток, европейские экспортеры Харбина – Восточно-Азиатская К^о, Соскин и К^о, Сибирская К^о, Английско-Азиатская К^о – 54,61%, 17 японских фирм – 44,85%. Среди японских фирм наиболее крупные партии зерна перевезли Сузуку и К^о, Сага, Чосен-Банк²¹.

Работа японских экспортеров с Владивостоком вызывала резкое раздражение руководства

ЮМЖД. Дальневосточная пресса сообщала, что по отношению к таким фирмам проводится со стороны правления железной дороги настоящий террор и существует категорическое предложение осуществлять отгрузки только на юг²².

Главная задача коммерческих фирм, действовавших в интересах ЮМЖД: Кокусай Унсо, Тотаку, Мунката и К^о и др., заключалась в привлечении грузов на Дайрен. Механизм предоставления рефакций, компенсационных выплат за утраченные выгоды тарифов на восток, виден на примере деятельности фирмы Мунката и К^о. Каждый крупный экспортер имел возможность получить здесь своеобразную доплату за груз: дубликат, по которому отправлялся товар в Дайрен, продавался компании, последняя ставила на нем свой штемпель и со скидкой 1–2 иены за тонну продавала обратно экспортеру. Нередко вместо такого дубликата просто выдавалась квитанция на получение большего, чем реально отправил экспортер, количества бобов в Дайрене. В случае переманивания хлебоэкспортных фирм, традиционно ориентированных на Владивосток, размер выплат увеличивался. Например, в 1926 г. Сибирская компания получила от ЮМЖД компенсации в 4–6 иен за тонну на 4 млн пудов, отправленных с КВЖД на Дайрен, Дальгосторгу предлагались рефакции за отгрузку на юг сои со станции Аньда в 4 иены за тонну, из Харбина – в 2,5 иены²³.

Крупнейшей компанией, работавшей под эгидой ЮМЖД, была транспортная фирма (общество) Кокусай Унсо, основанная в 1921 г. По сведениям советских источников, на долю Кокусай Унсо приходилось 43 % годового рынка транспортных услуг Японии. С учетом же оборота родственных ей фирм на долю Кокусай Унсо приходилось 63 % общего объема расчетных операций всех железных дорог Японии²⁴.

В 1920-х гг. общество имело в Маньчжурии развитую сеть филиалов: в Дайрене, Инкоу, Мукдене, Тилине, Шанхае, Сыпингае, Чаньчуне, Харбине. Оперативная работа велась агентами фирмы в полосе КВЖД на станциях Маньгоу, Аньда, в полосе Гирин-Чанчунской линии на станциях Сядзюдай, Хуапичао, по линии Сыпингай-Таонаньской железной дороги на станциях Чжэцзятун, Таонань, Бай Бодунэ, Учань, Юйшу. Владивостокским отделением общества производились транспортные морские перевозки, погрузочно-разгрузочные работы, осуществлялось представительство на таможнях²⁵.

Главным направлением работы фирмы была организация железнодорожных и гужевых грузоперевозок, достигавших внушительных размеров. Так, в 1924 г. через Кокусай Унсо из Северной Маньчжурии и Монголии было отправлено 137,3 млн пудов грузов, основную часть которых составляли бобы, жмыхи и зерновые хлеба²⁶. Объемы вывозных операций Кокусай Унсо в Северной Маньчжурии практически равнялись объемам транзита грузов по КВЖД, по которой в

восточном и южном направлении в 1924/25 хозяйственном году проследовало 137,7 млн пудов²⁷. По сути Кокусай Унсо оттягивала грузы с восточного направления: агенты фирмы закупали для экспортеров зерно на станциях западной и южной линии КВЖД и вывозили их гужом на ЮМЖД. В результате грузообороты на владивостокском направлении падали. Так, экспортный урожай бобов в районе, тяготевшем к станциям Мейшацзы и Бухай южной линии КВЖД, оценивался в 1925 г. в 4,6 млн пудов однако к середине января 1926 г. на эти станции поступило только 369 тыс. пудов, или 8% от ожидаемого, остальное вывозили в сторону станций ЮМЖД. Такая же ситуация складывалась и на других станциях южной линии КВЖД²⁸.

Сфера интересов «Кокусай Унсо» не ограничивалась грузоперевозками. Проникая в районы Северной Маньчжурии, в которых не сформировалась еще современная рыночная инфраструктура (полоса КВЖД, внутренние районы от полосы железной дороги и по берегу р. Сунгари), фирма развивала денежные, складочные, подрядные операции, занималась гужевыми и автомобильными перевозками, в том числе пассажирскими. Кроме этого общество от имени ЮМЖД представляло интересы экспортеров на таможах в Дайрене и Аньдуне, вело погрузочно-разгрузочные операции на всех японских пароходах в Шанхае и Владивостоке, за исключением принадлежавших пароходам Курихаям и Ямаски, осуществляло морские перевозки грузов. Проявила интерес фирма и к деятельности Эгершельдской товарной хлебной биржи. Все эти операции были тесно взаимосвязаны и нацелены на вовлечение в орбиту обслуживания Кокусай Унсо и ЮМЖД большего числа предпринимателей²⁹.

Концентрация в руках общества значительных материальных ресурсов и инфраструктуры позволяла ему продвигать в Северной Маньчжурии передовые методы организации торговли. При транспортировке грузов через Кокусай Унсо складочные документы на грузы обменивались на транспортные, что для предпринимателя означало сокращение накладных расходов и сроков проведения операций и возможность в наиболее простой форме торговать с удаленными местностями. Услугами Кокусай Унсо охотно пользовались не только японские, но и китайские, и европейские коммерсанты, ведущие свои операции в Северной Маньчжурии³⁰.

Кокусай Унсо видела свою миссию в содействии развитию Северной Маньчжурии через распространение совместно с ЮМЖД торгового влияния Японии. 8 мая 1925 г. на совещании начальников коммерческих управлений железных дорог Кабе и Модзи, состоявшемся в Киото, был представлен доклад о деятельности общества, из которого видно, что японцы воспринимали Северную Маньчжурию как дикий край и не сомневались в благородстве своей деятельности, вовлекавшей регион в орбиту цивилизованного,

с их точки зрения, развития: «Наше общество, смело открывая функции финансово-коммерческого и транспортного вспомогательного аппарата, употребляет усилия к распространению культурного прогресса, а также торгового влияния нашей страны». В докладе особо подчеркивались многочисленные опасности, которые приходилось преодолевать служащим фирмы: холодная зима и бездорожье, пылевые бури весной; постоянные нападения хунхузов, отсутствие нормальных с точки зрения японцев бытовых условий и необходимость жить так, как живет местное китайское население; антияпонские действия китайских властей и отсутствие структур (полиции, консульств), способных защитить японских подданных. Осознание трудностей повышало значимость своей работы в глазах служащих Кокусай Унсо: «...необыкновенные труды продвижения к районам, на которые не было распространено влияние японцев, прилагаемые ради прогресса областей Северной Маньчжурии и Монголии, является делом незаметных, благородных японцев»³¹.

Вместе с тем Кокусай Унсо была заинтересована в достижении монопольного положения в Северной Маньчжурии и не стеснялась в средствах на пути к этой цели. В первую очередь фирма стремилась ликвидировать конкуренцию между японскими компаниями, работавшими в Северной Маньчжурии. Так, ставилась задача координации деятельности Кокусай Унсо и общества Мейдзи³².

Устраняя иноплеменных соперников, японцы использовали все доступные средства, включая приемы недобросовестной конкуренции. Весьма показательными стали события января 1926 г. на западной ветке КВЖД, когда Кокусай Унсо в целях привлечения хлебных грузов установила повышенные закупочные цены на бобы при условии направления их на Дайрен. Расчет с производителем экспортеры осуществляли чеками общества Кокусай Унсо. Резкий взлет рыночных цен в этом районе ни на чем, кроме спекулятивной игры японцев, не основывался: на мировом рынке цены шли вниз. В результате искусственного ценового скачка на время была заблокирована не только отгрузка хлебного экспорта со станций западной линии в направлении Эгершельда, но и в целом перевозки по КВЖД³³. Вслед за игрой на повышение на западной линии КВЖД аналогичная операция развернулась в Цицикарском районе, где в феврале 1926 г. японцы усиленно скупали просынные хлеба и отравляли их на юг маршрутными поездами, что спровоцировало резкий скачок цен³⁴.

Жесткая политика японцев на хлебном рынке региона вызвала неоднозначную реакцию современников. Русские экспортеры Харбина, проводившие свои операции через Владивосток, считали, что японцы заинтересованы в сохранении хаоса на региональном рынке и в их планы не входит упорядочение хлебной торговли Северной Маньчжурии, так как Япония рас-

смачивает ее как свою житницу, запасы зерна которой всячески оберегаются от постороннего глаза и чужих влияний³⁵. Советская сторона, напротив, признавала организующее воздействие деятельности японских фирм на хлебный рынок Северной Маньчжурии, подчеркивая при этом, что действуют они исключительно в интересах своей страны³⁶. По мнению советского посла в Японии Трояновского, активная деятельность японцев, которые «... экономически поднимают Маньчжурию, заинтересовывают китайцев...», способствовала их закреплению в регионе и более позитивному отношению китайцев к Японии, по сравнению с Советским Союзом³⁷.

В конечном итоге усилия Японии в Северной Маньчжурии увенчались успехом: к концу 1920-х гг. структура вывоза местной хлебной продукции изменилась в выгодном для Японии направлении; в сферу японского влияния все больше втягивались районы, экспорт из которых ранее традиционно шел на восток. В 1927 г. вывоз бобов из Северной Маньчжурии в направлении на Дайрен превысил 68 млн пудов, увеличившись с 1925 г. на 22,2 млн пудов, или с 75 до 84,2% всего хлебного транзита на юг. За это же время вывоз сои в направлении Владивостока увеличился всего на 7,8 млн пудов, достигнув 42,4 млн пудов, а ее удельный вес в общем транзите зерна на восток сократился с 80,1 до 50,9%. При этом на Дайрен шли бобы высокого качества, так как хлебная торговля в этом направлении основывалась на реализации обезличенного товара. Бобы низкого качества, не подлежавшие обезличиванию, направлялись на Владивосток. Все большую часть грузов, следовавших в восточном направлении, составляли менее ценные продукты переработки сои – жмыхи³⁸.

Таким образом, очевидно наличие экономических интересов Японии в Северной Маньчжурии, реализуя которые страна проводила целенаправленную и согласованную торгово-промышленную политику. Ключевым элементом этой политики были японские коммерческие организации, деятельность которых на хлебном рынке позволила обеспечить достижение экономических интересов метрополии в регионе. Одновременно деятельность японских фирм объективно способствовала внедрению современных и коммерчески выгодных всем участникам способов организации хлебной торговли, формированию рыночной инфраструктуры.

Примечания

¹ См.: *Аблова Н. Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск : БГУ, 1999. URL: http://tk-gorod.ru/countr~1/china/n_e_ab~1/soderz~1.htm (дата обращения: 28.05.2016) ; *Белоглазов Г. П.* КВЖД – объект российско-(советско)-китайского взаимодействия и российских инвестиций в 20-е гг. XX в. (К 90-летию установления дипломати-

ческих отношений между СССР и Китайской республикой и подписания «Соглашения о временном управлении КВЖД 1924 г.» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 4 (31). С. 63–70 ; *Жигалов Б. С.* О характере и целях дальневосточной политики советского государства в 1920–1924 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2010. № 4. С. 135–148 ; *Кротова М. В.* Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 139–150 ; *Романова Г. Н.* Взаимоотношения Советской России с Китаем и проблема КВЖД (1917–1920-е гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 105–115 ; *Романова Г. Н.* Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай : торговые связи, транзит, транспортные коммуникации (20–30-е гг. XX в.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 72–85 и др.

- ² См.: *Черепанов К. В.* КВЖД в истории японо-советского соперничества // Вестн. Омск. ун-та. Серия : Исторические науки. 2014. № 2 (2). С. 37–49 ; *Дацышен В. Г.* Советско-японские отношения во время конфликта на КВЖД 1929 г. // Японские исследования. 2016. № 1. С. 6–19 ; *Денисов В.* Новый взгляд на некоторые аспекты отношений СССР и Японии в 1920–1945 гг. // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 9. С. 116–118.
- ³ *Черепанов К. В.* Указ. соч. С. 46.
- ⁴ См.: *Никонов С. П.* Новые возможности транзита североманьчжурских грузов. Владивосток, 1928. С. 7 ; Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 291. Оп. 1. Д. 34. Л. 8.
- ⁵ См.: Статистический ежегодник 1923–1925. Хабаровск : Дальневосточное краевое стат. упр., 1926. С. 142, 143.
- ⁶ См.: *Добровольский И. Д.* Экспорт – импорт – транзит через Владивостокский порт // Внешняя торговля и экспортные возможности Дальневосточного края : сб. ст. / под ред. М. Я. Кауфмана, Ф. И. Андриянова, А. Д. Гачечиладзе. М. : Изд-ва Наркомторга и ЭКО Дальнешторга, 1926. С. 103, 105.
- ⁷ Дальневосточный телеграф. Чита, 1922. № 320 (3 сентября). С. 1 ; № 340 (27 сентября). С. 1.
- ⁸ См.: Отчет Дальэконо Экономическому совещанию РСФСР / под ред. М. И. Целищева. Б.м. : Дальэконо, 1924. С. 320.
- ⁹ См.: *Белоглазов Г. П.* Указ. соч. С. 67–68.
- ¹⁰ См.: *Никонов С. П.* Указ. соч. С. 6–7.
- ¹¹ См.: *Аблова Н. Е.* Указ. соч.
- ¹² Хроника // Эконом. бюл. Приложение к журналу «Вестник Маньчжурии». 1926. № 20. С. 12.
- ¹³ Происки Южно-Маньчжурской ж.д. // Советское Приморье. 1925. № 1–2. С. 103, 104.
- ¹⁴ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 31. Д. 17. Л. 48.
- ¹⁵ См.: РГАЭ. Ф. 291. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.
- ¹⁶ Там же. Л. 24.
- ¹⁷ См.: Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. п-2. Оп. 1. Д. 76. Л. 127.
- ¹⁸ См.: Происки Южно-Маньчжурской ж.д. ... С. 103–104 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 17. Л. 48.

- ¹⁹ См.: РГАЭ. Ф. 291. Оп. 1. Д. 34. Л. 21, 24 ; Д. 42. Л. 23 ; ГАХК. Ф. р-730. Оп. 9. Д. 240. Л. 62.
- ²⁰ См.: РГАЭ. Ф. 291. Оп. 1. Д. 34. Л. 38 ; ГАХК. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 76. Л. 127.
- ²¹ См.: Обзор экономической жизни русского Дальнего Востока. Владивосток : НКВТ. Дальневосточное отделение «Госторга» – «Дальготорг». Статистико-экономический отдел. 1923. № 6. С. 9.
- ²² См.: Зорин Д. Борьба за маньчжурский экспорт // Дальневосточный путь. 1924. № 288. С. 3.
- ²³ См.: РГАЭ. Ф. 291. Оп. 1. Д. 34. Л. 23.
- ²⁴ См.: ГАХК. Ф. р-730. Оп. 5. Д. 38. Л. 33–35.
- ²⁵ Там же. Л. 30.
- ²⁶ Там же. Л. 20.
- ²⁷ См.: Никонов С. П. Указ. соч. С. 29, 30.
- ²⁸ См.: Маньчжурский экспорт и закулисная игра ЮМЖД // Эконом. бюл. Приложение к журналу «Вестник Маньчжурии». 1926. № 3–4. С. 5–9.
- ²⁹ См.: ГАХК. Ф. р-730. Оп. 5. Д. 38. Л. 24.
- ³⁰ Там же. Л. 22.
- ³¹ Там же. Л. 30–35.
- ³² Там же. Л. 35–36.
- ³³ См.: Маньчжурский экспорт и закулисная игра ЮМЖД... С. 6–7.
- ³⁴ См.: Хроника // Эконом. бюл. Приложение к журналу «Вестник Манчжурии». 1926. № 11. С. 14.
- ³⁵ См.: ГАХК. Ф. р-730. Оп. 9. Д. 240. Л. 69.
- ³⁶ См.: РГАЭ. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 77.
- ³⁷ См.: Черепанов К. В. Указ. соч. С. 43.
- ³⁸ См.: Никонов С. П. Указ. соч. С. 6–7 ; ГАХК. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 76. Л. 32.

Образец для цитирования:

Стасюкевич С. М. Японские фирмы на хлебном рынке Северной Маньчжурии в 1920-х годах // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 358–363. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-358-363.

Cite this article as:

Stasyukevich S. M. Japanese Firms on the Northern Manchuria Grain Market in the 1920s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 358–363 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-358-363.

УДК 94(73)091.8

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В США В ПРАВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ Г. ТРУМЭНА

Н. Н. Бонцевич

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

E-mail: bontsevitch@yahoo.com

Целью настоящей статьи является выявление правовых и институциональных основ публичной дипломатии в США, а также основных этапов эволюции политики публичной дипломатии в правление президента Трумэна. Особое внимание уделяется анализу основных положений закона Смита–Мундта, который заложил юридический фундамент для политики пропаганды и культурной инфильтрации за пределами США. Подчеркивается роль Совета по рекламе в информационной и пропагандистской деятельности американского правительства.

Ключевые слова: управление по связям с общественностью, закон Смита–Мундта, Совет по рекламе, публичная дипломатия, пропаганда.

The Institutionalization of the United States' Public Diplomacy during President Truman's Administration

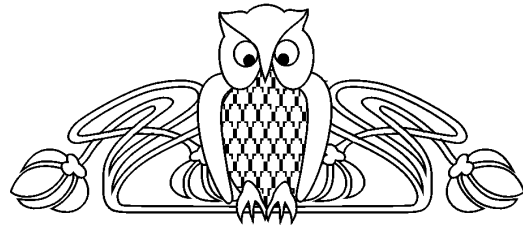
N. N. Bontsevich

The purpose of the present paper is to find out the legal and institutional framework of public diplomacy in the United States, as well as the main stages of the evolution of public diplomacy during President Truman's administration. Particular attention is paid to the analysis of the main statements of the Smith–Mundt Act, which has laid the basis for propaganda and cultural infiltration policy outside the United States. The role of the Advertising Council in the information and propaganda activities of the US government is stressed.

Key words: public relations office, Smith–Mundt Act, Advertising Council, public diplomacy, propaganda.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-364-369

Американское общественное мнение довольно долго сопротивлялось идее активного пропагандирования¹ ценностей и институтов собственного государства за рубежом в мирное время, поскольку видело в этом один из способов влияния на мнение и поведение населения зарубежных стран. Даже в годы Второй мировой войны, когда президент Ф. Рузвельт распорядился об учреждении Управления военной информации (OWI), в чьи задачи входило предоставлять правдивые данные о ходе военных действий собственному народу и народам, воюющим с гитлеровской Германией, нашлись многочисленные оппоненты как в самом американском обществе, так и среди его представителей в Конгрессе. «Нью-Йорк Таймс» даже обвинила Управление в «проведении левой внешней политики»².

Тем же нападкам со стороны общественности и части американского истеблишмента подвергся ранее созданный по распоряжению президента Вудро Вильсона Комитет по общественной информации, или Комитет Крила, как его называли оппоненты по имени руководителя Джорджа Крила за «стремление продать непопулярную войну сомневающимся американцам»³. И в том и в другом случае американцы и члены Конгресса были недовольны цензурой, пропагандой, психологическими методами воздействия, применяемыми собственным правительством в отношении других народов. За ведение психологической войны в годы Второй мировой войны отвечало Управление стратегических служб (OSS) под руководством Уильяма Donovan. Специалисты управления при разработке планов активно использовали такие методы, как дезинформация, саботаж, подрывная деятельность.

Надо признать, что благодаря усилиям Управления военной информации о Соединенных Штатах узнали не только в Европе, но и в Восточной Азии, Африке. Самым значительным и успешным проектом пропаганды в этой войне стало создание радиостанции «Голос Америки», которая начала свою работу в 1942 г. по созданию положительного имиджа США у аудитории слушателей тех стран, в которых осуществлялось вещание.

Однако к исходу Второй мировой войны привычные для большинства американцев представления о том, что демократия несовместима с государственным давлением на общественное мнение и попытками им манипулировать, тем более с использованием методов психологической войны оказались сильнее, чем требования военного времени, и давление на администрацию по поводу деятельности Управления военной информации возобновились с большей силой: большинство во власти и журналистском сообществе было против продолжения пропагандистских мероприятий за рубежом после окончания военных действий. Не последнюю роль в отношении общественного мнения к данной проблеме сыграли негативные ассоциации с пропагандистской машиной Третьего рейха и мысли о недопустимости манипулирования массовым сознанием аудитории.

К концу Второй мировой войны американцы наработали разнообразный арсенал пропагандистских мероприятий, которые успешно дополняли военные действия. Тем не менее, уступая давлению Конгресса, президент Трумэн принял решение расформировать Управление военной

информации и передать функцию пропаганды Госдепу. Это было временное решение, поскольку Трумэн считал, что пропагандистская функция государства очень важна в деле обеспечения мира и для проведения внешней политики и должна осуществляться на постоянной основе. Но учитывая отсутствие потребности в содержании целого управления, целенаправленно занятого пропагандой, в условиях мирного времени, а также непопулярность подобных мер у большинства американцев, президент распорядился создать новую структуру в составе Госдепа, Управление по связям с общественностью (УПСО), которое объединило под своим началом три агентства: международной информации, международного образования и, собственно, по связям с общественностью. Трумэн отмечал буквально следующее: «характер современной внешней политики требует превращения информационной активности за рубежом в неотъемлемую часть внешнеполитического курса США». Президент заявлял, что Вашингтон не будет пытаться «опередить обширные и растущие информационные программы других государств», но будет делать достаточно для того, чтобы представить «полную и честную картину американской жизни и политических целей американских властей»⁴.

Управление по связям с общественностью было создано 31 августа 1945 г.⁵ Целью создания нового подразделения в составе Госдепартамента было установление «доверия американцев к внешней политике правительства» в ответственный для страны период, когда США готовились к новой для себя роли лидера на международной арене⁶. Контролировать процесс перехода на мирные рельсы и консолидации всей информационной деятельности под началом Госдепа Трумэн поручил Уильяму Бентону, имевшему опыт работы в рекламном бизнесе, бывшему вице-президенту Чикагского университета. В новом качестве помощника госсекретаря по вопросам культуры и связей с общественностью Бентону пришлось решать проблемы финансирования нового управления, которое унаследовало от предшественника бюджет, урезанный на 80%. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. Так, например, в 1947 г. после череды последовательных урезаний бюджет, выделенный управлению, составил всего 25,4 млн долл., что было половина бюджета 1946 г. Бентон назвал одобренную Конгрессом сумму явно недостаточной не только для реализации прямых задач управления, но и удержания способных сотрудников на их местах в управлении⁷. Только в 1947 г., когда взаимоотношения США и СССР стремительно ухудшались, конгрессмены, наконец, признали необходимость пропаганды, и финансирование офиса стало расти⁸.

Не меньше, чем финансирование, Бентона волновала проблема создания правовой основы для проведения информационных и обменных программ в рамках деятельности нового управления.

Начало формированию правовой базы пропагандистской и культурной политики американского правительства положили, как ни парадоксально, конгрессмены-республиканцы, ранее выступавшие против финансирования активной информационной политики США. Резкое изменение отношения к проблеме пропаганды за пределами Америки произошло после того как в январе 1948 г. сенаторы-республиканцы Александер Смит, конгрессмен от Нью-Джерси, и Карл Мундт, депутат от Северной Дакоты вернулись из двухмесячного зарубежного турне, целью которого было оценить масштаб пропагандистских усилий коммунистов в Европе. Делегация собралась более чем представительная: депутаты Конгресса, бизнесмены, журналисты и даже звезды кино. В отчете о поездке сенаторы отмечали, что Советские «ведут кампанию очернения США и вводят в заблуждение» общественность европейских стран по этому поводу. Смит докладывал, что США «должны помочь предотвратить распространение коммунистического правления» в Европе и то, что Великобритания и Франция, хотя и ослабленные войной, тратят на пропаганду заметно больше чем благополучные США (45 млн долл. в год против 12 в США). Мундт сообщил прессе, что, изучив ситуацию в 20 европейских странах, он пришел к выводу, что коммунисты работают сообща и благодаря их солидарности отношение к США в Европе стало заметно более недружественным, чем в 1945 г.⁹ Вывод комиссии был однозначным и довольно категоричным – у Вашингтона нет другого выбора, как «противодействовать коварству подрывной деятельности в отношении свободных сил, противостоящих коммунизму» и предпринять меры для разъяснения американских «идеалов, мотивов и целей деморализованной Европе»¹⁰.

Происшедшее воссоединение между республиканцами и демократами в Конгрессе по вопросу публичной дипломатии сопровождалось принятием закона Смита–Мундта (закон «Об обмене в сфере информации и образования»), который заложил правовую базу для широкомасштабной политики информационного воздействия за пределами США. Акт был принят подавляющим большинством обеих палат 16 января 1948 г. и призван «способствовать лучшему пониманию США народами других стран и усилению взаимодействия во внешней политике США и других стран»¹¹. Президент Трумэн подписал закон 27 января 1948 г.

Раздел 501 закона «Об обмене в сфере информации и образования» предоставлял госсекретарю полномочия по подготовке и распространению «информации о Соединенных Штатах Америки, их народе и политике посредством печатных СМИ, книг, фильмов и других способов распространения информации через информационные центры и информаторов за рубежом»¹².

Раздел 502 закона накладывает ограничения на действия государства, связанные с распространением информации международного

характера, требуя их реализации таким образом, чтобы они не конкурировали с распространением информации по частным каналам, а также запрещает монополию государства на производство и финансирование коротковолнового вещания или любых других СМИ¹³.

Защищая и поддерживая частный сектор, раздел 1005 закона Смита–Мундта указывал, что в обязанности Госсекретаря входит максимально широкое использование «услуг и средств частных агентств, включая существующую американскую прессу, публикации, радио, телевидение и другие инструменты посредством заключения двусторонних соглашений или каким-либо другим способом». В дальнейшем государство должно было использовать частные агентства в любой области «в соответствии с настоящим и потенциальным рынком их услуг в каждой стране». Таким образом, закон признал роль частных акторов публичной дипломатии, не противопоставляя их государственным, а наоборот, поощряя их использование в информационной политике США¹⁴.

После принятия закона Смита–Мундта новые возможности открылись перед программами международных образовательных обменов, которые впервые были узаконены актом Фулбрайта в 1946 г. Закон о международных образовательных обменах был инициирован сенатором демократом Джеймсом Фулбрайтом и предоставлял право получения грантов и стипендий для участия в образовательных обменах, а также реализации исследовательских проектов гражданам стран-союзниц США по антигитлеровской коалиции¹⁵. Закон Смита–Мундта снял существовавшее ограничение на участие в международных образовательных обменах.

Среди прочих последствий принятия акта Смита–Мундта следует отметить создание постоянной системы американского теле- и радиовещания за рубежом, которое началось еще с «Голоса Америки», а также создание постоянной информационной службы вещания за рубежом из государственных источников¹⁶.

С принятием закона «Об обмене в сфере информации и образования» американский Конгресс официально признал необходимыми усилия государства по зарубежной пропаганде, констатируя, что прежняя политика в данном вопросе была близорукой и привела к ожесточенной борьбе с Советским Союзом «за умы и сердца». В документах Конгресса отмечалось, что «настоящие враждебные пропагандистские кампании, направленные против демократии, человеческого благополучия, свободы, правды и Соединенных Штатов, возглавляемые правительством Советского Союза и коммунистическими партиями, заставляют предпринять срочные, прямолинейные и динамичные меры по распространению истины. Истина может представлять собой защиту от действий, которые могут быть

расценены как психологическая война против США и Объединенных Наций»¹⁷.

Ярким подтверждением того, что Конгресс рассматривал акт Смита–Мундта важным средством в идеологической холодной войне против Советского Союза, является тот факт, что от всех сотрудников организаций, созданных после принятия закона, требовалось пройти проверку на лояльность перед конгрессовскими комитетами. «Слова правды могут быть очень мощным оружием, если мы используем их правильно и эффективно», говорилось в документах Конгресса. «Мы убеждены в том, что для поддержания мира необходимо распространять правдивую информацию об Америке»¹⁸.

Госсекретарь Джордж Маршалл в своем заявлении сенатскому комитету по внешней политике, обосновывая необходимость поддержания пропагандистской функции правительством США за рубежом, выражал уверенность в том, что «политика Госдепартамента трактуется предвзято за пределами Америки. Многие замалчивается, а факты и намерения искажаются». Мотивы внешнеполитических действий США, по мнению Маршалла, не всегда очевидны для зарубежных обществ и «требуют дополнительных разъяснений. Особенно это касается институтов политической системы США и принципов их функционирования, а также повседневной жизни американцев»¹⁹.

Большинство американских исследователей пришли к выводу о том, что акт Смита–Мундта не только продвигал и легализовывал функцию государственной пропаганды, но и содержал ограничения по ее распространению внутри американского общества. Действительно, в пункте 502 закона содержится требование, сформулированное в отношении Госсекретаря США, ограничивать распространение информации, предназначенной для зарубежной общественности, у себя дома²⁰. Хотя это больше напоминает рекомендацию, чем открытый запрет. Но, тем не менее, зарубежные исследователи единогласны в мнении о том, что данная рекомендация по ограничению в распространении информации у себя дома явилась результатом крайней обеспокоенности членов Конгресса большими возможностями по индоктринации собственного общества, которые содержал закон, особенно в свете внутригосударственных пропагандистских кампаний, которые имели место в Германии и Японии во время Второй мировой войны.

Следует также учитывать, что в американском Конгрессе существовали подозрения в том, что в Госдепартаменте есть симпатизирующие коммунистам чиновники. По этой причине конгрессмены не желали предоставлять бесконтрольное право распространять информацию правительственным органам и агентствам. Напротив, в законе акцент сделан на привлечение как можно большего числа частных СМИ для этой

цели. Для распространения информации о США предполагалось использовать все современные средства коммуникации – прессу, радио, фильмы, обменные программы, выставки²¹.

Джордж Аллен, сотрудник дипломатической службы, заменивший Бентона на посту помощника Госсекретаря по вопросам публичной политики, считал закон Смита-Мундта «революционным», поскольку он способствовал развертыванию Соединенными Штатами агрессивной антикоммунистической пропаганды с целью объединения свободной Европы в противодействие к советскому и прокоммунистическим восточноевропейским режимам. В 1949 г. на ведение пропаганды за рубежом конгресс выделил 31,2 млн долл., вдвое больше, чем в 1948 г.²²

С принятием закона Смита-Мундта был заложен юридический фундамент для политики пропаганды и культурной инфильтрации за пределами США. Правовые гарантии, в свою очередь, послужили основой для институционализации американской публичной дипломатии. Все это произошло довольно быстро, поскольку катализатором стало стремительное ухудшение отношений бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Уже в 1949 г. «Голос Америки» имел слушательскую аудиторию в несколько миллионов человек в Европе, на Ближнем Востоке и Африке²³.

Однако история институционализации пропаганды в США была бы неполной без освещения роли еще одного активного участника всех внутренних и внешних информационных кампаний – Совета по рекламе. В оформлении основ американской публичной дипломатии он сыграл очень важную роль.

Совет по рекламе, часто ассоциируемый с деятельностью другого известного в истории американского бизнеса комитета – Комитета по экономическому развитию (обе организации были созданы в 1942 г.), исповедовал идеологию корпоративизма, нацеленную на достижение сотрудничества между американским бизнесом и правительством США. Точек соприкосновения было предостаточно: общая обеспокоенность судьбой свободного предпринимательства, которая, по мнению Джона Снидера, директора Управления по военной мобилизации и реконверсии, «окажется, словно на суде» в послевоенное десятилетие, задача формирования «свободных рынков для всех государств»²⁴, что открыло бы дорогу для беспрепятственной экспансии американских товаров по всему миру и навсегда избавило бы Америку от многих тягостных последствий реконверсии у себя дома и пр. Вот что волновало ведущие американские корпорации и в чем они искали поддержки у власти еще задолго до начала Второй мировой войны. Именно об этом от имени богатейших кругов Америки писал медиамагнат Генри Люс в 1941 г. В «Американском веке», памфлете с ярко выраженной пропагандистской

направленностью, Люс попытался обосновать неизбежное – достижение Америкой глобального лидерства в послевоенном мире. Аргументы в пользу данного заявления были изложены Люсом предельно просто и понятно – американская экономическая и политическая модель развития является образцовой и поэтому должна быть заимствована всеми другими народами²⁵.

Совет по рекламе, в состав которого вошли представители руководства крупнейших корпораций Америки²⁶, с энтузиазмом поддерживал все без исключения внешнеполитические инициативы администрации Трумэна в области американской национальной безопасности. Сразу после завершения Второй мировой войны Совет по рекламе вместе с торговой палатой США, Национальной ассоциацией промышленников и Комитетом по экономическому развитию провел масштабную кампанию по экономическому просвещению американцев в вопросах мировой торговли²⁷.

Президент Трумэн, оценив колоссальные коммуникационные возможности рекламы, лично содействовал превращению Совета по рекламе в постоянно действующий орган, тесно сотрудничающий с американской администрацией. Трумэн поручил Джону Снидеру «создать подразделение в своем управлении, которое бы служило связующим звеном между правительственными агентствами и Советом по рекламе»²⁸. Такой отдел, отдел СМИ, был создан 29 октября 1945 г.

2 ноября 1945 г. Совет по рекламе официально начал свою работу. Его первым президентом стал Теодор Реплер, председателем совета директоров – Джеймс Янг, а с 1947 г. – Чарльз Мортимер, глава корпорации «Дженерал Фуд». В рамках Совета действовало два комитета: Консультативный комитет промышленников под руководством Чарльза Уилсона, президента «Дженерал Электрик», и Комитет по общественной политике. Первый отвечал за связь с правительством, второй – за связь с группами общественности. У Совета сложились очень тесные отношения с информационными службами всех правительственных департаментов и агентств и лично с президентом Трумэном, который давал свою оценку инициативам Совета.

Начиная с 1945 г. Совет устраивал в Вашингтоне ежегодные неофициальные встречи лидеров бизнес-сообщества с высокопоставленными чиновниками Госдепартамента, на которых обсуждались актуальные проблемы внутренней и внешней политики США²⁹. Смысл таких встреч состоял в стремлении правительства заручиться поддержкой ведущих коммуникационных каналов страны для трансляции политических вопросов в требуемом контексте. Конечно, было бы преувеличением считать, что Совет был абсолютно подконтролен Белому дому. Сама мысль о госконтроле в корне противоречила либеральной философии руководства Совета. Однако спе-

цифика послевоенной международной обстановки сблизила государственное начало и свободное предпринимательство перед лицом общей опасности, о которой с высокой трибуны Белого дома предупреждал заместитель министра экономики США Уильям Клейтон в сентябре 1946 г. Уже тогда Клейтон призвал собравшихся «бороться с врагами американской системы»³⁰. В своих речах ближайшей целью внешней торговой политики США Клейтон объявил использование всех возможных мер для совершенствования экономической политики и достижение высоких показателей уровня жизни населения во всем мире.

Встав во главе организации кампаний по убеждению различных сегментов американского общества в правильности выбранной внешнеэкономической политики и опираясь на поддержку конгрессменов и чиновников из обеих правящих партий, Совет по рекламе фактически превратился в один из центральных институтов послевоенной публичной дипломатии в США.

Таким образом, институционализация публичной дипломатии в США произошла в правление администрации Г. Трумэна под воздействием внешнеполитических факторов и личной убежденности президента в необходимости сохранить функцию пропагандирования за рубежом США после окончания Второй мировой войны. Управление по связям с общественностью и Совет по рекламе стали главными акторами, ответственными за политику публичной дипломатии США. Юридической платформой этой деятельности был акт Смита–Мундта. Взгляд администрации Трумэна на политику публичной дипломатии эволюционировал под воздействием внешнеполитических факторов. На первом этапе риторика деятельности в отношении зарубежной общественности носила характер экономического и культурного просвещения. Углубление напряженности в международных отношениях в 1948–49 гг. поставило на повестку дня вопрос о выборе таких методов информационного воздействия, которые бы способствовали созданию противовеса советской пропаганде в Европе, Азии и Африке. Наконец, на третьем этапе с весны 1950 г. правительством США была избрана тактика агрессивной пропаганды, проводником которой стал новый помощник госсекретаря Дина Ачесона Эдвард Баррет, по инициативе которого была запущена «кампания истины».

Примечания

¹ Энциклопедия «Британника» определяет пропаганду как распространение информации – фактов, аргументов, слухов, полуправды или лжи – чтобы повлиять на общественное мнение; более или менее систематические усилия манипулировать убеждениями, отношениями или действиями других людей посредством символов (слов, жестов, плакатов, монументов, музыки, одежды, отличительных знаков, стилей причёсок,

рисунков на монетах и почтовых марках и т. д.). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пропаганда> (дата обращения: 05.08.2016).

- ² Cull N. J. The Cold War and the United States Information Agency : American Propaganda and Public Diplomacy, 1945–1989. N. Y. : Cambridge University Press, 2008. P. 18.
- ³ Palmer A. W., Carter E. L. The Smith-Mundt Act's Ban on Domestic Propaganda : An Analysis of the Cold War Statue Limiting Access to Public Diplomacy // Communication Law and Policy. Winter 2006. Vol. 11, № 1. P. 5. URL: https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/557669/Aden_georgetown_0076M_11610.pdf?sequence=1 (дата обращения: 25.07.2016).
- ⁴ Hixson W. L. Parting the Curtain : Propaganda, Culture, and the Cold War. N. Y. : St. Martin's Press, 1997. P. 5.
- ⁵ См.: Bernhard N. E. Clearer than Truth : Public Affairs Television and the State Department's Domestic Information Campaigns, 1947–1952 // Diplomatic History. 1997. Vol. 21, № 4. P. 549.
- ⁶ См.: Memorandum by Rowena Rommel, 24 August 1945, box 2, folder : Confidence in the Government, 1945–1951, Records of the Assistant Secretary of State for Public Affairs, Record Group 59, Files of Francis H. Russell, 1945–1953, box 1, folder : Advertising Council 1945–52, National Archives, Washington, DC (далее – ASSPA).
- ⁷ См.: Office Memorandum by F. Russell, 17 July 1946, box 3, folder : OPI – F. Russell 1946, ASSPA.
- ⁸ См.: Hixson W. L. Op. cit. P. 5.
- ⁹ См.: Brewer S. P. Congressmen Pay Call Upon Franco // The New York Times. 1947. October 9; Europe's Collapse Called Complete // The New York Times. 1947. November 1; Self-Denial in U. S. Vital, Barkley Says // The New York Times. 1947. October 7.
- ¹⁰ Henderson J. W. The United States Information Agencies. N. Y. : Prager Publishers, 1969. P. 40.
- ¹¹ The US Information and Educational Exchange Act of 1948. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/177574.pdf> (дата обращения: 02.09.2016).
- ¹² Склемина Н. Методы и институты реализации публичной дипломатии США. Документальный аспект. URL: <http://mgs.org.ru/2014/09/методы-и-институты-реализации-публич/>(дата обращения: 09.09.2016).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Spring D. Advertising in the Age of Persuasion. Building Brand America, 1941–1961. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2013. P. 71.
- ¹⁶ Department of State Bulletin. 1948. November 28. P. 672–676. URL: http://archive.org/stream/departmentofstat181948unit/departmentofstat181948unit_djvu.txt (дата обращения: 13.09.2016).
- ¹⁷ Cit. by : Palmer A. W., Carter E. L. Op. cit. P. 8.
- ¹⁸ Ibid. P. 8–9.
- ¹⁹ Ibid. P. 8.
- ²⁰ См.: The US Information and Educational Exchange Act of 1948....
- ²¹ См.: Department of State Bulletin. 1948. November 28. P. 672–676. URL: http://archive.org/stream/departmentofstat181948unit/departmentofstat181948unit_djvu.txt

ofstat181948unit/departmentofstat181948unit_djvu.txt
(дата обращения: 13.09.2016).

²² См.: *Hixson W. L.* Op. cit. P. 11.

²³ См.: *Spring D.* Op. cit. P. 76.

²⁴ Цит по : *Spring D.* Op. cit. P. 27.

²⁵ См.: *Jessup J. K.* *The Ideas of Henry Luce.* N. Y., 1969. P. 118–120.

²⁶ В состав Совета по рекламе вошли представители Американской ассоциации рекламных агентств, Ассоциации национальных рекламистов, Национальной ассоциации издателей, Рекламного бюро национальной ассоциации издателей газет, Национальной ассоциации телерадиовещателей, Национальной ассоциации производителей наружной рекламы и самые разные рекламные медиа. В Совете по рекламе были представлены

главные рекламодатели страны, самые известные СМИ, представители образовательных учреждений, члены правительства, главы корпораций : «Дженерал Электрик», «Рэдио Корпорэйшн оф Америка», «Проктер энд Гэмбл», Гарварда, «Дженерал Фудс», «Жилетт», «Истман Кодак», «ХерстМэгэзин», «Тайм», «Лайф», «Вашингтон Пост», ABC, NBC, CBS. Свои услуги в исследовании рынка предложили корпорации Гэллап и Нельсен.

²⁷ См.: *Griffith R.* *The Selling of America : The Advertising Council and American Politics, 1942–1960* // *The Business History Review.* 1983. № 3. P. 388–389.

²⁸ Цит. по: *Spring D.* Op. cit. P. 25.

²⁹ См.: *Griffith R.* Op. cit. P. 392.

³⁰ Цит. по: *Spring D.* Op. cit. P. 27.

Образец для цитирования:

Бонцевич Н. Н. Институционализация публичной дипломатии в США в правление администрации Г. Трумэна // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 3. С. 364–369. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-364-369.

Cite this article as:

Bontsevich N. N. The Institutionalization of the United States' Public Diplomacy during President Truman's Administration. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 364–369 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-364-369.

УДК 94 (73) | 19

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ И АМЕРИКАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОМОЩЬ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ Г. ТРУМЭНА

С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: shenins@yahoo.com

Статья посвящена изучению особенностей процесса формирования послевоенного мирового экономического порядка в период администрации Г. Трумэна, в рамках которого внутри американской правящей элиты конкурировало несколько влиятельных групп интересов. Особое внимание уделено исследованию программы внешней помощи, которая играла ключевую роль в реализации планов всех заинтересованных сил.

Ключевые слова: администрация Г. Трумэна, внешняя помощь, мировой порядок, группы интересов, интернационалисты, изоляционисты, военно-промышленный комплекс.

**Interest Groups and American Foreign Aid during
H. Truman Administration**

S. Yu. Shenin

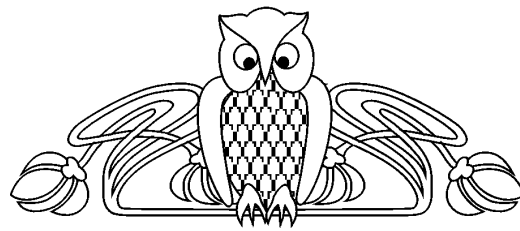
The article is devoted to studying the peculiarities of the process of the postwar world order formation during H. Truman administration, within which several influential interest groups competed with each other. Special attention is paid to the analysis of the foreign aid program, which played a key role in implementing the plans of all interested parties.

Key words: H. Truman administration, foreign aid, world order, interest groups, internationalists, isolationists, military-industrial complex.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-370-374

Как известно, вступление США во Вторую мировую войну, которая началась с катастрофы Пирл-Харбора, радикально изменило баланс сил между изоляционистской и интернационалистской группировками американской правящей элиты в пользу последней. Этот сдвиг стал еще более очевидным после начала процесса так называемого «послевоенного планирования» внутри администрации Ф. Рузвельта, когда несколько конкурирующих моделей американской внешней политики оказались нацеленными на формирование универсального и многостороннего мирового порядка¹.

Единый, стабильный и мирный глобальный порядок, где американская экономическая, политическая и социальная системы могли бы легко воспроизводиться в других странах, был общим идеалом и стратегической целью всех интернационалистских группировок правящей элиты США. Они считали, что такой мировой порядок мог способствовать глобальному расширению торговли, росту экономической активности, обеспечению

свободного перетока ресурсов, товаров, инвестиций, доходов и т. д. При этом интернационалисты были уверены, что американское правительство должно поместить этот идеал в центр своей внешней политики².

В администрации Рузвельта наибольшую активность демонстрировали две группы интересов. Первая группа «фритрейдеров-интернационалистов» из государственного департамента (К. Хэлл, В. Клейтон, Д. Ачесон) настаивала на необходимости строить глобальную экономику на базе принципа «открытых дверей», международной экономической специализации и универсализма, т. е. на основе широкого мультилатералистского подхода. Другая группа, во главе которой стояли руководители американского казначейства (Г. Моргентау и Г. Д. Уайт), считала необходимым использовать для восстановления и развития мировой экономики кейнсианские методики в рамках концепции «национального капитализма». Эта концепция предполагала формирование глобальной многосторонней торговли без промежуточных этапов на основе более изолированных и самостоятельных стран-сегментов.

Изоляционисты находились на противоположном полюсе идеологического спектра. Отражая интересы тех американских производителей, которые продавали свою продукцию на внутреннем рынке и использовали местные энергетику и сырье, они жестко возражали против планов интернационалистов, полагая, что национальные ресурсы должны быть использованы для решения узко национальных, а не международных проблем. Они надеялись, что после войны баланс сил вернется в довоенное состояние, и правительству не нужно будет заниматься такими огромными бессмысленными международными проектами, как «ленд-лиз» или UNRRA³. Однако из процесса внешнеполитических решений изоляционисты были решительно вытеснены оппонентами уже на ранних этапах Второй мировой войны.

Между этими полюсами находились еще две весьма влиятельные группировки, которые смогли очень скоро объединиться. Во-первых, это были экономические интересы, связанные с военной промышленностью, которая во время войны находилась в привилегированном положении, развиваясь с беспрецедентной скоростью благодаря правительственным контрактам. Эти группировки понимали, что после войны они могут не только потерять свою привилегированность, но даже оказаться на экономической периферии, если не

смогут реструктурировать свой потенциал. Достигнув достаточно высокого уровня политического влияния во время войны, они естественно не хотели соглашаться с такими безрадостными перспективами.

Наряду с военной промышленностью с невероятной скоростью росла и набирала силу новая правительственная бюрократия. Хотя эта тенденция с очевидностью обозначила себя уже в начальный период «нового курса», именно во время войны она превратилась в неконтролируемый взрывоопасный процесс. По мере развития более устойчивых связей и взаимных интересов с военно-промышленными кругами, бюрократический механизм прошел период самоидентификации и постепенно начал работать в своих собственных интересах, которые не всегда совпадали с национальными целями и задачами. В конечном итоге, бюрократия пришла к пониманию своей главной задачи – сохранения влияния, которое она получила во время войны и в послевоенный период.

В результате сразу после смерти Рузвельта в апреле 1945 г. бюрократия сумела воспользоваться моментом и взять на себя роль арбитра в схватке между двумя самыми влиятельными интернационалистскими группировками – кейнсианской и фритрейдерской – за право составления послевоенных глобальных политико-экономических планов. Более того, она сумела выработать и предложить компромиссный подход, который получил название «ограниченного мультилатерализма» и который во второй половине 40-х гг. будет преобразован в концепцию «национальной безопасности».

Этот подход строился на идее о том, что универсальный и многосторонний мировой порядок должен быть построен первоначально только на части планеты, которой должен называться «свободный мир» и охватывать северо-атлантический регион (Северную Америку и Западную Европу). При этом планировалось использовать конфликтные, но не военные методы, которые впоследствии будут материализованы в рамках холодной войны.

В первую очередь, компромисс в рамках «ограниченного мультилатерализма» отвечал требованиям самой правительственной бюрократии, поскольку в условиях глобального «холодного» конфликта (между «свободным» и «несвободным» мирами) она могла поддерживать свое влияние неопределенно долго. Кроме того, экономические интересы, относящиеся к военной промышленности, получали возможность сохранить госзаказы и высокий уровень производства. В конечном итоге, обе группы были настолько привязаны друг к другу, что, как представляется, сформировали так называемый военно-промышленный комплекс (ВПК) задолго до того, как президент Д. Эйзенхауэр предупредил нацию о его опасности, покидая свой пост в самом начале 1960-х гг. Несомненно, что постепенное, но неуклонное слияние этих интересов началось еще во время войны.

Бюрократическая концепция «ограниченного мультилатерализма», трансформировавшаяся впоследствии в доктрину «национальной безопасности», в значительной степени отвечала интересам обеих интернационалистских групп. Хотя в рамках этого подхода экономический универсализм действовал только на «свободной» части мира и базировался на конфликте идеологических, а не торговых интересов, тем не менее это была хорошая отправная точка для интернационалистов, поскольку со временем коррекция предлагаемого курса в сторону «торгового мультилатерализма» была вполне возможна.

Изоляционисты были также вынуждены согласиться с предлагавшимся компромиссом, поскольку считали его для себя наименьшим «злом» и надеялись, что глобальный «холодный» конфликт поможет им восстановить довоенное влияние, четко обозначив «национальные интересы» и консолидировав нацию на основе противостояния внешнему миру и внешним угрозам.

После войны, во второй половине 1940-х гг., внешняя политика США, базировавшаяся на концепции «национальной безопасности», прошла несколько стадий своей реализации. Каждая из них сопровождалась жестокими политическими схватками за переориентацию изначального подхода.

Бюрократия начала реализацию своего подхода с так называемого «плана ключевой валюты», который был сформулирован профессором Дж. Уильямсом. Принятая несколько позже «доктрина Кеннана» («сдерживания коммунизма») дополняла «план Уильямса» в качестве его военно-политической составляющей. «План Уильямса» был инициирован уже в конце 1945 г. с предоставления так называемого «британского займа». Однако уже к середине 1947 г. провал плана Уильямса–Кеннана был очевиден: многосторонние американо-европейские экономические отношения не были восстановлены, «долларовая брешь» в Старом Свете не была заполнена, западноевропейские страны переориентировались на бартерную торговлю с восточным блоком, к власти в Европе повсеместно приходили местные коммунисты и т. д.

Этот провал плана военно-бюрократического альянса предоставлял хорошую возможность для реванша фритрейдерской группировки, которая немедленно предложила свой собственный глобальный план. Его политическая составляющая была сформулирована в «доктрине Трумэна», тогда как «план Маршалла» предлагал экономическое решение для американо-европейской проблемы в качестве первого шага на пути к созданию универсального многостороннего мироустройства. Таким образом, американская внешняя помощь (в форме займов «плана Уильямса» или грантов и технической помощи в рамках «плана Маршалла») превращалась в главный инструмент американских планов построения нового мирового порядка.

Необходимо отметить, что «фритрейдерская» группировка была также далеко не однородной. Те, кто руководил этим сообществом, могли быть грубо поделены на три группы: прогрессисты («либеральные девелопменталисты»), глобальные традиционалисты и глобальные протекционисты⁴.

Группа прогрессистов в целом состояла из лидеров крупных предприятий гражданского промышленного сектора. Они поддерживали распространение американской модели капитализма по всему миру для того, чтобы ускорить и завершить «глобальную экономическую революцию» с помощью социальных и технологических реформ. Целью этой революции было создание однородного всемирного политико-экономического пространства, в котором свободное предпринимательство могло поднимать жизненный уровень и формировать рынки, а американские бизнесмены имели бы возможность работать по привычным и удобным для них правилам. Лидеры этой группы – Пол Хоффман, Филип Рид, Нельсон Рокфеллер – полагали, что хотя именно американскому правительству следует осуществлять эти глобальные реформы, бизнес-сообщество должно иметь стратегическое влияние на правительство для того, чтобы стимулировать и направлять правительственную деятельность. Эта группа прогрессистов выражала свою точку зрения через такие влиятельные общественные организации, как Совет по экономическому развитию, Консультативный деловой совет и другие⁵.

Ядро традиционалистской консервативной группировки (или глобальных традиционалистов) в основном состояло из представителей крупных корпораций, работавших на международных энергетических и сырьевых рынках, а также руководивших обрабатывающими отраслями. Они защищали традиционные методы чисто рыночной (т. е. без вмешательства правительства) экспансии американского экономического влияния. В их схеме правительство должно было играть вспомогательную роль, обеспечивая корпорациям благоприятные политические и экономические условия в развитых и, особенно, слаборазвитых регионах мира. Для оказания влияния на правительство и общество традиционалисты использовали такие организации, как Национальная ассоциация производителей, Национальный совет по внешней торговле, Национальный совет индустриальной конференции и т. д.⁶

Мелкий и средний бизнес формировал в США группу глобальных протекционистов. Эта группа также поддерживала идею развития международных рынков. Но в отличие от крупных корпораций они не могли конкурировать с иностранными производителями и поэтому искали у американского правительства прямой поддержки и защиты своей деятельности на зарубежных рынках. Кроме того, некоторые категории крупного бизнеса также могли быть включены в эту группу, например, американские производители

стали, которые нуждались в новых рынках, но боялись азиатских и европейских конкурентов и поэтому также искали активной правительственной поддержки⁷.

С одной стороны, эти группы (как сторонники глобализма) полагали, что планета должна превратиться в единый и неделимый рынок. Соответственно они разделяли негативное отношение к концепции «национальной безопасности» из-за исключения огромных торговых и сырьевых зон, таких как Советский Союз, Восточная Европа, Китай и т. д., под предлогом их «несвободы». Однако, с другой стороны, как отмечалось, эти группы по-разному видели роль американского правительства в восстановлении международной торговли и поэтому не смогли найти общего знаменателя, который объединил бы их в защите экономического глобализма, что и результировалось, в конечном итоге, в неудачах «плана Маршалла».

Прогрессисты как самая влиятельная часть интернационалистской группировки с самого начала, т. е. с лета 1948 г., сумели взять под свой контроль реализацию «плана Маршалла». Их представитель, Пол Хоффман, возглавил Администрацию экономического сотрудничества (Economic Cooperation Administration – ECA), которая являлась независимым агентством, управлявшим Программой европейского возрождения (European Recovery Program – ERP). Лидеры этой группы планировали наполнить европейскую экономику долларами и сформировать многосторонние и универсальные американо-европейские отношения через развитие европейского конкурентоспособного гражданского сектора на основе принципов «специализации, стандартизации и упрощения», которые лежали в основе американской системы предпринимательства. В то же время прогрессисты пытались ослабить главный элемент доктрины «национальной безопасности», а именно экономическое разделение между Востоком и Западом через вовлечение восточного блока в «план Маршалла» в качестве его сырьевой зоны.

Сразу после провала этого замысла (на Парижской конференции в июле 1948 г.) лидеры прогрессистской группы, понимая, что Западная Европа может быть реинтегрирована в глобальную экономическую систему только в качестве самодостаточного элемента, начали серьезно обдумывать план подготовки азиатского блока мировой торговли к экономическому воссоединению со Старым Светом. Соответственно необходим был новый план для того, чтобы восстановить азиатское сырьевое производство, разрушенное во время Второй мировой войны и подключить его к европейским экономическим процессам.

В условиях повышенной секретности, стараясь предотвратить любое вмешательство влиятельной военной бюрократии (а один из ее лидеров, Дин Ачесон, был назначен Трумэном в январе 1949 г. государственным секретарем), небольшая группа прогрессистов под руковод-

ством Н. Рокфеллера сумела сформулировать и интегрировать программу помощи слаборазвитым странам в инаугурационную речь Трумэна (даже Ачесон не был поставлен в известность)⁸.

Принимая во внимание негативное отношение американского общества к проблеме огромных затрат на «план Маршалла», новый план, который получил название «пункта-4» из-за своего места в инаугурационной речи, был недорогим и состоял из трех более мелких программ: технической помощи, стимулирования частных инвестиций и мобилизации ресурсов других развитых стран через структуры ООН.

После года отчаянной борьбы против военной бюрократии, сумев провести через конгресс Закон о международном развитии (Act for International Development – AID), прогрессисты преуспели в том, что назначили своего твердого сторонника, Г. Беннета, на пост администратора программы «пункта-4». Являясь технократом, а не политиком по природе своей, Беннет, тем не менее, имел непререкаемый авторитет в конгрессе, который позволял ему независимо и самостоятельно управлять Администрацией международного сотрудничества (Technical Cooperation Administration – TCA), хотя формально она была инкорпорирована в структуру госдепартамента.

Таким образом, на протяжении 1948–1950 гг. военная бюрократия утратила контроль над двумя главными программами внешней помощи, что означало потерю контроля над всем процессом строительства мирового порядка. Прогрессисты перехватили инициативу и начали трансформировать доктрину «национальной безопасности», ослабляя ее военную (разъединяющую мировую экономику) компоненту и усиливая гражданскую (объединяющую рынки) составляющую. В то же время они не позволяли другим интернационалистским группам, особенно традиционалистам, получить доступ к рычагам внешней помощи, полагая, что их рыночные «хищнические» методы внешней экспансии, ориентированные на немедленную прибыль, не соответствовали «духу» и требованиям времени – на тот момент было важнее спокойно и последовательно выстраивать сбалансированный глобальный экономический механизм.

Тем не менее правительственная провоенная бюрократия сумела взять реванш после начала Корейской войны, которая возродила страхи в отношении того, что холодная война может трансформироваться в «горячую». Бюрократия утверждала, что сражения на Корейском полуострове символизировали решимость коммунистического мира перейти от методов инфильтрации и подрывной активности к открытому военному конфликту с Западом. Эта война позволила убедить американское общество в том, что политика «сдерживания» должна осуществляться военными методами, а не через экономическую «специализацию, стандартизацию и упрощение». Не

экономическое развитие, а военная безопасность становилась главной целью американской внешней политики в целом и внешней помощи в частности. Соответственно в рамках новой политики внешняя помощь должна была предоставляться только исходя из отношения страны-реципиента к глобальному военно-политическому конфликту. Простая идея – «либо с нами, либо против нас» и «все или ничего» – была положена в основу новой внешнеполитической доктрины коллективной «взаимной безопасности» (Mutual Security Act, October, 1951).

Как следствие перевооружение западно-европейских стран и милитаризация их экономик стали главной задачей американской программы внешней помощи. Автоматически и план Маршалла с его ECA, и «пункт-4», управляемый TCA, были интегрированы в единую структуру Агентства взаимной безопасности (Mutual Security Agency – MSA), во главе которого был поставлен Аверел Гарриман, один из самых влиятельных сторонников концепции «национальной безопасности». Его главной задачей являлось сокращение американской помощи гражданским секторам западно-европейских экономик и одновременно стимулирование зарубежного военного производства.

Таким образом, в период президентства Г. Трумэна внешняя помощь рассматривалась различными группами интересов в США в качестве важнейшего инструмента не только реализации своих представлений о мировом порядке, но и борьбы с конкурентами внутри американской правящей элиты. На каждом этапе эволюции послевоенной стратегии инструмент помощи (экономической, финансовой, технической) в форме организационных структур и институтов перехватывался конкурирующими интересами и направлялся на решение часто диаметрально противоположных задач, что свидетельствовало о его универсальности и долгосрочном характере.

Примечания

- ¹ См.: Gardner R. Sterling-Dollar Diplomacy in Current Perspective : The Origins and the Prospects of Our international Economic Order. N. Y., 1980. P. 1–23.
- ² См.: Block F. The Origins of international Economic Disorder : A Study of United States international Monetary Policy from World War II to the Present. Berkley, 1977.
- ³ UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration (Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций). Eckes A. A Search for Solvency. Austin and London, 1977.
- ⁴ См.: Mc Quaid K. Corporate Liberalism in the American Business Community // Business History Review. № 52 (Autumn, 1978). P. 342–368 ; Harris H. The Right to Manage : Industrial Relations Policies of American Business in the 1940's. Madison, 1982.

- ⁵ См.: *Mc Glade J.* The Illusion of Consensus : American Business, Cold War Aid, and the Reconstruction of Western Europe, 1948–1958. Ph.D. dissertation, University of Michigan, 1995. P. 59–77.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ См.: *Collins R.* The Business Response to Keynes, 1929–1964. N. Y., 1981.
- ⁸ См.: *Shenin S.* The United States and The Third World : The Origins of Postwar Relations and the Point Four Program. Huntington, 1999. P. 9–13.

Образец для цитирования:

Шенин С. Ю. Группы интересов и американская внешняя помощь в период администрации Г. Трумэна // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 370–374. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-370-374.

Cite this article as:

Shenin S. Yu. Interest Groups and American Foreign Aid during H. Truman Administration. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 370–374 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-370-374.

УДК 327.5

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ

Е. И. Савенко

Петрозаводский государственный университет
E-mail: rebus@onego.ru

В статье анализируется феномен возникновения террористической угрозы в современной Швеции, причины ее долгого игнорирования со стороны государства и общества, рассматриваются государственные подходы к проведению антитеррористической политики на национальном и наднациональном уровнях.

Ключевые слова: Швеция, национальная идентичность, миграция, политика открытых дверей, безопасность, контртеррористическая деятельность, взаимодействие.

The Problem of Terrorism in Modern Sweden

E. I. Savenko

The phenomenon of the terrorist threat emergence in modern Sweden, the reasons of its being ignored for a long time by the state and society are analyzed in the article. Also the state approaches to conducting counterterrorist policy at the national and supranational levels are considered.

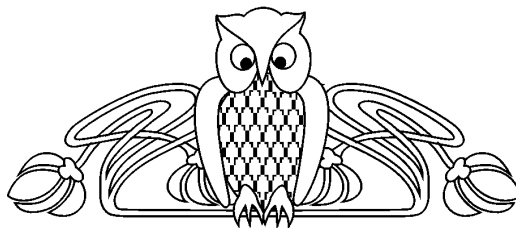
Key words: Sweden, national identity, migration, open door policy, security, counterterrorist activity, interaction.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-375-379

Сегодня Швеция – государство всеобщего благосостояния и дом народов, долгие годы характеризующаяся либеральными подходами, – вынуждена пересматривать реалии своей жизни. Одной из причин такого положения дел стало то, что умиротворенная и законопослушная страна столкнулась с террористической угрозой, при этом в СМИ нередко говорят о Швеции как о центре джихадистов. Попытаемся разобраться, почему так долго эта скандинавская страна не замечала феномен терроризма и продолжительное время относилась к данной проблеме весьма терпимо, считая ее скорее редким исключением в своей привычной благополучно текущей жизни.

Согласно сайту Шведской службы безопасности, понятие «терроризм» подразумевает совершение преступления, деяния, повлекшего за собой ущерб стране или международной организации и направленное на запугивание населения, принуждение правительства или международной организации к выполнению того или иного акта; дестабилизацию или разрушение фундаментальных политических, конституционных, экономических или социальных структур страны или международной организации¹.

Характерные для современного периода исторического развития процессы глобализации повлекли за собой трансформацию форм и методов терроризма, изменение его институцио-

нальной и идеологической платформы, привели к его интернационализации. К максимализации террористической активности привела сама европейская интеграция, следствием которой стали прозрачность межгосударственных границ, свободное передвижение людей, товаров, финансовых потоков, технологий. Кроме того, терроризм можно отнести к тревожному сигналу, свидетельствующему о важных неразрешенных вопросах и общественном неблагополучии, социальных и политических проблемах. Противобудствуя росту террористической опасности, необходимо своевременно опознать возможные болевые точки и провести общественно-государственные профилактические работы. Образно говоря, важно выявить очаги поражения, через которые болезнь извне попадает в организм общества, а затем обезвредить ее, что позволит диагностировать и предотвратить страшные последствия.

Одной из таких уязвимых точек для Швеции является проводимая страной политика открытых дверей. Гостеприимность по отношению к беженцам стала частью национальной идентичности государства, которое гордится своим великодушным отношением и щедростью к иностранцам. Так, в годы Второй мировой войны Швеция спасла, принимая у себя, значительную часть датских евреев. В 1980-х страна приняла иранцев, эритрейцев, сомалийцев и курдов, в 1990-х – боснийцев. На тот момент ежегодный наплыв беженцев в Швецию составлял около 40 тыс. человек, в последнее время эта цифра достигла 80 тысяч.

Кризис беженцев, начавшийся летом 2015 года, привел к тому, что в поисках убежища в Швецию еженедельно прибывало полторы тысячи человек; к сентябрю их количество увеличилось в четыре раза, а в октябре число приезжих составляло уже около 10 тыс. человек в неделю. Швеция с населением в 9,5 млн человек была намерена разместить у себя 190 тыс. беженцев, что составляло 2% от численности ее населения². В итоге небольшая Швеция приняла намного больше беженцев в расчете на душу населения, чем любая другая страна в Европе.

В 1977 году в городах Швеции проживало 8,1 млн человек, в 2011-м – 9 млн. Мусульманское меньшинство при этом составило 600 тыс. человек, т. е. 6% всего населения³. Успешная интеграция мусульманского населения стала особым поводом для гордости шведов: первоначальный успех ассимиляции новой волны приезжих иран-

цев и сирийцев не вызывал сомнений. По словам генерального секретаря Лево́й партии Швеции Арона Эцлера, «беженцы, став хорошими шведами, помогли построить шведам такую Швецию, какую они хотели. Социально-демократическая модель была бы невозможна без решимости принять их»⁴.

На практике работа по интеграции новой волны мигрантов оказалась более масштабной и затратной. В шведской лексике есть понятие «asiktskorridor» («коридор мнений»), означающее рамки, за пределы которых нельзя выходить. Поэтому вопрос о том, например, под силу ли сегодня Швеции интегрировать, как 20 лет назад, новое поколение беженцев из Афганистана, 10–20 тыс. из которых приехали в страну как несовершеннолетние без сопровождения, может вызвать облетение в расизме.

С давних пор нормы по предоставлению убежища интерпретировались Швецией свободнее, чем большинством ее соседей. Страна брала на себя заботу о каждом беженце на время рассмотрения его ходатайства об убежище, предоставляя как право на жилье, так и финансовую и медицинскую помощь, обращая внимание на то, что дети просителей имеют права на образование и здравоохранение наравне со шведами. Несовершеннолетние дети, прибывшие без родителей, попадали под опеку бюрократии из системы социального обеспечения, а поскольку приезжали они без документов, подтверждающих возраст, чиновники были вынуждены верить им на слово. С 2005 года получатели убежища стали иметь право привозить с собой многочисленных родственников. Учитывая эти обстоятельства, государственные расходы Швеции в связи с потоком мигрантов вырастут с 20 млрд крон до 50 млрд, а следовательно, распределение практически всех средств бюджета страны будет направлено на решение проблем, связанных с размещением и содержанием беженцев⁵.

По данным экономиста и критика миграционной политики Швеции Тино Сананджи, среди взрослых шведов 82% работающих, среди иммигрантов из западных стран – 52%, и эта разница стремительно растет. Среди шведов каждый пятый не оканчивает среднюю школу, среди беженцев – каждый третий. Большая часть времени у беженцев уходит на поиски работы. В связи с этим в стране существенно выросли расходы на социальные пособия, причем 60% этой суммы предназначены иммигрантам. Кроме того, если 20 лет назад в стране было только три квартала, где большая часть проживающих были безработными и не учились, то сегодня таких кварталов уже 186, что не может не вызывать тревоги⁶.

Изолированные многочисленные районы иммигрантов с низким уровнем интеграции их жителей в местное общество становятся рассадником экстремизма. Жизнь в параллельных мирах вызывает у обитателей таких коммун, особенно

среди молодежи, чувство враждебности и отчужденности к окружающей среде. Сочетаясь с недостаточной профилактикой распространения экстремистских идей, это способствует формированию условий роста количества потенциальных участников террористических организаций. Существование вербовочных центров на территории государства уже не секрет. Посредники и рекрутеры ИГИЛ в Швеции отбирают новобранцев и осуществляют материально-техническую поддержку. Разумеется, присутствие их не означает подготовку теракта на территории самой Швеции, но свидетельствует о координации действий с другими группировками, сосредоточенными в Европе, с целью осуществления атак.

Кроме того, нельзя не отметить и тот факт, что сегодня вторым по популярности языком в Швеции можно назвать арабский. В 2012 году в стране проживали 155 тыс. носителей арабского языка⁷. Вполне вероятно, что из-за существования упоминаемого нами понятия «коридор мнений» в Швеции, столице мировой статистики, отсутствует понятие «языковая статистика», поскольку деликатная тема учета языков приравнивается к учету национального происхождения.

Перечисленные выше подходы к политике в отношении беженцев стали поводом растущего недовольства шведов. По данным опроса, проведенного Институтом мониторинга общественного мнения NOVUS, 70% шведского населения выступает за ужесточение миграционной политики государства: предоставление беженцам временного вида на жительства (от 1 до 3 лет), введение ограничения для воссоединения семей беженцев, ужесточение правил материального обеспечения иммигрантов⁸.

Миграционный кризис затягивает и выявление подозреваемых в терроризме беженцев. По данным миграционного ведомства, количество дел, находящихся на рассмотрении, настолько велико, что потребуются не менее двух лет, чтобы передать необходимые данные полиции безопасности. Убежища в Швеции попросили уже 160 тыс. человек, ожидается, что их число будет только расти⁹. Не исключено, что среди соискателей убежища из Сомали, Сирии, Афганистана могут оказаться и террористы. В 2015 году миграционное ведомство передало в полицию безопасности дела, вызывающие подозрения, в их числе более 300 дел по запросу убежища в Швеции, около 100 – ходатайства о гражданстве. Все эти заявители, по данным полиции безопасности, представляют угрозу безопасности Швеции и подозреваются в связях с ИГИЛ¹⁰.

Таким образом, успешно проводимая ранее программа европеизации шведских мусульман сегодня терпит крах, способствуя возникновению обособленных групп, противостоящих культурной экспансии. Вместе с этим возрастает степень неуверенности шведов в собственной безопасности. По данным проведенных в стране

в 2015 году опросов общественного мнения, 57% респондентов в возрасте от 18 до 74 лет считают неминуемыми крупные теракты на территории Швеции в ближайшие пять лет (немаловажно, что опрос проводился в октябре – ноябре, еще до трагических событий в Париже). Тогда как в 2014 году с этим утверждением были согласны лишь 37% шведов. При этом 80% населения считают, что ресурсы Швеции недостаточны, чтобы встретить и отразить угрозу¹¹.

Ранее, поскольку система гостеприимного отношения к соискателям убежища не подвергалась сомнениям, вопрос об угрозе терроризма в Швеции не поднимался. В стране долгое время даже не было единого специального закона относительно противодействия терроризму. Эти вопросы регулировались целым рядом законодательных актов. В 2012 году правительством Швеции с целью предупреждения проявления экстремизма, предотвращения терактов и применения своевременных эффективных мер в случае свершения террористической атаки была разработана стратегия борьбы с терроризмом, состоящая из трех частей. В 2015 году с учетом новых жизненных реалий – конфликта в Сирии, потока беженцев, роста оттока людей из шведского государства в страны Ближнего Востока с целью их участия в вооруженных конфликтах на стороне террористических группировок – документ был дополнен и получил название «Ответственность и вовлеченность – национальная стратегия против терроризма»¹².

Помимо борьбы с радикализацией и вербовкой, к мерам, предпринятым правительством Швеции по преодолению миграционного коллапса и противодействию терроризму, отраженным в стратегии безопасности, относятся: усиление паспортного контроля, использование методов слежения, взаимодействие вооруженных сил и полиции, взаимопомощь соседних стран.

Введение более строго контроля за процедурой выдачи шведских паспортов – еще одна мера по предотвращению терактов. Ранее брать и получать новые паспорта можно было неограниченное количество раз. Теперь же гражданин Швеции имеет право получить только три паспорта за пятилетний период времени. Срок действия детских паспортов сокращается. Но стратегией не предусмотрен пункт о лишении шведского гражданства человека, скрывающего причастность к террористической деятельности на момент подачи заявления. Для изменения этого положения требуется внесение изменений в Конституцию страны. Это лишь один из пунктов, доказывающий неэффективность принятой стратегии.

Негибкое законодательство снижает степень результативности борьбы с терроризмом. Пока у террористов есть европейские паспорта, они вольны беспрепятственно передвигаться внутри Евросоюза, тогда как представители антитеррористических органов вынуждены преодолевать

препятствия на каждой границе. В итоге Европа остается более открытой для террористов, нежели для представителей закона: в погоне за преступником, который скрывается в Гамбурге, шведский полицейский не может свободно пересечь мост через пролив Эресунн между островом Зеландия (Дания) и Скандинавским полуостровом (Швеция).

Еще одним важным пунктом в борьбе с терроризмом стало усиление внимания к формированию базы данных пассажирских авиаперевозок, содержащей информацию о заказах билетов, рейсах, багаже и т. д., и биометрического контроля на границах со странами, не входящими в Шенгенскую зону. Эти меры вызваны участившимися случаями выездов шведов за границу с целью борьбы в составе экстремистских группировок. Согласно данным службы государственной безопасности S akerhetspolisen (S APO), за последнее время покинули государство и присоединились к ИГ и другим подобным террористическим организациям около 300 граждан, более 100 из них позже вернулись в Швецию¹³. Если составить среднестатистический портрет примкнувших к группировкам, то треть из них составляют женщины. В целом же это молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, уроженцы Швеции, один из родителей которых родился за пределами государства.

В 2015 году был рассмотрен проект закона об уголовном наказании граждан, совершающих поездки для участия в тренировках и подготовки в лагерях на стороне террористов. Отдельное внимание было уделено вопросу, связанному с криминализацией и финансированием таких поездок. Одной из превентивных мер работы полиции безопасности стало составление и выдача миграционной службе заключения относительно потенциальных террористов из числа лиц, въезжающих в Швецию. Им отказывается в виде на жительство и предоставлении гражданства.

Еще одна составляющая стратегии безопасности Швеции – разработка ряда мер, направленных на практическую реализацию профилактической работы, а также принятие совместных усилий по международному взаимодействию. Правительство Швеции предлагает разработать сценарии поведения при преодолении последствий потенциального теракта на территории государства. В этом случае национальные силы быстрого реагирования смогут рассчитывать на поддержку аналогичных подразделений соседних государств.

Большое внимание в стратегии уделено возможности осуществления процесса обмена информацией между шведской военной разведкой Milit ara underr attelse – och s akerhetstj ansten (Must)¹⁴, службой государственной безопасности S akerhetspolisen (S APO)¹⁵ и радиокommunikационной службой обороны F orsvarets radioanstalt (FRA)¹⁶. Осуществление обмена данными происходит через совместный рабочий орган этих

трех структур – Национальный центр террористической угрозы.

Основная цель совместной деятельности подразделений – разоблачение потенциальных террористов посредством тайного прослушивания телефонов, наблюдение за компьютерами через доступ к электронной почте, возможного видеонаблюдения, расширения доступа к зашифрованным интернет-ресурсам (Skype, Viber и др.) с использованием при этом хакерских методов: вирусотроянов. Внедрение этих методов на практике в Швеции осуществляется довольно давно. Новым в разработке компьютерного поиска потенциальных террористов на просторах Интернета стало изучение социальных сетей: выявление закономерностей и определение «почерка», манеры поведения и других «следов», которые могли бы стать своего рода «онлайнowymi» отпечатками пальцев.

Однако полностью искоренить проблему вышперечисленными методами не удастся. Не стоит возлагать больших надежд и на эффективность совместных межгосударственных способов контртеррористической деятельности, что обусловлено слабым уровнем сотрудничества стран – членов ЕС, а также нежеланием государств, предоставляя помощь, уступить часть собственного политического суверенитета контртеррористическим агентствам. Кроме того, многочисленные противостояния блоков вызывают нежелание спецслужб обмениваться информацией из страха нанесения тем самым ущерба национальной безопасности. Следует учитывать и то, что в случае успешного обмена разведанными и координации совместных расследований могут пошатнуться глубоко укоренившиеся различия в национальных идентичностях и интересах, исторический опыт некоторых стран. Успех межгосударственной антитеррористической деятельности затруднителен и из-за национальных различий в работе спецслужб правоохранительных органов: финансирования, подготовки кадров, материально-технической базы, бюрократических требований, лингвистических различий.

Таким образом, отступление мирового сообщества от эгоистичных интересов для сплочения общих усилий в противостоянии общей угрозе стало бы одним из главных звеньев фронта в борьбе с терроризмом. Другим опорным пунктом послужила бы адаптация внутренней политики к требованиям войны с терроризмом: снижение степени уязвимости за счет введения всевозможных видов контроля и противодействия вербовочной деятельности экстремистов, требующего пересмотра существовавших ранее границ дозволенного в работе спецслужб; отказ от чрезмерной толерантности в отношении приобщения мигрантов к западной культуре с расчетом на то, что выполнение приезжими определенных требований и контроль за их выполнением будут способствовать более глубокой культурной ассимиляции.

Следует признать, что на сегодняшний день Швеция стала заложницей собственного толерант-

ного законодательства. Страной был предпринят ряд действий по противостоянию терроризму, но их результаты на практике оказались неоднозначными. Предпосылкой для такого положения дел послужила чрезмерно лояльная политика правительства, боязнь потерять имидж спокойной благополучной страны с высокоразвитыми социальными ценностями. В результате Швеция вошла в число стран ЕС, ставших питательной средой для терроризма. Защищая права угнетенных, предоставляя им убежище и гражданство (одновременно пытаясь решить вопросы преодоления демографического кризиса), Швеция распахнула свои двери всем желающим стать обладателями достаточно солидного социального пособия и других благ.

Либеральные устои Швеции плохо коррелируются с активными контртеррористическими действиями. В результате желания сохранить имидж форпоста европейской демократии, стремления к эталону открытости странам третьего мира Швецию с молчаливого политического согласия ее правительства наводнили выходцы из Северной Африки, стран Ближнего и Среднего Востока.

Безусловно, иммиграция как таковая не является причиной терроризма, проблема заключается в отношении государства к этому процессу. В данном случае политическое игнорирование реальности стало одной из первоначальных причин формирования и развития на территории Швеции Рабочей партии Курдистана, групп нацистов и других движений радикального толка – т. е. пропаганды и финансирования терроризма.

Кроме того, возникает вопрос: как поток в более чем 100 тыс. беженцев с совершенно разными особенностями культуры повлияет на изменение самой Швеции? Становясь все более мультикультурной, она теряет свою самобытность, а ее граждане – ощущение жизни в обществе, которое является их домом. Это происходит потому, что официальной государственной идеологией приветствуется интеграция шведов и приезжих в многообразном мире, где Швеция напоминает мозаику. Миграционный кризис поставил граждан и руководство страны перед выбором между «мы можем» и «мы должны», требующим определиться в пользу нравственного универсализма, который страна исповедует, и унаследованной древней идентичностью.

Примечания

- 1 См.: Counter-terrorism, 2000. URL: <http://www.sakerhetspolisen.se/en/swedish-security-service/counter-terrorism.html> (дата обращения: 15.05.2016).
- 2 См.: Traub J. The Death of the Most Generous Nation on Earth, February 10, 2016. URL: <http://foreignpolicy.com/2016/02/10/the-death-of-the-most-generous-nation-on-earth-sweden-syria-refugee-europe> (дата обращения: 16.05.2016).

- ³ См.: Тарават М. Следующая мишень террористов – Швеция. URL: <http://eurasianews.info/ru/node/9344> (дата обращения: 10.05.2015).
- ⁴ Traub J. The Death of the Most Generous Nation on Earth. URL: <http://foreignpolicy.com/2016/02/10/the-death-of-the-most-generous-nation-on-earth-sweden-syria-refugee-europe/> (дата обращения: 16.05.2016).
- ⁵ См.: Efendic N. Prästen levde på asylsättning – avslutar experimentet. URL: <http://www.svd.se/asylprasten-jag-har-fatt-perspektiv-pa-att-vara-fattig/i/tv> (дата обращения: 16.05.2016).
- ⁶ См.: Traub J. The Death of the Most Generous Nation on Earth. URL: <http://foreignpolicy.com/2016/02/10/the-death-of-the-most-generous-nation-on-earth-sweden-syria-refugee-europe/> (дата обращения: 16.05.2016).
- ⁷ См.: Taylor A. Finnish was the second language of Sweden for centuries. Now Arabic is overtaking it. April 7, 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/04/07/finnish-was-the-second-language-of-sweden-for-centuries-now-arabic-is-overtaking-it> (дата обращения: 02.05.2016).
- ⁸ См.: Жители Швеции поддерживают новую миграционную политику, Март 21, 2016. URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6394186> (дата обращения: 14.04.2016).
- ⁹ См.: Полиция безопасности просит прямого доступа к данным о беженцах. Январь 15, 2016. URL: <http://sverigesradio.se/sida/gruppsida.aspx?programid=2103&grupp=13299&artikel=6345994> (дата обращения: 18.04.2016).
- ¹⁰ См.: Есть ли террористы среди беженцев? Декабрь 18, 2015. URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6329227> (дата обращения: 18.04.2016).
- ¹¹ См.: Opinioner 2015. Allmänhetens syn på samhällsskydd, beredskap, säkerhetspolitik och försvar, MSB. January, 2016. URL: http://www.msb.se/Upload/Nyheter_press/Pressmeddelanden/Opinioner%202015.pdf (дата обращения: 15.04.2016).
- ¹² Ansvar och engagemang – en nationell strategi mot terrorism. February 9? 2012. URL: <http://www.regeringen.se/contentassets/2ba19563eb1d4626a33b0fa7ade5c382/ansvar-och-engagemang--en-nationell-strategi-mot-terrorism-skr.-20111273> (дата обращения: 10.04.2016).
- ¹³ См.: Abrahamsson A. Svenska «Sara» : Vi bara skär av dem huvudet // Göteborgs-Posten, April 15, 2016. URL: <http://www.gp.se/nyheter/sverige/svenska-sara-vi-bara-sk%C3%A4r-av-dem-huvudet-1.190453> (дата обращения: 17.05.2016).
- ¹⁴ См.: Militära underrättelse- och säkerhetstjänsten, Must. URL: <http://www.forsvarsmakten.se/sv/organisation/hogkvarteret/militara-underrattelse-och-sakerhetstjansten/> (дата обращения: 10.04.2016).
- ¹⁵ См.: Säkerhetspolisen, SÄPO. 2000. URL: <http://www.sakerhetspolisen.se/> (дата обращения: 10.04.2016).
- ¹⁶ См.: Försvarets radioanstalt, FRA. URL: <http://www.fra.se/> (дата обращения: 10.04.2016).

Образец для цитирования:

Савенко Е. И. Проблема терроризма в современной Швеции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 375–379. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-375-379.

Cite this article as:

Savenko E. I. The Problem of Terrorism in Modern Sweden. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 375–379 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-375-379.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).045+94(470.331)|1610–1612|

ТОРОПЕЦ В ПЕРИОД МЕЖДУЦАРСТВИЯ (1610–1612)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории Торопца в один из самых драматических периодов истории России начала XVII в., когда Москва была захвачена поляками. Особое внимание уделено судьбе жителей этого города. Большинство жителей Торопца на короткое время вслед за москвичами присягнули московскому царю Владиславу, но уже через полгода перешли на сторону освободительного движения против поляков.

Ключевые слова: И. М. Салтыков, С. Н. Гагарин, Л. М. Сухотин, Сигизмунд III, Бельский летописец, воевода, четвертные приказы, кормленные книги, земельные пожалования при Владиславе.

Toropets during the Interregnum (1610–1612)

Ya. N. Rabinovich

The article deals with the unknown pages of Toropets' history during one of the most dramatic periods of Russian history at the beginning of the XVII century, when Moscow was captured by the Poles. Particular attention is paid to the fate of the inhabitants of this city. Most of the Toropets' inhabitants, for a short time, followed the example of the Muscovites who swore allegiance to the Moscow tsar Vladislav. Still, six months later they sided with the liberation movement against the Poles.

Key words: I. M. Saltykov, S. N. Gagarin, L. M. Sukhotin, Sigismund III, Belsky chronicler, voivode, rules governing feudal tenants, feeding and expense books, land grants during the reign of Vladislav.

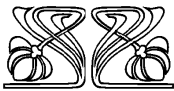
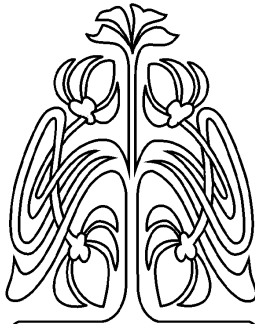
DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-380-388

О событиях начального этапа Смутного времени в районе древнего русского города Торопца имеется некоторая информация в трудах исследователей, которые сообщают о противоборстве между сторонниками царя Василия Шуйского и тушинцами. Жители Торопца во главе с воеводой князем А. Ф. Жировым-Засекиным в июле 1608 г. присягнули Лжедмитрию II, а менее чем через год в мае 1609 г. этот город был освобожден от тушинцев в ходе похода князя М. В. Скопина-Шуйского из Великого Новгорода к Москве. В дальнейшем Торопец оставался верен царю Василию вплоть до его свержения летом 1610 г.

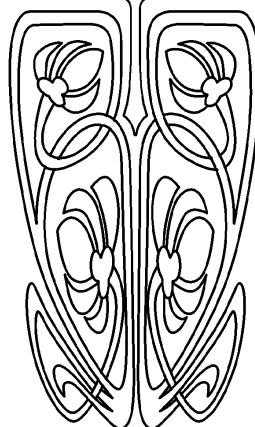
Последующие события Смуты в этом районе до настоящего времени еще не изучены. Понимая, что в небольшой статье трудно отобразить все события Смуты, пусть даже в отдельно взятом городе или уезде, пришлось ограничиться сравнительно небольшим отрезком времени – от момента оккупации Москвы поляками и до освобождения столицы народным ополчением и избрания царем Михаила Романова (так называемое междуцарствие).

Осенью 1610 г. начинается новая страница в истории Торопца, жители которого вслед за Москвой сначала присягнули польскому королевичу Владиславу, а затем перешли на сторону освободительного движения против польских интервентов.

Боярин Иван Михайлович Салтыков, отправленный Семибоярщиной из Москвы в Новгород, писал польскому королю Сигизмунду,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

что жители Торопца в отличие от Великих Лук в октябре 1610 г. присягнули польскому королевичу Владиславу. В этом письме И. М. Салтыкова отмечалось, что воеводой Торопца в это время (октябрь 1610 г.) был Александр Чоглоков¹, тот самый Александр Игнатьевич Чоглоков, о котором сообщается в так называемой «Росписи по городам бояр и воевод и приказных людей», составленной дьяками Семибоярщины².

Торопецкий воевода Александр Чоглоков был близким родственником думного дворянина Корнилы Никитича Чоглокова, тесно связанного с Торопцом. К. Н. Чоглоков, получивший от короля Сигизмунда целый Михайловский погост в Шелонской пятине, был первым помощником боярина И. М. Салтыкова³. Именно он 11 октября 1610 г. вел предварительные переговоры с новгородцами о присяге польскому королевичу⁴. В марте 1611 г. К. Н. Чоглоков, как и И. М. Салтыков, будет арестован новгородцами и посажен в тюрьму⁵. Жена К. Н. Чоглокова Арина после гибели мужа останется жить с детьми в Торопце⁶. Тесная связь сторонника Владислава К. Н. Чоглокова с Торопцом сыграла не последнюю роль в присяге жителей города польскому королевичу.

И. М. Салтыков еще по пути в Новгород, «идучи с Москвы», отправил в Торопец сначала своего помощника, еще одного думного дворянина Григория Леонтьевича Валуева, в отряде которого были торопецкие помещики, а также «лучане, невляне, пусторжевцы, беляне»⁷.

16 октября 1610 г. в лагерь польского короля под Смоленском пришло донесение из Москвы от гетмана Жолкевского, в котором говорилось, что «в Торопец, Луки, Себеж, Невель, Заболотье (Заволочье. – Я. Р.), Опочку, Остров, Псков отправился Григорий Валуев». Ранее, еще 29 сентября, от Жолкевского было получено сообщение, что «для сдачи крепостей: именно: Пскова, Великих Лук, Торопца и других послали Григория Валуева и Ивана Салтыкова»⁸.

20 октября 1610 г. Григорий Валуев прислал донесение И. М. Салтыкову уже из Торопца, в котором сообщал, что «в Торопце воевода Александр Чоглоков и головы стрелецкие, и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и посадские и волостные всякие люди крест целовали». Жолкевский писал, что торопчане «весьма были довольны, что им, как они говорили, Господь Бог дал государем королевича Владислава». Г. Л. Валуев, взяв в Торопце местных служилых людей и наряд, 14 октября отправился к Великим Лукам, чтобы силой принудить этот город к присяге королю⁹. В донесении стрелецкий голова в Торопце, который обычно командовал приказом стрельцов из нескольких сотен человек, указан во множественном числе. Вряд ли в это время в городе были стрельцы из двух стрелецких приказов. Также в составе гарнизона Торопца отмечены казаки, которых в дальнейшем мы не увидим в разрядных записях.

Таким образом, присяга жителей Торопца королевичу Владиславу в октябре 1610 г. произошла вследствие силового давления со стороны боярина И. М. Салтыкова, отправленного в Великий Новгород. Важную роль в присяге торопчан польскому королевичу сыграл помощник Салтыкова Григорий Валуев.

Осенью 1610 г. некоторые торопецкие помещики были в составе русского посольства Филарета-Голицына под Смоленском. Представителем от торопецких помещиков в этом посольстве был князь Иван Федорович Шаховской¹⁰.

Торопецкие помещики, присягнувшие польскому королевичу, получили щедрые земельные пожалования от короля Сигизмунда. Среди них – Абрам Непейцын, Андрей Давыдов, а также отец и сын Шаховские (Федор Данилович и Иван Федорович). Уже 30 октября 1610 г. Абраму Непейцыну дана новая вотчина в Торопецком уезде «сельцо Веяло и деревня Осиновик». В тот же день Андрей Замятнин Давыдов получил от короля «лист на отчину и поместье его в Торопецком уезде сельцо Яковлевское с поместьями и пустошами»¹¹, всего 170 четвертей. Через месяц, 26 ноября 1610 г., князь Иван Федорович Шаховской получил часть поместья, принадлежавшее прежде Михаилу Голенищеву (по-видимому, хозяин поместья умер). В жалованном листе указывалось, что «князя Федора Даниловича Шеховского сыну Ивану дано в Торопецком уезде из поместья Михайловского Голенищевца двести четвертей в его оклад, а жоне того Голенищевца с дочкою на пожизненное оставлено сто четвертей». Отец Ивана Шаховского 3 декабря 1610 г. также получил новые пожалования в соседнем Холмском уезде: «Князю Федору Даниловичу Шаховскому дано в Холмском уезде поместье меньшого сына Арбузова, который постригся в чернцы, всего 250 четвертей в додачу к его окладу по старому поместью»¹².

Интересна судьба одного из торопецких помещиков Домашнего Федорова сына Шамшева. В своей челобитной на имя королевича Владислава, написанной весной 1611 г., он сообщает, что служит ему уже третий год (в другом месте уточняется: «в полтретей год», следовательно, два с половиной года). Во всяком случае, еще осенью 1609 г. в Москве его считали изменником, и царь Василий Шуйский 4 ноября 1609 г. приказал передать из его торопецкого поместья 126 четей Михаилу Нефедьеву и 30 четей Федору Арбузову. Эти торопецкие помещики М. Нефедьев и Ф. Арбузов служили верой и правдой царю Василию. О торопчанине «Домашнем Федоре», государевом изменнике, который находился на службе у Гонсевского в Велиже, еще 15 апреля 1609 г. сообщал смоленскому воеводе Михаилу Шеину Юрий Буланин¹³.

Тогда же, еще при царе Василии Шуйском, престарелый тесть Домашнего Шамшева торопецкий помещик Словен Селиверстов передал свое поместье племяннику Федору Кириллову

сыну Тарбееву, также торопецкому помещику, который был сторонником царя Василия. У Федора Тарбеева были на руках младшие братья Сенька и Ивашка и сестра Офимьяца, а также мать – вдова Марина. Федору Тарбееву было велено служить с того поместья Словена Селиверстова, заботиться о престарелом дяде Словене до его кончины (*«и Словена Селиверстова до его живота кормить»*). Федор Тарбеев имел довольно большой оклад: 600 четей. Ему было дано поместье отца в Торопце: 211 четей да еще 215 четей с учетом Словенского поместья. Итого в наличии было 426 четей.

18 августа 1610 г. под Смоленском еще при жизни Федора Тарбеева король Сигизмунд своим указом утвердил за Домашним Шамшевым его старые вотчины и поместья в Торопецком уезде *«в Старцове волости сельцо Василевское с деревнями и в Турской волости деревню Спиловскую»*, а также в трех других волостях несколько пустошей. Одновременно с этим король передал Домашнему Шамшеву поместья тестя Словена Селиверстова в Старцовой волости сельцо Клин с деревнями и пустошами, а также три деревни в Турской волости (всего 145 четей). К тому времени Словен Селиверстов уже умер, а владелец этих поместий Федор Тарбеев был противником польского короля.

После смерти бездетного Федора Тарбеева в конце 1610 г. в Торопце уже в начале января 1611 г. бывшее поместье Словена Селиверстова было передано по боярскому приговору руководителя Семибоярщины *«князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи»* еще одному торопецкому помещику, присягнувшему королевичу Владиславу, Григорию Яковлеву сыну Кушелеву. По-видимому, бояре в Москве не знали о том, что это поместье уже передано ранее под Смоленском Домашнему Шамшеву. 9 января 1611 г. Григорий Кушелев получил взвозную грамоту на это поместье. Узнав об этом, Д. Ф. Шамшев весной 1611 г. подает королю новую челобитную, в которой просит дать ему за свою верную службу в вотчину эти спорные поместья тестя, а также свои собственные поместья. При этом он заручается поддержкой коменданта Москвы велижского старосты Александра Гонсевского, с которым, видимо, был связан давно, еще с 1608/1609 г. Интересна отписка Гонсевского печатнику и думному дьяку Ивану Грамотину: *«...вели ему дать; и дела тые тотчас выписать и ему отдать»*. Далее следует характеристика Д. Ф. Шамшева, которую ему дал Гонсевский: *«Человек добрый, циотливый и надобный – пригожо его пожаловать»*. Напомним, что эта запись была сделана в апреле 1611 г. уже после восстания в Москве и сожжения столицы поляками по приказу Гонсевского (грамота Шамшеву от имени царя Владислава была дана в Москве 23 апреля). Мало того, 25 июня 1611 г. Д. Ф. Шамшев получил по указу царя Владислава придачу к поместному окладу 150 четей, теперь его оклад стал составлять 700 четей¹⁴.

Однако вернемся к событиям в Торопце осенью 1610 г. Боярин И. М. Салтыков писал королю Сигизмунду, что 22 октября он получил письмо из Торопца от воеводы Александра Чоглокова. В этом письме торопецкий воевода с тревогой сообщает, что в Торопецком уезде стоят литовские ротмистры *«Филип Иванов сын Савлук да Владимир Петрашкович»* с литовскими людьми, они *«Торопецкой и Холмской уезд воевали за крестным целованьем и крестьян мучили и огнем жгли, и на смерть побивали, и в полон имали»*. Одновременно из-под Смоленска и Белой пришли в Бельский и Торопецкий уезд литовские люди и в Торопецком уезде *«во дворянских поместьях посадили своих приставов, и поместья их розделили по себе, а дворяном и детям боярским животами их и хлебом владети не дают»*.

Узнав о зверствах литовских людей в Торопецком уезде (о чем жаловался Салтыков королю Сигизмунду), жители Великих Лук и Невеля решили не подчиняться приказам Салтыкова: *«Слыша про их такое разоренье, Луки Великие и Невль хотят от них сидети в осаде, и Вам, великим Государям, креста целовати не хотят»*. Салтыков пытался усмирить своих буйных союзников, сообщал королю, что он писал им от себя, что *«они то делают негораздо мимо вашего государского указу и гетманского розказанья»*. Здесь речь идет о договоре гетмана Жолкевского с московскими боярами, по которому польские и литовские люди должны уйти из тех городов, которые присягнут королевичу, *«и обиды и насильства никакого чинити не велено»*¹⁵.

В марте 1611 г. Великий Новгород перешел на сторону освободительного движения. Новгородцы писали, что по благословению Исидора, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук, они целовали крест на том, чтобы выступить заодно против польских и литовских людей, *«а с Полскими и с Литовскими и с Рускими людьми, которые радеют Полскому и Литовскому королю, ни о чем не ссылатся»*. Новгородцы посадили в тюрьму Ивана Салтыкова и Корниту Чоглокова *«за их многие неправды и злохитрство»*. При этом из Новгорода были отправлены грамоты в разные города, в том числе Торопец (перечислены 18 городов и добавлено, *«в иные городы»*)¹⁶. В церковном отношении Торопец, как и Великие Луки, входил в состав Новгородской митрополии, голос митрополита Исидора играл важную роль. В Великих Луках польским ставленникам во главе с Григорием Валуевым удалось удержаться у власти. Возможно, что в это время произошел еще один «исход» луцких помещиков, противников королевича Владислава, в соседний Торопец, жители которого поддержали руководителя Подмосковного ополчения Прокония Ляпунова.

О попытках литовских людей и черкас весной – летом 1611 г. снова подчинить Торопец сведений пока не обнаружено. Запорожские казаки

есаула Федора Пырского из отряда полковника черкас Лаврина Рудницкого, потерпев в марте 1611 г. поражение под Старой Руссой от новгородцев, которыми командовал стольник Леонтий Андреевич Вельяминов, отступили в Холмский и Торопецкий уезды¹⁷.

Летом 1611 г. руководители Подмосковного ополчения отправили в Торопец воеводой князя Семена Васильевича Прозоровского. Помощником кн. С. В. Прозоровского князь Трубецкой и атаман Заруцкий назначили кн. Семена Никитича Гагарина, который находился на воеводстве в Торопце с осени 1611 г. После отъезда из Торопца кн. С. В. Прозоровского кн. С. Н. Гагарин длительное время (конец 1611–1612 гг.) оставался первым воеводой города. Возможно, что он находился в Торопце до приезда в этот город нового воеводы кн. В. И. Туренина¹⁸.

В одной из разрядных записей за 1611/12 г. указаны другие воеводы Торопца: «Лета 7120-го году.... В Торопце: воеводы князь Матвей Шеховской да Тимофей сын Тарбеев»¹⁹. Судя по этой записи, Семен Гагарин уехал из Торопца раньше, и его сменил новый воевода Матвей Шаховской, о котором сведений по другим источникам не обнаружено. Возможно, что об этом Матвее Шаховском идет речь в одном из документов, где говорится, что сыну этого торопчанина Степану Матвеевичу Шаховскому еще 7 января 1612 г. «по памяти за приписью дьяка Николая Новокщенова» по боярскому приговору был установлен оклад 25 рублей «за отца его службу»²⁰. Эта фраза свидетельствует о том, что Матвей и Степан Шаховские, как и все служилые люди Торопца, в то время (в конце 1611 г.) подчинялись руководителям Подмосковного ополчения Трубецкому и Заруцкому (Николай Новокщенов был дьяком этого ополчения), а также о том, что Матвей Шаховской к тому времени уже умер (сыну обычно давали оклад за службу отца после его кончины).

Что касается Тимофея Петровича Тарбеева, то хорошо известно, что он находился в Торопце около 4 лет все время вплоть до конца 1613 г., оставаясь помощником целого ряда воевод. В данной разрядной книге указаны воеводы Торопца в 7119 г. (1610/1611) Семен Прозоровский и Семен Гагарин, которых в следующем году сменили Матвей Шаховской и Тимофей Тарбеев. Необходимо искать новые документы, в первую очередь отписки воевод Торопца (либо другие источники), в которых бы упоминались воеводы Торопца именно в этот период.

Следует учесть еще один момент. Весной – летом 1612 г. (вплоть до бегства атамана Заруцкого из Москвы) между обоими ополчениями происходили конфликты за сферы влияния в разных городах. Судя по всему, воевода Торопца Семен Гагарин, подчинявшийся вначале руководителям Подмосковного ополчения, летом 1612 г. признал власть Нижегородского ополчения и выполнял все указания князя Д. М. Пожарского.

В одном из источников говорится, что Семен Гагарин служил еще воеводой в Торопце в июле 1612 г., в тот момент, когда Нижегородское ополчение находилось в Ярославле. Служилый человек из крепости Белой Исай Языков в своей челобитной царю Михаилу Романову писал в марте 1613 г., что ему ранее было дано поместье в Торопце. Руководители ополчения из Ярославля отправили грамоту в Торопец на это поместье на имя воеводы Семена Гагарина, но эта грамота уже не застала его в этом городе. В конце марта 1613 г. в Торопец была отправлена аналогичная грамота на имя нового воеводы кн. В. И. Туренина²¹.

О службе Семена Гагарина в Торопце сведений в источниках обнаружено очень мало. Поэтому большую ценность имеет следующая запись в Бельском летописце о событиях – осени 1611 г.: «А луцком взятъе. Того же году летом посылал ис Торопца князь Семен Васильевич Прозоровской под Луки Великие на литовских людей товарища своего князя Семена Гагарина с ратными людьми розных городов. И князь Семен Гагарин пришед под Луки Великие изгоном, и Луки Великие город взял, и в городе поляков пана Воина Есинетцкого с товарищи взяли, и Луки Великие выжгли. А русские люди с Лук Великих разошлись по городам Московского государства, а Луки Великие покинули пусты и без остатков»²².

О судьбе воеводы Великих Лук Григория Валугева в Бельском летописце ничего не говорится. Возможно, он в это время отсутствовал в Луках. В этом городе Валугев оставил своего помощника пана Воина Есинецкого. В результате внезапного нападения отряда Семена Гагарина с торопецкими служилыми людьми на Луки значительная часть гарнизона во главе с Есинецким была захвачена в плен. Перед возвращением в Торопец Семен Гагарин приказал выжечь до основания эту укрепленную польскую крепость Великие Луки. С 1612 г. сведения о Великих Луках надолго пропадают в источниках. Служилые люди и жители Великих Лук разошлись по окрестным уездам. Значительная часть их ушла с Григорием Валугевым в Невель и Ржеву Пустую, некоторые присоединились к освободительному движению против поляков и перебрались в Торопец. Это был последний «исход» луцких помещиков в Торопец. Это же касается луцких стрельцов, а также посадских людей.

Сведений о событиях под Торопцом зимой – весной 1612 г. пока не обнаружено. В это время на соседние северные Холмский и Старорусский уезды продолжались нападения отрядов запорожских казаков и литовских людей.

13 января 1612 г. в Старой Руссе узнали, что в Холмском уезде в селе Зуево находится Александр Лисовский с литовскими людьми. 11 февраля 1612 г. черкасы напали и разорили город Старую Руссу, после чего шведско-новгородское войско Эверта Горна разгромило отряды черкас атамана Андрея Наливайко и Алексея Михайловича²³.

На некоторое время обстановка на северной границе Торопецкого уезда нормализовалась, стали восстанавливаться прерванные связи Торопца со Старорусским уездом и Новгородом.

Однако западные и южные волости Торопецкого уезда по-прежнему подвергались нападениям польских отрядов. Находящийся на службе польского короля Лисовский, сделав с апреля 1612 г. своей основной базой Ржеву Пустую (Заволочье), постоянно совершал набеги на соседние уезды. Велижский староста Александр Гонсевский в конце 1611 г. уехал из сожженной Москвы в свой Велиж. С этого времени он пребывал в основном в Белой, которая находилась под его полным контролем, поэтому южные районы Торопецкого уезда также подвергались нападениям поляков. Пока не обнаружены источники о неприятельских действиях в это время Гонсевского, в планах которого основной задачей продолжало оставаться подчинение Торопца.

Один не очень приятный сюжет для царской династии Романовых непосредственно связан с Торопцом и его воеводой князем С. Н. Гагариным. Речь идет о переговорах в мае – июле 1612 г. между князем Д. М. Пожарским в Ярославле и шведским военачальником в Новгороде Якобом Делагарди. Большинство современных исследователей поддерживают мнение историка Г. А. Замятина о том, что у Пожарского в Ярославле были серьезные намерения, связанные с избранием шведского королевича русским царем. Шведская кандидатура и позднее, во время Земского собора, всерьез обсуждалась выборными людьми, у нее было много сторонников, в отличие от будущего царя Михаила Романова.

Летом 1612 г. Торопец по указанию руководителей Нижегородского ополчения поддерживал тесные связи с Великим Новгородом, находившимся под контролем шведов, а торопчане готовы были встретить шведского принца. Юхан Видекинд писал: «Из города Торопца, находившегося в 60 милях от Новгорода, съезжалось к Якобу (Делагарди. – Я. Р.) много бояр с большой свитой и купцов, готовых с почтением встретить вступающего на престол нового князя»²⁴. Здесь речь идет о планируемом приезде в Новгород шведского королевича Карла Филиппа. Этот кандидат на московский престол с большим опозданием лишь летом 1613 г. добрался до Выборга, где узнал, что в Москве уже избран царем Михаил Романов.

Торопчане всерьез рассчитывали на помощь шведских войск в борьбе против польских войск Гонсевского, Лисовского и отрядов черкас, которые продолжали совершать нападения на Торопецкий уезд в 1612 г. В Торопце помнили, как шведы несколько лет назад помогли освободить город от тушинцев.

В самом конце 1612 или в начале 1613 г. в Торопец приехал из Москвы новый воевода, будущий герой Торопецкого осадного сиденья 1613 г. князь Василий Иванович Туренин. Он в

августе 1612 г. еще сражался с гетманом Ходкевичем под Москвой, возглавляя один из передовых отрядов ополчения князя Пожарского, в конце октября 1612 г. он по-прежнему оставался под Москвой, где подписал грамоту на Белоозеро об объединении двух ополчений. Эта грамота была доставлена на Белоозеро 11 ноября, но в ней все еще говорится об осаде Кремля и Китай-города, следовательно, она была написана до 22 октября²⁵. В марте 1613 г. кн. В. И. Туренин уже руководил обороной Торопца от поляков. В челобитных торопецких служилых людей, полученных в Москве к 6 марта 1613 г., уже говорится о новом воеводе Торопца В. И. Туренине²⁶. Поэтому можно считать, что кн. В. И. Туренин приехал в Торопец в период с ноября 1612 по февраль 1613 г.

Торопецкие служилые люди участвовали в заседаниях Земского собора, избравшего нового царя. Трудно сказать, какой воевода Торопца (Семен Гагарин или Василий Туренин) отправлял этих выборных в Москву в конце 1612 г. При перерывах в заседании Собора в начале февраля 1613 г. около двух десятков торопчан уехали из Москвы к себе в Торопец. Они были захвачены в плен А. Гонсевским, лагерь которого в феврале 1613 г. находился всего в трех милях от Торопца²⁷.

В феврале – марте 1613 г. в Москве находились торопецкие помещики, которые, видимо, приняли участие 21 февраля 1613 г. в заключительном заседании Земского собора, избравшего Михаила Романова. В начале марта они подали челобитные на имя нового царя о пожаловании, по которым уже в марте было принято положительное решение. Илья Васильев сын Татаринов получил старое поместье в 80 четей. Петр Первого сын Полибин был пожалован старым поместьем в 26 четей, а Фадеею Нечаеву сыну Скворцову сдала свое поместье вдова Филиппа Чиркина Аграфена тоже в 26 четей. При этом челобитчики писали, что данные поместья разорены уже пятый год до основания от литовских людей. Также в марте получил грамоту на старое поместье торопчанин Матвей Васильев сын Кушелев. Роман Степанов сын Хрипунов в своей челобитной писал, что служит царскую службу в Торопце, был в плену у Лисовского, просил дать ему пустоши в Торопецком уезде 35 четей. Все челобитные были удовлетворены, в связи с разорением пошрины за ввозные грамоты взяты не были²⁸.

Некоторые луцкие помещики, которые ранее бежали в Торопец и воевали на стороне Подмосковного ополчения против поляков еще с весны 1611 г., приняли участие в избрании царем Михаила Романова, они находились в Москве зимой – весной 1613 г. вместе с торопецкими помещиками. Среди них – Исак Петрович Байков, луцкий помещик, который весной 1613 г. находился в Москве, где ему по его челобитной дали поместье в Торопце «из порозжих земель» вместо старого луцкого поместья²⁹.

Имена многих других торопчан, лучан, белян, которые служили в Торопце вместе с Семеном Никитичем Гагариным и его сменщиком Василием Ивановичем Турениным в 1612–1613 гг., можно найти в ряде документов того времени, в том числе в челобитных на имя нового царя Михаила Романа, написанных весной 1613 г. Здесь мы видим детей боярских, пушкарей, посадских людей, стрельцов³⁰. Они получили «разные милости» от нового правительства.

Особую ценность для выяснения имен защитников Торопца в это время представляет торопецкая сыскная десятина 1613 г. Она составлена весной 1613 г. при воеводе В. И. Туренине, отправлена из Торопца в конце мая и уже 17 июня 1613 г. была получена в Москве. Этот список «торопчан и холмиач», по подсчетам современного исследователя А. В. Малова, включает имена 237 городских дворян и детей боярских (112 дворовых и 125 городских), а также 38 новиков³¹. Было бы интересно сравнить данный список со списком более ранней верстальной десятины 1605/06–1606/07 гг. (409 человек), тогда можно было бы точно утверждать, что люди, указанные одновременно в обеих десятиных, служили в Торопце при прежних воеводах А. Ф. Жировом-Засекине, Ф. Шаховском, Т. Тарбееве, А. И. Чоглокове, С. В. Прозоровском, С. Н. Гагарине.

Среди торопецких помещиков, служивших в Торопце в начале 1613 г., были люди, получавшие жалование не с «городом», а в одной из московских четвертей (так называемые четвертчики). Известны 8 четвертчиков – торопчан Костромской чети, которые записаны в списке Василия Туренина. Это Петр Чихачев, Дмитрий Колокольцов, Федор Нефедьев, Афанасий Зеленой, Федор Чоглоков, Петр Измайлов, Долмат Голенищев, Кирилл Кафтырев³². Фактически таких четвертчиков было в 2–3 раза больше. Из четвертчиков Галицкой чети, служивших в Торопце в начале 1613 г., можно указать торопчан Матвея Злобова, Михаила Зеленого, Микиту и Ивана Болшевых³³. Здесь отмечены торопецкие помещики, которые уже были к началу 1613 г. четвертчиками Костромской и Галицкой четвертей, они включены в список Василия Туренина. Всего известны имена 20 торопчан, получавших жалование из Костромской чети и 25 торопецких помещиков – из Галицкой чети. Некоторые из них были «пущены в четь» позже уже при Михаиле Романове.

В торопецкий список служилых людей, который В. И. Туренин отправил в Москву, входили не только торопецкие, но и луцкие помещики, нашедшие себе временный приют в Торопце.

Более сложный вопрос – относительно бельских помещиков в Торопце. Трудно установить, кто из них все время с 1609–1611 гг. находился в Торопце, как Тимофей Петрович Тарбеев (целых 4 года), а кто вместе со смолянами оказался в 1611 г. в Нижнем Новгороде, принимал участие в Нижегородском ополчении и был отправлен

в Торопец князем Д. М. Пожарским уже после освобождения Москвы.

Белянин Исая Языков находился в Торопце еще до лета 1612 г. Другой белянин Афанасий Левашов был убит литовскими людьми на службе в Торопце во время междуцарствия. Его сын Ратман Афанасьев Левашов в начале 1613 г. также находился в Торопце³⁴. В Торопецкий список В. И. Туренина был включен белянин Иван Матвеев Тарбеев, который несколько лет находился в Торопце³⁵. Среди других бельских помещиков, находившихся в Торопце в начале 1613 г., можно назвать Михаила Дедешина, Позняка Мистрова, Петра Языкова³⁶.

Луцких помещиков к началу 1613 г. было в Торопце около 30 человек. Кроме уже упомянутого Исака Байкова известны четвертчики Костромской чети Петр Иванов сын Красный и Микула Петров сын Щетнев, которые были включены в список Василия Туренина³⁷.

Можно предположить, что и луцкий помещик Петр Иванович Мусорский (предок знаменитого композитора) все это время находился в Торопце вместе с другими противниками польского претендента. А. В. Малов отмечает, что «в недатированном списке лучан за 119–121-й гг. (1610/11–1612/13) фигурируют 28 чел.: 10 дворян, 6 детей боярских и 12 новиков. Возглавляют список Петр Иванов сын Мусорский и Исаак Петров сын Байков»³⁸. Скорее всего, в этот список луцких помещиков входили те самые лучане, которые в 1610 г. сделали свой выбор против польского королевича и отъехали из Лук в Торопец.

К 1616 г. в Торопце осталось 27 луцких помещиков, которые «живут в Торопце с разоренья», т. е. с времен междуцарствия. Остальные луцкие помещики (свыше 100 чел.) несли службу в Невеле³⁹. Они вплоть до осени 1613 г. продолжали служить польскому королю, а затем вместе с Григорием Валуевым присягнули Михаилу Романову.

Стрелецким головой, командовавшим в Торопце приказом стрельцов из 300 человек, был в начале 1613 г. Ратман Афанасьевич Тарбеев (позже его сменил известный нам луцкий помещик Исак Байков). 6 марта 1613 г. торопецким стрельцам была дана по их челобитной грамота о том, чтобы выдать им хлебное и денежное жалование «на нынешний 121 год». Такая грамота была отправлена воеводе Туренину в Торопец. Кроме того, стрельцы добились, чтобы их судил свой стрелецкий голова, как ранее, а не воевода. По-видимому, у стрельцов в годы Смуты были конфликты с воеводами Торопца (возможно, что и с последним воеводой Василием Турениным), которые пытались наказывать их за проступки⁴⁰.

Известен торопецкий пушкарь Семен Константинов, который в феврале – марте 1613 г. находился в Москве. Скорее всего, он участвовал в выборах царя, был выборным от торопецких пушкарей, затинщиков, воротников, кузнецов и плотников. От их имени он подал челобитную

на имя нового царя с просьбой о жаловании. Уже 6 марта 1613 в Торопец была направлена грамота воеводе Туренину о выдаче этим торопчанам половины жалования. Находясь в Москве, еще до избрания царя, Семен Константинов жаловался боярам на торопецкого посадского человека Исачку Федорова Калачника по прозвищу Косой, но ту грамоту в Торопец с положительным решением дела для С. Константинова не успели отправить до царского избрания, поэтому пришлось ее переписывать уже на царское имя⁴¹.

В Торопце посадская община была довольно значительной и играла важную роль в жизни города, обладала некоторой автономией. У посадских людей в Торопце был даже свой земский суд, воевода не имел прав вмешиваться в решения данного суда, а тем более, судить посадских людей своими назначенными судьями. Такая «жаловальная уставная грамота» была дана посадским людям Торопца еще при царе Федоре Ивановиче. За такой свой земский суд посадские люди платили ежегодно в государеву казну 120 рублей. Новый воевода кн. В. И. Туренин, приехав в Торопец, попытался подчинить себе посадскую общину. Он отнял у посадских людей земский суд и велел судить посадских людей своим судьям. Недовольные посадские люди в апреле 1613 г. на третьей неделе после Пасхи подали на имя царя челобитную. От имени посадских людей Торопца привез такую челобитную в Москву посадский Ивашка Антонов. 10 мая 1613 г., уже после приезда царя Михаила Федоровича в Москву, царь разрешил посадским людям судить себя самим по прежней уставной грамоте Федора Ивановича. Они должны были при этом платить в казну все те же 120 руб. в год⁴².

О торопецких женщинах в это время известно очень мало. Уже упоминалась вдова Корнилы Чоглокова Арина, которой с детьми было дано царем Михаилом в Торопце после мужа поместье 150 четей, а также вотчины 250 четей, и еще в Романовском уезде поместье 200 четей. Из земель, принадлежавших Корниле Чоглокову, получил в поместье 130 четей его племянник, торопецкий помещик Никита Александрович Чоглоков. По-видимому, именно он в начале июня 1613 г. привез в Москву челобитную своей тети Арины, которая все время оставалась в Торопце «в осаде»⁴³.

О торопецких монастырях и церквях в этот период хорошо известно благодаря трудам Петра Иродионова и Ивана Побойнина, которые привели описание города, составленное писцами Дмитрием Евфимьевичем Воейковым и подьячим Федором Протопоповым вскоре после окончания Смуты⁴⁴.

Сохранился документ об одной из насельниц женского монастыря. В июне 1613 г. старица Марфа из Торопецкого Ивановского Богородицкого монастыря, дочь торопецкого помещика Федора Обедова, пожаловалась царю Михаилу на Митрофана Иванова сына Голенищева (также

торопецкого помещика). По-видимому, у этой Марфы вначале все складывалось в жизни хорошо, она вышла замуж, родила сына, затем женила его, появились внучата, хорошая невестка. Потом в Смутное время все изменилось. Она осталась вдовой, сын тоже погиб, она ушла в монастырь, у нее осталась невестка с малыми внучатами. На молодой вдове, невестке Марфы, женился Митрофан Голенищев. Марфа в челобитной пишет, что этот М. И. Голенищев взял невестку с детьми (внучатами Марфы) и с поместьем, обещая ухаживать за старицей Марфой, а сам ее не поит и не кормит. По этой челобитной 2 июля 1613 г. была отправлена царская грамота в Торопец к воеводе Туренину, чтобы о Марфе заботились и кормили ее⁴⁵. Судя по всему, Ивановский женский монастырь в те годы был сильно разорен.

Торопецкие служилые люди несколько лет находились в осаде, постоянно отражая попытки поляков овладеть этой важной пограничной крепостью. Особенно пострадали окрестности Торопца в первой половине 1613 г., когда крепость была осаждена польскими войсками Александра Корвина Гонсевского, старосты Велижского, бывшего коменданта Москвы. «С масленины до Троицына дня» продолжалась осада города Торопца, в котором засел воевода В. И. Туренин с торопчанами, белянами, лучанами, и в течение всего этого времени Торопецкий уезд подвергался опустошению.

Эти события зимы – лета 1613 г. (оборона Торопца от польских войск Гонсевского) еще недостаточно изучены, хотя сохранилось множество источников о награждении служилых людей из Торопца, Великих Лук и Белой именно за «Торопецкое осадное сиденье». Данный сюжет нуждается в специальном исследовании.

Примечания

- ¹ Донесение Польскому Королю Сигизмунду III и сыну его Царю Владиславу Сигизмундовичу от Боярина Ивана Салтыкова из Новагорода. 17.11.1610 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД) : в 4 ч. СПб., 1819. Ч. 2, № 209. С. 457. См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польшей (1609–1615) : О присяге царю Владиславу Сигизмундовичу Новгорода Великого и окрестных городов (Отписки боярина Ивана Салтыкова). 1610 г., 17 ноября // Сб. Русского исторического общества (далее – РИО) : в 148 т. М., 1913. Т. 142. С. 119.
- ² Роспись по городам бояр и воевод и приказных людей : Акты Польского государства // Акты времени междуцарствования (1610 – 17.7.1613) / под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябина. М., 1915. № 29. С. 201.
- ³ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр., по случаю избрания сына его, королевича Владислава на

- Московский Царский престол. 1610–1612 // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АЗР) : в 5 т. СПб., 1851. Т. 4 (1588–1632), № 183–CCXLVIII. С. 348.
- ⁴ СГГД. СПб., 1819. Ч. 2, № 209. С. 455.
- ⁵ Отписка новгородцев о единодушном намерении стоять за православную веру, о заключении в тюрьму Ивана Салтыкова и других изменников, о посылке ратных людей на помощь Прокопию Ляпунову и о поражении литовских людей, приходивших в Новгородскую область. 1611 год, март // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук (далее – ААЭ) : в 3 т. СПб., 1836. Т. 2 (1598–1613), № 183. С. 313–314.
- ⁶ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина (далее – Первые месяцы...). М., 1915. № 369. С. 124.
- ⁷ СГГД. СПб., 1819. Ч. 2, № 209. С. 456.
- ⁸ Поход его королевского величества в Москву 1609 года // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб., 1872. Т. 1 (Памятники, относящиеся к Смутному времени). Стб. 674, 685.
- ⁹ СГГД. СПб., 1819. Ч. 2, № 209. С. 457 ; *Жолкевский С.* Записки гетмана Жолкевского о московской войне / изд. П. А. Муханова. (Изд. 2). СПб., 1871. С. 85, 86.
- ¹⁰ Именная роспись Московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду, для приглашения сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610, сентябрь // АЗР. Т. 4, № 182. С. 318.
- ¹¹ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда... 1610–1612 // АЗР. Т. 4, № 183–CDXLVI. С. 367 ; № 183–CDLXIII. С. 369.
- ¹² Там же. № 183–DLXXXIX. С. 385 ; DCXLIV. С. 391.
- ¹³ Распросные речи Юрия Буланина о Литовских вестях. 1609, апреля 15 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613), № 199. С. 230.
- ¹⁴ Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 / под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1911. Кн. 4 (М., 1911). С. 26–29.
- ¹⁵ СГГД. СПб., 1819. Ч. 2, № 209. С. 456, 457.
- ¹⁶ Отписка новгородцев... 1611 год, март // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2, № 183. С. 313, 314.
- ¹⁷ Подробнее об этих событиях см.: *Рабинович Я. Н.* Малые города Новгородской земли в Смутное время / под ред. Г. М. Коваленко ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Вел. Новгород, 2013. 433 с.
- ¹⁸ Подробную биографию кн. С. Н. Гагарина см.: *Рабинович Я. Н.* Братья Семен и Никита Гагарины : страницы биографии (1610–1640) / под ред. С. А. Мезина. Саратов, 2015. 168 с.
- ¹⁹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3 (222). С. 107.
- ²⁰ Кормленная книга Владимирской Четверти 7123 г. : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) (далее – Четвертчики...) / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 44.
- ²¹ Первые месяцы... № 63, 69. С. 53, 56.
- ²² Бельский летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) : в 43 т. М., 1978. Т. 34. С. 259.
- ²³ См.: *Рабинович Я. Н.* Старая Русса в 1609–1612 гг. // Новгородский исторический сборник (далее – НИС) / отв. ред. В. Л. Янин. М. ; СПб., 2011. № 12 (22). С. 185–209.
- ²⁴ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова ; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 232.
- ²⁵ Отписка воевод и ратных людей, стоявших под Москвой, на Белоозеро, о примирении князя Трубецкого с князем Пожарским и о единодушном намерении их вместе с выборным человеком Козьмой Мининым освободить государство от врагов с повелением во всем относиться к ним обоим и не верить грамотам одного из них. 1612, октябрь // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2, № 215. С. 274–275.
- ²⁶ Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 123 ; Первые месяцы... № 3, 4. С. 32.
- ²⁷ *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в. : Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 165, 236 (автор приводит отрывок текста письма А. Гонсевского Х. Радзивиллу от 9 марта 1613 г.).
- ²⁸ Первые месяцы... № 11. С. 35–36 ; № 16. С. 37–38 ; № 43. С. 47 ; № 54. С. 50.
- ²⁹ Там же. № 186. С. 85.
- ³⁰ Там же. № 4. С. 32 ; № 63. С. 53 ; № 69. С. 56 ; № 195. С. 87 ; № 228. С. 95 ; № 313. С. 114 ; № 361. С. 123 ; № 369. С. 124 ; № 421. С. 136 ; № 429. С. 137 ; № 443, 445. С. 141 ; № 517. С. 158.
- ³¹ *Малов А. В.* Торопецкая верстальная десятня 114-го (1605/06)–115-го (1606/07) гг. // Единорог : материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средневековья и Раннего Нового времени. М., 2009. С. 8, 9.
- ³² Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалова // РИБ : в 39 т. СПб., 1894. Т. 15. С. 29, 68, 107, 119, 120, 123, 131, 189.
- ³³ Кормленная книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. : Четвертчики... // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 63, 124 ; Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время (отрывки) // Там же. С. 322.
- ³⁴ Первые месяцы... № 63. С. 53 ; № 69. С. 56 ; № 195. С. 87.
- ³⁵ Кормленная книга Галицкой Четверти 7121–25 гг... С. 188.
- ³⁶ Первые месяцы... № 313. С. 114 ; № 517. С. 158 ; № 719. С. 199.
- ³⁷ Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов... С. 2, 28.
- ³⁸ *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты // *Ukraina Lithuanica : студії з історії Великого князівства Литовського* : в 3 т. Київ, 2009. Т. 1. С. 68.

- ³⁹ Книги разрядные по официальным оных спискам : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1. (1614–1627). Стб. 175.
- ⁴⁰ Первые месяцы... № 3. С. 31–32.
- ⁴¹ Там же. № 4. С. 32 ; № 5. С. 32–33.
- ⁴² Там же. № 228. С. 95.
- ⁴³ Там же. № 361. С. 123 ; № 369. С. 124.
- ⁴⁴ *Иродионов П.* Исторические, географические и политические известия до города Торопца и его округа касающиеся. СПб., 1778 ; *Побойнин И.* Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII века. М., 1902. 376 с.
- ⁴⁵ Первые месяцы... № 445. С. 141.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Торопец в период междуцарствия (1610–1612) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 380–388. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-380-388.

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. Toropets during the Interregnum (1610–1612). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 380–388 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-380-388.

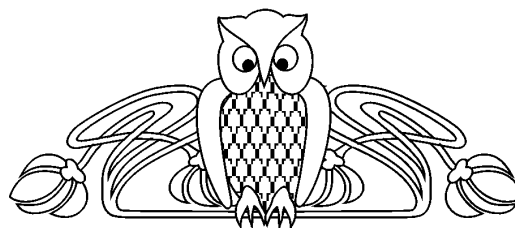

УДК 94(470)16

СОТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ШУЕ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Е. С. Бутрин

Шуйский государственный педагогический университет
E-mail: esutrin@yandex.ru

В статье на материале архива шуйской земской избы рассматривается вопрос о сущности сотной организации в русском городе в XVII в. Делается вывод, что полицейская сотная организация имела внешнее происхождение. В XVII в. эта организация окончательно теряет земские элементы в своей системе. В результате происходит устранение сотной администрации от реального участия в уголовном расследовании. Ситуация меняется лишь после городской реформы 1699 г., в результате которой сотная организация получает собственную административную нишу.

Ключевые слова и фразы: сотная организация, земская администрация, воевода, губной староста, губные целовальники.

Hundred Organization in Shuya in the XVII – the Beginning of the XVIII Century

E. S. Butrin

Based on the material of the Shuya Zemstvo government office archive, the article discusses the essence of the hundred organizations in the XVII century Russian city. It is concluded that the police hundred organization has an external origin. In the XVII century the organization finally loses zemsky elements in its system. The result is the elimination of the Hundred Administration from real participation in a criminal investigation. The situation changes only after the Police reform of 1699, which resulted in hundred organizations' getting its own administrative functions.

Key words: hundred organization, Zemstvo administration, Governor; Sheriff; Deputy Sheriff.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-389-395

Вопрос о происхождении сотной организации в Средневековой Руси имеет длинную историю. Большинство ученых придерживается мнения о ее общинном происхождении¹. Однако не так давно В. А. Кучкиным была сформулирована противоположная точка зрения. Он убежден, что «децимальная система» являлась продуктом княжеского хозяйства, организовывая включенных в него феодально-зависимых лиц².

А. А. Вовин на псковском материале доказывал, что создание децимальной организации княжеской властью вовсе не препятствовало приобретению ей земского характера в дальнейшем³.

Псковские сотские, как установил еще Ю. Г. Алексеев, являлись представителями общины «черных людей»⁴. Исследователями губной реформы 1550-х гг. также установлено, что сотские старосты возглавляли органы земского самоуправления и были наделены администра-

тивными и судебными полномочиями⁵. При этом известно, что в XVII в. сотная система являлась чисто полицейской организацией⁶.

Наиболее полно эта функция сотских зафиксирована Новоуказными статьями от 22 января 1669 г.⁷ В нашей работе вопрос о ходе эволюции сотной организации в России XVI–XVIII вв. будет рассмотрен в микроисторическом ракурсе – на материалах архива земской избы г. Шуи. Документы этого архива позволяют проследить историю эволюции сотной организации в Шуе на протяжении всего XVII в.

7 июля 1606 г. шуяне получили уставную грамоту от царя Василия Ивановича. В преамбуле документа сообщалось, что прежде у них была аналогичная жалованная уставная грамота Ивана Васильевича IV (этот акт явно был получен посадскими людьми в период земской реформы 1550-х гг.). Согласно его предписанию, шуяне обязаны были учредить сотенную администрацию: «выбрать и устроить в Шуе в городе и на посаде пятидесятских и десятских посадских же людей». Они должны были «имать» и отдавать губным старостам «лихих людей»: содержащих «корчму и блядню», продавцов краденого, укрывающих татей и разбойников. В случае если они «того лихаго человека, который жил у них в сотне, не сыщут, а губные старосты про то сыщут вправду», на них взимались исковые суммы. Для производства подобного контроля посадские обязаны были сообщать им обо всех приезжих людях⁸.

Грамота была адресована земскому сотскому З. П. Попову и его помощникам – целовальникам. 13 июля 1606 г. шуйским сотским Михалком Захарьиным была получена грамота с подтверждением выделения посаду «под новые дворы и животине на выпуск» 10 десятин земли: ею завладели местные помещики, и в 1600/01 г. для размежевания земель в Шую был направлен Василий Головкин⁹. Нас не должно вводить в заблуждение «дублирование» сотских в 1606 г.: имя Захарьина было зафиксировано в привезенных Головкиным межевых книгах, на основании которых и было использовано в грамоте 1606 г. Из содержания этих актов выясняется, что земский сотский начала XVII в. – аналог земского старосты. С другой стороны, пятидесятские и десятские – представители совершенно иной отрасли. Это чисто полицейская администрация, полностью подчиненная губным старостам.

Однако указанное сходство лексического ряда «сотский – пятидесятский – десятский» при отсутствии семантического единства требовало расхождения. В результате глава земской администрации получает наименование земского старосты, а сотским именуется глава сотенной организации. Впервые земские старосты в качестве полномочных представителя посада упоминаются в отписях охотников владимирского яма о приеме «годовой ряды» с шуйского посада на 1611/12 г.¹⁰ В них упоминаются разные лица: В. С. Ушаков и Ф. В. Пирожников.

Несомненно, последний сменил первого в связи со смертью: именно Пирожников получил 20 сентября 1612 г. на откуп шуйский кабак «в полках» у кн. Д. М. Пожарского¹¹. Некоторое время посад оставался без главы: 14 января 1612 г. охотники И. Б. Урюпин и И. И. Ванчурин приняли «годовую ряду» у земского целовальника «с товарищи», заменявшего земского старосту¹². В следующем году земским старостой был И. Е. Малыгин: он упоминается в обыске «про татей и про розбойников» губного старосты П. П. Калачева от 19 июня 1613 г.¹³, а также в целом ряде отписей о принятии денег от посадских людей: «годовой ряды» охотником И. И. Ванчуриным (15 июля 1613 г.), денег за лошадей, взятых под подводы шуянами И. И. Оболтиным и И. В. Заговеном¹⁴, шуб, материалов «на пушечную стрельбу», ямских денег, «пушкарского запаса», «стрелецкого корма», жалованья и «кормовых денег» астраханским и московским стрельцам¹⁵.

Итак, с 1611/12 г. земского сотского во главе посада меняет земский староста. Некоторое время староста в актах продолжал именоваться «земским сотским». 20 декабря 1613 г. суздальский осадный голова Ф. М. Болотников получил от шуян сказку относительно причастности к «разбоям» кн. М. Ф. Волконского¹⁶. Главой посадской общины в этом акте назван земский сотский З. П. Попов. Однако помощниками его являются не пятидесятские, а земские целовальники. Таким же образом З. П. Попов именуется в отписях о приеме «хлебных запасов на государев обиход» от 22 и 27 сентября 1613 г.¹⁷ Однако в челобитных 1613/14 г. на «обида» шуян от губного старосты П. П. Калачова и 7 марта 1614 г. об утрате посадскими людьми уставной таможенной грамоты¹⁸ З. П. Попов именуется земским старостой. Таким же образом он именуется в отписях о приеме «государевых столовых запасов полтевых мяс» 28 сентября и 23 октября 1613 г. и «подможных денег» губным целовальником¹⁹.

7 и 14 марта 1615 г. шуйский земский сотский Н. В. Аристов выдал губному дьячку И. А. Утешеву «потюремные» и «подможные» деньги с шуйского посада²⁰. В дальнейшем эти обязанности всегда осуществлялись земским старостой: «потюремные деньги» на 1619/20 и 1620/21 гг. были приняты губными старостами у земского старосты П. К. Аксенова, на 1622/23 г. – у зем-

ского старосты И. И. Гольниина²¹. В дальнейшем они принимались уже губными целовальниками, но также у земских старост²². То же касалось и «подможных» («постоялых») денег²³. Очевидно, и Никифор Аристов был земским старостой, а сотским назван лишь по той же причине, что и З. П. Попов в акте предыдущего года.

Очертить круг полномочий сотной администрации с помощью актового материала невозможно, по той простой причине, что сведений о них в документах не имеется. Все полицейские обязанности выполняли губные целовальники, а взаимодействовали они непосредственно с посадской администрацией. Ответчиком по обыскам о «татинных и розбойных делах» выступала вся посадская община. Кроме упомянутых выше обысков 1613 г. можно отметить сказки по обыскам сыщиков кн. М. И. Щетинина (февраль 1644 г.) и А. И. Огибалова (октябрь 1664 г.). В них шуяне заявили, что «в Шуе на посаде татей и розбойников и смертных убийцев нет», и «приезде» им никто не держит. К этому ряду относится также сказка шуян Ф. А. Мишукову от 9 марта 1659 г. об отсутствии на посаде торговли «вином, и всяким корчемным питьем». А завершает его «одобрительная сказка», данная шуянами переславскому подьячему по грамоте из Разбойного приказа (январь 1679 г.). В ней шуяне утверждали, что обвиненные в преступлении посадские люди «преже сего никаким воровством не ворovali»²⁴. Во всех этих актах в качестве ответчика фигурирует посадская община во главе с земским старостой и целовальниками.

Соответственно вся община терпела и наказание в случае пренебрежения своими полицейскими функциями. В частности, «табашный сыщик» И. М. Тарбеев 8 апреля и 14 мая 1638 г. произвел в Шуе обыски о корчемстве в Шуйском уезде²⁵. Он получил «обыскные речи» о «табашниках», арестовал отмеченных в этих показаниях лиц и «научил тех бездельников клепать табаком» шуян. В результате 6 августа 1639 г. земский староста был вынужден выплатить «заповедные деньги» (штраф) за «табашников» по 4 руб. с человека²⁶. В отмеченном выше обыске 1664 г. сыщик А. И. Огибалов получил показания, что в Шуе «в прошлые годы тати лошадей и клети и анбары крали, а иные вору посацких людей побили», причем виновных найти не удалось²⁷. В итоге 30 октября в Шую была направлена грамота, по которой необходимо было «доправить» пеню: с посадских дворов по 1 руб., а с земского старосты – 5 руб. Она была назначена за то, что среди посада «учинилось два убийства», а земские старосты не сообщили об этом в Суздаль: «и то воровство знатное дело, что хотели тех воров укрыть»²⁸.

Мы видим, что именно земская администрация занималась сношениями с воеводской и губной властью относительно дел, связанных с уголовными преступлениями. Примеров это-

му достаточно много. 1 ноября 1647 г. земский староста Т. Ф. Рудаков извещал губному старосте о находке на посадской земле мертвого человека. 11 июля 1680 г. шуяне сообщили в приказную избу о смерти П. А. Гусева, найденного повешенным в кабаке. 1 января 1682 г. они били челом о допросе товарищей крестьянина д. Кстова, «изломанного» на шуйской мельнице. В октябре 1686 г. близ города «объявилось» еще одно мертвое тело, и шуяне просили его «досмотреть и записать». 19 февраля 1696 г. досмотр мертвого тела также производился по челобитью земского старосты Б. Т. Ламанова. 11 марта 1702 г. о мертвом теле на льду р. Тезы «извещали» губные целовальники и земский староста просил «то тело осмотреть и записать»²⁹.

Ответственность земской администрации относительно уголовных преступлений обусловила также тот факт, что именно она занималась вопросом «благонадежности» членов общины, хотя в уставной грамоте он был прямо адресован сотским. 30 мая 1649 г. земский староста Л. И. Пупков бил челом воеводе на посадскую вдову, которая «пускает к себе на двор проезжих и прохожих всяких людей без явок, и учала у себя держать блядню и корчму»³⁰. В 1665/66 г. земский староста жаловался, что шуянин И. П. Короб «пьет и бражничает безобразно и зернью и карты играет» и просили выслать его с посада³¹. Конечно, именно земскому старосте адресовались и поручные записи по лицам, принимавшимся в посадское тягло. 1 августа 1628 г. четверо шуян поручились земскому старосте по шуянину Денису Лаврентьеву, что «жит ему в Шуе на посаде за нашу порукою, корчмы и блядни не держати и иным никаким воровством не промышляти». 30 апреля 1655 г. шуяне поручились за Андрея Прокофьева, что «жити ему в мире смиреньем». Аналогичная клаузула имеется в поручной по дворцовому крестьянину В. Г. Ситнику (март 1656 г.). 30 апреля 1674 г. шуяне поручились по И. З. и С. З. Тошихиным в том, что «жить им в Шуе смирно, никакова дурна не чинить, и с лихими людьми не водитца, и приходу и приезду к себе никаким лихим людям не держати»³². Несмотря на то что отмеченные клаузулы в актах имели чисто полицейский характер, адресатом их выступал не сотский, а земский староста.

Впрочем, эпизодически фигура сотского все же возникает в судебной-административной практике XVII в. 29 ноября 1620 г. во дворе шуянина А. С. Дедерева «удавили» его брата. Губной староста отправил «досматривать» убитого губного целовальника, а воевода – сотского, которому велел и похоронить его. Этот факт в числе других послужил основанием челобитной губных старост о том, что воевода «вступаетца в губные дела» и 18 января 1621 г. ему был направлен указ с требованием «ведать» подобные дела исключительно в городе, но не в уезде³³. Этот указ стал завершением длительного конфликта

шуйского воеводы с губными старостами на рубеже 1610–1620-х гг. Следовательно, в данном эпизоде сотский был использован воеводой – как орудие в конфликте – в противовес губному целовальнику, подчинявшемуся губным старостам. Фактически он узурпировал обязанности, уже исполненные губным целовальником. Еще в одном случае десятский был использован для возвращения посадского человека Данила Окулова: именно ему адресована поручная посадских людей от 9 октября 1628 г., по которой последний обязывался «на посаде по прежнему тягло тянут и государевы службы служит»³⁴. В остальных случаях возвращения беглецов, зафиксированных в этот период, подобные акты выдавались рассыльщикам по наказной памяти воеводы, занимавшимся возвращением фигуранта³⁵. Значит, в данном случае десятский исполнил роль чиновника воеводской администрации, и участие представителей сотной администрации в административной практике – явление эпизодическое, вызванное нехваткой кадров и обусловленное инициативой воеводы.

Таким образом, все функции сотной организации, адресованные ей уставной грамотой, в действительности выполняла земская администрация. Естественно, существование выборной службы, не имеющей реальных функций, вызывало проблемы с ее сменой. В 1619/20 г. шуяне сменили сотную администрацию по требованию суздальского сыщика кн. Д. И. Долгорукого. 19 июля 1621 г. губным старостам была направлена грамота об ее переизбрании (шуяне жаловались, что сотского без государева указа «переменить не смеют», хотя годовой срок исполнения ими должности уже завершился). Согласно новому акту, сотским было велено впредь «быть по годомам»³⁶. В челобитной от 4 июня 1624 г. шуяне сообщали, что новый присланный в город сыщик Федор Хомутов требовал с них на губной двор 4 сотских, 8 пятидесятских и 16 десятских. Они отвечали, что требуемого количества поставить не могут³⁷. Еще один присланный в Шую сыщик А. И. Огибалов в 1664/65 г. заставил шуян выбрать 20 человек сотских, пятидесятских и десятских. Согласно поручной посадских людей по представителям десятичной организации, данной по требованию Огибалова, последние должны были: «быт в Шуе на посаде для сыску татей и розбойников и убойцов и пожещиков и всяких воровских людей и всякаго воровства смотрет и стечер накрепко, и воров не укрыват, и во всяком их воровстве извещат в Шуе на съезжем дворе». В случае «попоровки» десятских преступникам на поручиках взымалась пеня в размере «исцова иска» «и наши поручиковы головы в их голов место»³⁸. Цитированный акт представляет собой черновик без упоминания имен десятских и поручиков. Однако присутствующее в нем имя сыщика А. И. Огибалова, которому они должны были доносить о преступниках, свидетельствует

об уникальном характере этого документа: его появление напрямую было связано с пребыванием Огибалова в Шуе.

Этот сыщик добивался активного исполнения сотной организацией обязанностей, адресованных ей уставной грамотой. При нем децимальная организация на короткое время выходит на первый план во взаимоотношениях с государственной властью относительно «таинных и разбойных дел». 22 мая 1665 г. по отписке Огибалова шуйский губной староста принял на новоизбранных представителях сотной организации штрафные деньги «за то, что они в Шуе на посаде дву татей не розыскали». Преступления были совершены шуянами П. Г. и А. Г. Посниковыми, а виновные найдены Огибаловым. Двое сотских заплатили по 10 руб., двое пятидесятских – по 5 руб. и 16 десятских – по 2,5 руб.³⁹ Таким образом, был установлен уровень ответственности представителей разных этажей десятичной организации, выражавшийся в градации размера штрафной суммы. Сотские выступили также плательщиками штрафной суммы, полученной Огибаловым со всего посада за два «укрытых» убийства 5 ноября 1664 г.⁴⁰

Лишь в 1669/70 г. шуяне били челом о перемене выборных. Они сообщали, что «из тех выборных людей иные померли», а на государевы службы ежегодно избирается более 30 человек. Поскольку должности сотских исполняли люди «лучшие статьи», то для выбора к другим службам шуянам без них «минуться стало некем». Однако без государева указа ни губные старосты, ни воеводы «переменить их не смеют», что и стало причиной челобитной⁴¹. Разрешение на перевыборы было получено: 4 июня 1669 г. шуяне выбрали сотскими Ивана Васильева и П. И. Кузнеця, а пятидесятскими – С. И. Чешуина и В. Г. Огрызкова⁴². Обращает на себя внимание тот факт, что выборы десятских осуществлялись отдельно. В сентябре 1700 г. сыщиком в Шуе и Лухе был назначен кн. И. С. Засекин. В памяти, полученной шуянами по этому поводу, им предписывалось «выбрать вновь сотских и пятидесятских и десятских людей добрых и пожиточных»⁴³.

Разобранные казусы свидетельствуют, что несмотря на просьбы шуян о введении ежегодной смены сотной администрации, в реальности ее перевыборы были связаны с появлением в Шуе сыщиков. Причину подобной практики установить нетрудно – в отличие от губных старост, сыщики получали в Москве письменный «наказ», в котором предусматривались эти перевыборы, тогда как губные старосты «без государева указа» требовать перевыборов сотной администрации не имели права. Причем подобная практика настолько вошла в привычку, что «погодная» смена сотских в посаде практически не осуществлялась. В результате сотские и десятские могли занимать свою должность весьма значительный срок. Этот факт подтверждается памятью зем-

скому старосте от воеводы кн. Н. П. Вяземского (8 марта 1682 г.). Шуяне обязывались прислать в приказную избу роспись наличным «сотским и пятидесятским и десятским имяно». Тем же, которые «за старостью и за увечьем преж сего отставлены, или которые померли» велено было подобрать замену⁴⁴. Таким образом, представители сотной администрации исполняли должность столь длительный срок, что часть выбывала за старостью, увечьем или смертью. Эта проблема не слишком волновала посадское общество, если в числе сотских не оказывались необходимые для других служб люди.

Переписные книги 12 декабря 1677 г. фиксируют в Шуе четыре десятка (слободы): Пищальный, Кабацкий, Воскресенский и Загостинский. В предыдущих переписях: С. М. Уварова от 27 февраля 1623 г., А. И. Векова от 29 июля 1629 г. и кн. С. В. Клубкова-Масальского 1645/46 г. отмечены исключительно улицы⁴⁵. О значении десятков в административной практике свидетельствует роспись перемещений шуйских посадских людей «после писца» кн. С. В. Клубкова-Масальского (составлена в 1648 г.). В ней отмечены: умершие, беглые или иным способом потерявшие дворы. В их число попали и лица, перешедшие на жительство в другой десяток⁴⁶. Следовательно, десятки были реальной административной единицей.

Следует отметить, что сыщики всегда стремились увеличить количество служащих сотной администрации. Федор Хомутов в 1624 г. требовал выбора 4 сотских, 8 пятидесятских и 16 десятских (до этого горожане обходились сотским, пятидесятским и четырьмя десятскими). А. И. Огибалов в 1664/65 г. заставил выбрать 20 человек, хотя до этого шуяне имели по одному представителю каждой должности на улицу. Очевидно, изначально администрация строилась по «земскому» принципу: каждая улица имела одного выборного десятского, главой же сотной администрации был сотский и его заместителем – пятидесятский. Однако затем (с 1624 г.) сотная администрация теряет единую организацию: каждая улица должна была иметь собственную организацию (сотский, 2 пятидесятских, 4 десятских), а единоначалие отвергалось. В таком виде организацию застал А. И. Огибалов. Он применил новый принцип выбора (связанный с введением «финансовой градации» ответственности): представитель сотной организации избирался по статьям. Именно с этим связано ограничение представителей «высшего звена» десятичной администрации двумя сотскими и двумя пятидесятскими (ими выступали представители «лучших» и «средних» людей). Они избирались отдельно «всем посадом», а затем проводились уличанские выборы десятских (по 4 человека с каждой «слободы»). Конфронтация посадских людей с представителями губной администрации шла лишь относительно их количества.

Таким образом, «огосударствление» сотной организации находит отражение сначала в «уличанском» распаде, а затем – в разделении по «статьям». Именно в этом русле следует искать причину достаточно редких перевыборов сотной администрации. Изначально на нее распространялась практика обычных земских выборов, проводившихся ежегодно: в 1621 г. этот вопрос был возбужден общиной именно после окончания годичного должностного срока выбранных сотских. Однако реальная практика вступала в противоречие с этой традицией. Должность не предполагала исполнения строго определенных функций, а следовательно, была не слишком обременительной. Кроме того, постоянный контроль за сотной организацией отсутствовал. Наконец, она не имела практической ценности ни для общины, ни для представителей воеводской и губной власти – все контакты, касавшиеся «таинных и розбойных дел», замыкались на земской администрации.

Именно в этом русле следует искать причину редких перевыборов сотной администрации. Вопрос о перевыборах возникал лишь в случае необходимости исполнявших «сотную службу» людей для более важных земских служб: челобитная о перевыборах 1669/70 г. была подана после пяти лет бессменной службы лиц, избранных в 1664/65 г. Таким образом, сотная администрация в XVII в. оказалась мертворожденной организацией. Поскольку она должна была подчиняться губной администрации, но при этом имела земский характер, то ее обязанности и полномочия целиком были узурпированы земской администрацией.

Мы видим, что на короткий момент описанная ситуация изменилась в середине 1660-х гг. в результате энергичной деятельности сыщика А. И. Огибалова. Новый виток эволюции децимальной организации пришелся на эпоху после петровских преобразований в начале XVIII в. Это связано с тем, что после городской реформы 1699 г. трансформировалась вся система земской администрации. Главой общины стал земский бурмистр, однако рядом с ним продолжал действовать земский староста, являвшийся «исполнительным органом мира»⁴⁷. Именно в его подчинение и перешла сотная администрация, выполнявшая «вспомогательную» роль при низшем персонале земской избы. Этот персонал (рассыльщики и подьячие) получал жалование и подчинялся посадским бурмистрам.

Эта роль сотских достаточно ярко иллюстрируется судебными делами. 10 ноября 1701 г. шуянин С. С. Лисин «избрал матерны и ушиб голову рычагом» И. А. Гневывшева. Челобитчик просил выделить из земской избы подьячего, чтобы осмотреть его и «записать раны»⁴⁸. А вот 27 апреля 1731 г. процедуру освидетельствования «боя и увечья» Т. В. Гусева, избитого А. К. Хлебниковым, производили уже сотский и пятидесятский. 15 ноября 1731 г. сотский извещал земскому

бурмистру М. Г. Жукову о побеге шуян В. И. Подшивалова и А. П. Демина⁴⁹. При этом доставка представителей тяжущихся сторон в суд осуществлялась исключительно рассыльщиками⁵⁰. Характерным актом, отражающим изменение положения децимальной администрации в XVIII в. явилась челобитная сотского Г. И. Шульгина, 9 июня 1705 г. сообщавшего о появлении на посадской земле мертвого тела, с просьбой послать для его осмотра «кого пригоже» из приказной избы⁵¹. Как мы помним, ранее подобные функции осуществлялись земскими целовальниками, ликвидированными в ходе городской реформы. Таким образом, именно в результате реформы 1699 г. представители сотной организации получают собственную служебно-административную нишу в качестве помощников земского старосты.

А. А. Кизветтер в своей обширной работе касается сотной (слободской) организации в посадке XVIII в. исключительно в ракурсе гражданской администрации, возглавлявшей «самоуправляющийся союз», являвшийся частью мира⁵². Однако в Шуге эта функция сотен абсолютно не просматривается: «слободские сходы» и все связанные с ними отрасли административного управления в шуяском посаде отсутствовали (за исключением самой процедуры выбора десятских). Подобная ситуация была связана с достаточно узким составом тяглецов, которым не было необходимости решать «уличные» вопросы на отдельном сходе. Все это свидетельствует о том, что в Шуге сотная организация имела не внутреннее (как во многих крупных торгово-промышленных центрах), а внешнее происхождение. Именно на шуяском материале мы можем наблюдать процесс перерождения «земской» сотни XVI в. в «полицейскую» сотню XVII–XVIII вв. Проходил он совсем нелегко, поскольку и община, и представители воеводской администрации предпочитали использовать старые формы земской организации.

В результате сотная администрация длительное время в XVII в. была мертворожденной организацией. Поскольку она должна была подчиняться губной администрации, но при этом имела земский характер, то ее обязанности и полномочия целиком были узурпированы земской администрацией (посадский староста и целовальники). Очевидно, этот процесс имел стихийный характер, причем двусторонний: земская община стремилась контролировать уголовную преступность на своей территории через собственные выборные органы, а губной и воеводской администрации легче было взаимодействовать с этими органами. Определялось это тем, что земские органы держали в своих руках все нити жизни посада: экономической, социальной и политической.

Примечания

¹ См.: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России / отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1988. С. 56, 57.

- 2 См.: Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь : Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 423–425 ; Кучкин В. А. Сотские по документальным данным XV – начала XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4. С. 63–81 ; 2005. № 2. С. 5–40.
- 3 См.: Вовин А. А. Эволюция политических институтов Пскова в XIV–XV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 205–215.
- 4 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 32–39.
- 5 См.: Аракчеев В. А. Псков : власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004. С. 134–140 ; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 80–83.
- 6 См.: Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 469, 470.
- 7 См.: Памятники русского права. Вып. 7 / ред. Л. В. Черепнин. М., 1963. С. 431.
- 8 См.: Борисов В. А. Собрание трудов (материалов) : в 3 т. Т. 1 / ред. Е. Г. Вопилин, В. И. Баделин. Иваново, 2002. № 1. С. 140–145.
- 9 Там же. № 2. С. 145–147.
- 10 См.: Борисов В. А. Указ. соч. Иваново, 2004. Т. 2. № 7. С. 34 ; Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук (далее – СПб ИИ РАН). Ф. 260. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1 об.
- 11 См.: Любимиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. М., 1939. Прил. первое (грамоты). № 3. С. 239, 240.
- 12 См.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–2 об.
- 13 См.: Памятники деловой письменности XVII в. : Владимирский край / ред. С. И. Котков. М., 1984 (далее – ПДП). № 106. С. 150.
- 14 См.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 25. Л. 3–5 об.
- 15 17 января, 11 марта, 29 мая, 9 июня, 25 июня, 28 июня, 19 июля, 4 августа 1613 г. : Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1641. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 ; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 ; Д. 5. Л. 1.
- 16 См.: Борисов В. А. Указ. соч. Т. 2, № 9. С. 36.
- 17 См.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4.
- 18 См.: Борисов В. А. Указ. соч. Т. 1, № 5, 6. С. 149–153 ; РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1 об.
- 19 См.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 ; Ф. 260. Оп. 1. Д. 25. Л. 6–6 об.
- 20 См.: Борисов В. А. Указ. соч. Т. 1, № 11. С. 37–38 ; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.
- 21 Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. 324. Оп. 2. Д. 7. Л. 1 ; Д. 13. Л. 1 ; ПДП. № 227. С. 231–232.
- 22 На 1630/31 г. у Бажена Павлова, на 1636/37 г. у К. К. Свинына, на 1639/40 г. у Родиона Дементьева, на 1640/41 г. у К. С. Лисина. См.: Борисов В. А. Указ. соч. Т. 2, № 41, 63. С. 332, 345 ; Акты, относящиеся до юридического быта Древней России : в 3 т. СПб., 1864. Т. 2, № 246/9. С. 751 ; ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 58. Л. 1 ; Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 22. Л. 1–3.
- 23 12 сентября 1626 и 11 августа 1627 гг. их платил земский староста К. К. Свинын, 25 августа 1628 г. П. К. Аксенов, 1 июня 1629 г. Я. Р. Кузнец, 1 мая 1632 г. И. П. Красильник, 5 марта 1634 г. Ф. И. Шибасев, 9 декабря 1634 и 3 августа 1635 гг. Денис Иванов, 11 августа 1638 г. Василий Данилов, 18 сентября 1636 и 11 июля 1637 гг. К. К. Свинын, 5 марта и 8 мая 1638 г. П. К. Аксенов, 12 марта 1640 г. Родион Дементьев. См. ; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 3. Л. 1–15.
- 24 Борисов В. А. Указ. соч. Т. 1, № 27, 56. С. 170–172, 195 ; Т. 2, № 94. С. 119 ; Владимирские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1870. № 9. С. 2 ; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 7. Д. 46. Л. 1–3.
- 25 См.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1913 г. Вып. 26. СПб., 1914. № 175, 177. С. 234.
- 26 См.: Борисов В. А. Указ. соч. Т. 2, № 42. С. 67.
- 27 Там же. № 94. С. 119 ; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 137. Л. 1–1 об.
- 28 См.: Борисов В. А. Указ. соч. Т. 1, № 37. С. 180 ; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 138. Л. 1–1 об.
- 29 Борисов В. А. Указ. соч. Т. 2, № 64, 168, 171, 225, 235. С. 89, 186, 431, 462–463, 470 ; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 239. Л. 1–1 об.
- 30 Борисов В. А. Указ. соч. Т. 2, № 177. С. 358
- 31 Там же. Т. 1, № 4. С. 233.
- 32 Там же. Т. 1. № 31. С. 176–177 ; ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 93. Л. 1–1 об. ; Оп. 1. Д. 192. Л. 1–1 об. ; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 86. Л. 1–1 об.
- 33 См.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–1 об.
- 34 НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 69. Л. 5–5 об.
- 35 Поручные по Л. С. Шевалде (4 ноября 1631 г.), по Родиону Дементьеву (11 июня 1632 г.), Т. К. Аксенову (10 марта 1633 г.), М. М. Иконнику (10 июля 1632 г.), Г. М. Колашнику (25 марта 1628 г.), И. С. Конкову (25 марта 1628 г.), С. М. Осоке (1627/28 г.). См.: ПДП. № 240. С. 238 ; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 69. Л. 1–3 об. ; Д. 71. Л. 1–4 об.
- 36 Борисов В. А. Указ. соч. Т. 1, № 11. С. 156–157 ; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–1 об.
- 37 См.: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–1 об.
- 38 НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 88. Л. 1.
- 39 Там же. Д. 62. Л. 1.
- 40 Там же. Д. 60. Л. 1
- 41 См.: Борисов В. А. Указ. соч. Т. 1, № 41. С. 183–184.
- 42 См.: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 49. Л. 1–1 об.
- 43 ВГВ. 1859. № 38. С. 154.
- 44 См.: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 240. Л. 1–1 об.
- 45 См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 908. Л. 1–11, 38 об.–54 об. ; Д. 11330. Л. 1–22 об.
- 46 См.: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 2. Д. 83. Л. 2–5.
- 47 Кизеветтер А. А. Посадская община в России в XVIII в. М., 1903. С. 633–637.
- 48 Борисов В. А. Указ. соч. Т. 2, № 205. С. 217.
- 49 См.: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 732. Л. 1.
- 50 Рассылщик 8 апреля 1731 г. осуществлял доставку подозреваемого по иску С. К. Артемьева к Я. П. Де-

мину по поводу порченной лошади. Он же 15, 16 и 19 июля 1731 г. осуществлял доставку в суд ответчиков по долговому иску Г. И. Грачева к И. А. Телину, В. Г. Ожималову и С. Я. Ломанову. 4 июня 1731 г. рассыльщик доставил в ратушу И. И. Воинова по иску к нему в «матерной брани» В. Я. Воронина. 15 января 1732 г. рассыльщики не смогли доставить в суд шуянина С. Л. Смольянинова, скрывавшегося

в доме К. В. Хлебникова – хозяева воспротивились этому. Наконец, в ходе описанного выше дела об избиении Т. В. Гусева доставка ответчика в суд также осуществлялась рассыльщиком. См.: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 727. Л. 1–4 ; Д. 728. Л. 1–2 ; Д. 735. Л. 1–7 об. ; Д. 736. Л. 1–5 ; Д. 737. Л. 1–5 ; Д. 738. Л. 1.

⁵¹ См.: *Борисов В. А.* Указ. соч. Т. 1, № 65. С. 203.

⁵² См.: *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 630–632.

Образец для цитирования:

Бутрин Е. С. Сотная организация в Шуе в XVII – начале XVIII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 389–395. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-389-395.

Cite this article as:

Butrin E. S. Hundred Organization in Shuya in the XVII – the Beginning of XVIII Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 389–395 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-389-395.

УДК 94(470.44).031

ЭТНОСЫ, КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД (по материалам Саратовской области)

А. Б. Малышев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Ordynez@yandex.ru

На основании письменных и археологических источников в обобщающей статье исследуются вопросы расселения различных этнических групп, распространения религий и культурных явлений в северных районах Золотой Орды. Специально рассматриваются процессы этнического и культурного взаимодействия между народами на территории улуса Укек, а также в других северных степных улусах. Особое внимание уделяется важнейшим археологическим памятникам золотоордынского периода: крупным поселениям, грунтовым могильниками и курганным погребениям на территории Саратовской области.

Ключевые слова: Золотая Орда, этнокультурное взаимодействие, русские, монголы, мангыты, тюрки, болгары, половцы, мордва, армяне, тенгрианство, шаманизм, христианство, ислам, даосизм, Саратовская область.

Ethnic Groups, Cultures and Religions of the Northern Regions of the Lower Volga Region in the Golden Horde Period (based on the Materials of the Saratov Region)

A. B. Malishev

In the summary article the settlement of different ethnic groups, the spread of religions and cultural phenomena in the Northern regions of the Golden Horde are examined on the basis of the written and archaeological sources. The processes of ethnic and cultural interaction between the peoples on the territory of the ulus of Ukek and other Northern steppe regions are paid special attention to. Particular attention is paid to the most important archaeological monuments of the Golden Horde period such as the large settlements, burial grounds and burial mounds on the territory of Saratov region.

Key words: Golden Horde, ethnic and cultural interaction, Russians, Mongols, Mangyts, Turks, Bulgars, Polovtsians, Mordovians, Armenians, Tengriism, shamanism, Christianity, Islam, Taoism, Saratov Region.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-396-402

Монгольская империя и Золотая Орда были государствами интенсивных этноконфессиональных контактов. Исторические источники позволяют нам говорить о широкой религиозной и национальной терпимости, возведенной в ранг политики правительства, в период монгольских завоеваний XIII в. в образовавшихся монгольских государствах, в том числе в Золотой Орде¹. С самого начала своего существования Золотая Орда была крупным имперским образованием, включающим народы с различными языками, культурой, религиями и хозяйственными типами.

Это положение в полной мере относится и к северной части Нижнего Поволжья, которая начала осваиваться уже в ранние годы существования Золотой Орды. Укек упоминается как один из первых золотоордынских городов (наряду со столичным Сараем), построенных по приказу Бату-хана. Первоначально золотоордынские города основывались в результате политической воли золотоордынских ханов, а также последующего переселения сюда большого количества невольников и зависимого населения из разных покорённых народов.

Первое смутное сообщение об обосновании Укека, принадлежащее Гильому Рубруку в 1253 г., повествует о том, что посёлок был устроен джучидами из русских и «сарацин» (булгар или хорезмийцев) для обслуживания переправы через реку Волгу². Скорее всего, под «сарацинами» Рубрук понимал булгар, которых часто упоминал в этой части своего сочинения. Автор сообщил также ещё об одном подобном русском посёлке, основанном золотоордынскими властями для переправы через реку Дон³. Таким образом, мы можем представить, что первыми жителями Укека и других подобных поволжских и донских поселений были русские, а также булгары или хорезмийцы. К их функциональным обязанностям относилось обслуживание переправ и судоходства. Позднее, в более точном сообщении Марко Поло 1262–1263 гг., Укек также упоминался как город с переправой⁴. В дальнейшем восточные авторы, описывая Золотую Орду, не раз отмечали значительное присутствие на Волге русского судоходства⁵. Освоение русскими судоходами Волжского пути, косвенно подтверждается походами ушкуйников по Волге в XIV–XV вв.⁶

По-видимому, со времени основания через Укек и его переправу проходила самая северная дуга Великого шёлкового пути. Город Укек являлся центром одноимённого улуса, а также одним из ранних городов чеканки (1266–1312 гг.) и обращения джучидских монет⁷.

Общим явлением для нижневолжских городов Золотой Орды и их округи был мощный культурный и миграционный импульс из Средней Азии. В связи с этим городская архитектура, гончарство и другие ремёсла, монетное дело, а также литературный язык Золотой Орды формировались под влиянием переселенцев из Хорезма – в основном тюркоязычных мусульман.

С другой стороны, джучиды, а также другие представители монгольской и тюркской аристо-

кратии уже с середины XIII в. стали заселять Укек и прилегающие территории. На Увекском городище были исследованы богатые погребения монгольской знати XIII–XIV вв. в мавзолеях и склепах⁸.

Во второй половине XIII–XIV вв. также стало быстро увеличиваться кочевое население степной зоны Урало-Поволжья. Статистический анализ показывает, что подавляющее большинство средневековых кочевнических погребений этого региона составляют захоронения золотоордынского времени XIII–XIV вв. (76,3%). Погребения более ранних кочевников менее многочисленны: 18,3% – захоронения огузско-печенежского времени (X – первая половина XI в.); 5,4% – захоронения кипчакско-половецкого времени (XI – первая половина XIII в.). Увеличение кочевого населения и объединение данной территории под единой властью джучидов привели к возникновению стабильной пастбищно-кочевой системы в Нижнем Поволжье с «меридиональным» способом кочевания (условно по линии север–юг). Все территории маршрутов перекочёвок, летних и зимних кочевий были строго поделены между отдельными улусами, включавшими различные этнические группы⁹. Богатые монгольские погребения также исследованы в Саратовском, Энгельском, Лысогорском, а также в отдалённых степных районах Саратовской области¹⁰.

А. И. Ракушин попытался реконструировать четыре больших кочевых улуса на территории Нижнего Поволжья: улус Сартака, улус Берке, улус Бату и мангытский улус. Маршруты их перекочёвок, а также летние и зимние кочевья, по мнению исследователя, маркировались цепочками и скоплениями курганов с погребениями. Три из указанных улусов (Сартака, Бату и мангытский) занимали северную часть Нижнего Поволжья.

На правобережье располагался улус Сартака (сына Бату-хана). Его южные кочевья располагались на территории современной Астраханской области – в низовьях р. Волги на Енотаевском городище и в Сарпинской низменности. Маршрут перекочёвки на север проходил до Переволоки – района наибольшего сближения рек Волги и Дона. Дальнейшая перекочёвка на север разветвлялась, и улус продолжал движение по левому берегу р. Дон, а также его притокам – рекам Иловля, Медведица, Бузулук, Хопёр, Ворона и другим. Отдельные кочевья смещались на восток и останавливались также на берегах рек Курдюм, Чардым и Терешка. Наиболее северные курганные погребения улуса были исследованы в Петровском и Балтайском районах Саратовской области; в Малосердобском и Мокшанском районах Пензенской области; в Каширском, Новоусманском и Бобровском районах Воронежской области¹¹. Таким образом, улус Сартака граничил с запада с Укекским улусом.

Кочевое население улуса Сартака взаимодействовало с представителями других народов,

проживавших на этих территориях. Например, в одном из парных захоронений Аткарского (мордовского) грунтового могильника в женском погребении была обнаружена золотая подвеска с тамгой джучидов¹². Не исключено, что эта подвеска принадлежала представительнице рода джучидов, выданной замуж за мордовского князя в дипломатических целях¹³.

Другой улус – Бату-хана – располагался в левобережье р. Волги, прилегая непосредственно к речному бассейну. Южные кочевья Бату-хана располагались в районе Царёвского городища – на территории современной Волгоградской области. Маршрут перекочёвки на север проходил вдоль берега р. Волги до летних кочевий в устье р. Большой Иргиз (в Балаковском районе Саратовской области). Для размещения кочевий использовались и другие левые притоки р. Волги – Еруслан, Тарлык, Саратовка, Большой и Малый Караманы. Именно на этом маршруте известно кочевье «Лисья Балка» – сопоставимое с летней ставкой Бату-хана¹⁴.

По словам Рубрука, ставка Бату-хана находилась в левобережье¹⁵. Отдельные исследователи отождествляют её местонахождение с обширным археологическим памятником – поселением (кочевьем) «Лисья Балка» в Советском районе Саратовской области, где были обнаружены различные находки XIII в., в том числе ещё одна золотая подвеска с тамгой Бату-хана¹⁶. В нескольких километрах от кочевья было обнаружено престижное монгольское погребение с золотым наборным поясом, считавшимся знаком отличия военачальников¹⁷.

Погребение конного воина в остроконечном шлеме и кольчуге было исследовано раскопками у с. Квасниковка Энгельского района. Вероятно, оно принадлежало знатному половецкому всаднику, находившемуся на службе у золотоордынских ханов¹⁸.

Судя по расположению улусов Бату и Сартака, можно также предположить, что Укекская переправа была изначально организована, в том числе, также для удобства сообщения между ними в летний период.

Наконец, третий улус – мангытский – располагался в глубинных районах Заволжья и сложился во второй половине XIV в. Южные (зимние) мангытские кочевья располагались в районе Камыш-Самарских озёр – на территории современной Западно-Казахстанской области. В летний период улус откочёвывал на север вдоль рек Большой и Малый Узени, а также Урал. Для летних (северных) кочевий использовались реки Большой и Малый Иргизы, Чагра, Самара, Большой Кинель – вплоть до Самарской Луки¹⁹. Монголоязычный этнос – мангыты – были надёжной опорой золотоордынского престола. Мангытская аристократия стояла во главе мощного объединения тюрко-монгольских племён, а также выдвигала из своей среды беклярибеков ко двору джучидов.

В целом на территории Саратовской области в настоящее время известно более 100 поселенческих и погребальных памятников периода Золотой Орды. Большинство из них располагались в основном вблизи крупных рек: Волга, Хопёр, Медведица, Терешка, Большой и Малый Иргизы, Камелик, Большой Узень, Большой и Малый Караманы. Однако наибольшая плотность оседлого земледельческого населения наблюдалась в прилегающих к Волге районах²⁰. Среди них можно выделить весьма крупные сельские поселения (Подгорное, Мартышкино, Квасниковка, Ахматское городище, Алексеевское городище), возможно, протогородские центры (Шумейка, Воскресенское, Березняки, Хмельёвка I) или крупные кочевья (Лисья Балка, Шумейка).

Исследованные монгольские погребения, а также другие археологические материалы позволяют предположить сохранение языческих религиозных представлений, тенгрианства и шаманских практик не только в XIII в., но и в период исламизации Золотой Орды (XIV в.). В погребальном обряде многих захоронений встречаются различные предметы, что запрещено в исламе: шёлковая одежда, монгольские шапочки-бокки («боктаг»), ювелирные украшения, зеркала, гребни, сумочки, посуда, вооружение, конская упряжь и другие бытовые предметы. Кроме того, довольно часто встречается не западная (то есть не мусульманская и не христианская) ориентировка погребений, а также различные положения самого костяка. В одном из погребений кургана № 9 (Усть-Курдюм), помимо иного инвентаря, был зафиксирован струнный смычковый музыкальный инструмент типа кобыза²¹. Подобным инструментом у кочевников пользовались шаманы для различных обрядов, а также поэты, певцы и сказители.

О сохранении тенгрианских представлений свидетельствуют находки на Увекском городище и на других археологических памятниках – амулетов в виде грубых изображений человека, сделанных из меди, бронзы и реже из серебра²². Такие амулеты могли быть «ильтаханом» – вместилищем одной из душ человека, или «онгоном» – вместилищем духа – предка семьи и рода²³. Весьма архаичные «шаманские» черты встречаются также в тексте монгольской «поэмы» на бересте, найденной у с. Подгорное Энгельсского района²⁴. Отдалённые степные районы занимали тюркоязычные кочевые группы, которые в XIV–XV вв., несмотря на постепенную исламизацию, сохранили традиционный курганный погребальный обряд²⁵. Кыпчакский (половецкий) язык, судя по словарю «Codex Cumanicus»²⁶, был наиболее распространён среди кочевого населения Золотой Орды.

Весьма популярными у монголов, а также в золотоордынской городской среде были различные даосские и китайские символы: драко-

ны, рыбы, зайцы и другие существа 12-летнего животного цикла, изображения даосских святых – «сяней», а также «Лунный заяц» – символ бессмертия²⁷. Ещё один из китайских символов долголетия и бессмертия – плод «личжи» – был изображён на золотом поясе из с. Мариенталь Советского района²⁸. На территории Укека была найдена медная фигурка обезьяны, украшенная индийским орнаментом²⁹. По мнению Д. А. Кубанкина, высказанному в частной беседе, это изображение обезьяны Хануман – индуистского божества физической силы, одного из святых бессмертных.

Монгольские ханы, стоявшие на пороге мирового господства, были весьма озабочены поисками эликсира бессмертия или долголетия, а потому проявляли повышенный интерес к различным «чудесам» мира³⁰. Не удивительно, что символика различных восточных религий и практик (буддизма, даосизма, индуизма), связанная с бессмертием и долголетием, проникла в широкие слои населения Золотой Орды.

Мусульманское население Укека и его округа было представлено в основном выходцами из Хорезма и Волжской Булгарии. На Увекском городище известно три мусульманских некрополя, в том числе с богатыми склепами и мавзолеями³¹. В одной из таких мечетей-усыпальниц, по мнению А. А. Кроткова, возможно, была похоронена одна из жён хана Токты³², правившего в 1291–1312 гг. В Укеке, как и в других городах Золотой Орды, несомненно, существовала соборная мечеть для массовых богослужений. Однако она до сих пор не обнаружена.

На территории Саратовской области были исследованы и другие могильники с мусульманским погребальным обрядом: на поселении Шумейка³³, часть могильника на Алексеевском городище³⁴, часть погребений Ивановского грунтового могильника³⁵.

Сочетание и трансформация различных культурных традиций встречается не только на Увекском городище, но и на других крупных золотоордынских поселениях. Например, отдельные жилые «юртообразные» постройки поселения Шумейка демонстрируют постепенный переход кочевников к оседлости. Также здесь был обнаружен плужный набор, имеющий близкие аналогии среди болгарских пашенных орудий. Кроме того, зафиксированные на Шумейском поселении дигирные сосуды от поливальных установок показывают среднеазиатское влияние на сельское хозяйство Золотой Орды и являются одним из самых северных вариантов их использования³⁶.

Особую этническую группу в среде населения Саратовского Поволжья занимали мордовские общины. Отдельная группа мордвы, по-видимому, проживала в Укеке, что маркируется специфическими мордовскими фибулами – «сюльгамами»³⁷. Отдельные мусульманские захоронения с северо-

западного некрополя Увекского городища близки по антропологии к финно-угорским сериям³⁸. Посуда мордовского облика и другие мордовские материалы встречаются на многих поселениях и могильниках Саратовской области³⁹. Наиболее исследованными из них являются: Аткарский⁴⁰, Черемшанский⁴¹ и Комаровский⁴² могильники. Упомянутые погребальные памятники дают представление о сохранении у мордвы традиционных языческих представлений, что выражается в наличии большого количества инвентаря и украшений в погребениях. В то же время западная ориентировка погребений свидетельствует о некоторой степени исламизации.

На территории Укека и других памятниках Саратовского Поволжья прослеживается многочисленное русское население, которое маркируется русской керамикой и бытовыми вещами. Русское население в Золотой Орде появилось в результате переселения сюда захваченных в период монгольских походов и набегов невольников из русских княжеств. Уже в 1261 г. для этого христианского населения была учреждена православная епархия Русской митрополии в столице Золотой Орды – Сарае. Различные находки: нательные кресты и нагрудные иконки свидетельствуют о существовании в Укеке многочисленной русской общины. На Увекском городище были исследованы остатки православного храма, от которого сохранились: фундамент, каменный блок с рельефным изображением «терзания» грифона львом (весьма схожий с владими́ро-суздальскими храмовыми рельефами), каменный блок с крестом, фрагменты фресок и медная лампада⁴³. С Шумейского поселения происходит мраморная византийская ступка⁴⁴ для измельчения продуктов питания, лекарственных, косметических средств и тому подобного. Такие сосуды использовались не только в быту, но и в христианской обрядовой практике⁴⁵. Известны и другие находки христианских вещей, являвшихся предметами личного обихода православного населения (нательные кресты, нагрудные иконки), происходящие из других золотоордынских поселений.

Значительное количество русских материалов (посуды, бытовых вещей, построек) встречается на других золотоордынских поселениях: Алексеевское городище⁴⁶, поселение Подгорное⁴⁷, поселение Мартышкино⁴⁸, Хмельёвское селище⁴⁹, поселение Шумейка⁵⁰ и других. Наверное, в дальнейшем при специальном анализе можно будет проследить происхождение русских мастеров, изготавливавших посуду и ремесленные изделия. Например, одна из групп керамики с Алексеевского городища демонстрирует сходство с посудой из Курского княжества⁵¹. Кроме поселений были исследованы крупные грунтовые могильники русского или смешанного населения: на Алексеевском городище, Ивановский могильник, на поселении Мартышкино⁵² и другие. Ан-

тропологический анализ грунтовых могильников Ивановский и Нижняя Студёнка-1 показал, что их погребения наиболее близки сериям сельского финно-угорского населения Волжской Булгарии и славянам, в том числе дреговичам⁵³. Среди погребений могильника Алексеевского городища преобладают европеоиды⁵⁴. Всё это свидетельствует об интенсивных этнических контактах русского, болгарского и финно-угорского населения в Золотой Орде.

Исходя из косвенных данных, можно предположить, что в Укеке могла существовать также армянская община. Английский путешественник Христофор Бэрроу, побывавший на Увекском городище в 1579 г., описал две могильные плиты с эпиграфическими надписями, которые путешественник посчитал армянскими⁵⁵. Известный историк и археолог Ф. В. Духовников описал фрагмент ещё одной могильной плиты с надписью, найденный в окрестностях Увекского городища. Исследователь также предположил, что это армянская надпись⁵⁶. Однако стоит отметить, что все указанные предположительно армянские находки с Увекского городища не сохранились, а иные подтверждения существования здесь армянской общины пока отсутствуют⁵⁷.

В плане западных культурных влияний известны факты активной миссионерской деятельности католических проповедников в Укеке. Здесь существовала постоянная францисканская миссия с 1320-х гг. до конца XIV в., относившаяся к Сарайскому округу (кустодии) Северной Татарской викарии Францисканского ордена⁵⁸.

Таким образом, формирование этнической карты северной части Нижнего Поволжья происходило ещё в золотоордынский период. В это время на территории Саратовского Поволжья проживал целый конгломерат народов и этнических групп, из которых наиболее многочисленными были тюрки (половцы, болгары, хорезмийцы), русские и мордва. Отдельные этнические и родовые группы монголов не были здесь особо многочисленными. Однако их политическое и культурное влияние на развитие Укека и степных улусов было довольно значительным.

Религиозное взаимодействие этих народов представляет собой довольно сложную и пёструю картину. Археологические находки свидетельствуют о широком распространении традиционных языческих (тенгрианских, шаманских) представлений в монгольской и тюркской среде, даже в период исламизации. Определённое влияние в кочевой и городской среде имели буддийские, даосские и даже индуистские символы, идеи и мифы. Традиционные языческие представления сохранились и у мордвы, испытывающей некоторую исламизацию. Археологические и письменные источники свидетельствуют о распространении православного христианства в русской среде Укека и других поселений.

Примечания

- ¹ См.: Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И. Религия в Золотой Орде : учеб. пособие для студ. истор. фак. Саратов, 1998. С. 15–19.
- ² См.: Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1997. С. 116.
- ³ См.: Путешествие в восточные страны... С. 107.
- ⁴ Там же. С. 193.
- ⁵ См.: Золотая Орда в источниках : в 5 т. Т. I : Арабские и персидские сочинения / сост., вв. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2003. С. 45, 109 ; *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 44, 45.
- ⁶ См.: Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей : в 43 т. СПб., 1897. Т. XI. С. 20, 23–24 ; СПб., 1901. Т. XII. С. 141.
- ⁷ См.: *Недашковский Л. Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 16–26.
- ⁸ См.: *Кубанкин Д. А.* Погребальные памятники Увекского городища // Археология восточно-европейской степи (далее – АВЕС) / под ред. В. А. Лопатина : в 11 вып. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 190–204, 207.
- ⁹ См.: *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 131, 132 ; *Иванов В. А., Гарустович Г. Н., Филичук Я. В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа, 2014. С. 22, 23 ; *Ракушин А. И.* Монголы на Волге (обретение новой родины : от завоевания к ассимиляции). Саратов, 2016. С. 62–68.
- ¹⁰ См.: *Баллод Ф. В.* Приволжские «Помпеи». М. ; Пг., 1923. С. 82–84 ; *Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конец IX – начало XV в.). Уфа, 1998. С. 100, 103, 109–111, 117, 125, 138, 156, 177, 198, 202, 205, 209–216, Табл. VII, 18, VIII, 16–18, XXVIII ; рис. 12–13 ; *Недашковский Л. Ф.* Золотоордынский город Укек... С. 144–145.
- ¹¹ См.: *Ракушин А. И.* Монголы на Волге... С. 68–71. Рис. 1.
- ¹² См.: *Ляхов С. В.* Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году / под ред. А. И. Юдина : в 14 вып. Вып. 3. Саратов, 1999. С. 95, 97. Рис. 1, 19.
- ¹³ См.: *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. С. 110–119.
- ¹⁴ См.: *Ракушин А. И.* Монголы на Волге... С. 74–76. Рис. 2.
- ¹⁵ См.: Путешествие в восточные страны... С. 116.
- ¹⁶ См.: *Баринов Д. Г.* Золотоордынское кочевье Лисья Балка // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории южнорусских степей / науч. ред. А. И. Юдин. Саратов, 1997. С. 183–185. Рис. 1, 3.
- ¹⁷ См.: *Исаков Р. В., Афоньков Н. Н., Шереметьев А. Г., Архангельский М. С.* Парадный золотой пояс раннеджучидского времени из Мариенталя : историко-культурный и семантический аспекты исследования // Этнические взаимодействия на Южном Урале / ред. А. Д. Таиров, Н. О. Иванова. Челябинск, 2013. С. 212–226.
- ¹⁸ См.: *Коровкин Д. С.* Снаряжение всадника из погребения около города Энгельса в Саратовском Заволжье (новые данные) // Военная археология : сб. материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее : в 3 вып. Вып. 2. М., 2011. С. 179–188.
- ¹⁹ См.: *Ракушин А. И.* Монголы на Волге... С. 74–80. Рис. 4.
- ²⁰ См.: Учебно-краеведческий атлас Саратовской области / гл. ред. А. Н. Чумаченко, отв. ред. В. З. Макаров. Саратов, 2013. С. 122–125.
- ²¹ См.: *Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф.* Средневековые кочевники Поволжья... С. 213–215. Фото 10. Рис. 13.
- ²² См.: *Спицин А. А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея // Изв. Археологической комиссии : в 66 вып. СПб., 1914. Вып. 53. С. 102, 104. Рис. 23, 39 ; *Кротков А. А.* Раскопки на Увек в 1913 году // Труды Саратовской учёной архивной комиссии : в 33 вып. 1915. Вып. 32. С. 115 ; *Арзютов Н. К.* Памятники Золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 году // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения : в 37 вып. Вып. 35, ч. 1. Археологический сборник. Саратов, 1926. С. 67–79 ; *Баринов Д. Г.* Золотоордынское поселение около посёлка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году... Вып. 2. Саратов, 1997. С. 183–185. Рис. 1, 12.
- ²³ См.: *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология. Традиции и перспективы / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1998. С. 29–33.
- ²⁴ См.: *Малышев А. Б.* Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное (к постановке проблемы) // Монголика-X / председатель ред. кол. И. В. Кугалнек. СПб., 2013. С. 82–85.
- ²⁵ См.: *Ракушин А. И.* Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Нижнего Поволжья XIII–XV вв.) // АВЕС. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 214–239.
- ²⁶ *Гаркавец А. Н.* Кыпчакское письменное наследие : в 3 т. Т. II. Памятники духовной культуры. Алматы, 2007. С. 63, 64.
- ²⁷ См.: *Спицин А. А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея... С. 102–103. Рис. 32 ; *Недашковский Л. Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 48–67. Рис. 9, 1, 2 ; 10, 2, 4, 5, 9, 10 ; 11, 2 ; *Юрченко А. Г.* Элита монгольской империи : время праздников, время казней. СПб., 2012. Рис. 11, 56, 78, 127.
- ²⁸ См.: *Исаков Р. В., Афоньков Н. Н., Шереметьев А. Г., Архангельский М. С.* Парадный золотой пояс... С. 212–226.
- ²⁹ См.: *Спицин А. А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея... С. 102, 103. Рис. 33.
- ³⁰ См.: *Юрченко А. Г.* Золотая Орда : между Ясой и Ко-

- раном (начало конфликта). СПб., 2012. С. 67–78 ; Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи... С. 247–298.
- ³¹ См.: Кубанкин Д. А. Погребальные памятники Увекского городища // АВЕС. Вып. 4. С. 204–207.
- ³² См.: Кротков А. А. Раскопки на Увеке в 1913 году... С. 130, 131.
- ³³ См.: Баринов Д. Г. Отчёт об археологических работах в бассейне р. Волги с притоками в пределах Энгельского района в 1986 г. Саратов, 1987 // Архив ИА РАН, раздел 1, д. 11798. С. 3, 7–10 ; Баринов Д. Г. Отчёт об археологических работах в Энгельском и Вольском районах Саратовской области в 1990 г. Саратов, 1991 // Архив ИА РАН, раздел 1, д. 16643. С. 2–60 ; Баринов Д. Г. Золотоордынское поселение около посёлка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году... Вып. 2. Саратов, 1997. С. 241–252 ; Волков В. А., Малышев А. Б., Тугушев П. Е. Этнографические особенности золотоордынских сельских поселений (на примере исследования Шумейского городища в 2008 г.) // Народы Саратовского Поволжья. Взгляд из XXI века / отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов, 2008. С. 79–84.
- ³⁴ См.: Юдин А. И. Алексеевское городище в Саратове : итоги и перспективы исследования // Поволжский край : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Данилова : в 14 вып. Вып. 11. Саратов, 2000. С. 82 ; Юдин А. И., Балановский А. В. Об этнокультурной принадлежности некоторых поселений развитого средневековья лесостепного Правобережья Волги // Степи Европы в эпоху средневековья / гл. ред. А. В. Евглевский : в 11 т. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. С. 287.
- ³⁵ См.: Четвериков С. И. Грунтовый могильник у разьезда Ивановский // Археологические памятники Саратовского Правобережья : от ранней бронзы до средневековья / под ред. А. И. Юдина. Саратов, 2010. С. 175–193.
- ³⁶ См.: Волков В. А., Малышев А. Б., Тугушев П. Е. Характеристика хозяйственных занятий жителей золотоордынского поселения «Шумейка» // АВЕС. Вып. 10. Саратов, 2013. С. 327–337.
- ³⁷ Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Уек... С. 46–48. Рис. 8.
- ³⁸ См.: Евтеев А. А., Кубанкин Д. А., Куфтерин В. В., Рассказова А. В. Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXIII. Антропология / гл. ред. Е. З. Година, 2013. № 1. С. 96.
- ³⁹ См.: Кубанкин Д. А. Мордовское население на золотоордынских памятниках правобережья Саратовской области // АВЕС. Вып. 10. Саратов, 2013. С. 369–381.
- ⁴⁰ См.: Арзютюв Н. К. Финский могильник XIII–XIV вв. близ г. Аткарска // Труды Нижне-Волжского института краеведения : в 7 вып. Вып. 1. Саратов, 1929. С. 1–29 ; Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936. С. 73, 74 ; Ляхов С. В. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье... С. 94–100 ; Ляхов С. В. Исследование Аткарского грунтового могильника XIII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году... Вып. 2. Саратов, 1997. С. 79–97 ; Монахов С. Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // АВЕС / ред. В. Г. Миронов. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 167–188.
- ⁴¹ См.: Радищев М., Орехов В., Щеглов С. Черемшанский могильник (раскопки 1913 г.) // Труды Саратовской учёной архивной комиссии : в 33 вып. 1914. Вып. 31. С. 149–157.
- ⁴² См.: Моржерин К. Ю. Комаровский грунтовый могильник XIII–XIV вв. на р. Сердобе // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1996 году... Вып. 2. Саратов, 1997. С. 97–98.
- ⁴³ См.: Кубанкин Д. А. Некоторые находки из раскопок на Увекском городище в 2010–2011 гг. (предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов, 2012. С. 141–145, 147. Рис. 1–4, 6.
- ⁴⁴ См.: Волков В. А., Малышев А. Б., Тугушев П. Е. Характеристика хозяйственных занятий... С. 329, Рис. 2, 1.
- ⁴⁵ См.: Масловский А. Н. Мраморные ступки из фондов Азовского музея-заповедника // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. : в 29 вып. Вып. 26 / отв. ред. А. А. Горбенко ; науч. ред. В. Я. Кияшко. Азов, 2012. С. 334–349.
- ⁴⁶ См.: Юдин А. И. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1998–2000 годах... Вып. 4. Саратов, 2001. С. 22–80 ; Малышев А. Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 г. // АВЕС. Вып. 6. Саратов, 2008. С. 301–308.
- ⁴⁷ См.: Касанкин Г. И. Золотоордынское поселение у села Подгорное // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994. С. 94–101 ; Касанкин Г. И. Русская керамика с поселения Подгорное золотоордынского времени // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей / под ред. А. И. Юдина. Саратов, 1997. С. 185–188.
- ⁴⁸ См.: Лопатин В. А., Малышев А. Б. Культурно-хронологические комплексы поселения Мартышкино (материалы эпохи средневековья) // АВЕС. Вып. 8. Саратов, 2010. С. 280–304.
- ⁴⁹ См.: Недашковский Л. Ф. Раскопки Хмелевского селища в 1999 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах... Вып. 4. Саратов, 2001. С. 118–123.
- ⁵⁰ См.: Волков В. А., Малышев А. Б., Тугушев П. Е. Жилые постройки крупных золотоордынских поселений по материалам раскопок поселения Шумейка 2008 г. (предварительный анализ) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб. ; М. ; Нижний Новгород, 2011. С. 130–132 ; Волков В. А., Малышев А. Б., Тугушев П. Е. Характеристика хозяйственных занятий... С. 327–337.
- ⁵¹ См.: Малышев А. Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 г. // АВЕС. Вып. 6. Саратов, 2008. С. 302. Рис. 17, 55–76.
- ⁵² См.: Моржерин К. Ю. Раскопки грунтового могильника XIV в. в урочище Мартышкино // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году / под ред. А. И. Юдина : в 14 вып. Саратов, 1996. Вып. 1. С. 62, 63.

- ⁵³ См.: *Евтеев А. А.* Антропологические материалы из могильника Нижняя Студенка-I // АВЕС. Вып. 5. Саратов, 2007. С. 221–237 ; *Евтеев А. А.* Грунтовый могильник у разъезда «Ивановский» // АВЕС. Вып. 10. Саратов, 2013. С. 514–527.
- ⁵⁴ См.: *Юдин А. И.* Алексеевское городище в г. Саратове... С. 55–69.
- ⁵⁵ См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. ; под ред. Ю. В. Готье. Л., 1937. С. 264–265.
- ⁵⁶ См.: *Кубанкин Д. А.* Армяне в золотоордынских городах Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края / под ред. А. И. Юдина : в 14 вып. Саратов, 2014. Вып. 12. С. 173.
- ⁵⁷ См.: *Мальшев А. Б.* Армяне в этнокультурных взаимодействиях на территории Золотой Орды // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 257.
- ⁵⁸ См.: *Golubovich G.* Bibliotheca bio-bibliografica. Della Terra Santa dell'Orient francescano. Т. II. Quaracchi, 1913. Р. 262 ; *Мальшев А. Б.* Сообщение анонимного миссионера о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // АВЕС. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 183–189.

Образец для цитирования:

Мальшев А. Б. Этнос, культуры и религии северных районов Нижнего Поволжья в золотоордынский период (по материалам Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 396–402. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-396-402.

Cite this article as:

Malishev A. B. Ethnic Groups, Cultures and Religions of the Northern Regions of the Lower Volga Region in the Golden Horde Period (based on the Materials of the Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 396–402 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-396-402.

УДК [902: 378.4(470.44–25)](09)|1920–1930|

АРХЕОЛОГИЯ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И НИЖНЕ-ВОЛЖСКОМ ИНСТИТУТЕ КРАЕВЕДЕНИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (1920–1930-е годы)

Н. М. Малов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: malovnm@mail.ru

По решению Временного правительства в Саратовском университете образуется историко-филологический факультет. Открывается отделение истории искусств и археологии. Функционировало Общество истории, археологии и этнографии, преобразованное в Нижневолжское общество краеведения. Был создан Археологический научно-исследовательский институт, реорганизованный в Нижне-Волжский институт краеведения. Он сыграл важную роль в археологическом изучении Юго-Востока нашей страны. Постоянно существовала кафедра, где преподавалась археология. Она именовалась кафедрой: теории и истории искусств, археологии, археологии и этнографии, истории материальной культуры, истории древнего мира. В 1937 г. П. С. Рыкова – первого декана воссозданного исторического факультета – арестовали и приговорили к тюремному заключению на 10 лет с поражением в политических правах. В Саратовском университете этому переломному периоду формирования диктатуры коммунистической партии сопутствовали аресты – репрессии ученых. Эти процессы знаменовали разгром Нижне-Волжского института краеведения и привели к остановке развития археологической науки в университете.

Ключевые слова: археология, история, Саратов, университет, Нижне-Волжский институт краеведения, П. С. Рыков.

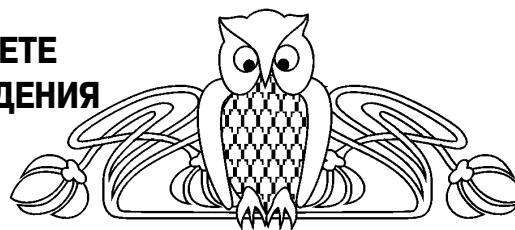
Archaeology at the Saratov State University and the Lower Volga Institute for Local Studies at the Turn of Epochs (1920s–1930s)

N. M. Malov

By the decision of the Provisional Government, a faculty of history and philology was founded at the Saratov University. History of arts and archaeology departments were established. The actively functioning History, Archaeology and Ethnography Society was reorganized into the Lower Volga Society for Regional Studies. The Archaeology Scientific Research Institute has been established and later on reorganized into the Lower Volga Institute for Local Study. It played an important role in archaeological studying of the southeast of our country. Archaeology used to be taught invariably at the chair known under various names: the chair for theory and history of arts, for archaeology, for archaeology and ethnography, for the history of material culture, for ancient history. In 1937 P. S. Rykov – the first dean of the reconstituted history faculty – was arrested and sentenced to ten-year confinement with deprivation of political rights. At the Saratov University, that crucial period of the communist party dictatorship formation was associated with arrests and repressions of the scientists. Those processes entailed the demolition of the Lower Volga Institute for Local Studies and have resulted in suspension of the archaeological science development at the university.

Key words: archaeology, history, Saratov, university, Lower Volga Institute for Local Studies, P. S. Rykov.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-403-406

По решению Временного правительства в Саратовском государственном университете (СГУ) в 1917/18 учебном году открыли историко-филологический факультет. Первыми исследователями и организаторами археологической науки в университете были профессор Ф. В. Баллод и П. С. Рыков. Профессор кафедры теории и истории искусств Баллод проработал здесь 5 учебных лет (1918–1923 гг.), а профессор Рыков – 17 лет (1920–1937 гг.)¹.

П. С. Рыков внес основополагающий вклад в создание провинциальной саратовской вузовской археологической школы². В сентябре 1920 г. он избирается доцентом и заведующим кафедрой археологии, а через год утверждается в звании профессора. Первоначально данная кафедра входила в состав педагогического факультета, деканом которого был Павел Сергеевич. В 1927 г. она именуется кафедрой археологии и этнографии. С таким названием кафедра просуществовала по 1931 г. – до выделения факультета в самостоятельный Педагогический институт. Здесь П. С. Рыков уже заведовал кафедрой истории материальной культуры. Название археологической кафедры в СГУ менялось в зависимости от диктата государственных органов управления наукой и образованием, организационных обстоятельств и смены вех в советской археологии. Профессор принадлежал к числу тех университетских преподавателей – историков старой школы, которые разными путями шли к осознанию «смысла великого переворота», «искренне стремились осознать значение происшедших исторических перемен и приступили к овладению марксизмом»³. На открытом в 1935 г. историческом факультете Павел Сергеевич руководил кафедрой истории древнего мира, где преподавалась и археология. Декан воссозданного в 1935 г. истфака СГУ – П. С. Рыков – исполнял свои обязанности, руководствуясь постановлениями СНК и ЦК ВКП(б) об исторической науке, подготовке учебников и преподавании гражданской истории.

В 1919 г. по результатам доклада декана Баллода открыли отделение истории искусств и археологии, несколько выпускников которого занимались археологией в музеях и в СГУ (А. Н. Кушева-Грозевская, К. Папа-Афанасопуло). Во время Гражданской войны под его руководством на Увекском городище состоялась первая археологическая экспедиция СГУ, организованная благодаря поддержке М. Н. Покровского и В. А. Городцова⁴. Баллод и Рыков контактировали с В. А. Городцовым, занимавшим высокие руководящие должности в Наркомпросе РСФСР и содействовавшим становлению первой вузовской научной школы по Нижневолжской археологии.

Бывшая Саратовская ученая архивная комиссия реорганизуется в Общество истории, археологии и этнографии (Истархэт) при СГУ, строго вписанное в новую советскую управленческую систему Комиссариата народного просвещения. Общество регулярно финансировалось из советского госбюджета и имело советскую гербовую печать, на которой была указана ведомственная принадлежность и статус государственной краеведческой организации⁵. Такова была политика советской власти по отношению к краеведению уже с начала 1920-х гг., приоритет отводился финансируемому и контролируемому государственному научному краеведению. Истархэт просуществовало до осени 1925 г., опубликовав четыре части – издания, первый выпуск которого вышел в 1923 г.⁶ В первой части опубликованы археологические статьи: А. А. Спицына, П. С. Рыкова, Б. В. Зайковского, А. А. Кроткова и П. Н. Шишкина. Авторами историко-этнографических публикаций второй части, изданной в 1924 г., были: А. А. Гераклитов, П. Г. Любомиров, С. Д. Соколов, С. А. Чернов и Е. Н. Шлифтейн⁷. После того как Главнаука и ГубОНО сократили финансирование Истархэт, зарплату здесь стали получать только ученый секретарь (А. А. Кротков), технический сотрудник и два научных. В конце сентября 1925 г. вместо Истархэт регистрируется другая государственная краеведческая организация – Нижневолжское областное общество краеведения⁸. В 1926–27 гг. обязанности его председателя на общественных началах исполнял П. С. Рыков. Общество краеведения, как и другие областные краеведческие организации, было ликвидировано в соответствии с решением Всероссийской конференции (март 1930 г.) и пленумом Центрального бюро краеведения (январь 1931).

За время своего существования данная государственная краеведческая организация целенаправленно проводила исследования по научному краеведению, результаты которых активно публиковались. Оно издало три выпуска (35–37), состоявшихся из одной – пяти частей, или серий, обозначенных как отделы, сборники, секции. Тематика статей охватывала достаточно широкий спектр проблем (биология, география, геология, история, фольклор, хозяйство, экономика, этнография) по изучению Нижнего и Саратовского Поволжья. Это отражено в названии частей выпусков: Географический отдел (1925. Вып. 34, ч. 3), Этнографический сборник (1926. Вып. 34, ч. IV), Исторический сборник (1928. Вып. 35, ч. 2), Этнографическая секция (1928. Вып. 35, ч. 5). Здесь опубликована работа Ф. Ф. Гольянец: «К изучению оползневой побережья в районе ст. Увек» (1928. Вып. 35, ч. 4). Археологии был посвящен только один сборник⁹, поскольку материалы археологических исследований можно было публиковать в Известиях Нижне-Волжского института краеведения (НВИК). Сборник содержал шесть статей Т. М. Минаева и П. Д. Рау «Отчет об археологических разведках на р. Торгун в 1924 г.»; А. Н. Кушева «Материалы для изучения культуры

Суловского могильника»; А. А. Кротков «Сфероконические сосуды из археологического отдела Саратовского обл. государств. музея»; Н. К. Арзютов «Памятники Золотоордынской эпохи в Н. Поволжье по данным раскопок и разведок 1924 г.»; Н. К. Арзютов «К вопросу о так называемой «рогожной» керамике (по материалам Археологического отдела Саратовского обл. музея)»; А. А. Гераклитов. «Археологические памятники Саратовского края, упоминаемые в архивных документах».

В 1920 г. при СГУ открылся Археологический научно-исследовательский институт, финансируемый из государственного бюджета. Целью его деятельности было проведение исследований в Нижнем Поволжье и смежных районах. В 1924 г. он располагался в университетском здании на Ленинской площади. Исполняющим обязанности директора был профессор П. С. Рыков, заведующим делами – Б. В. Зайковский¹⁰. Затем по распоряжению Академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР от 21 июля 1924 г. Археологический институт упразднили и с 1 октября создали другую организацию – Нижне-Волжский краеведческий институт. Перед новым научно-исследовательским институтом Главнаукой были поставлены следующие цели и задачи:

«1. Основной задачей Института является исследование вопросов, вытекающих из нужд хозяйственного и культурного строительства губернии как в пределах долгосрочного перспективного плана, так и ударных.

2. Исследовательская работа в вышеуказанном объеме должна идти в трех направлениях: а) естественно-исторические исследования; б) экономические и в) культурно-исторические.

3. Деятельность Института должна протекать в органической связи, с одной стороны, с местными хозяйственными организациями и планирующими органами губернского и уездных исполкомов, как в смысле постановки вопроса, так и направления и объема исследования, с другой же, с краеведческим обществом и его ячейками.

4. Институт должен всемерно вовлекать в краеведческую работу широкие массы, в особенности низовую школьную сеть.

5. Не менее важным моментом деятельности Института в связи с общим направлением политики советской власти является систематическое содействие, пробуждение исследовательской инициативы в области краеведения среди национальных меньшинств.

6. Одним из важных моментов в содержании работ Института в связи периодической засушливостью приволжских губерний должны явиться вопросы рационализации земледелия (мелиорация, пропашный клин и т. п.)»¹¹.

Штат НВИК тогда определили в 18 единиц. Он состоял из 14 научных сотрудников, а также административного и технического персонала. Бессменным директором НВИК с 1924 по 1937 г. был археолог профессор П. С. Рыков. В 1937 г. по

Саратову и области прокатилась масштабная волна репрессий, не миновавшая Павла Сергеевич – декана исторического факультета университета и директора НВИК. Репрессивная компания резко набирала обороты после инспекционного визита в Саратов А. А. Андреева и Г. М. Маленкова. П. С. Рыкова арестовали 14 августа по ложному доносу и приговорили к тюремному заключению на 10 лет с поражением в политических правах. От репрессий пострадала его жена¹².

С этого рабочего места Павла Сергеевича сняли 15 августа 1937 г. как «разоблаченного врага народа», возложив временное исполнение обязанностей директора на И. В. Сеницына¹³. 1 июля 1939 г. Ивана Васильевича вернули на прежнюю должность ученого секретаря, а с 1 сентября того же года перевели работать на исторический факультет, где вскоре он стал исполнять обязанности заведующего воссозданной кафедрой «Археологии и этнографии». Вероятно, НВИК официально прекратил свое существование 2 сентября 1939 г., поскольку именно с этого числа Дело с протоколами Ученого совета и приказами было «окончено».

Не исключено, что последнее общее собрание института краеведения состоялось 12 января 1938 г. На нем присутствовали: Сеницын, Трофимов, Степанов, Акимов, Рассудова, Ардабацкая, Кротков и Арзютов. В институте одновременно трудились многие сотрудники Саратовского областного музея краеведения. В результате следственных мероприятий органы НКВД расширили круг членов не существовавшей – вымышленной – «организации врагов народа», в которую помимо П. С. Рыкова включили сотрудников НВИК и музея: Н. Н. Дмитриева, Н. К. Арзютова и В. А. Сушицкого. В 1937–39 гг. обстановка в институте и музее была тревожно-напряженной, сотрудники давали объяснения и характеристики на подследственных коллег. И. В. Сеницын был обязан издать приказ № 16 от 5 августа 1938 г., в двух пунктах которого констатировалось: «1. Б. научн. сотр. Института Сушицкого В. А., как арестованного органами НКВД, снять с работы с 1-го августа с/г. 2. Научн. сотр. Института Арзютова Н. К., как арестованного орган. НКВД, с работы снять с 5 августа с.г.»¹⁴.

За время существования НВИК его название и статус изменялись, что отражено в его Известиях. В первом томе, вышедшем в 1926 г., оно именуется Краеведческим институтом изучения Нижне-Волжской области. В 1927/28 отчетном году постановлением Коллегии Наркомпроса институту присвоили имя М. Горького¹⁵. В 1929 г. организация обозначена как Нижне-Волжский институт краеведения. С 1 октября 1930 г. НВИК переводится на краевой бюджет и состоит в ведении Народного комиссариата просвещения, возникли сложности с финансированием. В последующем финансирование стабилизировалось, например, на 1932 г. повышенный бюджет института составил 50 000 руб.

Учреждение использовало для проведения своих работ научно-вспомогательные учреждения,

лаборатории СГУ и Педагогического института. Кроме того, НВИК пользовался в научных работах содействием Краевого музея (Саратов). После упразднения Нижне-Волжской области и края последние три тома (V–VII) вышли в 1932–1936 гг. как публикации Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького¹⁶. За счет Института осуществлялись командировки его членов и аспирантов внутри СССР, а также действительных членов за рубеж. В 1928 г. Павел Сергеевич изучал музейное дело в Германии¹⁷.

Археологическая и этнографическая деятельность НВИК проходила по секции, которая первоначально именовалась «культурно-исторической», а затем «исторической». Регулярно пополнялась библиотека, институт обменивался книгами со многими научными и краеведческими организациями как в СССР, так и за границей. В НВИК была штатная аспирантура. По специальности археология и история доклассового общества ее закончили И. В. Сеницын (1928–1932 гг.) и Н. К. Арзютов (20.11.1932 г.). При этом И. В. Сеницын прошел аспирантскую подготовку в ГАИМК (Ленинград). В итоге аспирантской учебы Иван Васильевич защитил диссертацию на тему «Кремневые орудия донных стоянок северного побережья Каспийского моря». Аспирант А. Н. Кушева-Грозевская изучала памятники материальной культуры Золотой Орды.

Научно-исследовательская деятельность НВИК включала экспедиционные и камеральные работы. Под руководством П. С. Рыкова Институт систематически организовывал археологические экспедиции и проводил крупномасштабные полевые исследования в Поволжье, Прикаспии, Волго-Уральском и Волго-Донском междуречье. В них участвовали студенты педфака и истфака СГУ. В 1924 г. обследовались археологические памятники в правобережье Волги и на территории АССР немцев Поволжья, раскапывался сарматский курганный могильник близ с. Суслы. В последующем археологические работы охватили большую территорию Заволжья и Уральскую область. Раскапывались курганы в бассейнах рек Деркул, Чеган и Еруслан (нем. Блюменфельд, Фриденберг, Визенмиллер). В 1926–1929 гг. археологические экспедиции Павла Сергеевича охватили ряд регионов. Это северные районы Поволжья, где изучался древний мордовский Армиевский могильник; продолжались исследования по р. Урал; обследовались Астраханские степи вдоль берега Ахтубы. С 1929 г. П. С. Рыков приступает к систематическому изучению древностей Калмыкии. Раскопки здесь археолог ведет вплоть до своего ареста, опубликовав некоторые их результаты в первом выпуске серии «Советская археология»¹⁸.

Экспедиции НВИК, возглавляемые Павлом Сергеевичем в 1930-е гг., исследуют не только территорию Калмыкии, но также другие регионы Поволжья. Крупные работы проведены в бассейне р. Хопер, а также около с. Чардым на Волге (курганы, городище). По заданию Наркомпроса осуществлены раскопки на Селитренном городище Золотой Орды

(1931 г.). Полученные материалы публиковались П. С. Рыковым и его учениками (Н. К. Арзютов, А. Н. Кушева-Грозевская, Т. М. Минаева, И. В. Сидницын и др.) в «Известиях» НВИК, а также в других местных, центральных и зарубежных изданиях.

Деятельность культурно-исторической (исторической) секции Института, протекавшая в первые послереволюционные десятилетия, приходится на тоталитарную сталинскую эпоху формирования и господства командно-административной системы, партийно-политической идеологии и диктатуры коммунистической партии в сферах культуры, образования, гуманитарных и исторических наук. В конечном итоге судьбы большинства археологов саратовского научного центра сложились трагически. В СГУ этому переломному периоду сопутствовали аресты – репрессии ученых, которые и знаменовали собой разгром НВИК. В условиях централизации науки и зависимости от политико-экономических обстоятельств это учреждение сыграло основополагающую роль в изучении каменного века, энеолита, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья Нижнего Поволжья, Прикаспия, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья. Благодаря успешной деятельности НВИК, финансируемой и контролируемой советской властью, была накоплена солидная археологическая источниковедческая база по обширному региону России.

Примечания

- 1 См.: Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959. С. 101–103; *Малов Н. М.* Советская археология в Саратовском университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // *Археология Восточно-Европейской степи.* Вып. 4. Саратов, 2006. С. 4–28.
- 2 См.: *Малов Н. М.* Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009).* М., 2010. С. 721–733. Ил. 60–63; *Малов Н. М.* Профессор П. С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2016. Т. 16, вып. 3. С. 345–351.
- 3 Саратовский университет... С. 51.
- 4 См.: *Малов Н. М.* Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2010. Т. 10, вып. 2. С. 36–41; *Малов Н. М.* Профессор Ф. В. Баллод (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университе-

та) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2015. Т. 15, вып. 1. С. 87–90.

- 5 См.: *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // *Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура. Труды СОМК.* Вып. 10. Саратов, 2006. С. 192–279.
- 6 См.: *Труды Общества истории, археологии и этнографии.* Вып. 34, ч. 1. Саратов, 1923.
- 7 См.: *Труды Общества истории, археологии и этнографии.* Вып. 34, ч. 2. Саратов, 1924.
- 8 См.: *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть... С. 232, 233.
- 9 См.: *Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения.* Вып. 35, ч. 1 (Археологический сборник). Саратов, 1926.
- 10 См.: *Археологический научно-исследовательский институт // Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год.* Саратов, 1925. С. 342–345.
- 11 Дело о ликвидации Археологического научно-исследовательского института при СГУ им. Н. Г. Чернышевского и организации Нижневолжского краеведческого института. Начато 21. VII. 1924. // Государственный архив Саратовской области. Ф. 407. Оп. 2. Д. 461. Л. 1; *Малов Н. М.* Советская археология... С. 22.
- 12 См.: *Малов Н. М., Павлова Л. С.* Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // *Историческая память.* Вып. 1. Саратов, 2010. С. 153–177.
- 13 См.: *Протоколы заседаний Ученого совета Института краеведения им. М. Горького с 4 января 1932 по 12 января 1938 г. и Приказы по административным вопросам и личному составу.* Начато 4 января 1932 г. Окончено 2 сентября 1939 г. // *Научный архив Саратовского областного музея краеведения.* Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 32–35.
- 14 *Протоколы заседаний...* Л. 35 об.
- 15 См.: *Можаровский Б. В., Рыков П. С.* Краткий обзор деятельности Краеведческого Института имени М. Горького по изучению Южно-Волжской области при Сар. Гос. Университете за 1927–28 гг. // *Известия НВИК.* Т. III. Саратов, 1929. С. 273–276.
- 16 См.: *Можаровский Б. В., Рыков П. С.* Краткий отчет Нижне-Волжского Института Краеведения имени М. Горького за 1931 год // *Изв. НВИК.* Т. V. Историческая секция. Саратов, 1931. С. 85–89.
- 17 См.: *Рыков П. С.* По музеям Германии // *Изв. НВИК.* Т. V. Историческая секция. Саратов, 1932. С. 71–84.
- 18 *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1934 гг. // *Советская археология.* 1936. № 1. С. 115–158; *Он же.* Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье // *Там же.* С. 274.

Образец для цитирования:

Малов Н. М. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 3. С. 403–406. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-403-406.

Cite this article as:

Malov N. M. Archaeology at the Saratov State University and the Lower Volga Institute for Local Studies at the Turn of Epochs (1920s–1930s). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 403–406 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-403-406.

УДК 94(=112.2)(470.44).084.6:323.1

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор исследует сопротивление немецких крестьян Саратовского Поволжья агрессивной принудительной коллективизации, проводившейся советским коммунистическим руководством на рубеже 1920–1930-х гг. Показаны различные формы сопротивления вплоть до вооруженного восстания, которое произошло в селе Мариенфельд. Несмотря на широкий размах выступлений, они были подавлены властью, а руководители Республики немцев Поволжья в числе первых доложили Сталину о победоносном завершении коллективизации летом 1931 года.

Ключевые слова: коллективизация, немцы Поволжья, крестьянское сопротивление, массовые протесты, вооруженное восстание в Мариенфельде.

On the History of Peasant Resistance to Collectivization in the Saratov Volga Region

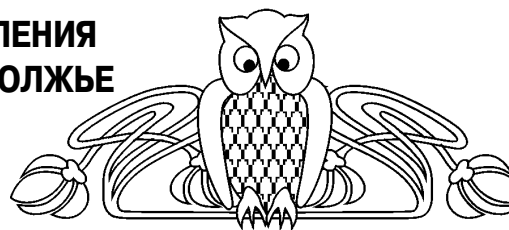
A. A. German

The author examines the resistance of the German peasants of the Saratov Volga region to aggressive forced collectivization carried out by the Soviet communist leadership at the turn of the 1920s-1930s. Various forms of resistance are shown, such as the armed rebellion that took place in the village of Marienfeld. Despite the wide scale of uprisings, they were suppressed by the authorities, and the leaders of the Republic of the Volga region Germans were among the first to report to Stalin that the collectivization had been victoriously completed in the summer of 1931.

Key words: collectivization, Volga Germans, peasant resistance, mass protests, armed uprising in Marienfeld.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-407-416

Как известно, в середине 1920-х гг. советское руководство, исходя из сложившейся в мире реальной ситуации, не без сожаления расстаётся с концепцией «мировой социалистической революции» и принимает на вооружение стратегию построения социализма в одной отдельно взятой стране, находящейся «во враждебном капиталистическом окружении». Эта стратегия требует ускоренного создания мощной автаркической (то есть не связанной с экономикой других стран) индустриальной системы, способной успешно «противостоять мировому империализму». Острая нехватка капитала и «дефицит времени», по мнению И. В. Сталина и его соратников, делали невозможным сбалансированное развитие тяжёлой и лёгкой промышленности, быструю ликвидацию товарного голода, преимущественно рыночную форму связи промышленности и инди-

видуального крестьянского хозяйства, то есть все то, что давал нэп.

Поэтому с конца 1920-х гг. высшее руководство СССР во главе с И. В. Сталиным окончательно отказывается от нэпа и берёт курс на «развёрнутое наступление социализма по всему фронту». Цель нового курса – форсированная индустриализация страны. Успешное начало первой пятилетки вызывает «головокружение от успехов». Начиная с ноября 1929 г. и вплоть до середины 1932 г. неоднократно повышаются плановые задания в промышленности. Стремительно растущее городское население требует всё больше продовольствия, а растущий импорт оборудования для заводов – увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции. Возникает проблема – любой ценой обеспечить финансирование индустриализации и бесперебойное снабжение быстрорастущих городов, что требует сохранения невысоких цен на хлеб и резкого увеличения поставок продовольствия в город и на экспорт.

Решить проблему можно было лишь путём быстрой ликвидации единоличных хозяйств, не желавших за бесценок отдавать государству свою продукцию, и массового создания послушных власти коллективных хозяйств (колхозов). Этим как раз и объясняются варварские методы и чрезвычайно сжатые сроки коллективизации. Официально, однако, говорилось о необходимости осуществить «социалистические преобразования в деревне». «Сплошная коллективизация» совершалась не только путем вопиющего насилия над крестьянством, но и сопровождалась беспрецедентным наступлением на религию и церковь, так как в них коммунистическая власть видела своих главных на тот момент идеологических противников.

В последние десятилетия в современной историографии воссоздана достаточно объективная картина коллективизации в СССР, показаны ее разрушительные для крестьянства, да и всего общества, последствия¹.

Реальная, а не мифическая коллективизация показана в публикации обширного массива соответствующих документов². Развеев миф о поддержке коллективизации основной массой крестьянства. Особо ценным представляется тот факт, что достоянием общественности стали факты массового сопротивления крестьянства террористической политике государства, которое

советская историография представляла как сопротивление узкого слоя кулачества.

Вместе с тем вопросы защиты крестьянством своих интересов от покушений государства требуют дальнейших исследований, так как у коллективизации имелось множество региональных, национальных и иных особенностей. В этом плане научный интерес представляет история коллективизации в немецких селах Саратовского Поволжья³.

Курс на «сплошную коллективизацию» в Республике немцев Поволжья начал проводиться с сентября 1929 г. по мере окончания уборочной кампании, в ходе начавшейся новой очередной хлебозаготовки и в непосредственной связи с ней. В результате жестокого «натиска» на крестьянство к 1 января 1930 г. план хлебозаготовок был выполнен на 89,1%⁴. Основная часть хлеба была добыта репрессивными методами. Около 10% наиболее зажиточных крестьян были обложены непомерно высокими индивидуальными заданиями, за невыполнение которых свыше 6 тыс. хозяйств были разорены кратированием и конфискацией⁵. Таким путём большевистское руководство Немреспублики решало сразу две задачи: выполняло план хлебозаготовок и «ликвидировало кулачество как класс».

Коллективизация проходила под сильным нажимом «сверху», сопровождалась массовым насилием и шантажом в отношении нежелающих вступать в колхозы. Одновременно с коллективизацией развернулась беспрецедентная антирелигиозная кампания, в ходе которой священнослужители подвергались издевательствам и репрессиям, а церкви закрывались административным порядком без учёта мнения населения или же это мнение фальсифицировалось.

Развернувшийся в Немреспублике беспредел не мог не привести к дезорганизации хозяйства, прежде всего сельского. В частности, начался усиленный забой и сбыт скота, Как отмечалось позднее в закрытой сводке обкома, в ходе только первой волны коллективизации поголовье скота резко сократилось (крупного рогатого – на 35%; овец – на 40%; свиней – на 67%⁶).

Проводившаяся осенью и зимой 1929–1930 гг. кампания обострила продовольственную ситуацию в Немреспублике, и без того далеко не благополучную. Ещё в марте 1929 г. в столице АССР НП был введён нормированный отпуск хлеба по «заборным книжкам». Нормы отпуска составляли: рабочим и государственным служащим – 600 г; членам семей рабочих и госслужащих – 400 г; остальным – 300 г в сутки⁷. К осени продовольственная ситуация ухудшилась. 20 сентября Наркомат торговли АССР НП направил письмо ответственному секретарю обкома ВКП(б) и председателю ЦИКа Немреспублики, в котором проинформировал их о «катастрофическом» положении, сложившемся со снабжением населения хлебом и другим продовольствием. Особенно

критическим было положение в городах, где рабочие не получали положенных им скудных норм хлеба по несколько дней. Такая ситуация вызвала массовое недовольство рабочих, которые открыто осуждали политику хлебозаготовок, «нажим» на «крепких хозяев», закрытие базаров⁸.

3–6 декабря 1929 г. в Покровске состоялся объединённый пленум областного комитета и областной контрольной комиссии ВКП(б) АССР НП, который одобрил итоги и решения ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), подтвердившего курс на сплошную коллективизацию. Пленум объявил АССР НП районом сплошной коллективизации, определил в качестве основных организационных форм объединения крестьян в сельхозартель и коммуны, потребовал максимального обобществления имущества⁹.

Спустя несколько дней (8–11 декабря) в Республике прошёл 1-й съезд колхозников, на котором по инициативе партийного руководства Немреспублики и, в частности, организовавшего и проводившего съезд заведующего отделом обкома по работе в деревне А. Вельша¹⁰, был принят ряд решений, резко накаливших и без того напряжённую обстановку в деревнях. Съезд постановил коллективизировать всё имущество крестьян, включая мелкий скот, птицу, домашнюю утварь. В постановлении «О наступлении на религию» съезд провозгласил одной из важнейших задач колхозного движения «ликвидацию» религии и «закрытие церквей». Решения съезда колхозников даже в условиях начавшейся гонки за темпами коллективизации выглядели настолько экстремистскими, что несколько позднее обком партии вынужден был отмежеваться от них, признав их «левым загибом»¹¹. К январю 1930 г. в колхозы было загнано 73 600 крестьянских хозяйств (свыше 68%)¹².

Всё нараставшее возмущение крестьян в последние дни 1929 г. переросло в мощный социальный взрыв. Начались массовые выступления крестьян в десятках сёл Немреспублики против огульной коллективизации и раскулачивания, закрытия церквей. Острые формы выступления приняли в католических сёлах Каменского и Франкского кантонов. Как правило, инициаторами выступлений становились женщины. В ходе выступлений крестьяне освобождали арестованных, распускали колхозы, забирали назад собственное имущество, при этом возвращалось имущество и раскулаченным крестьянам¹³.

Наиболее остро события развивались в селе Мариенфельд¹⁴ Каменского кантона¹⁵. Они приняли форму открытого восстания. События в Мариенфельде вызвали серьёзную обеспокоенность в Центральном комитете ВКП(б). От областного комитета ВКП(б) АССР НП потребовали подробного отчёта о происшедших в Мариенфельде выступлениях¹⁶.

В приложении мы даём два официальных документа, иллюстрирующих эти события: запрос

из ЦК ВКП(б) о подробностях событий в Мариенфельде и подробный отчет об этих событиях, подписанный ответственным секретарем обкома ВКП(б) Республики немцев Поволжья Х. Горстом. Из документа 2 видно, что советская власть в Мариенфельде была свергнута фактически 26 декабря 1929 г. и восстановлена вооруженным путем лишь 21 января 1930 г.

Незатухавшие массовые антиколхозные выступления крестьян заставили руководство Немреспублики вникнуть в суть проблем, вызывавших крестьянские бунты. 11 января 1930 г. в район «беспорядков», в правобережную часть Немреспублики, прибыл председатель Центрального исполнительного комитета Республики немцев Поволжья И. Шваб¹⁷. В селе Келлер он провёл встречу с представителями сёл Келлер, Гильдман, Пфайфер, Лейхтлинг, Гебель, Семёновка. В ходе выступлений делегатов вскрылись во всей неприглядности картины массового насилия над крестьянством, создания колхозов на основе одного лишь голого принуждения, чинившегося местными партийными работниками, советским аппаратом. Массовыми были и факты оскорбления религиозных чувств верующих. Приведем лишь несколько фрагментов из выступлений крестьянских представителей.

Г. Гильдман (с. Гильдман): «Нам говорили, что кто не вступит в колхоз, тот из кооператива не получит товару, обявят бойкот, будет врагом соввласти. Колхоз получит самую наилучшую землю, а остальные будут выселены на плохие земли, а если земли не останется – угонят в калмыцкую или киргизскую степь, а то и в Сибирь... Эти угрозы заставили нас записаться в колхоз».

А. Диль (с. Семёновка): «Во время проведения сплошной коллективизации председателем было сказано: “Сегодня мы имеем торжественную ночь. Дело идёт или же к жизни, или к смерти. Кто к утру не вступит в колхоз, пойдёт через горы в ледяное море”. Мы видим, что нам житья не будет, и записались в колхоз. Ныне нас сильно угнетают...»

В. Мейзлер (с. Лейхтлинг): «Когда проходила сплошная коллективизация, нам говорили: “Кто не идёт в колхоз, того мы прижмём, как пресса прижимает жмыху”» (так записано в протоколе встречи. – А. Г.).

А. Гефнер (с. Пфайфер): «Мы хотели идти в церковь, а церковь была закрыта. Председатель церковного совета ответил, что ему приказали запереть церковь... Мы требовали выдачи конфискованного у патера имущества... Без патера мы жить не можем и будем его поддерживать»¹⁸.

Факты – вопиющие, и тем не менее встреча с крестьянством не изменила убеждения руководства АССР НП в том, что крестьянские выступления были инспирированы «кулацкими элементами». К ещё более суровым выводам пришла комиссия Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), изучавшая причины массовых кре-

стьянских выступлений в Немреспублике. Комиссия заключила, что там существует мощная «кулацко-контрреволюционная группировка», которая, опираясь на «беспомощность и ошибки парторганизаций» АССР НП, сумела организовать массовые «антисоветские выступления». На своём заседании 24 января 1930 г. бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) потребовало от обкома Немреспублики проведения «чистки» колхозов и советов от кулаков, строгого наказания коммунистов, допустивших в дни «беспорядков» малодушие и трусость¹⁹.

Как видим, причины крестьянских выступлений коммунистическое руководство края и Республики немцев Поволжья, как, впрочем, и Центр, видели не в своей антикрестьянской политике, не в насилии над основной массой сельских тружеников, а в происках «классового врага». О тенденциозности такого подхода свидетельствует, в частности, появившийся примерно в то же время красноречивый документ – «товарищеское письмо» прокурора и народного комиссара юстиции АССР НП М. Кельблера²⁰, направленное им на места участковым помощникам прокурора, членам Главсуда, народным судьям и следователям.

В письме автор упрекает своих подчинённых за допущение массовых незаконных арестов крестьян лицами, «никакого права на производства ареста не имеющими». По словам прокурора Немреспублики, арестовывают «все, кому не лень»: уполномоченные ЦИКа и кантисполкомов, председатели сельсоветов и колхозов, коммунисты и комсомольцы. «Арестованные эти сидят иной раз подолгу, причём никакого производства о них не ведётся и судебными органами ничего о них не известно. Иногда же и сами арестованные успевают позабыть о них», – отмечает М. Кельблер. Прокурор рекомендует всех незаконно арестованных освободить из-под стражи²¹. Однако в нагнетаемой партийной верхушкой атмосфере классовой ненависти к «кулацким элементам» письмо прокурора не привело к каким-либо изменениям. Так, уже 1 февраля 1930 г. ОГПУ АССР НП доложил обкому ВКП(б), что в январе им выявлено и ликвидировано на территории Немреспублики 9 «кулацко-повстанческих контрреволюционных группировок», в связи с этим арестовано 476 человек. Почти все арестованные являлись жителями «мятежных» сёл. Многие из них, в частности, арестованные в селе Мариенфельд, были приговорены к расстрелу²².

Для оказания «помощи» в коммунистическом преобразовании деревни партийно-советское руководство страны послало туда 25 тыс. промышленных рабочих, в первую очередь коммунистов. 29 января – 4 февраля в АССР НП прибыли и были распределены по кантонам и колхозам 318 ленинградских рабочих – «двадцатипяти тысячников». Многие из них приехали с семьями. Приезд рабочих совпал с началом новой мощной кампании насилия над крестьянством – раскулачиванием.

Ленинградцы были использованы в качестве «ударной силы» в создании новых колхозов и раскулачивании зажиточных крестьян. Впоследствии на постоянное жительство в Немреспублике осталось чуть больше 70 человек. Остальные по разным причинам вернулись в Ленинград в 1930–1931 годах²³.

Видя в широком, большей частью стихийном крестьянском сопротивлении коллективизации происки своих «классовых врагов» – кулаков, центральное партийное и советское руководство страны пришло к мысли о необходимости форсирования «ликвидации кулачества как класса». 30 января Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». На основании этого документа 2 февраля Президиум Нижне-Волжского краевого исполкома издал постановление «О мерах по ликвидации кулачества как класса». В постановлении отмечалось, что в Нижне-Волжском крае сплошная коллективизация проведена на 80 %, дальнейшему её осуществлению мешает «сопротивление кулаков». Постановление предписывало осуществить «ликвидацию кулачества» в крае до начала весенней посевной кампании²⁴.

В тот же день в административном центре Нижне-Волжского края – Саратове – состоялось совещание секретарей окружных и областных парторганизаций края. В его работе участвовал ответственный секретарь обкома ВКП(б) АССР НП Х. Горст²⁵. Совещание, опираясь на постановление ЦК ВКП(б), наметило «подвергнуть конфискации кулацкие хозяйства, исходя в среднем из 5–6% всех хозяйств по краю, то есть 50–60 тыс. хозяйств». Для Немреспублики была установлена «норма раскулачивания» в 7 тыс. хозяйств – на 1–1,5 тыс. больше, чем в любой другой административной единице Нижне-Волжского края²⁶.

На следующий день, 3 февраля, в Республике немцев Поволжья была образована «Особая областная комиссия по ликвидации кулачества». В комиссию вошли высшие руководители республики. На первом же заседании комиссия приняла решение о «мобилизации» всех коммунистов и комсомольцев на раскулачивание. 4 февраля комиссия утвердила «ориентировочные цифры» хозяйств, подлежащих раскулачиванию, по категориям и по кантонам: 1-я категория («активные контрреволюционеры, подлежащие аресту и заключению») – 570 хозяйств; 2-я (подлежащие высылке за пределы Нижне-Волжского края) – 1600 хозяйств; 3-я (подлежащие высылке за пределы Немреспублики) – 280 хозяйств; 4-я (подлежащие выселению из своих сёл в специальные «кулацкие посёлки») – 4900 хозяйств²⁷.

6 февраля комиссия по раскулачиванию утвердила «Оперативный план ОГПУ об аресте и высылке кулачества 1-й и 2-й категорий». План определял даты проведения арестов и конфискации по кантонам (10–17 февраля), силы и средства

для проведения данных операций. К проведению операций привлекались милиция и войска²⁸. В дополнение к плану прокурор АССР НП издал специальный циркуляр, в котором, основываясь на директивах партийных органов о раскулачивании, потребовал от участковых прокуроров активно участвовать в данной кампании, все дела по сопротивлению раскулачиванию передавать органам ГПУ для разрешения во внесудебном порядке, приговоры по делам раскулаченных выносить «с применением жестоких мер репрессии», подготовить места заключения для размещения большого числа арестованных и т. п.²⁹

10 февраля 1930 г. строго по плану в Немреспублике началась кампания раскулачивания семей, предназначавшихся к аресту и отправке первым маршрутом на Крайний Север. Раскулачивание проводилось тайно, по-воровски, ночью. Тем не менее скрыть от крестьян ничего не удалось. Весть о новых насилиях мгновенно распространилась по всем сёлам и вызвала бурю негодования. Вновь начались массовые крестьянские волнения. Документы свидетельствуют, что в защиту раскулаченных выступило абсолютное большинство сельских жителей. Во многих случаях они оказывали открытое сопротивление командам, выполнявшим задачу по раскулачиванию. Так, в сёлах Байдек и Обермонжу раскулаченные семьи удалось вывезти только после введения туда воинских подразделений³⁰.

Неожиданное для руководства АССР НП массовое сопротивление крестьян задержало кампанию по раскулачиванию на несколько дней. Первый маршрут с раскулаченными (267 семей, 1757 человек) – несколько эшелонов – был отправлен из Немреспублики 20–24 февраля на Крайний Север. Основная масса семей была выгружена и расселена в посёлке Сольвычегодск и окрестных деревнях³¹. Поволжские крестьяне попали в сложнейшие климатические и социально-экономические условия: лютая стужа, часто без жилья и без работы, моральный террор властей... Многие из них не смогли вынести этих испытаний.

В архивах сохранилось письмо одного из сосланных в Сольвычегодск. Вот несколько строк из него: «20 февраля сего года я выслан с места родины в город Сольвычегодск Северо-Двинской губернии по совершенно мне непонятным поводам и основаниям. Из дома я был взят для высылки ночью председателем сельсовета и милиционером... Выслан я со всей своей семьёй, состоявшей из 9 человек: жены моей 42 года; сыновей Георгия – 18 лет, Готлиба – 14 лет, Генриха – 11 лет, дочери Анны – 9 лет, сыновей Ивана – 8 лет, Якова – 6 лет, Филиппа – 4 года. Трое из них уже теперь умерли здесь от невозможно тяжёлых условий...»³² Письмо датировано 31 марта 1930 года. С момента высылки прошло всего около 40 дней!

После отправки из Немреспублики первого маршрута кампания по раскулачиванию продолжалась, накаляя политическую обстановку.

Массовые волнения крестьян охватили практически все сёла нагорной стороны и значительное число сёл левобережья. Крестьяне сёл Куккус, Моргентау, Кано и некоторых других по 2–3 дня противодействовали раскулачиванию своих односельчан. Волнения подавлялись вооружённой силой. После подавления волнений «мятежные» сёла подвергались суровым репрессиям (аресты и жестокое наказание «зачинщиков», штрафные увеличения норм сдачи продовольствия и др.)³³.

Второй маршрут, в Сибирь, был отправлен из Немреспублики 1 марта 1930 г. (210 семей, 1242 человека). Туда же были высланы 18 марта 326 семей (1766 человек) и 5 апреля 112 семей (806 человек). Всего же в феврале, марте и апреле из Республики немцев Поволжья было выслано 929 семей (5585 человек, в том числе 2465 детей). На их перевозку использовалось 139 вагонов³⁴. Раскулачивание, выселение продолжались и дальше.

Всего в 1930–1931 гг. из Немецкой автономии было выселено 4288 семей (24202 человека) – 3,7% от общей численности крестьянских хозяйств Немреспублики³⁵. Постепенно раскулачивание принимало характер репрессий за невыполнение заданий по хлебозаготовкам, «разбазаривание колхозного имущества», невыполнение различных повинностей и т. п. В таком виде оно продолжалось вплоть до конца 1933 г.³⁶

К марту 1930 г. в республике было коллективизировано почти 70 % крестьянских хозяйств³⁷. Руководство немецкой автономии вынашивало честолюбивые планы закончить сплошную коллективизацию к началу весенней посевной кампании. Тем неожиданной и неприятной для него, а также для местного партийно-советского актива стали опубликованная в «Правде» за 2 марта 1930 г. статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой, как известно, вся вина за «перегибы» была возложена на местное руководство, а также постановление ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»³⁸.

«Оттепель» в процессе коллективизации продолжалась около полугода. За период с марта по июль процент коллективизированных хозяйств в немецких селах снизился с 70% почти до 30% притом, что руководству и колхозному активу была поставлена задача «ни в коем случае не допустить развала колхозов»³⁹. Наряду с выходом из колхозов, ОГПУ констатировало развитие массового движения в крестьянской среде за возвращение в Немреспублику высланных за её пределы «кулаков», возвращение имущества раскулаченным, а верующим – церковью и колоколов⁴⁰.

В первых числах июня 1930 г. состоялась 17-я областная конференция ВКП(б) АССР НП. Несмотря на то что к этому времени в колхозах осталось лишь около трети крестьян, на конференции было заявлено о «бурном росте социалистического сектора», об «укреплении колхозного строя

в деревне». Конференция, как и состоявшийся в мае пленум обкома, одобрила проведённый курс на сплошную коллективизацию и «ликвидацию кулачества как класса», осудила «левые перегибы» и «правооппортунистические шатания», наметила завершить сплошную коллективизацию в 1931 году⁴¹.

Тем временем продовольственная ситуация в Немреспублике продолжала ухудшаться. 2 июля 1930 г. на своём заседании бюро обкома партии оценило её как неудовлетворительную. Было отмечено, что слабые ещё колхозы новый план хлебозаготовок «не вытянут» и поэтому главным объектом для извлечения хлеба опять становился единоличник. Обком спланировал норму изъятия от валового сбора зерна: у единоличников – 40%, у колхозов – 33%. На практике же в ходе хлебозаготовительной кампании 1930–1931 гг. эти нормы значительно превышались⁴².

Из-за непосильных для крестьян планов и норм начавшаяся с июля 1930 г. очередная кампания хлебозаготовок проводилась с применением массовых репрессий как по отношению к крестьянам, так и по отношению к партийным и советским работникам, «не обеспечившим» выполнение плана. 2 ноября 1930 г. Нижне-Волжский крайком ВКП(б) в целях «подтягивания отстающих районов по хлебозаготовкам» принял решение об организации «краевого социалистического штурма отстающих районов». Для проведения «штурма» организовывались «штурмовые бригады» в количестве 15–20 человек (партийный и комсомольский актив, «лучшие колхозники»).

В АССР НП было создано свыше 150 «штурмовых бригад», представлявших собой по сути дела продотряды 1919–1920 гг. Действия штурмбригад, выполнявших взятые на себя «революционные самообязательства», существенно ужесточили хлебозаготовительную кампанию, привели к новому всплеску насилия и беспредела. «Штурмовые бригады» под черными флагами прибывали в село, окружали его и проводили тотальную проверку хозяйственных объектов, огородов, жилья на предмет выявления зерна. Весь найденный хлеб конфисковывался. Значительным числом штурмовых бригад руководили двадцатипятидесятники⁴³.

Больше всего досталось единоличникам, против которых был направлен главный удар штурмбригад. Вынужденные обеспечить себе и своим семьям хоть сколько-нибудь сносное существование, стремясь избежать дискриминации, третирувания, морального и физического террора со стороны партийных, советских, хозяйственных органов и штурмбригад, единоличники вновь пошли в колхозы. Началась «вторая волна» коллективизации. До конца года в колхозы вступило свыше 30 тыс. семей единоличников⁴⁴.

15–19 января 1931 г. состоялся очередной пленум обкома ВКП(б), рассмотревший задачи колхозного строительства. Пленум отметил

«громадные успехи в деле социалистического переустройства деревни». Было объявлено, что Зельманский, Маркштадтский, Фёдоровский и Палласовский кантоны завершили сплошную коллективизацию. Пленум выразил уверенность, что «решения партии об окончании в основном сплошной коллективизации в Нижне-Волжском крае к весне 1931 г.» в Немреспублике будут выполнены. Такими же мотивами были проникнуты и решения состоявшегося 31 января 1931 г. 2-го республиканского съезда колхозников⁴⁵.

На почве полной «выкачки» продуктов в ряде кантонов (Маркштадтском, Фёдоровском и др.) были зафиксированы факты голодания. Голодали в основном семьи единоличников и раскулаченных. А вообще к этому времени недоедание прочно становится массовым и обыденным явлением в городах и сёлах Республики немцев Поволжья.

Голод делал людей покорными и послушными. К середине апреля 1931 г. число коллективизированных крестьянских хозяйств составило 85,5%. Эта цифра послужила основанием для созыва заседания бюро обкома партии, на котором рассматривался только один вопрос: «О коллективизации в АССР НП». Бюро постановило, что сплошная коллективизация в Республике немцев Поволжья в основном завершена. Было принято решение направить специальный рапорт об этом в ЦК, И. В. Сталину и в Нижне-Волжский краевой комитет ВКП(б)⁴⁶.

Рапорт подготовили очень быстро, он получился чрезвычайно помпезным. Венчал его заголовок: «Парторганизация Немреспублики рапортует организатору социалистических побед». Далее следовал текст: «Центральный Комитет ВКП(б), тов. Сталину. Областной Комитет ВКП(б) Немреспублики доносит ленинскому ЦК и его руководителю – стойкому ленинцу – т. Сталину, что партийная организация Немреспублики, неуклонно проводя генеральную линию партии, одержала крупную победу на фронте построения фундамента социалистической экономики СССР и завершила в основном сплошную коллективизацию Немреспублики...»⁴⁷

Видимо, ЦК ВКП(б) и товарищ Сталин не приняли данный рапорт и не согласились с выводами, сделанными обкомом партии Немреспублики, поскольку «победный звук фанфар», продолжавшийся всего несколько дней, внезапно смолк, ответственный секретарь обкома Х. Горст в начале мая был вызван в Москву на «проработку» и далее опять продолжалась борьба за сплошную коллективизацию.

Центр признал первенство Немреспублики в осуществлении коллективизации лишь спустя почти два месяца, когда процент коллективизации здесь достиг наивысшего по СССР уровня – 95%. 20 июня объединённый пленум обкома партии и областной контрольной комиссии ВКП(б) уже с санкции вышестоящих органов официально объявил, что «Немреспублика первая по всему

Советскому Союзу закончила сплошную коллективизацию и достигла к настоящему времени наивысшего процента коллективизации»⁴⁸.

Таким образом, руководителям Республики немцев Поволжья все же удалось сломить сопротивление немецких крестьян и получить сомнительную славу победителей в «борьбе» за осуществление сплошной коллективизации в СССР.

Процесс коллективизации в Немреспублике продолжался и далее (на 1 июля – 96,6 %, на 1 августа – 98,7 %). В большинстве кантонов к осени было коллективизировано 100 % хозяйств⁴⁹.

Приложение 1

Документы о восстании в селе Мариенфельд

1.

Телеграмма из ЦК ВКП(б) партийному руководству АССР немцев Поволжья (6 февраля 1930 г.)

из Москвы № 53117 6 февраля 1930 г.
Покровск⁵⁰ Нем. Пов. Обкому немцев Поволжья

Сообщите срочно подробности дела селе Мариенфельд Каменского кантона.

Информстатсектор Маленков⁵¹.

ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 84.

2.

Отчет областного комитета ВКП(б) АССР немцев Поволжья о событиях в селе Мариенфельд в декабре 1929 – январе 1930 гг.⁵²

9 марта 1930 г. Совершенно секретно
Центральному Комитету ВКП(б),
№ 147 с/с Информ-стат. сектору

В ответ на телеграмму о событиях в селе Мариенфельд Каменского кантона ОК⁵³ ВКП(б) имеет сообщить следующее:

Массовые волнения в с. Мариенфельд берут свое начало с середины декабря месяца 1929 года, когда местные партийные и советские органы приступили к работе по обобществлению всего крестьянского скота в колхозе.

На состоявшемся в середине декабря месяца кантонном съезде колхозов, наряду с другими вопросами, обсуждался также вопрос о закрытии церкви. Избранные на этот съезд делегаты от с. Мариенфельд оказались не только противниками колхозостроительства, но и антисоветски настроенными лицами, которые по приезде на село⁵⁴ растолковывали постановления съезда в своем духе.

Местное кулачество, учтя недовольство масс колхозным строительством вообще и обобществлением, главным образом, молочного скота, повело агитацию, что на съезде постановлено: «Церковь закрыть... патеров сажать... религию долой... колокола снять... семян не дадут, продуктов тоже, беднота должна умереть

с голоду, совласть обобществляет не только инвентарь, но и жен и детей, что детей Мариенфельдских отправят в другие места, а оттуда детей привезут в Мариенфельд...»

Эта агитация проводилась на улицах, нелегальных собраниях, устраиваемых на разных квартирах и имела своим последствием, что утром 26 декабря население целиком разгромило колхоз, состоявший из 380 хозяйств. Движение носило настолько озлобленный характер, что тем немногим, которые не хотели брать свое имущество из колхоза, выгоняли скот их из конюшни на улицу и самим угрожали расправой.

Акт этот не получил немедленного отпора со стороны кантонных властей и ссылаясь на безнаказанность кулаки стали усиленно распространять слухи, что «Советской власти уже нет, а приезжающие в село коммунисты есть отдельные единицы, которые еще до поры до времени болтаются, что их слушать не нужно, это их последние попытки к привлечению на свою сторону людей, которые после переворота будут несчастными».

Все эти агитации вместе взятые сильно повлияли в сторону ухудшения настроения всех прослоек крестьянства, которые на общих собраниях граждан, созывавшимися⁵⁵ представителями кантцентра, ничего слушать не хотели и все время прерывали докладчиков выкриками: «Долой! Все это ложь и обман! Нас обманывают, нас продают! Прогнать их отсюда, их мало убить! Перестаньте, не хотим больше слушать ваших басен, если жить хотите, то убирайтесь к чертям» и пр.

Местному активу на собраниях нельзя было не только выступать и говорить, но и появляться, так как их появление озлобляло массу.

Сельсовет, при появлении слухов и недовольств колхоз-строительством, обсудил это положение и вынес следующее постановление:

«Кулачество села сорганизовалось в единый блок, повело усиленную агитацию против всех мероприятий соввласти и, если не будут приняты своевременные меры, то грозит опасность срыва всех мероприятий власти на селе в общем, и колхозному строительству, в частности».

Сельсовет на этом же заседании вынес постановление о предании суду 13 кулаков как злостных агитаторов и главных организаторов события. Работники кантцентра⁵⁶ убедившись, что никакая агитация не в состоянии ликвидировать создавшееся положение, решили реализовать постановление с/совета, выслав для этой операции 4 милиционера, судью и нарследователя.

Последний тут же по приезде вечером стал вызывать и допрашивать и соответствующих лиц оставлял тут же под арестом. Сыновья этих арестованных кулаков, а также оставшиеся на свободе кулаки повели в эту ночь усиленную агитацию и подготовили массу к прямому контрреволюционному выступлению. К утру масса действительно была подготовлена и когда милиционеры повели 7 человек из здания с/совета по направлению к школе, где должно было состояться судебное заседание, то толпа примерно, в 400-500 человек насильственным путем их освободила и оттуда двинулась к с/совету, где освободила и остальных 12 человек. Здесь толпа вела себя еще наглее и оказала милиционерам, попытавшимся и здесь отстоять арестованных, сопротивление, угрожая немедленной

расправой, делала попытки их обезоружить, причем все время были выкрики: «Бери их, отнимай оружие... бей сволочей... не бойся их, они стрелять бояться – мы власть, а не они...»

Когда к этому моменту подоспел член президиума КИК⁵⁷ т. Громан и делал попытки вмешаться в это дело, то толпа моментально его окружила и грозила также расправой. Кто-то схватил его за грудь и стал трясти, говоря: «Сейчас посчитаемся – или я или ты – один из нас ляжет мертвым».

До убийства однако дело не дошло, толпа же стала выставлять определенные требования и все время кричала: «Не дать больше ни одного арестованного из села, а если кто осмелится взять, то будет убит на месте».

Репрессивные меры при таком положении и с такой силой, естественно нельзя было приложить, что истолковывалось опять-таки со стороны кулаков, как бессилие власти, и доказательством правоты их дела.

Таким образом, массовое недовольство, начавшееся на религиозной почве и против колхозов, быстро переросло в прямое контрреволюционное выступление против соввласти. Ежедневно по вечерам стали собираться в частных квартирах, где обсуждались вопросы борьбы с властью и проводимых ею мероприятий⁵⁸.

Кроме того, усилился убой скота рабочего (быков) мотивируя тем, что они больше сеять не хотят и весной всем селом эмигрируют за границу⁵⁹.

В результате в село Мариенфельд было направлено 17 человек во главе с уполномоч. ГПУ для изъятия зачинщиков и вожаков к-р. выступлений, однако и они натолкнулись на сопротивление. Когда в ночь с 17 на 18 января приступили к операции изъятия, то при требовании открыть дверь, получали ответ: «По ночам ходят только грабители, если что нужно, то приходите днем» или «Зайдите, мы вас ждем».

В силу того, что никто из подлежавших аресту добровольно двери не открывал, отряд приступил к насильственному приводу в сельсовет. Многие из них изнутри стали разбивать окна и кричать на улицу: «Караул! Грабители! и т. п.»

Многие из арестованных, выходя на улицу, стали оказывать здесь прямое сопротивление. Так напр. кулак Бургард Алоизий, у которого пришлось двери насильственно вскрыть, стоял одетым уже со своими 2 сыновьями и на требование следовать за милиционером не подчинился, т. что пришлось его вытащить. Тут он велел сыну, подоспевшему с топором в руках ударить милиционера, что тот и выполнил, но топор пролетел мимо и вреда милиционеру не причинил. Арестованного пришлось милиционеру бросить, а сам спасся только бегством, благодаря подоспевшей помощи.

Другие напр. тоже отказывались следовать в с/совет и ложились и стали кричать: «Грабят... убивают...» На крики стала собираться толпа, потребовавшая освобождения арестованных и когда толпа обнаружила, что арестованных 11 человек в с/совете уже нет, стали принимать меры к розыску, причем быстро был создан отряд около 200 всадников, который был разослан во все направления, но арестованных догнать уже не мог.

В силу этого арестовать всех намеченных 17 человек не удалось. Некоторое время спустя, когда отряд узнал, что арестованные были направлены на ст. Авилово, они кинулись туда, но за несколько минут до их прибытия, арестованные были отправлены дальше в

Камышин. Вслед за этим начались розыски актива села и председателя с/совета и не найдя их (они отступили с отрядом) стали разбивать им окна.

На следующий день собравшаяся толпа потребовала распределения имевшегося в общественном амбаре хлеба и картофеля, конфискованного у кратников. Насильственным образом были взяты ключи и произведена выдача, причем наделялись и кратники-кулаки.

21 января при помощи прибывшего отряда в 40 человек во главе с начальником Камышинского окротдела⁶⁰ ГПУ операция по аресту была доведена до конца, причем арестовано всего 61 человек, из коих преобладающее большинство кулаки и кратники.

Кроме того, подлежало аресту еще 14 кулаков-кратников, которые успели до операции скрыться.

После операции было созвано общее собрание граждан, где значительная часть бедняков открытым выступлением признали ошибочным свое участие в массовом движении.

Отмечается тенденция опять возвратиться в колхоз.

Отв. секретарь ОК ВКП(б) Горст

ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 81-83.

Приложение 2

Современные названия и месторасположение бывших немецких сел, упоминаемых в статье

№ п/п	Название немецкого села	Современное название села	Современное месторасположение села
1	Келлер	Караульнобуерачное	Камышинский район Волгоградской области
2	Гильдман	Пановка	
3	Пфайфер	Гвардейское	Красноармейский район Саратовской области
4	Лейхтлинг	Иловлинка	Камышинский район Волгоградской области
5	Гебель	Усть-Грязнуха	
6	Семёновка	Семеновка	
7	Байдек	Луганское	Красноармейский район Саратовской области
8	Обермонжу	Кривовское	Марковский район Саратовской области
9	Куккус	Приволжское	Ровенский район Саратовской области
10	Моргентау	Суетиновка	Старополтавский район Волгоградской области
11	Кано	Кано	
12	Ней-Галка	Палласовка	Палласовский район Волгоградской области
13	Блюменфельд	Цветочное	Старополтавский район Волгоградской области
14	Тонкошуровка, Мариенталь	Советское	Советский район Саратовской области

Примечания

- 1 См.: Жеромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: Политика, осуществление, результаты. М., 2006; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994; Маслов С. С. Колхозная Россия: История и жизнь колхозов. М., 2007; Миронин С. Сталинский порядок. М., 2007; Тенцов Н. В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х годов. М., 1990; Фитцпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001 и др.
- 2 См.: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / под ред. А. Н. Сахарова [и др.]. М., 2008; Сталинское Политбюро в 30-е годы: сб. документов. М., 1995; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. М., 2012; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: в 5 т.: 1927–1939 / отв. ред. В. Данилов. М., 1999–2006; «Тянут с мужика последние жилы...»:

налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): сб. документов и материалов. М., 2007 и др.

- 3 Пока эта проблема исследована лишь в самом общем виде. См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М., 2007. С. 247–263.
- 4 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1714. Л. 28.
- 5 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1714. Л. 48. Кратирование – многократное увеличение норм сдачи продовольствия государству, применявшееся по отношению к «кулацким» хозяйствам с целью их разорения. Формально применялось как мера наказания в случае невыполнения хозяйством первоначально установленной завышенной нормы сдачи продовольствия.
- 6 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1754. Л. 23.
- 7 Там же. Д. 1569. Л. 170.
- 8 Там же. Д. 1612. Л. 402–403.
- 9 Там же. Д. 1678. Л. 1–10.
- 10 Вельш Адам Андреевич (Welsch Adam), родился в 1893 г. в с. Ровное (Зельман) Новоузенского уезда Самарской губернии в бедной крестьянской семье, с 8 лет начал работать батраком. С 1910 г. грузчик на хлебной пристани. В 1914–1917 гг. служба в армии.

- В начале 1918 г. вернулся в Ровное, избран председателем местного Совета, вошел в состав уездной ЧК. В 1922–1923 гг. учеба в Покровской советско-партийной школе, затем – председатель исполкома Кукуского кантонального Совета. В 1925–1926 гг. учеба на курсах уездных партийных работников при ЦК ВКП(б). В 1926–1928 гг. ответственный секретарь кантональных комитетов ВКП(б) в Мариентале и Бальцере. В 1928–1930 гг. заведующий отделом по работе в деревне обкома ВКП(б), нарком земледелия АССР НП. В 1932–1933 гг. учеба на курсах марксизма-ленинизма в Москве. В 1935–1936 гг. А. Вельш – председатель ЦИК и СНК АССР НП, с февраля 1936 г. до января 1937 г. первый секретарь обкома ВКП(б) АССР НП. В марте – августе 1937 г. председатель ЦИК АССР НП. В августе 1937 г. арестован, в том же году расстрелян.
- ¹¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 52–53.
- ¹² Там же. Д. 1716. Л. 17.
- ¹³ Там же. Д. 1575. Л. 184–190.
- ¹⁴ Мариенфельд (Николаевское) – немецкое католическое село, основано в 1852 г. на левом берегу р. Мокрая Ольховка Камышинского уезда Саратовской губернии (в 25 км северо-западнее Камышина). В 1930 г. входила в Каменский кантон Республики немцев Поволжья. По переписи 1926 г. численность жителей – 2027 человек, все немцы. В сентябре 1941 г. население Мариенфельда было депортировано в Сибирь и распределено по нескольким районам Омской области. Ныне – с. Ново-николаевка Котовского района Волгоградской области.
- ¹⁵ В АССР немцев Поволжья административно-территориальные единицы назывались не районами, как по всему СССР, а кантонами.
- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 84.
- ¹⁷ Шваб Иоганнес Фридрихович (Schwab Johannes), родился в 1888 г. в крестьянской семье. Экстерном закончил Екатерининштадтское центральное училище и получил звание учителя. Работал в школах сел Ней-Галка, Блюменфельд, Ровное. С 1918 г. заведующий отделом народного образования, с марта 1920 г. председатель Ровненского уездного исполкома. В июне 1920 г. был арестован за «противодействие» продовольственной политике и до конца 1920 г. провел в заключении. В 1921–1922 гг. — председатель областной ЧК, в 1922–1924 гг. зав. Отделом агитации и пропаганды обкома партии. С 1924 по 1930 гг. Председатель ЦИК АССР немцев Поволжья. В начале 1930 г. за попытку найти «общий язык» с «кулаками» (крестьянами восставших сел) снят с должности, и далее работал мелким служащим. В 1935 г. по ложному обвинению арестован, остаток жизни провел в тюрьмах. Расстрелян 14 октября 1938 г.
- ¹⁸ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 184–190, 215.
- ¹⁹ Там же. Л. 174–175.
- ²⁰ Кельблер Михаил Иосифович (Kelbler Michael), родился в 1889 г. в с. Тонкошуровка (Мариенталь) Николаевского уезда Самарской губернии в крестьянской семье. О нем удалось собрать лишь фрагментарные сведения. В конце 1920-х гг. занимал должность прокурора и наркома юстиции АССР НП. В 1930 г. был снят с этой должности. В 1937 г. репрессирован, отбывал наказание в Устьвымлаге (Коми АССР). 10 ноября 1941 г., являясь заключенным, был обвинен в новом преступлении и оказался под следствием. Верховный суд Коми АССР при Устьвымлаге НКВД 3 января 1942 г. приговорил М. И. Кельблера к высшей мере наказания – расстрелу.
- ²¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 76–77.
- ²² Там же. Л. 76 ; Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 180. Л. 32–34.
- ²³ Подробнее см.: Герман А. А. Ленинградские рабочие-двадцатипятипятитысячники в Республике немцев Поволжья : участие в коллективизации, дальнейшая судьба // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев : научный журнал. 2015. № 1. С. 144–155.
- ²⁴ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821. Л. 4–6.
- ²⁵ Горст Христиан Христианович (Horst Christian), родился в 1900 г. в семье рабочего, рано начал трудовую деятельность. В 1918 г. вступил в РКП (б). Работал в комсомольских и партийных структурах. С 1927 г. заместитель ответственного секретаря, с декабря 1929 г. по июнь 1932 г. ответственный секретарь обкома ВКП(б) АССР НП. В дальнейшем переведен на партийную работу в Азербайджан. В 1937 г. репрессирован, до середины 1950-х гг. провел в лагерях. Последнее упоминание о нем относится к началу 1960-х гг.
- ²⁶ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 223.
- ²⁷ Там же. Д. 1826. Л. 1–5.
- ²⁸ Там же. Л. 7–12 ; Д. 1820. Л. 73–84, 93–96.
- ²⁹ Там же. Д. 1575. Л. 197–198.
- ³⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1574. Л. 22 ; Д. 1575. Л. 197–198.
- ³¹ Там же. Д. 1574. Л. 22 ; Д. 2086. Л. 11.
- ³² Там же. Д. 1575. Л. 76–77.
- ³³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1574. Л. 22 ; Д. 1826. Л. 29.
- ³⁴ Там же. Д. 2086. Л. 10–11.
- ³⁵ Там же. Д. 1737. Л. 235, 296, 324 ; Д. 2086. Л. 8–11.
- ³⁶ Весной 1933 г., когда в Немецкой автономии свирепствовал голод, унёсший тысячи жизней, многие крестьяне, в том числе и коммунисты, отказывались или не могли, ввиду отсутствия, сдавать зерно в семенной фонд. За такую дерзость 38 семей коммунистов были раскулачены и 9 апреля 1933 г. отправлены в Сибирь на станцию Усяты Томской железной дороги. См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1737. Л. 372, 429 ; Д. 1916а. Л. 29, 30.
- ³⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 17.
- ³⁸ Там же. Д. 1574. Л. 7–24.
- ³⁹ Там же. Д. 1575. Л. 203, 204.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1738. Л. 123.
- ⁴¹ Там же. Д. 1744. Л. 1–21.
- ⁴² Там же. Л. 37–38.
- ⁴³ Там же. Д. 1696. Л. 73–74.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1734. Л. 2.
- ⁴⁵ Там же. Д. 1821. Л. 1–12 ; Д. 1737. Л. 191.
- ⁴⁶ Там же. Д. 1709. Л. 232 ; Д. 1831а. Л. 171.
- ⁴⁷ Там же. Д. 1831а. Л. 172.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1737. Л. 300.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1809. Л. 89, 156.
- ⁵⁰ Покровск (ныне Энгельс) – город на левом берегу Волги, напротив Саратова. В 1922–1941 гг. столица Республики немцев Поволжья.
- ⁵¹ Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988) –

государственный и партийный деятель, соратник И. В. Сталина. Член ЦК КПСС (1939–1957), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1941–1946), член Политбюро ЦК КПСС (1946–1957), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1939–1952), секретарь ЦК КПСС (1939–1946, 1948–1953), депутат Верховного Совета СССР 1–4 созывов. Председатель Совета Министров в 1953–1955 гг. В 1930 г. занимал должность заведующего информационно-статистическим сектором Организационного отдела ЦК ВКП(б).

- ⁵² Документ приводится с соблюдением современных правил правописания русского языка (за исключением случаев, отмеченных примечаниями) при сохранении оригинального стиля изложения материала. Комментарии к тексту документов – авторские.
- ⁵³ ОК, обком – областной комитет. Речь идет об областном комитете ВКП(б) Республики немцев Поволжья. В АССР немцев Поволжья, как и в других автономных республиках СССР республиканские партийные органы имели статус областных.
- ⁵⁴ Так – в оригинале текста.
- ⁵⁵ Так – в оригинале текста.
- ⁵⁶ Кантональный центр – с. Гримм (Лесной Карамыш). Ныне – пос. Каменский Красноармейского района Саратовской области.

⁵⁷ КИК, кантисполком – исполнительный комитет кантонального Совета.

⁵⁸ Так – в оригинале текста.

⁵⁹ Агрессивный сталинский социализм покушался на самые главные ментальные ценности немцев, имевшие европейское происхождение – частную собственность, индивидуализм, вековые традиции хозяйствования и жизни, религию и тесно связанную с ней народную культуру. Настойчивость и жесткость, с которой сталинский социализм начал внедряться в повседневную жизнь, не оставляли немцам никаких надежд на будущее. Поэтому в их среде всё больше распространялось и укреплялось мнение, что спасти себя они могут лишь одним: покинув пределы СССР, эмигрировав в Германию, Америку, в любую другую страну, где никто не будет покушаться на их привычный уклад жизни. Эмиграционное движение в АССР немцев Поволжья, в отличие от других регионов проживания немецкого населения в СССР, не получило развития, т. к. еще в зародыше было подавлено репрессиями. Подробнее об этом см.: *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р. История немцев России. М., 2005. С. 340–345.*

⁶⁰ Окротдел – окружной отдел. В 1930 г. АССР немцев Поволжья входила в Нижневолжский край, который делился на округа. В данном случае речь идет о Камышинском округе и Камышинском окружном отделе ОГПУ.

Образец для цитирования:

Герман А. А. Из истории крестьянского сопротивления коллективизации в Саратовском Поволжье // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 407–416. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-407-416.

Cite this article as:

German A. A. On the History of Peasant Resistance to Collectivization in the Saratov Volga Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 407–416 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-407-416.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ЯНА КВАЧАЛЫ С ЙОЗЕФОМ КРУМПХОЛЦЕМ

Рецензия на книгу: Libor Bernát a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Josefom Krumpholcom. Bratislava: Eko-konzult, 2016.

Поскольку совсем недавно вышла моя рецензия на публикацию Л. Берната корреспонденции Яна Квачалы со словацким деятелем Й. Шкултети, то в определенной степени следует отталкиваться от позитивных оценок пребывания Я. Квачалы в дореволюционной России в Юрьевом (Дерптском) университете¹.

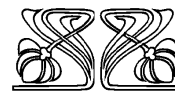
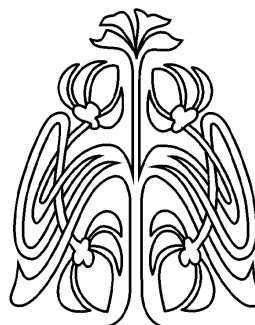
Квачала бесспорно привнес в российскую комениологию новый импульс, включившись в деятельность комениологического отделения Педагогического музея в Санкт-Петербурге (определенный аналог берлинского Comenius Gesellschaft). Названное отделение усматривало «в лице Квачалы лучшего в настоящее время знатока Коменского».

Считаю, что Я. Квачала за время пребывания в России стал олицетворением европейской комениологии без границ, ученым-теологом рубежа XIX–XX веков с широким кругозором.

За последние годы словацкий исследователь Л. Бернат проявил себя знатоком научного наследия Квачалы. В прошлом году вместе с коллективом чешских и словацких ученых он подготовил следующую по счету в квачаловской серии объемную публикацию исторических источников. Вышедшая в Словакии книга представляет собой несомненный интерес, как для богемистов, так и для словакистов и всех комениологов вообще. В этом труде Л. Бернат существенно углубил географические рамки исследования научных инициатив Квачалы, расширив рассмотрение его творческих связей с чешскими землями, и особенно с чешско-моравским регионом, граничащим со словацкими землями.

Новое издание Берната о Квачале представляет собой публикацию переписки (как на чешском, так и на словацком языках) видного комениолога XX в. Яна Квачалы из российского Юрьева (Дерпта) с другим, менее известным коллегой – моравским деятелем-энтузиастом Йозефом Крумпхолцем (1870–1950 гг.). Имя последнего мало что ныне говорит несведущему читателю, хотя ему как комениологу в свое время были посвящены отдельные чешские труды. В 1900-е годы Крумпхолц был учителем средней школы в Моравии близ г. Пршеров и активным членом Моравского учительского общества. Он относился к ценителям Квачалы, а затем даже стал одним из первых его биографов.

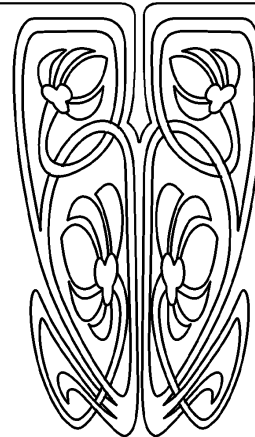
Тесное сотрудничество этих двух ученых-комениологов установилось со второй половины 1900-х годов. По инициативе Общества чешских учителей в Моравии был создан особый комитет по изданию «Полного собрания сочинений Яна Амоса Коменского» (Veškeré spisy J. A. Komenského, сокращенно – VSJAK). В главные редакторы этого издания по предложению известного чешского комениолога Яна Вацлава Новака (1853–1920 гг.) был выдвинут Ян Квачала. В начале 1909 года особый договор с учительским обществом утвердил Квачалу главным редактором VSJAK, что стало важной вехой в творческой биографии как Квачалы, так и Й. Крумпхолца – главной опоры Квачалы в Моравии. Тогда же были опубликованы особые правила по изданию различного рода сочинений Коменского. В каждом выпуске VSJAK должна была даваться краткая характеристика того или иного публикуемого труда,

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

история его возникновения и библиография. Квачалой был составлен временной график издания из тридцати томов, которые должны были выйти в 1909–1923 годы.

Заслугой Л. Берната и его коллег является то, что в целом ряде чешских, моравских и словацких архивов ими была выявлена многочисленная корреспонденция Я. Квачалы и Й. Крумпхолца касательно прежде всего деятельности по изданию «Полного собрания сочинений Я. А. Коменского».

Во вводной части публикации Л. Бернат (с. 17–23) систематизирует собранные материалы и характеризует возникавшие проблемы. Им приведены также ранее неизвестные данные о различных встречах организационного характера моравских активистов учительского общества с Квачалой и об уходе Квачалы летом 1914 года с поста главного редактора «Полного собрания сочинений Я. А. Коменского». Начатое издательское дело VSJAK было возобновлено лишь после создания независимой Чехо-Словацкой республики в 1918 году.

Во введении Берната к публикации важное место занимает, кроме того, характеристика периодического издания – журнала «Архив по изучению жизни и трудов Я. А. Коменского» (*Archív pro bádání o životě a spisech J. A. Komenského*), главным редактором которого с 1910 по 1923 год также являлся Квачала. Этот моравский журнал стал своего рода дополнением к изданию «Полного собрания сочинений Я. А. Коменского». В его задачи входило побудить исследователей к поиску новых источников о жизни и деятельности Коменского и к их своевременной публикации. Подчеркнем, что большую часть материалов в журнал чаще всего предоставлял сам Ян Квачала, вклад же остальных авторов был, на наш взгляд, незначительным.

Моравское учительское общество рекомендовало публиковать материалы преимущественно на чешском и словацком языках, в то время как Квачала предлагал печатать работы также и на других языках (см. об этом с. 23). Характеристику Л. Бернатом «Архива...» можно отнести к наиболее удачным частям рецензируемого труда (с. 23–31). Здесь же автор углубляет насколько возможно объективную критику Квачалы при работе над моравскими проектами по комениологии, хотя в своих оценках Бернат чаще идет за взглядами пражской школы историка Голла, развивавшей критическое отношение к ученому из российского Дерпта. На мой взгляд, развитие критического настроения Берната в отношении Квачалы не всегда учитывает соперничество различных комениологических школ в Европе того времени.

Отдельный параграф вводной части рецензируемого тома (написанной в целом удачно) посвящен характеристике научных связей Крумпхолца и Квачалы после возвращения того из России в Словакию в 1920 году.

Очевидно, что Л. Бернат в настоящее время является не только в Словакии, но и в Чехии

одним из ведущих знатоков архивных фондов по избранной проблематике. Бросается в глаза, что многочисленные архивные материалы вводятся им в научный оборот впервые. Бернат использовал даже некаталогизированные еще фонды Богословского евангелического факультета Университета Коменского в Братиславе. Этот архив и, кроме того, Архив АН ЧР в Праге, Моравский земельный архив в Брно, а также фонды Музея им. Коменского в Пршерове Бернат ценит, видимо, больше всего и их значение для публикации в примечании издателей подчеркивается особо. Список использованных в публикации архивов Чехии и Словакии приводится на с. 416–418. Одно лишь их перечисление могло бы занять отведенный для рецензии скромный объем, поэтому отсылаем читателя к этому списку архивов. Заметим лишь, что на с. 416 в заголовке «Список источников и литературы» допущен пропуск союза «и». В целом же вспомогательный аппарат труда выполнен на добротном уровне, в этом сказался большой издательский научный опыт Берната как руководителя авторского коллектива. В книге содержатся важные перечни – указатели публикуемых документов, именной и географических названий и др. На с. 410 вверху отмечу досадный пропуск буквы (*V miestnom registri*).

В конце книги прилагается список наименований основной использованной исторической литературы – трудов Квачалы, Крумпхолца и так называемой «остальной» литературы. Последний список без труда мог бы быть шире.

Интерес представляют также публикуемые впервые фотоматериалы, касающиеся жизни обоих корреспондентов, и исторические виды городов, в которых проживали и бывали Квачала и Крумпхолц (*obrazová príloha*, s. 431–441): Петровец, Дерпт (Юрьев), Пршеров, Турчианский св. Мартин.

Из замеченных недостатков отмечу досадный пропуск сноски 40 и отдельные недочеты в написании имен на русском и немецком языках (с. 15, 55, 87, 164). На с. 15 допущены фактические ошибки – премии имени Котляревского (не *Koljarevského*) Квачала был удостоен в России не в 1905, а в 1903 году.

Но ведь без огрехов книг не бывает, тем легче их найти в таком сложном тексте на чешском, словацком и других языках рубежа XIX–XX веков.

В целом публикаторские усилия Л. Берната и руководимого им коллектива следует считать удачными. Думаю, что этот весомый труд заслуживает одобрения как богемистов и словакистов, так и специалистов гуманитарного профиля и особенно комениологов. Рецензируемая публикация переписки Квачала–Крумпхолц, без сомнения, носит позитивный характер. Она представляет собой весомый вклад в развитие не только словацкой, но и чешской комениологии и, думается, оставит заметный след в развитии современной словацкой историографии.

Примечания

- ¹ *Фирсов Е. Ф.* Корреспонденция Яна Квачалы с Йозефом Шкултети : Рецензия на книгу : Libor Bernát a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Jozefom Škultétyom. Bratislava: Eko-konzult, 2015 // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 501–502; *Фирсов Е. Ф.* Ученый-комениолог Ян Квачала в России (источники о научной деятельности из Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб. : Д. Буланин, 2009. С. 223–245.

Е. Ф. Фирсов,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории славян
исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Рецензия на книгу: Лёвин С. В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Рецензируемая монография С. В. Лёвина посвящена актуальной и недостаточно изученной в российской историографии проблеме становления и развития земских статистических учреждений в губерниях Поволжья, входивших во внутреннюю окраину Российской империи, на территории которой во второй половине XIX в. сформировалась новая российская житница, поставившая на внутренний и внешний рынки сельскохозяйственную продукцию – товарное зерно и муку.

Выбор предмета исследования объясняется также и тем, что земские статистические учреждения осуществляли не только текущий учет разнообразных сторон жизни крестьян и функционирования их хозяйств с учетом почвенных и климатических условий, но и разрабатывали программы проведения статистических исследований, в которых использовались современные для того времени методы и математические приемы обработки данных, что позволяло определять вектор развития аграрного сектора губерний, входивших в лесную, лесостепную и степную зоны Поволжья.

Отметим также, что земские статистические учреждения Поволжья внесли огромный вклад в создание уникальных источников по аграрной истории региона, а их методологические принципы проведения подворных переписей крестьянских хозяйств, материалов оценки земель, участие в проведении Всероссийских переписей 1916 и 1917 гг. были высоко оценены в научной исторической и экономической литературе.

Обращение к исследуемой теме позволяет оценить научную значимость земско-статистической службы, ее успехи в проведении исследований, а также показать сложности изучения

экономики региона, рассмотреть эти проблемы на уровне земских статистических организаций, сквозь призму профессиональной деятельности руководителей земской статистики и социальных практик земских служащих. В монографии впервые в российской историографии представлен комплексный анализ становления и развития земской статистики на уровне губерний и в целом Поволжья. Автор рассматривает изучаемую проблему по нескольким линиям: 1) процесса эволюции аграрного строя в условиях реализации реформ, войн и революций; 2) роли земств в формировании аграрной инфраструктуры и их участия в экономической жизни региона; 3) взаимоотношений земских статистических организаций с коронной администрацией. К числу достижений следует отнести изучение повседневной жизни земских статистиков, освоении ими новых социальных практик и коммуникаций при разработке и проведении статистических исследований. В совокупности указанные выше проблемы способствуют более глубокому изучению места и роли земской статистики в исследовании многих проблем аграрной истории второй половины XIX – начала XX в.

В исследовании представлен анализ историографии проблемы, правомерно выделены три периода в ее становлении и развитии. Оценивая исследования дореволюционного периода, С. В. Лёвин правомерно отмечает, что первыми историками были сами земские статистики, которые акцентировали внимание на разработке программ исследования, методологии и способах реализации проведения исследовательских работ. Вместе с тем отметим, что в это время появились первые работы, в которых давалась оценка концептуальных воззрений земских статистиков. Речь идет о работах В. И. Ленина, А. В. Чайнова, С. Н. Прокоповича. Следует позитивно оценить вывод о том, что в 20-е гг. XX в. методология земских статистиков оказалась востребована нарождающейся советской статистической службой, в руководство которой входили земские статистики, в том числе руководитель пензенских статистиков В. Г. Громан. Позитивная оценка исследований земских статистиков содержится в трудах советских историков–аграрников, и прежде всего одного из лидеров советской исторической школы С. М. Дубровского.

Но затем интерес к изучению земской статистики стал угасать и возобновление этой проблематики произошло с конца 50-х гг. XX в., что было вызвано дискуссиями о характере аграрного строя Российской империи и многоукладностью экономики России конца XIX – начала XX в. Отмечены новые подходы в изучении проблемы, которые стали явственно проявляться со второй половины XX в. В контекст историографического обзора включена зарубежная историография. Реконструируя процесс создания и развития земской статистики автор выявил и изучил комплекс разнообразных источников. В центре внимания

оказались законодательные акты, которые регламентировали деятельность земских учреждений России. К ним примыкают циркуляры Министерства внутренних дел и Департамента полиции. Большая информативная емкость содержится в делопроизводственной документации и вышедшей из органов коронной администрации и губернских земств. С. В. Лёвин изучил материалы 46 фондов центральных и областных архивов. Кроме того, для реконструкции становления и развития земской статистики привлекаются сведения из документальных публикаций, в которые включены нормативно-правовые акты и делопроизводственная документация. Земская статистическая повседневность воссоздана на основе воспоминаний, дневников, заметок и некрологов. Таким образом, привлеченный комплекс источников, значительная часть которого впервые введена в научный оборот, позволил автору успешно решить поставленные в исследовании задачи.

Как нам представляется, выбор методологического инструментария исследования вполне соответствует поставленным в нем целям и задачам. С. В. Лёвин использует традиционные методы как общенаучные, так и конкретно исторические. Изучение становления и развития земской статистики ведется на междисциплинарном уровне. В связи с этим автор оперирует методами математической статистики, экономической истории, социологии, демографии, социальной истории. В соответствии с этим С. В. Лёвин отмечает, что совокупность методов обеспечивает комплексный подход к изучению проблемы. Такой подход обеспечивает возможность получения новых знаний о роли и месте земской статистики в процессе изучения всей совокупности изменений в аграрном строе региона.

В монографии прослежен процесс создания губернских статистических комитетов в Поволжье. Отмечается, что попытка организовать статистическую службу в России была предпринята в 1802 г. В 1811 г. было создано статистическое отделение, а в 1834 г. были приняты «Высочайшие утвержденные правила для статистического отделения при Совете Министров внутренних дел и статистических комитетов в губерниях», которые определяли их функции и компетенции. Определена хронология создания комитетов, дан анализ их структуры и состава, отмечается, что правительство выделяло на их деятельность мизерные бюджеты. Штат губернского комитета состоял из одного секретаря, а почетные и действительные члены годами не посещали комитетских собраний. В книге анализируется деятельность губернских комитетов, показана крайне низкая эффективность их работы, что было обусловлено отсутствием научно разработанных программ.

Доказана значимость и большая достоверность (по сравнению с трудами статистических комитетов) статистических описаний губерний, составленными офицерами Генерального штаба.

Высокая оценка дана статистическим исследованиям А. Ф. Леопольдова, городского головы Самары П. В. Алабина, секретаря статистического комитета Н. Н. Вячеслова. С. В. Лёвин подчеркивает, что все статистические исследования частных лиц, ведомственных учреждений носили комплексный историко-статистический, географический, этнографический характер. Следует согласиться и с другим выводом автора, который считает, что правительственная статистика представляла собой макроматериал о положении той или иной губернии, или России в целом. В условиях модернизации экономики страны необходимо было проводить статистические исследования на микроуровне – в границах губернии, уезда, волости, деревни и крестьянского двора, что было крайне важно для реализации практической деятельности земства. Именно эта потребность обусловила принятие земствами решений о создании органов земской статистики.

С. В. Лёвин доказывает тезис о том, что поводом для создания статистических учреждений при земствах Поволжья стал неурожай 1879–1880 гг., который обострил продовольственную проблему. Продовольственная безопасность и вопросы совершенствования земского налогообложения приобретали особую остроту. Кроме того, для органов местного самоуправления, как и для коронной администрации, актуальное значение имели вопросы учета и анализа новых тенденций в развитии аграрного сектора губерний. Поэтому следует согласиться с суждением о том, что организация земской статистической службы выступала в качестве стабилизирующего фактора, поскольку анализ экономической ситуации в деревне давал возможность земствам принимать меры по предоставлению помощи крестьянским хозяйствам в голодные годы. Установлено, что 1883 г. можно считать началом возникновения органов земской статистики, которые, выступая пионерами в этом процессе, взяли за основу проведения статистических исследований программу московского земства. Выявлена роль руководителя московской статистики В. И. Орлова в организации статистической службы в Самарской и Саратовской губерниях.

Подчеркивается, что земские статистики творчески подходили к использованию московской и черниговской программ статистических исследований. Отмечена роль председателей губернских земских управ Самарской и Саратовской губерний, которые при подборе руководителей статистических служб отдавали предпочтение профессиональным компетенциям претендентов, а также учитывали рекомендации видных статистов того времени В. И. Орлова и Н. Н. Романова.

Новые материалы приведены о кадровом составе земских статистических органов. Процесс создания статистических бюро был сопряжен с рядом трудностей, в том числе отсутствием местных кадров, поэтому среди земских служащих

преобладали бывшие участники народнического движения, что негативно воспринималось коронной администрацией, которая считала целесообразным проверку на благонадежность претендентов на земскую службу. Установлен социальный состав статистических органов, в которых были представлены дворяне, представители духовенства, мещане и крестьяне. Анализ возрастного и образовательного цензов позволил автору определить, что у большинства земских статистиков, как у руководителей, так и служащих был высокий общий образовательный и культурный уровень. Они обладали опытом профессиональной работы и необходимыми навыками практической деятельности. Для земских статистиков характерны такие черты как добросовестное отношение к земской службе, высокая степень оперативности, целеустремленности и настойчивости в достижении цели. Но с принятием оценочного закона 1893 г. возрос спрос на технических сотрудников, что привело к снижению образовательного и культурного уровня земских статистиков.

В монографии определен вклад земских статистиков Поволжья в разработку как методологии, так и практики проведения экономико-статистических и оценочных исследований. Так, С. В. Лёвин акцентирует внимание на том, что земские статистики, используя пообщинный метод проведения работ, заметили его серьезный недостаток, так как он не давал представления о социальной структуре общины и экономическом положении крестьянского двора. В этой связи при проведении исследований применялся подворный метод, о преимуществе которого писал пензенский статистик В. Г. Громан. Акцентируется внимание на проведении выборочных обследований крестьянских хозяйств, которые проводили Н. Ф. Анненский, Г. И. Баскин, В. Г. Громан. Причем Г. И. Баскин первый из земских статистиков использовал на практике предложенную А. И. Чупровым комбинацию двух группировок – целых крестьянских общин и отдельных дворов.

Детально анализируются методы проведения подворных переписей. Отмечается преимущество экспедиционного способа сбора сведений над корреспондентским. Большое внимание автор уделит анализу теоретических изысканий саратовского статистика С. А. Харизоменова. Доказано, что земские статистики успешно использовали комбинационные и групповые таблицы, что позволяло получать более полную картину эволюции крестьянских хозяйств.

С. В. Лёвиным раскрыты основные направления органов земской статистики. Выявлены факторы, влиявшие на сроки проведения подворных переписей: переписи не проводились в период осенне-весенней распутицы, в дни церковных праздников. В качестве факторов, влиявших на успешность проведения переписей, указаны: сложность и обширность программы исследова-

ния, размеры территории, нехватка кадров, отношение к переписи властей и местного населения.

Показаны трудности при проведении исследований. Прежде чем приступить к обследованию, земские статистики должны были получить разрешение на участие в переписях, что приводило к бюрократической волоките. Противодействие было и со стороны многонационального крестьянства. Татарское население, например, мотивировало свой отказ от участия в переписях слухами о том, что их будут насильно крестить.

При проведении переписей земские статистики включали обширный историко-этнографический материал и в связи с этим информативная емкость подворных переписей существенно возрастает, так как эти данные существенно расширяют представления об особенностях заселения и хозяйственного освоения регионов Российской империи.

Автор приводит различные оценки земско-статистической службы Поволжья со стороны экономистов, публицистов, общественных деятелей. Московский статистик В. И. Орлов дал высокую оценку трудам саратовских статистиков. Позитивно оценивали труды саратовцев и самарцев В. И. Григорьев, В. П. Воронцов, Н. А. Благовещенский, Н. П. Даниельсон. Критически воспринимал земско-статистические исследования В. И. Ленин, для которого была характерна крайняя политизированность. Соискатель отмечает значимость проделанной земскими статистиками работы, так как материалы переписей использовались земствами при распределении продовольственных ссуд в период голода 1891 г.

Одной из наиболее сильных и интересных сторон исследования следует считать анализ воззрений земских статистиков по проблемам эволюции сельской поземельной общины. В исследовании раскрыты причины живучести общины, что было обусловлено как коллективным сознанием русского крестьянства, так и природно-климатическими условиями, а главное образом жизни русского народа. Доказано, что самарские и саратовские земские статистики внесли наибольший вклад в изучение общин. Научную значимость сохраняет их вывод о живучести и гибкости общины как экономического и социокультурного института, объединявшего крестьянское сообщество. Вместе с тем они выявили характеристики вертикальной социальной мобильности крестьян как внутри общины, так и между поколениями крестьян.

С. В. Лёвиным воссоздан процесс проведения земскими статистиками оценочных работ, как в сельской местности, так и в городах. Установлено, что на работу по оценке земель существенное воздействие оказывала неэффективность губернских и уездных оценочных комиссий, созданных в соответствии с законом от 8 июня 1894 г. и, конечно, социальные революции и войны начала XX в. также отрицательно сказывались на итогах работ по оценке земель, которые были не завершены.

Доказано, что работа земских статистиков по оценке сельской и городской недвижимости оказалась эффективной и была выполнена в полном объеме, что позволило повысить ставки налогообложения и пополнить бюджет. С. В. Лёвин констатирует совпадение в данном вопросе интересов земств и правительства.

Значительный интерес представляют разделы об участии в организации и проведении Всероссийских сельскохозяйственных и поземельных переписей 1916 и 1917 гг., а также в проведении бюджетных исследований. Вполне правомерно подчеркивается научная значимость бюджетных исследований для историков-аграрников, изучающих структуру доходов крестьянских хозяйств. Приведены данные об участии в период Первой мировой войны руководителей земских статистических учреждений в экономическом бюро Союза городов и земств, Национальном кооперативном союзе и других общественных институтах России.

Не обойдено вниманием участие земских статистиков в общественной жизни Российской империи и, в частности, их социальные практики в губернских городах Поволжья. В центре внимания оказались взаимоотношения коронной администрации, земских гласных, членов земских управ к земской статистике и статистикам. Показана их общественная деятельность, политические взгляды. Новые подходы используются при изучении повседневной жизни земских статистиков. Воссоздана картина взаимоотношений земских статистиков как с коронной администрацией, которая относилась к ним к числу неблагонадежных. С. В. Лёвин приводит данные о том, что земские статистики избрали либерально-демократический путь политических и экономических реформ и они, исповедуя теорию «малых дел», сумели своим самоотверженным трудом, преодолевая притеснения властей, сопротивление со стороны земских деятелей создать эффективную земскую статистическую службу и провести комплекс монографических исследований, научная значимость которых сохраняется до настоящего времени.

Также основательно реконструируются общественно-политические взгляды и общественная деятельность статистиков. Показано сотрудничество земских статистиков с редакциями газет, на страницах которых публиковались результаты исследований. Они входили и в историко-краеведческие общества и в состав губернских ученых и архивных комиссий, а также в другие общественные объединения. Автор подчеркивает стремление земских статистиков участвовать в различных профессиональных съездах. Они пытались объ-

единить все интеллектуальные земские силы. Научную значимость имеет вывод С. В. Лёвина о том, что их активная деятельность охватывала многие научные, культурно-просветительные общества, организации, комиссии. В монографии доказано, что основная масса руководителей статистических бюро находилась либо на позициях народничества, либо либерализма.

Продуктивным является использование автором многофакторного подхода при анализе различных сторон повседневной жизни. К числу таких факторов он относит: дорогу, которая определяла как повседневную жизнь, так и специфику работы земских статистиков. Важное значение имел и такой фактор, как коммуникативность статистиков – умение налаживать свой быт и взаимоотношения с властью и коллегами по работе. Характерной чертой необходимо считать неустраиваемость быта статистиков. Их частые переезды обусловили скромную домашнюю обстановку, что, по мнению автора, было связано с народническим мировоззрением статистиков, их жертвенным служением народу.

И, конечно, нельзя не отметить сюжеты, в которых реконструируются отношения земских статистиков с городским обществом. Будучи образованными российскими интеллигентами, они внедряли в жизнь городов новые социальные практики, которые способствовали росту духовной жизни населения губернских центров.

Оценивая положительно вклад С. В. Лёвина в научную разработку истории земско-статистической службы Поволжья, заметим, что все содержание исследования и концептуальные представления автора определяют новый вектор изучения земско-статистических материалов. Известно, что в фондах государственных архивов Поволжья отложились такие массовые источники, как материалы подворных переписей крестьянских хозяйств, которые вполне можно обработать с помощью математических методов и ЭВМ, что позволит воссоздать региональную модификацию крестьянских хозяйств как в зоне торгового зернового земледелия – новой российской житнице, так и в лесных и лесостепных уездах Поволжья.

Следует продолжить изучение повседневной жизни земских статистиков и дополнить этот раздел биографиями земских статистиков – от руководителей до рядовых служащих.

П. С. Кабытов,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой российской истории
(Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С. П. Королева)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахиев Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: responsum@list.ru

Бонцевич Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры медиакоммуникации института прикладных информационных технологий и коммуникаций Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А. E-mail: bontsevitch@yahoo.com

Бутрин Егор Сергеевич, аспирант кафедры истории и права историко-филологического факультета Шуйского государственного педагогического университета, главный специалист отдела публикации и использования документов Государственного архива Ивановской области. E-mail: esutrin@yandex.ru

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: a.a.german@mail.ru

Годлевский Николай Петрович (иеромонах Алексей), магистр теологии, преподаватель Московской Сретенской духовной семинарии. E-mail: Nik.godlevsky@yandex.ru

Кабитов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского государственного университета. E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

Карташова Мария Вячеславовна, кандидат исторических наук, директор Муниципального бюджетного учреждения культуры «Балахнинский музейный историко-художественный комплекс». E-mail: kmiw@mail.ru

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Малов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: malovnm@mail.ru

Малышев Алексей Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: Ordinez@yandex.ru

Мелентьев Федор Ильич, аспирант кафедры истории России XIX – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: fim91@mail.ru

Мелихова Полина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: Melihovapolya@gmail.com

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: myakshhev@mail.ru

Поляков Сергей Аркадьевич, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: serzh.polyakov.91@inbox.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Савенко Елена Ильинична, соискатель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, специалист по связям с общественностью (пресс-служба Петрозаводского государственного университета). E-mail: rebus@onego.ru

Стасюкевич Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и философии финансово-экономического факультета Дальневосточного государственного аграрного университета, Благовещенск. E-mail: svetasms@inbox.ru

Тарабрин Сергей Юрьевич, аспирант кафедры Истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: tarabrin.serzh@yandex.ru

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Фирсов Евгений Федорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славян исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: olevfir@tmail.ru

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: shenins@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akhiev Sergey Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the Chair of Ancient History, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: responsum@list.ru. ORCID: 0000-0001-9875-2857

Bontsevich Natalya Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor at the Media communications Department of the Institute of Applied Information Technologies and Communications of Y. Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: bontsevitch@yahoo.com. ORCID: 0000-0002-9209-2429

Butrin Yegor Sergeevich, Postgraduate Student of the Department of History and Law Faculty of History and Philology Shuisky State Pedagogical University, the Chief Specialist of the Department of the Publication and use of Documents of the State Archive of the Ivanovo Region. E-mail: esutrin@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-1536-8345

Firsov Evgenij Fedorovich, PhD in History, Associate Professor of Department of History of Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: olevfir@umail.ru. ORCID: 0000-0002-0785-8400

German Arkady Adol'fovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: a.a.german@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7571-7645

Godlevskiy Nikolay Petrovich (hieromonk Alexey), Master of Divinity, Lecturer of Moscow Sretensky Theological Seminary. E-mail: Nik.godlevsky@yandex.ru

Kabytov Petr Serafimovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of Russian History Chair, Samara State University. E-mail: donkabytov2012@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2359-2155

Kartashova Maria Vyacheslavovna, PhD in History, Director, Balakhna Museum of History and Art Complex. E-mail: kmiw@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8878-9808

Kiyasov Sergey Evgenievich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7474-8105

Malishev Alexey Borisovich, PhD in History, Associate Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Ordynetz@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-1077-0239

Malov Nikolay Mihailovich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: malovnm@mail.ru. ORCID: 0000-0002-0397-923X

Melentev Fedor Ilich, Postgraduate Student in the Department of Russian History XIX – Early XX Century at the Faculty of History at the Lomonosov Moscow State University. E-mail: firm91@mail.ru. ORCID: 0000-0002-0760-6879

Melihova Polina Vladimirovna, Postgraduate Student of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Melihovapolya@gmail.com. ORCID: 0000-0003-2192-3798

Mnogoletnaya Elena Nikolayevna, PhD in History, Associate Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Elenamnogoletnjaja@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-2079-6080

Myakshov Anatoliy Pavlovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: myakshov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2997-2618

Polyakov Sergei Arkadjevich, Postgraduate Student of the Chair of World History in the Institute of History and International Relations, of Saratov State University. E-mail: serzh.polyakov.91@inbox.ru. ORCID: 0000-0002-7289-3990

Rabinovich Yakov Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6204-125X

Savenko Elena Ilyinichna, Postgraduate student of the Department of World History, Political Science and International Relations of the Institute of History, Political and Social Sciences of Petrozavodsk State University, PR manager (Press Service of Petrozavodsk State University). E-mail: rebus@onego.ru. ORCID: 0000-0002-0622-4289

Shenin Sergey Yuryevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: shenins@yahoo.com. ORCID: 0000-0002-4503-5923

Stasyukevich Svetlana Mikhajlovna, PhD in History, Professor of History and Philosophy Chair, Financial and Economic Department of the Far Eastern State Agrarian University, Blagoveshensk. E-mail: svetasms@inbox.ru. ORCID: 0000-0003-2407-0292

Tarabrin Sergei Yuryevich, Postgraduate Student of Russian History and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: tarabrin.serzh@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-4543-3761

Totfalushin Viktor Petrovich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru. ORCID: 0000-0002-9598-0691

Tsyplin Vitaly Gennadievich, PhD in History, Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-1216-7900